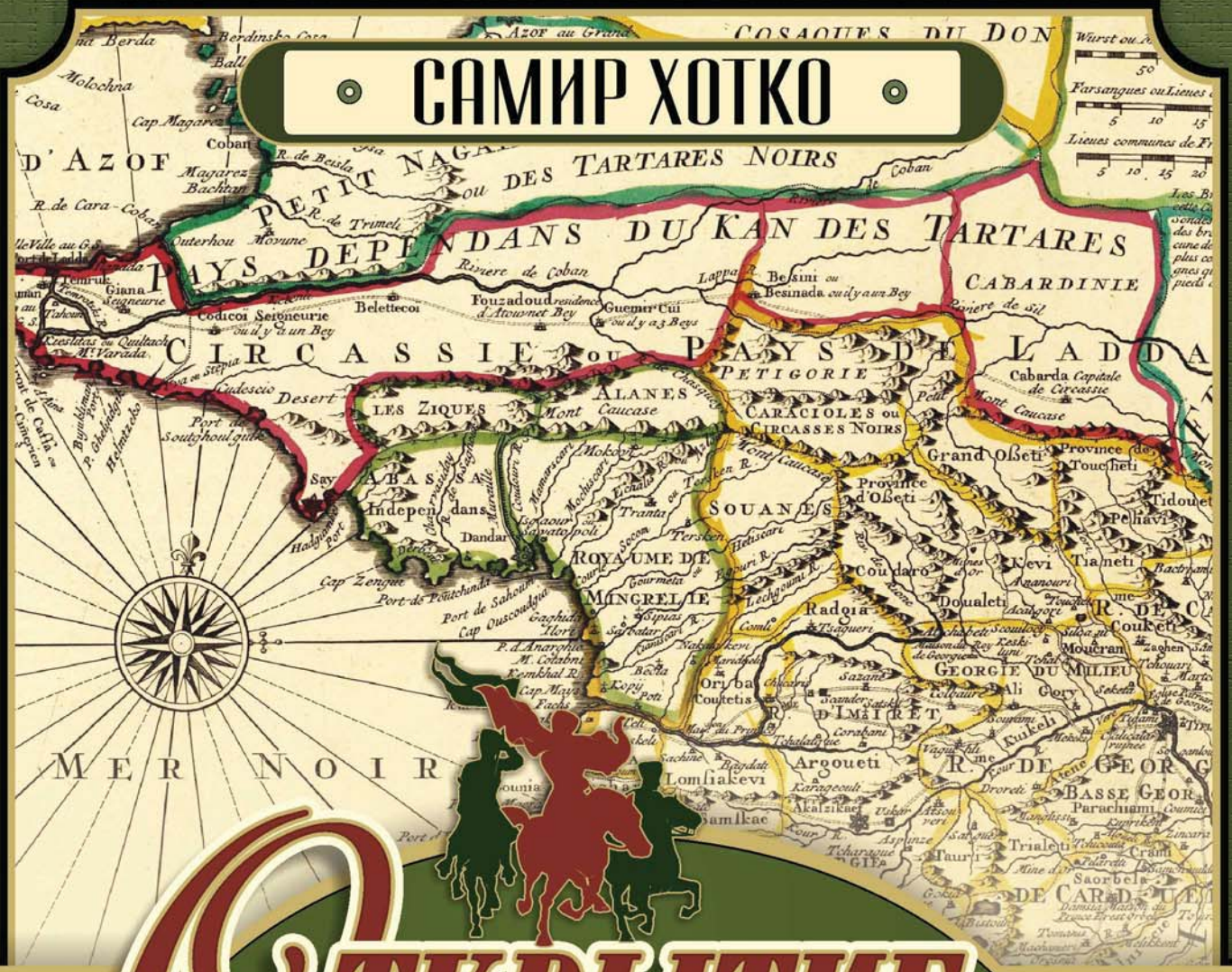

САМІР ХОТКО

СТЯРЬІТІЕ ЧЕРКЕСІИ

Самир Хотко

ОТКРЫТИЕ ЧЕРКЕССИИ

Картографические источники XIV – XIX вв.

THE DISCOVERY OF CIRCASSIA

ОАО «Полиграф-ЮГ»
Майкоп – 2015

УДК 94(470.621) „13/18” (084.3)
ББК 63.3(235/7)
X 85

Первый форзац:

Шарден, Ж. Понт Эвксинский с областями, прилегающими к нему с севера и востока, 1672 г.

Второй форзац:

Грассл, Дж. Карта Кавказского перешейка, 1856 г.

Хотко Самир Хамидович

X 85 Открытие Черкесии. Картографические источники XIV – XIX вв. – Майкоп: – ОАО «Полиграф-ЮГ», 2015. – 292 с.
ISBN 978-5-7992-0829-5

Книга «Открытие Черкесии» известного историка Самира Хотко представляет собой исследование значительного корпуса картографических памятников XIV – первой половины XIX вв., отображающих черкесское пространство Северо-Западного Кавказа. На основе картографических источников автор исследует проблему территориального роста и военно-политического усиления Черкесии в ордынскую эпоху, характер и масштабы генуэзского присутствия в адыгской стране. В исследовании рассматриваются вопросы политической и этнической истории черкесов на протяжении османской эпохи, изменение границ Черкесии, взаимоотношения с ведущими державами, историческая география и демография отдельных земель и княжеств, топо- и этнонимика.

УДК 94(470.621) „13/18” (084.3)
ББК 63.3(235/7)

ISBN 978-5-7992-0829-5

СОДЕРЖАНИЕ

Чемсо Г.К. Вступительная статья	4
Хотко С.Х. Черкесия как эпоха адыгской истории.....	6
РАЗДЕЛ I. «Страна зихов, именуемых черкесами».....	9
Глава 1. Картографическое отображение процесса территориального роста Черкесии XIV – XV вв.	10
РАЗДЕЛ II. Черкесское пространство на европейских географических картах XVI – XVIII вв.....	37
Глава 2. Черкесия в XVI – XVII вв.: у порога трансконтинентальной империи.	40
Глава 3. XVIII век.....	63
РАЗДЕЛ III. Последний век Черкесии.....	81
Источники и исследования.....	82
Глава 4. Развитие системы представлений об этническом и политическом состоянии Черкесии на протяжении 20 – 30-х гг. XIX в.	89
Глава 5. Черкесский лимес.....	97
Глава 6. Земли Черкесии. Населенные пункты и топонимика.....	114
<i>Натхокуадж</i>	114
<i>Большой Шапсуг</i>	133
<i>Абагзехия</i>	144
<i>Бжедугия</i>	161
<i>Хатукай</i>	168
<i>Майкоп. История основания и объяснение топонима</i>	172
<i>Темиргой</i>	178
<i>Бесленей</i>	183
<i>Абазинские аулы</i>	186
<i>Кабардинские аулы в Западной Черкесии.</i>	192
ПРИЛОЖЕНИЕ. КАРТЫ.....	213

Уважаемый читатель!

Книга «Открытие Черкесии», которую фонд «Наследие» представляет Вашему вниманию, является итогом напряженной многолетней работы историка Самира Хотко, автора целого ряда интересных исследований по истории черкесского народа. Книга получила наименование «Открытие Черкесии», поскольку она действительно призвана заново открыть для нас страну, прекратившую свое существование в 1864 году.

Не отрицая огромного значения культурного возрождения адыгов в советское время, мы должны признать, что исследовательское внимание к адыгской проблематике носило крайне избирательный характер. Черкесия стала во многом забытой страной для большинства исследователей на протяжении большей части XX столетия. Потомки черкесов получили четыре названия – адыгейцы, кабардинцы, черкесы, шапсуги, а территории их расселения были включены в шесть различных субъектов. Соответственно, труды по истории посвящались отдельно Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии. В свет вышло немало действительно основательных трудов по истории Кавказа, на страницах которых мы не обнаруживаем ни одного упоминания о существовании страны черкесов – Черкесии, цельного в этническом и социокультурном отношении региона. Крайне обедненной и практически лишенной красок оказывалась история черкесов в изложении, в первую очередь, самих историков-черкесов.

Постсоветский период стал временем черкесского ренессанса – в свет вышли ценные труды по истории и культуре нашего народа. Разрозненные черкесские анклавывпервые за очень длительный период получили полноценную возможность общения и культурного взаимодействия. Мы можем сказать, что черкесы осознали себя единым народом, вспомнили себя и ту страну, из которой они все родом. Реанимация черкесского самосознания напомнила и миру о существовании черкесского народа, черкесского историко-культурного наследия. «Кавказская Атлантида» – так назвал Черкесию видный российский писатель, историк и философ Яков Гордин. Это

образное определение отражает факт быстрого забвения целой страны, население которой на протяжении веков созидало самобытную цивилизацию.

Здесь надо сказать слова огромной благодарности тем немногим российским интеллектуалам, которые внесли неоценимый вклад в дело сохранения исторической памяти о Черкесии. Это такие имена как Николай Иванович Клинген (1851 – 1922), Леонид Иванович Лавров (1909 – 1982), Евгений Сергеевич Зевакин (1901 - ?), Николай Феофанович Яковлев (1892 – 1974), Георгий Александрович Кокиев (1896 – 1955), Никита Владимирович Анфимов (1909 – 1998), Александр Вильямович Гадло (1937 – 2002), Валентин Константинович (Батраз Амурханович) Гарданов (1908 – 1989) и др.

Среди тех исследователей, которые трудились на протяжении последней трети XIX в., а это был очень важный период для научной фиксации и описания еще зримых остатков исчезающей культуры, обязательно надо упомянуть выдающегося кубанского историка Евгения Дмитриевича Фелицына (1848 – 1903). Напомним нашему читателю, что Е.Д. Фелицын, чье имя носит краевой музей, и чье интеллектуальное наследие является ныне гордостью Адыгеи и Краснодарского края, многие годы посвятил составлению карты Черкесии. Мы знаем о том, что карта Черкесии была завершена, но не издана.

«Карта Черкесии – отмечали в 1902 г. авторы отчета деятельности Кавказского отдела Русского Географического общества, – плод десятилетних трудов Е.Д. Фелицына, известного знатока Северного Кавказа. На этой карте показаны границы владений всех племен горцев, обитавших в Закубанском крае и на восточном побережье Черного моря до выселения их в Турцию в 1862 – 1864 годах; обозначены ныне не существующие аулы горцев в том виде, в каком они были расположены на территории Закубанского края в первой половине прошедшего столетия по 1864 год включительно, восстановлены искаженные на существующих картах названия рек, гор, урочищ, долин и т.п., согласно языку и произношению горских племен; показаны все устроенные русскими войсками в минувшем столетии и бесследно исчезнувшие с лица земли крепости, укрепления, редуты и посты; нанесены также наиболее замечательные памятники древности и курганы. К карте предполагается приложить алфавитный список всех населенных мест, аулов крепостей, укреплений, постов, гор, рек, урочищ и т.п. с обозначением их местонахождения и, всюду, где возможно будет, с переводом на русский язык местных черкесских названий. Карту постановлено издавать по частям в течение нескольких лет». (Известия Кавказского отдела Императорского русского Географического общества. Т. XV. № 3. Тифлис, 1902. С. 143 – 144).

«Открытие Черкесии» в весьма существенной степени продвигает наше представление о том, каким было это пространство, но мы также отдаем себе отчет в том, что работа над составлением полного исторического, демографического, статистического описания Черкесии еще далека от своего завершения. Мы приглашаем как профессиональных историков, так и любителей истории родного края к сотрудничеству в этом направлении.

ГАЗИЙ ЧЕМСО,
исполнительный директор фонда «Наследие»

Черкесия как эпоха адыгской истории

Адыгский этнос начал формироваться в глубочайшей древности. Согласно антропологическим представлениям, выработанным в 50–80-е годы XX в., адыги относятся к понтийскому типу средиземноморско-балканской расы. Считается, что адыги и есть основные носители этого типа. Более того, в научной литературе используется такое понятие как адыгский антропологический тип. Это достаточно редкий случай, когда по названию современного этноса дается определение антропологического типа.

В последние десятилетия, в связи с развитием ДНК-генеалогии, ученые подтверждают наличие единой адыгской популяции, ее тесное родство с абхазами, рядом древних этносов Средиземноморья и Кавказа. Так, один из крупнейших специалистов-генетиков Луиджи Кавалли-Сфорца отмечает: «Баски демонстрируют некоторое генетическое сходство с Сардинией и Западной Азией, особенно с регионом Кавказа... Всестороннее исследование позволяет с уверенностью предполагать, что баски являются реликтом палеолитического населения... Схождения между басками и некоторыми другими популяциями, в особенности с Кавказом, могут быть реликтами преднеолитической эпохи... Кавказ, Баскский регион, другие горы в Европе – включая Сардинию и Лигурию – и другие не столь явные и более эндогамные части Европы и Западной Азии могут еще сохранять некоторые генетические следы верхнепалеолитических кавказоидов. Эти регионы-убежища должны получить больший приоритет для будущих исследований... Баски – единственный европейский народ, который может претендовать на привилегированный статус протоевропейцев». (Cavalli-Sforza L.L., Menozzi P., Piazza A. *The History and Geography of Human Genes*. Princeton University Press, 1996. P. 276, 280, 295, 301).

Как видим, современная генетика подтверждает наблюдения ведущих антропологов XX века. Но, что весьма важно, не только антропологов, но и лингвистов.

В 1925 г. выдающийся итальянский лингвист Альфред Тромбетти в книге «Происхождение баскского языка» (*Le origini della lingua basca*. Bologna), пришел к выводу, что «баскский язык более родственен кавказскому, чем какой бы то ни было иной языковой группе». Подчеркивая эту генетическую связь с кавказскими языками, исследователь подчеркивает особенную близость с абхазско-черкесскими языками.

Какой вывод следует из факта очевидной преемственности адыгов в отношении древнейшего населения Северо-Западного Кавказа? Простой, недвусмысленный и давно высказанный многими исследователями: адыги являются аборигенным этносом С.-З. Кавказа. Соответственно, адыгский этнос является преемником всех культурно-исторических циклов на территории С.-З. Кавказа, начиная с эпохи Майкопской культуры.

С.-З. Кавказ являлся прочной природной базой развития адыгского этноса, его «месторазвитием», пользуясь определением Павла Милюкова. Пользуясь выражением Фернана Броделя, данный регион можно назвать «островом на суше», необычайно благодатным для проживания человека.

В IV тыс. до н. э. племена Майкопской археологической культуры занимали все пространство исторической Черкесии, вплоть до северных районов Дагестана, занятого племенами куро-араксской культуры, предками нахско-дагестанских этносов.

Единый меотский этнос сформировался на территории С.-З. Кавказа в раннем железном веке (VIII – VII века до н. э.). На генезис этого этноса исключительно благотворно повлияли все те природно-ландшафтные условия, которые тремя тысячелетиями до того позволили появиться феномену Майкопа. Важно заметить, что территория Закубанья стала тем природным сосудом-формой, в котором сохранялся древний кавказский субстрат, растворявший в себе элементы анатолийско-балканского (греческого) и степного (иранского) происхождения. Состоявшийся этнос обладал чертами преемственности в отношении более древнего автохтонного населения, а сила этого этноса была такова, что он стал осваивать большие порубежные пространства.

Итак, протяженные эпохи в истории С.-З. Кавказа связаны друг с другом процессом адыгского этногенеза: черкесы являются прямыми потомками зихов, а зихи стали большим этносом на меотском фундаменте.

Из сложной и бурной эпохи Великого переселения народов древние адыги вышли со значительными демографическими и территориальными потерями. С этим периодом совпал период усиления причерноморской общности зихов, возглавивших все автохтонное население Северо-Западного Кавказа. На протяжении VI – VII вв. сформировалась единая зихская этнокультурная общность, дальнейшее развитие которой характеризуется непрерывностью вплоть до эпохи позднего средневековья, когда в источниках утверждается этническое наименование черкес и название страны – Черкесия.

Зихская эпоха в истории С.-З. Кавказа может быть названа также и эпохой средних веков. Верхняя хронологическая граница зихского или средневекового периода – XV в. Зихское средневековье – тысячелетняя эпоха христианства. Архиепископия Зихии была автокефалией вселенской церкви.

Рубежная дата в развитии Зихии – 1237 г. В этом году монголы, предводительствуемые ханом Бату, приступили к планомерному завоеванию Дешт-и-Кипчака и русских княжеств. Часть своих войск Бату выделил для похода в Черкесию. Рашид ад-Дин сообщает, что осенью 1237 г. монгольские царевичи «Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и убили государя тамошнего по имени Тукар». В 1237 г., до монгольского вторжения, монахи-доминиканцы Юлиан и Рихард посетили Матрику, где пробыли почти два месяца и пользовались со своими спутниками гостеприимством зихского царя (гех) и его супруги, которая «отнеслась к ним с удивительной лаской и заботилась обо всем, для них необходимом». Вполне вероятно, что царь, который оказал хороший прием венграм, был тем самым черкесским царем Тукаром, который чуть позже погиб в борьбе с монголами.

Здесь следует обратить внимание на несколько аспектов: 1) зихи сразу получают имя черкесов при первом их контакте с монголами; 2) венгерские путешественники, как и Рашид ад-Дин, говорят о царском статусе правителя Зихии (Черкесии), что, скорее всего, является свидетельством высокой степени централизации власти или, по меньшей мере, о существовании института старшего князя, властное верховенство которого признавалось другими князьями; 3) резиденция зихского (черкесского) царя находится в Матрике, которая являлась не только административным, но и церковным центром страны адыгов.

Представляется важным отметить, что зихи (черкесы) продолжали оказывать сопротивление монголам после 1237 г. При наиболее могущественном хане улуса Джучи (Золотой Орды) Узбеке, в период между 1327 и 1332 гг., имел место военный конфликт с черкесами. Таким образом, с 1237 г. и по, примерно, 1330 г. в истории Черкесии наблюдается период, который можно охарактеризовать как время наибольшего военного давления со стороны Орды. В 1346 – 1353 гг. произошла пандемия чумы, нанеся сильнейший урон кочевому населению Орды. Хозяйственный упадок спровоцировал длительный внутривосточный кризис, известный в русских летописях под характерным названием «великая замятня». Поражение ордынцев в 1380 г. от московского войска и разорительное вторжение Тамерлана окончательно подорвали могущество Орды.

Можем ли мы сказать, что усиление Зихии (Черкесии) началось в 1237 г. с поражения от монголов? Как это ни парадоксально, скорее да, чем нет. Кочевая империя бросила вызов местному сообществу, которое, прямо в соответствии с концепцией Арнольда Тойнби о вызове и ответе (challenge and response), стало усиливаться, консолидироваться и, надо полагать, увеличиваться численно.

Закономерным, после более чем векового территориального роста черкесского пространства, можно считать появление в 1404 г. первого развернутого описания культуры и быта средневековой Черкесии, которое было создано архиепископом Султании Иоанном де Галонифонтибусом. Галонифонтибус подчеркивает, что пределы Черкесии вплотную приблизились к устью Дона. Через сто лет после Галонифонтибуса Джорджио Интериано также помещал Черкесию на пространстве между устьем Дона и Абхазией.

Последняя тюркская кочевая империя Большая Орда (Тахт Эли, т.е. Тронное или Престольное владение) рухнула под дружными ударами крымцев, ногаев и черкесов в 1498 – 1502 гг. Геополитическое и территориальное наследие Орды на Северном Кавказе досталось в основном Черкесии, ставшей с этого времени самым сильным военно-политическим образованием Северного Кавказа.

XV в. – последний век в истории Византии, тысячелетнего соседа страны адыгов. После 1453 г. Османская империя начинает быстро аннексировать большую часть пространства, которое занимала в свои лучшие времена Византийская империя.

В рамках предложенной хронологии уместается полностью период генуэзско-черкесского взаимодействия, начавшийся в 1266 г. с основания в Восточном Крыме первого генуэзского поселения – Каффы. Черкесия стала основным торгово-экономическим партнером Каффы и вдоль азовско-черноморского побережья Черкесии было основано порядка 40 поселений генуэзцев. В 1475 г. османский флот захватывает Каффу, которая на три столетия становится опорным пунктом империи в регионе Крыма и Черкесии, и административным центром кафинского санджака.

Весь этот период, с 1240-х годов и до 1517 г., Черкесия являлась одним из наиболее важных источников для пополнения мамлюкской армии Египта. В 1382 г. султаном становится черкесский эмир Баркук, заложивший основы так называемого черкесского государства (даулат ал-джаракиса) в Египте и Сирии, просуществовавшего до 1517 г. (Garcin J.-C. *The Regime of the Circassian Mamluks // The Cambridge History of Egypt, Volume 1. Edited by M.W. Daly, Carl F. Petry. Cambridge University Press, 1998. P. 290*).

В битве на Дабикском поле 24 августа 1516 г. кавалерия мамлюков была сметена огнем османских пушек и аркебузов. Как и европейское рыцарство, черкесы не узрели очевидный факт, что на дворе уже настала новая эпоха – эпоха огнестрельного оружия. Таким образом, мы уже на черкесском опыте отмечаем еще один важнейший критерий для периодизации – переход к огнестрельному оружию. Первое знакомство черкесов с огнестрельным оружием могло произойти благодаря очень раннему вооружению венецианского гарнизона в Тане зажигаемых фитилем ружьями и бомбардами в начале XV в. (Ковалевский М.М. К ранней истории Азова. Венецианская и генуэзская колонии в Тане в XIV веке // Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902 г. Под редакцией графини Уваровой. Т. II. М., 1905. С. 162).

Один из ведущих специалистов по археологическим памятникам адыгов эпохи средневековья И.А. Дружинина подчеркивает, что на рубеже XIII и XIV вв. в ареале расселения адыгов произошел отказ от кремирования покойников. При этом наблюдается преемственность в сохранении внешней формы как самих могильников, так и погребальных сооружений. Переживанием многовековой традиции кремации можно считать сооружение так называемой «угольной подушки». (Дружинина И.А. К вопросу о хронологии погребальных памятников средневековых адыгов // Четвертая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 79 – 80).

Таким образом, хронологические рамки позднесредневекового периода в истории Черкесии представляется обоснованным ограничить второй третью XIII в. – первой четвертью XVI в. Данный период определяется как внешними цивилизационными критериями, так и внутренним содержанием процесса роста и формирования черкесского историко-культурного пространства на Кавказе.

Период XVI в. – 1864 г. – новое время в истории Черкесии. Внешнеполитический критерий для выделения нового времени в истории Черкесии основан на торжестве двух империй – Российской и Османской. Рост могущества Москвы запаздывает за османским возвышением, в целом на столетие, но северная империя к началу XVIII в. ликвидирует свое отставание, что выражается в активной черноморской политике уже Санкт-Петербурга.

«СТРАНА ЗИХОВ, ИМЕНУЕМЫХ ЧЕРКЕСАМИ»

«Зихи — называемые так на языках: простонародном (volgare, итальянском), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы, сами себя называют — «адига». Они живут [на пространстве] от реки Таны до Азии по всему тому морскому побережью, которое лежит по направлению к Босфору Киммерийскому, ныне называемому Восперо, проливом Святого Иоанна и проливом Забакского моря, иначе — моря Таны, в древности [называвшегося] Меотийским болотом, и далее за проливом по берегу моря вплоть до мыса Бусси и реки Фазиса и здесь граничат с Абхазией, то есть частью Колхиды».

Джорджио Интериано. Быт и страна зихов, именуемых черкесами, 1502 год.

ГЛАВА 1

Картографическое отображение процесса территориального роста Черкесии XIV – XV вв.

Одним из наиболее важных видов источников, формирующих наше представление о Черкесии XIV – XVI вв. являются географические карты. Практически все существующие памятники такого рода созданы европейскими картографами. Как раз в эту историческую эпоху европейская географическая картография и географическое знание как таковое проделало путь от первых портоланов до масштабных и весьма точных географических карт значительных пространств.

Бассейн Черного моря был изучен достаточно основательно в последней трети XIII века благодаря тому, что этот регион стал интенсивно осваиваться итальянскими государствами. В 1266 г., с разрешения монгольского хана, генуэзцы основали в Восточном Крыму свое первое торговое поселение, которое управлялось непосредственно из метрополии. Колония Каффа (Caffa) размещалась в том месте, где в античное время располагалась Феодосия.

Одним из главных торгово-экономических партнеров Каффы с самого начала стала Черкесия (Зихия). Это обстоятельство предопределило относительно высокий уровень изучения страны черкесов не только генуэзцами, но и другими интеллектуалами и картографами из Италии.

Как отмечает И. К. Фоменко, «название «portolan chart» достаточно современное изобретение и восходит к девяностым годам XIX в. Термин «портолан» был введен в научный оборот, чтобы не смешивать понятие карты и письменных навигационных руководств. В настоящее время название «морская карта — портолан» прочно утвердилось в научной литературе». Важно также понимать, что данный термин употребляется для обозначения «особого, характерного типа навигационной карты XIV – XV вв.» с тем, чтобы отделить ее от «картографической продукции, которая стала использоваться в XVI в., когда на картах уже появились параллели широт». (Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М.: «Индрик», 2011. С. 35).

«Основа навигационных карт — отмечает И. К. Фоменко, — береговая линия Средиземного и Черного (Азовского) морей, общая конфигурация которых изображена с поразительной точностью и с характерной стилизацией детализирующих обозначений». (Фоменко И. К. Образ мира... С. 39).

Синонимичность этнонимов зихи и черкесы и, соответственно, названий страны – Зихия и Черкесия

Прежде чем начать рассмотрение тех сведений, которые предоставляют в наше распоряжение портоланы и географические карты XIV – XVI вв. нам необходимо кратко остановиться на прояснении вопроса об этническом и культурном содержании основных этнонимов

Северо-Западного Кавказа средневековой эпохи. Это тем более необходимо на фоне непрекращающихся попыток группы авторов размыть определенное содержание таких этнонимов как зихи и касоги, представить их вне конкретной связи с процессом адыгского этногенеза.

Адыгское население Северо-Западного Кавказа было известно в западных (византийских и италийских) источниках как зихи, а страна, занимаемая ими как Зихия. В восточных (арабо-персидских, хазарских и русских) источниках как кашаки (касоги). Тот факт, что русские летописцы не знали термина зихи, но пользовались исключительно термином касоги, вполне объясним тем, что русские летописцы изначально пребывали под влиянием хазарской этнонимической номенклатуры терминов. Точно также, в русских источниках неизвестны аланы, но известны только ясы, поскольку этот этноним являлся восточным аналогом западного термина алан.

Отдельные интеллектуалы, такие, например, как Константин Порфирогенет, знавшие не только западную традицию, но и пользовавшиеся восточными источниками, внедрили оба термина. Отсюда парадоксальная картина пространства Северо-Западного Кавказа, на территории которого Константин помещает не только Зихию, но и Касахию.

Реконструкция, предпринятая известным европейским картографом (Лилем или Делилем) в соавторстве со знатоком византийской истории монахом-бенедиктинцем Бандури, отображает примерно ту картину устройства Византийской империи и мира вокруг нее, которую составил Порфирогенет (см. карту 1 в приложении).

Император и ученый Константин VII Порфирогенет (Порфирородный, Багрянородный, годы правления: 913 – 959, фактическое правление началось с 945 г.) в своем трактате «Об управлении империей» (около 950 г.) писал: «Из Меотидского озера выходит пролив по названию Вурлик и течет к морю Понт; на проливе стоит Боспор, а против Боспора находится так называемая крепость Таматарха. Ширина этой переправы через пролив 18 миль. На середине этих 18 миль имеется крупный низменный островок по имени Атех. За Таматархой, в 18 или 20 милях, есть река по названию Укрух, разделяющая Зихию и Таматарху, а от Укруха до реки Никопсис, на которой находится крепость, одноименная реке, простирается страна Зихия. Ее протяженность 300 миль. Выше Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии – страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы, а выше этих гор – страна Алания. Вдоль побережья Зихии [в море] имеются островки, один крупный островок и три [малых], ближе их к берегу есть и другие, используемые зихами под пастбища и застроенные ими, – это Турганирх, Царваганин и другой островок. В бухте Спатала находится еще один островок, а в Птелеях – другой, на котором во время набегов аланов зихи находят убежище. Побережье от пределов Зихии, то есть от реки Никопсиса, составляет страну Авастию – вплоть до крепости Сотириуполя. Она простирается на 300 миль». (Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1991. С. 175, 177).

Если исходить из того, что 1 миля равна 1481,5 м, то протяженность Зихии, находящейся, по Константину, между реками Укрух и Никопсис, составляет 445 км. Если мы включаем в Зихию сочи-адлерский регион – Джикию грузинских источников – то получаем дистанцию побережья в 441 км, от черноморского устья Кубани (на современных картах Старая Кубань, впадающая в Кизилташский лиман несколькими рукавами) до устья Бзыби. 441 км является минимальным показателем, поскольку современная автомобильная дорога сокращает дистанцию пути, который ранее, в основном, пролегал по кромке берега. Поэтому мы смело можем округлить 441 км до искомым 445 км, которые, в свою очередь, равны 300 милям. Таким образом, сообщение Константина о том, что побережье Зихии имеет протяженность в 300 миль можно считать весьма точным.

Необходимо также отметить, что эта реконструкция, несмотря на формальное соответствие тексту, основана на изначально неверной точке зрения, предполагающей размещение зихских областей или областей внутри Зихии последовательно от черноморского побережья вглубь материка. На самом деле, текст Багрянородного, а также сопоставительный анализ его с другими данными (письменными и археологическими) диктует правильность последова-

тельного размещения Зихии, Папагии и Касахии с запада на восток, начиная от Таманского полуострова. Таким образом, Касахия должна быть локализована в восточном секторе Закубанья, а Алания — начиная с Верхней Кубани, тянулась вдоль Центрального Предкавказья до Дагестана. Авторы же реконструкции поместили Аланию в степях между Кубанью и Доном, то есть в привычно кочевническом ландшафте — там, где в их время обитали ногайцы.

Помимо сведений письменных источников, которые убеждают нас в том, что касогами именовали именно адыгов, и что этот термин являлся синонимом более старого и более распространенного термина зихи, существует еще и весьма значимый для понимания вопроса кавказский материал.

Так, в осетинском языке обозначением адыгов служит, наряду с привычным *черкес*, слово *касаг* (вар.: *касгон*), в котором нельзя не признать термин, тождественный письменным средневековым формам — касог, кашак, касах и пр. (Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.: «Наука», 1973. С. 20).

В сванском языке обозначением адыгов служит слово *кашаг*. Как отмечает Н. Г. Волкова, «под этим же именем (Кашаг) у тех же сванов известна территория Северокавказской равнины». (Там же).

В мегрельском языке, также наряду с *черкес*, есть, очевидно, более старое обозначение — кашак. В XVII в., согласно записям Арканджело Ламберти, мегрелы именовали старшего князя Большой Кабарды Алегую Шогенуко, кашак-мепе, то есть кашакский царь: «universal Principe de Circassi chiamato Chasciach Мере». (Lamberti, Archangelo. Relatione della Colchide, oggi detta Mengrellia. Napoli, 1654. С. 94). Для грузинского языка закономерным является влияние персидской (арабо-персидской) этно-географической номенклатуры.

А. В. Гадло, всегда стремившийся увидеть в касогах и зихах два самостоятельных адыгских племенных объединения, тем не менее, не мог пройти от наблюдения, согласно которому наименование касоги «в ряде источников X — XI вв. покрыло собою весь адыгский этнический массив Северо-Западного Кавказа». (Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV — X вв. Л.: Издат-во Ленинградского университета, 1979. С. 75).

Среди племен Кавказа, которые в середине X в. вели войну против Хазарии, неизвестный еврейский автор этого периода, так называемый «Кембриджский аноним», упоминает народ *Зибус*. Это написание, скорее всего, является ошибкой более позднего переписчика, что тем более вероятно, поскольку в иврите буквы *б* и *к* пишутся почти одинаково. Поэтому комментаторы этого источника предлагают прочтение *Зикус*. (Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932. С. 123; Гадло А. В. Этническая... С. 191; Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 438). Алемань приводит два вероятных перевода: «се (вот) те, кто воевал против нас» и «вот они те, кто воевал с нами (как союзники)».

В послании хазарского царя Иосифа (около 954 г.) сановнику-еврею Хасдаю ибн Шапругу, советнику испанского халифа, сообщается о данничестве аланов и касогов: «все аланы до границы Аф-кана [Абхаза], все живущие в стране *Каса* [касогои]». (Гадло А. В. Этническая... С. 189).

Таким образом, западный еврейский источник пользуется термином зихи, тогда как восточный еврейский источник — термином Каса. Гадло подчеркивает это обстоятельство: «Иосиф не знает термина близкого к имени зихов. Но он говорит о том, что «все живущие в стране Каса» платят ему дань. Можно думать, что «страна Каса», в представлении Иосифа, включала все племена адыгской общности, в том числе и зихов, как в понятие зихи (зибус) западные авторы включали всю касожскую часть адыгов. В этом отношении показательно, что русские источники, известия которых непосредственно восходили к информации, шедшей из Тмутороканя, соседнего зихам, не знают их имени. Они пользуются тем термином, который был известен хазарам и арабам — кашак-касогои». (Гадло А. В. Этническая... С. 194).

Как видим, А. В. Гадло практически целиком проговорил тот очевидный факт, что существовало два названия одного народа — адыгов. Это и есть ключ к пониманию этнической истории Северо-Западного Кавказа.

Логика наблюдения о тождестве этнонимов зихи = кашаки основана еще и на том фундаментальном факте, что в последующие века синонимом этнонима зихи был этноним черкесы.

В XIV – XV вв. этноним *зих* и название страны *Зихия* постепенно вытесняются этнонимом *черкес* и названием страны *Черкесия*. При этом данные термины используются как синонимичные понятия. Это явление отражало как сами этногеографические реалии, так и появление значительного числа источников, порожденных подвижной социально-политической и экономической средой, функционировавшей в двух мирах – западном и восточном. Почти всегда это европейцы, осваивающие тюрко-мусульманский мир.

Очевидно, что этноним черкес для определения зихов (адыгов) впервые появился и получил распространение в среде восточных народов. Если данный термин является тюркским или монгольским по происхождению, то его быстрое утверждение было обеспечено обширными границами монгольской империи, тем влиянием, которое исходило из ее канцелярий и историческо-географическими сочинениями арабо-мусульманских авторов Золотой Орды и государства Ильханов – монгольского государства в Иране.

Значительный интерес в этом плане представляют венецианские переводы и аутентичные экземпляры золотоордынских документов XIV в. Так, в ярлыке Джанибека венецианским купцам Азова-Таны от 1342 г. упоминается ордынский наместник этого города (и, вероятно, региона) Черкес-ходжа, имя которого в латинском переводе превратилось в Зиха-господина, и в Зихабей в итальянском переводе следующего ярлыка 1347 г. Затем, в 1349 г. в личном послании венецианского дона Андреа Даноло к этому ордынскому сановнику, составленном на латинском, он именуется *Sicabey domino Tana*, т.е. «Зихабей владыка Таны». (Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. Источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. С. 48 – 50, 102, 152 – 153). Это же лицо: «*egregius et potens vir Sichabey, dominus Tane*». (Скржинская Е. Ч. Между Газарией и Персией. История венецианской колонии в России // Каспийский транзит. Т. 2. М., 1996. С. 236).

М. М. Ковалевский приводит генуэзский источник, согласно которому татарско-черкесский квартал Таны назывался *Zichia*, то есть Зихия. (Ковалевский М. М. К ранней истории Азова // Труды двенадцатого археологического съезда в Харькове. 1902 г. Т. II. М., 1905. С. 137).

Здесь надо иметь в виду, что на рубеже XIV и XV вв. Черкесия расширила свои пределы на север до устья Дона и Галонифонтибус отмечает, что «город и порт Тана находится в этой же стране в Верхней Черкесии, на реке Дон, которая отделяет Европу от Азии». (Галонифонтибус И. де. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения «Книга познания мира». Пер. с англ. и коммент. З. М. Буниятова. Баку: «Элм», 1980. С. 14).

С 1379-го по 1386 г. золотоордынским наместником Крыма был еще один зихский князь, известный, как Зихий-Черкесий, Джаркас (*Jarkas*), Черкес-бек (*Cherkes-bek*) или Жанкасиус-Зих (*Jhancasius-Zich*), чья резиденция располагалась в Солгате (*Solhat*). (Мурзакевич Н. История генуэзских поселений в Крыму. С. 47 – 52; Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 135 – 136; *Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Massachusetts, 1936. P. 178*).

О черкесском-зихском происхождении мамлюкского султана Баркука (1382 – 1399) писал лично знавший его итальянский дипломат Бертрандо де Миньянелли: «В то время, когда он был мальчиком в его родной стране, что близ Руси, в области Зиха (*Zicha*) или Чиркассия (*Circassia*), она имеет оба названия, Баркук... был обманом похищен пиратами и продан торговцу невольниками». (*Ascensus Barcoch. A Latin Biography of the Mamluk Sultan Barquq of Egypt (d. 1399), written by B. de Mignanelly in 1416, ed. by W. Fischel // «Arabica». Т. 6. Leiden, 1959. P. 64*). Как видим, Миньянелли прямо указывает, что у Зихии два названия.

Как и Интериано в 1502 г., Галонифонтибус в 1404 г. пользуется этнонимами черкесы и зихи как синонимами: «Страна, называемая Зикией или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. Они не имеют царя и у них есть только несколько мелких феодалов, многие их села никогда никем не управлялись, и они имеют своих собственных глав. В стране нет городов, равнины там небольшие и горы, которые тянутся до самых

Каспийских гор, очень высоки. Здесь живет две группы народов: белые и черные черкесы (в оригинале *tarcasi* — Прим. С.Х.). Слово «черный» означает только название народа (фактически, части народа, группы населения. — Прим. С. Х.), но не говорит о цвете их кожи. Горцы именуются черными, а те, что живут в долинах и на побережье моря, — белыми таркасами». (Галонифонтибус И. де. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). Из сочинения «Книга познания мира». Баку: «Элм», 1980. С. 16 — 17).

По всей видимости, *tarcasi* Галонифонтибуса восходят к арабской форме *ġārḳās* (джаркас) и, например, у Лаоника Халкокондила (1423 — 1490) употребляется форма Τζαρκασος. (Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 392).

Еще одним, весьма важным, источником этно-географических представлений в этот период был мамлюкский Египет. У египетских и сирийских канцеляристов и интеллектуалов в XIV в. утверждается термин Джаркас или Джаракиса (ед. ч. Джаркаси). Есть также формы Чаркас или Чаракиса (ед. ч. Чаркаси); Шаркас или Шаракиса (ед. ч. Шаркаси) и менее часто — ал-Джихаркас. Черкесия широко известна как билад ал-Джаркас (билад — равнина) или просто Джаркас. Эпизодически Черкесия фигурирует как джабал ал-Джаркас (джабал — гора). (Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // Journal of the American Oriental Society. Vol. 69. Pt. 3. New Haven, 1949. P. 136).

На рубеже XV и XVI вв. знание о Черкесии в Европе серьезно обогащается благодаря выходу в свет в Венеции в 1502 г. детального и талантливо написанного труда Джорджио Интериано. (Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII — XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: «Эльбрус», 1974. С. 46 — 52. Далее ссылки на этот сборник источников в сокращенном виде — АБКИЕА). Полнота и степень достоверности очерка Интериано далеко превосходит все то, что было написано о Черкесии до него и также большинство описаний Черкесии XVI и XVII вв. Закономерно, что автор дал предельно четкое определение основных этнонимов, связанных с адыгами: «Зихи — называемые так на языках: простонародном (volgare, т. е. итальянском — Прим. В. К. Гарданова), греческом и латинском, татарами же и турками именуемые черкесы сами себя называют — адига». (Там же. С. 46). «Zichi, in lingua vulgare, greca e latina cosi chiamati e da' Tartari e Turchi dimandati Ciarcassi, in loro proprio linguaggio appellati Adiga». (<http://www.larici.it/culturadellest/storia/ramusio/interiano/02.htm>).

Интериано предельно ясно показал, что два основных этнонима — зихи и черкесы — используются соответственно западными и восточными народами для обозначения народа, который идентифицирует себя именем адыги.

Портолан Петра Весконте, 1318 г.

Первый из известных портоланов Черного моря, созданный одним из основателей генуэзской картографической школы Пьетро Весконте в 1311 — 1318 гг., не только правильно очерчивает контур кавказского побережья, но уже содержит целый ряд наименований приморских пунктов.

С портоланом Весконте можно ознакомиться в РГБ, где есть итальянское издание в виде небольшого альбома 1871 г. (Visconte, Pietro. Fac-simile del portolano di P. Visconte di Genova 1318. Venezia, 1871. Российская государственная библиотека. Отдел картографических изданий. Ку 53/VII-5). Альбом состоит из 7 снимков, без нумерации страниц или снимков. Черное море представлено 2-м снимком. Качество копий в альбоме плохое; может быть это дефект первоначального фотографического копирования либо дефект типографского воплощения. Тем не менее, все надписи можно прочесть. Это именно тот портолан 1318 г., который мы воспроизводим здесь в виде перерисовки XIX в. (см. карту 2).

На побережье Зихии Весконте отмечает 9 названий: *Matreca* (Матрика, Матрега, совр. Тамань), *Mara* (Мапа, Мапаро, Мапариум, совр. Анапа), *Trinissie* (Триниссия, совр. Цемес), *Maura Iaso* (Маура Лако, Черное озеро, совр. Геленджик), *Maura Zega* (Мауро Зихия или Черная Зихия, район Туапсе), *p. d'Zurzuchi* (порт де Зурзуки, у Фредуче Анконского *porto de Susaco*), *Sama* (*Sanna*, вероятно, указание на р. Цанык), *Alba Zega* (Альба Зихия, район Сочи), *Guba* (*C. de Cubba* у Фредуче Анконского, район между Сочи и Хостой). Затем начинается территория Абхазии, обозначенная как *Auogaxia*.

Различие черных и белых зихов было, по всей вероятности, территориально-ландшафтным и социальным, т. к. институт княжеской власти, скорее всего, угасал по мере продвижения в горы. Это подразделение на белых и черных зихов нашло отражение в представлении Галонифонтибуса о белых и черных черкесах.

И. К. Фоменко приводит варианты написания Зихии в различных европейских картах: *Zichia*, *Zechia*, *Zicchia*, *Zychya*, *Zaquia*, *Zega*, *Zaquea*, *Çaguia*, *Cichia*, *Mauro Zichia* (при множестве вариаций, *Mauro Ziquia*, *Maurazica*, «Черная Зихия»), *Alba Zichia* (вар.: *Alba Ziquia*, *Albasequia*, «Белая Зихия») и т. д. (Фоменко И. К. Номенклатура географических названий Причерноморья по морским картам XIII – XVII вв. // Причерноморье в средние века / Под ред. С. П. Карпова: Вып. 5. М., СПб.: Алетейя, 2001. С. 73).

Trinissie Весконте стоит в одном ряду с другими подобными названиями этого отрезка побережья на различных портоланах: *Ternisia*, *Tenegia*, *Teinici*, в которых Ф. Брун усматривал р. Цемес, впадающую в Новороссийскую бухту. (Брун Ф. Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасовым картам // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 9. Одесса, 1875. С. 420 – 421). Для малопонятного *Zurzuchi* (*porto de Susaco*, *Sussaco*) Брун предлагает параллель в названии Суксу, которое приводит Челеби в XVII в. (Там же. С. 419). Заметим, что челебиевское Суксу (Соуксу) хорошо подходит к названию р. Шуюк (Шуук), немногим восточнее Туапсе (после Шепси). *Cuba* может быть сопоставлена с топонимом Цуба – наименованием населенного пункта в устье реки Худапс (Кудепста). (Ворошилов В. И. Топонимы российского Черноморья (история и этнография в географических названиях). Майкоп: ОАО «Полиграфиздат «Адыгея», 2007. С. 235).

Sama указана у И. Потоцкого, работавшего с оригиналом портолана Висконти, как *Sanna*. Кроме того, Потоцкий отмечает, что на всех других известных портоланах отмечена форма *Sanna*. (Записка о новом перипле Понта Евксинского, равно как о древнейшей истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии, составленная графом Иваном Потоцким // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно. Изданный Г. Спасским. М., 1850. С. 57).

Вероятно, это местный гидроним Цанык, поскольку сразу к востоку от Сочи это единственное название с основой *цан/сан*. Цанык является крупной рекой и главным притоком Мацесты, впадающим в нее недалеко от моря с западной, ближе к Сочи, стороны. Учитывая это обстоятельство, мы должны согласиться с замечанием Потоцкого о том, что Весконте ошибся, когда поместил *Sanna* выше (западнее) Альбы Зихии и что на всех остальных портоланах этот пункт указан сразу за Альба Зихией. (Там же. С. 57).

На анонимном портолане Средиземноморья второй половины XIV в. фигурирует название Зихия (*Zichia*), которое начертано не на самом побережье, как например, название *albazechia*, но несколько в глубине, что, вероятно, было указанием на область. Интересно, что эта карта содержит также в качестве названия области *Carcossia*, которое начертано примерно на месте Гурии или Имеретии. (Морская карта Средиземноморья. Вторая половина XIV в. Библиотека Святого Марка, Венеция. *Biblioteca Nazionale Marciana di Venezia. Carta nautica del Mediterraneo. Seconda meta 14. sec. Pergamena. Ms. It. IV 1912 (= 10057)*. <http://geoweb.venezia.sbn.it/geoweb/ods/index.aspx?s=msit1912%2fb%2f&i=7088&n=1&p=7y&t=bp>). К сожалению, качество этого портолана не позволило нам воспроизвести его здесь. Посмотреть его можно по указанной ссылке.

Надо думать, что под Чаркоссией составитель портолана подразумевал Черкессию, но локализовал ее ошибочно. В такой ошибке нет ничего сверх предосудительного, поскольку на

целом ряде портоланов мы можем видеть название Менгрелия прямо на месте, где должна быть Черкесия (Зихия), а Черкесия смещена ближе к Дону.

Статус поселений генуэзцев в Черкесии

Одним из главных торгово-экономических партнеров Каффы с самого начала стала Черкесия (Зихия). На азовско-черноморском побережье Черкесии было основано более трех десятков торговых поселений генуэзцев. Все эти поселения, в большинстве случаев кварталы, размещались в приморских зихских (черкесских) населенных пунктах и городах. Фактории платили дань черкесским князьям и не обладали правом экстерриториальности (т. н. *dominum directum*).

Швейцарский историк П. М. Штрэссле отмечает, что, несмотря на свою высокую экономическую значимость, генуэзские поселения имели довольно низкий политико-юридический статус и являлись, по сути, скромными селтльментами на чужой территории. (Карпов С. П. *Strassle P.M. Der Internationale Schwarzmeerhandel und Konstantinopel 1261 – 1484 im Spiegel der sowjetischen Forschung. Bern, etc., 1990 // Византийский временник. Т. 53. М., 1992. С. 192*).

Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, авторы исследования на тему генуэзского присутствия на Северо-Западном Кавказе, отмечают неизменную на протяжении двухсот лет зависимость «колоний» от местного населения: «В начале итальянского проникновения в Черное море колонии представляли из себя лишь группу домов и складов. Хлеб генуэзцы вынуждены были покупать у туземцев. Такое положение продолжалось вплоть до падения колоний». (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. *Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 103 – 104*).

О ситуации, которая могла складываться в Каффе со снабжением хлебом, говорит донесение консула Джованни Лонго от 6 сентября 1455 г.: «Город наш страдает не только от недостатка припасов, но терпит истинный голод. Урожая собранного в Кампанье (т. е. в окрестностях Каффы), недостает даже для посева, и мы его почти уже поели. А на Зихию, также как и на Турцию, нам нечего даже и надеяться, так как эти государства нам враждебны». (Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. *Очерки... С. 95*).

В 1474 г., накануне крушения Каффы, ситуация с продовольственным обеспечением также являлась предметом особой заботы властей. Консул Антониотто Габелла писал в этой связи: «В Воспоро (Керчи) и в Зихии должно быть изобилие хлеба, оттуда мы также получим его порядочно». (Там же. С. 95).

Через пролив — в Матреге — подобных острых продовольственных кризисов не возникало, поскольку город был под управлением черкесской династии. Отсутствие в Матреге прямого консульского управления из Каффы Ф. Брун объяснял зависимостью города от черкесского князя. (Брун Ф. *Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Ч. II. Одесса, 1880. С. 232 – 233*).

Е. Ч. Скржинская отмечает масштабность зерновой торговли в Черкесии: «Трактат Пеголотти дает возможность представить, как был организован вывоз зерна (*biado*) из степей Приазовья. Центром этой отдельной и весьма развитой отрасли торговли была Тана, но погрузка зерна — для максимального сокращения доставки его к морскому берегу — совершалась в ряде портов вокруг Таны, причем погрузка производилась даже при неблагоприятных свойствах этих портов. Хлеб вывозился с обеих, так сказать, сторон от Таны: в портах, расположенных к западу, «в сторону Газарии», т. е. Крыма (*dalla banda di Gazeria*), и к востоку, точнее — к югу, «в сторону Зихии», т. е. Прикубанья (*dalla banda di Zecchia*)... Из Прикубанья («в сторону Зихии») зерно грузили в портах Бальзимаки (*Balzimachi*) и Таро (*Taro*), где суда подходили на расстояние трех миль от берега, и в порту Иль Пеше (*il Pesce*), где таким расстоянием были пять миль. Последний порт на этом побережье — порт св. Георгия — был вообще неудобен (*e geo porto*) и в нем погрузки не производили». (Скржинская Е. Ч. *Между Газарией и Персией... С. 224*).

Вслед за Йоргой и Ковалевским, Скржинская обращается к крайне важному источнику, дающему нам представление об уровне интенсивности каботажного плавания в бассейне Черного моря в XIV — XV вв. Это редкий сохранившийся экземпляр описания морского пути из Венеции

в Тану, датируемый 1404 – 1407 гг. (*Iter a civitae Venetarium usque ad Tanaim sive Tanam*). Согласно лоции, когда корабль входит в Забакское море (*mare de il Calbach*), то «к востоку в этом море – Черкесия, а к северу – «знаменитая река»: Тен (Ten) по-татарски, или Танаис (Tanays) по-итальянски («по-нашему»)). (Скржинская Е. Ч. Между Газарией и Персией... С. 230 – 231). Это видение расположения Черкесии, тянувшейся вдоль восточного побережья Азовского моря до Таны, совпадает с той картиной, которую позднее – на рубеже XV и XVI вв. – дал Интериано.

Важно иметь в виду, что в Черкесии в этот период существовал институт старшего или великого князя. В адыгском языке этот термин звучит как великий князь – пщышхо (дословно с адыгского – «князь большой / великий»). Этот статус позволял великому князю Черкесии состоять в переписке с папой римским. К 1333 г. относится письмо папы Иоанна XXII, адресованное царю Зихии (Черкесии) Версахту, в котором римский (на тот период – авиньонский) понтифик благодарит правителя адыгской страны за его усердие в деле внедрения католической веры среди своих подданных. «В летописях доминиканского ордена упоминается, – отмечает Колли, – об огромном успехе в пропаганде керченского латинского епископа, патера Франческо да Камерино, обратившего в христианство, в 1333 году, царя Зихии, Версахта (*Versacht*), вместе со всем его двором и народом». (Колли Л. Кафа в период владения ею банком св. Георгия (1454–1475) // Известия Таврической Ученой Архивной комиссии. № 47. Симферополь, 1912. С. 86).

В 1446 г. власти Каффы обратились к правителю Зихии-Черкесии Уздеморюку, как к посреднику в их территориальном споре с крымским ханом. (Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Издат-во Уральского ун-та, 2001. С. 215 – 216).

В 1471 г. в генуэзских документах упоминается верховный князь Зихии Петрезок: в английском переводе Р. Ф. Крессела «*Petrezok, the paramount lord of Zichia*». (Kressel R. Ph. *The Administration of Caffa under the Uffizio di San Giorgio*. University of Wisconsin, 1966. P. 396).

Свидетельством тесного переплетения интересов двух элит – черкесской и генуэзской – стало появление смешанной этнической группы черкесо-франков. Она обладала достаточно высоким социальным статусом в Крыму спустя полтора столетия после крушения Каффы. В конфессиональном отношении черкесо-франки являлись католиками, а в культурном и лингвистическом отношении почти ничем не отличались от черкесов. Эмиддио де Асколи описал ее в 1634 году: «Все эти обрядности существуют поныне у наших латинских христиан в Феччиале, именующих себя черкесами-франками. Когда турки отобрали у генуэзцев Каффу, около ста восьмидесяти лет тому назад, многие из знатных были увезены в Константинополь, где им отвели улицу для жилья. Другие ушли в Чиркасию из-за своих жен ибо многие женились на чиркашинках, так что в настоящее время получили от чиркасов название френккардаш, что на их языке значит – френки наши братья. Иные остались в Каффе... Иные же остались при дворе хана, даровавшего им селение, называемое Сивурташ, т.е. остроконечный камень, которое до сих пор существует и заметно издали. Хан дал им также бея той же национальности, называемого Сивурташ-беем. Хан очень дорожил ими и отправлял их в качестве послов в Польшу и к другим христианским государям; сделал их всех спагами, т.е. придворными дворянами; избавил их от уплаты податей, десятины и прочих налогов. Со временем бей перешел в магометанство, многие последовали его примеру... Они наравне с чиркасами пользуются льготами и имеют одинаковые с ними обычаи и обряды, но говорят они не по-итальянски, а по-турецки, татарски и чиркасски. Они хорошо знают «Отче наш» и «Богородицу» по-латыни. Мужчины, сопровождающие хана на войну, по уходе от него, пускаются грабить вместе с татарами, а пленных и их детей заставляют обрабатывать свои земли, на которые сами даже не заглядывают. Они не хотят терпеть ни наставлений, ни осуждений, ни постановлений. Подобно чиркашенкам, тамошние женщины, выйдя замуж, не показываются (обычай избегания – Прим. С. Х.) и, даже еще хуже, за все время такой жизни не хотят посещать церковь из боязни встречи с родственниками (т.е. со свекром и его братьями. – Прим. С. Х.)». (Асколи Эм. Д. де. Описание Черного моря и Татарии // АБКИЕА. С. 65 – 66).

Проповедь католицизма являлась наиболее действенным инструментом обеспечения генуэзского влияния на страну адыгов. Францисканец Иоанн был посвящен в сан архиепископа Зихии 21 февраля 1349 г. в Авиньоне папой Климентом VI, а умер Жан де Зихо (так он фигурирует в папской булле) в 1376. (Галонифонтибус И. де. Сведения о народах Кавказа... С. 37).

О том, что первый архиепископ Зихии (Черкесии) являлся черкесским аристократом сообщает Иоанн де Галонифонтибус: «Хорошо известно, как черкесский дворянин был продан в Генуе, где он прошел обучение, и когда он освободился от рабства, то стал францисканцем и в конце концов Святой престол посвятил его в архиепископы епархии этой страны. Здесь он жил и долго удерживал свой приход, обращая в христианство многих своих соотечественников». (Там же. С. 18).

Зихское архиепископство не входило в состав архиепископии Золотой Орды, что подчеркивало признание со стороны папы независимого статуса Зихии-Черкесии.

За все 209 лет генуэзско-черкесских взаимоотношений не произошло ни одного крупного вооруженного конфликта, инициаторами которого были бы князья Зихии (Черкесии), консулы Каффы или власти Генуи. Подобное «миролюбие» было продиктовано огромной заинтересованностью обеих сторон в торговле.

Матрега – главный город Черкесии

Зихия накануне монгольской экспансии упоминается в отчетах о путешествии в поисках прародины венгров доминиканских монахов Рихарда и Юлиана. Они отмечают распространение территории зихов на Таманский полуостров, где в городе Матрика находилась резиденция зихского князя. Зихия, согласно представлениям княжеского семейства и его окружения, страна христианская. «Греческие священники» может означать не национальную принадлежность класса священнослужителей, а их греко-византийскую, православную принадлежность. Видно, что сами путешественники не уверены в том, что Зихия действительно христианская страна, т.к. их первое сильное впечатление — многоженство ее правителя (скорее, одного из правителей). Отмечается, что облик знати — видимо, военного сословия — отличается, по крайней мере, прической. На бритой голове оставался клок волос — такая прическа сохранялась в адыгской среде вплоть до XIX в. Отмечается гостеприимство зихов — старшая жена князя лично опекала христианских пилигримов и снабдила их всем необходимым для дальнейшего путешествия. Состояние же Алании описывается в совершенно иных тонах: хаос, война всех против всех, путешественники вынуждены вести полуголодное существование в аланских селениях. (О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом Рихардом во время господина папы Григория IX // АБКИЕА. С. 31; Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом // АБКИЕА. С. 32 — 33).

Матрика или Матрега, как ее потом называли генуэзцы, в византийское время именовалась Таматарха. Топоним *Таматарха*, по наблюдению известного археолога и знатока адыгского языка Аслана Това, может иметь адыгское происхождение. Он мог быть образован из двух слов — *тамэ* «крыло», «плечо» и *тIаркъу* «развилка» (сравните с *пхъэ тIаркъу*, *пхъэ хъажтIаркъу*). Учитывая очертания полуострова, этимология А. Това представляется нам наиболее убедительной из всех известных нам толкований данного наименования.

Ф. Брун, на основе информации, полученной от члена Лигурийского общества Десимони, отмечал, что в Матреге в начале XV в. правил князь Берозок (Berozoch), отец могущественной княгини Бика-катон, власть от которой унаследовал ее сын от брака с генуэзским аристократом Виккентием де Гизольфи, Заккария де Гизольфи (Zaccaria de Ghisolfi). (Брун Ф. Черноморье... С. 234).

Из письма самого Заккарии де Гизольфи становится известно, что не его отец — Виккентий — но его дед Симон являлся его непосредственным предшественником в качестве

князя Матреги. Симон заполучил Матрегу как приданое своей невестки в 1419 г. Подчеркивается, что Симон являлся данником и подданным князя Джамбека (*domino Jambech*). (Зевакин Е. С. и Пенчко Н. А. Очерки... С. 110; Kressel R. Ph. *The Administration of Caffa...* P. 392).

Из той переписки, которую вел Закария де Гизольфи с властями Каффы, становятся известны имена трех князей (деда, сына и внука), во владении которых находилась не только Матрега, но, по всей видимости, весь Таманский полуостров и еще какие-то территории на западе Черкесии. Это Джамбек, Костомок, Кадибелд. Как соотносятся Джамбек и Берозок? Вполне вероятно, что это один и тот же человек. Возможно, что Берозок — отец Джамбека или они являлись братьями. Отношения между Гизольфи и семейством Берозоха-Джамбека могли по временам приобретать натянутый характер. Тем не менее, именно опора на черкесский военный ресурс позволяла Гизольфи чувствовать себя самостоятельными правителями. Опираясь на своих черкесских родственников и сюзеренов, Гизольфи игнорировал все распоряжения из Каффы. Более того, он начал проводить самостоятельную политику и даже вошел в конфликт с верховным ханом татар, считавшимся в тот период другом и союзником Каффы. (Kressel R. Ph. *The Administration of Caffa...* P. 390). Естественно, что подобное поведение Гизольфи было возможным лишь при условии его поддержки со стороны черкесов.

Заккария сам числился в постоянных должниках Каффы и отказывался выдавать черкесов-должников. (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки... С. 109). Заккария писал консулу Каффы, что задерживать должников «он никоим образом не может по причине близкого соседства князей и племен черкесских». При Симоне каффские власти требовали выдачи князя Костомака, которого матрегский князь «не мог отправить с его людьми в Каффу, как это требовалось в предписании, поскольку он (Симон. — Прим. С. Х.) являлся его данником и подданным и княжество свое получил от покойного князя Джамбека, отца вышеназванного Костомака. За невыполнение этого распоряжения Симон де Гизольфи «был заочно и несправедливо осужден». «И чтобы еще было понятней (его требование), — говорит Заккария де Гизольфи, — возможно ли было самому Заккарию отправить (в Каффу) сына Костомака, князя Кадибелда и людей его, когда он в Матреге находился?». (Там же. С. 110).

Из этого же послания Заккарии становится известно, что «князь Кадибелд занял и возвратил ему замок», что и вовсе исключало способность Заккарии действовать в качестве каффского администратора. Таким образом, Заккария де Гизольфи находился в двойной зависимости: с одной стороны, от каффского правительства, с другой стороны и главным образом — от родственного ему черкесского княжеского дома Берозока-Джамбека.

Копа – важный центр генуэзской торговой активности в Черкесии

На всех портоланах, отображавших регион Черного моря, отмечен значительный населенный пункт на нижней Кубани — Копа (варианты — Локопа, Копарио).

Копа, расположенная в 28 итальянских милях от устья Кубани, на ее правом берегу, была наиболее крупным после Матреги городом Черкесии. Каждый год в апреле — мае здесь устраивалась грандиозная ярмарка.

Характер генуэзско-черкесских взаимоотношений превосходно демонстрирует история правителя Копы князя Берзебука. Помимо Берзебука (*Dominus Coparii Berzebuch*) упоминается его супруга Борунда (*Domina Borunda*), обладавшая большой властью, их сын Камбелот (*Cambelot*). (Брун Ф. Черноморье... С. 234).

В Копу, согласно уставу (статуту) Каффы 1449 г., назначался консул. Его полномочия определены во второй части статута в главе 87 «О том, что должен делать консул Локопы». Из этой главы становится ясно, что консул Копы не жил на постоянной основе в этом поселении, а проживал в Каффе. Весной, с началом рыболовного сезона, он отправлялся в Копу, где

находился до сентября. Прибыв в Копу, консул обязан был собрать всех купцов и явиться к местному владетельному князю, чтобы совместно с ним установить цену на рыбу на текущий сезон. На консула Копы была возложена обязанность уплачивать князьям Зихии ежегодную дань, которая вносилась в виде обязательных даров (*exenia*). (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки... С. 99 – 100).

Таким образом, наличие консула совершенно не означало подконтрольность этого города Каффе. В данном случае консул являлся, по сути, торговым представителем.

Как и в Матреге, многие жители Копы являлись должниками каффских кредиторов. Неспособность каффских консулов взыскивать долги либо арестовывать самих должников была следствием постоянной готовности местных правителей защищать своих подданных и клиентов. В 1471 г. администрация Каффы вооружила фусту (военное судно) для охраны торговых судов, направлявшихся в Копу. Это еще более ухудшило отношения между Копой и Каффой. Нападения на торговые караваны стали еще более частыми, отчасти и по той причине, что князь Берзевук перестал уделять внимание их охране. Администрация Каффы была вынуждена пойти на крайнюю меру и запретила всем членам генуэзской общины иметь дела в Копе. «Что же касается больших убытков и опасностей, — сообщали консул и массарии 18 мая 1471 г. банку Сан-Джорджио в Генуе, — которыми зихи ежегодно угрожают нашим купцам и гражданам в Копарио, постановлено было нами в этом году воспретить туда доступ кому бы то ни было до тех пор, пока удастся вступить с теми зихами в какое-либо соглашение». (Там же. С. 111 – 112).

Администрация Каффы понадеялась, что этим своеобразным бойкотом вынудит Берзевука соблюдать долговые обязательства. Последующие события показали, что магистраты ошиблись в своих прогнозах.

Берзевук конфисковал товары генуэзцев: среди пострадавших была и особа высокого ранга — некий Грегорио де Марини. Протекторы банка Сан Джорджио, которые управляли Каффой с 1453 г., предписали властям Каффы сделать все от них зависящее, чтобы возместить убытки потерпевшим, но в то же время они запретили дальнейшую блокаду Черкесии. «Не менее досадно нам, — писали протекторы консулу, — было узнать о раздорах ваших с зихами и что они взяли в плен наших граждан и ограбили». Генуэзцы были вынуждены пойти на переговоры с Берзевуком. Этот князь оказался подлинным хозяином этого района. По поводу заключения договора протекторы писали 15 декабря 1472 г. консулу Каффы: «Мир, заключенный вами с князем Копы Берзевуком, на условиях, вами описанных, считаем полезным...Всего более достойно похвалы то, что вы стараетесь со всеми властями и народами того моря жить в дружбе и избегать случаев столкновения». (Там же. С. 112 – 113).

Посол Кавалино Кавалло, направленный ими в Черкесию, возвратился в Каффу и объявил о заключении нового соглашения с черкесскими князьями. Консул Каффы Оберто Скварчафико сообщал по этому поводу в Геную: «Ему удалось устроить все по нашему желанию и заключить условие с князем Биберди и Петрезокком, князем Зихии, а также Берзевуком, князем Копарио, и его супругой». (Там же. С. 112). Второй консул Каффы Филиппо Кьявройа (*Philippo Chiavroia*) также поспешил отписать в Геную о «соглашениях, заключенных к великой выгоде, наших купцов с местными князьями Зихии и Копы». (Там же. С. 98). Переписка по этому поводу продолжалась и на следующий год. 30 июля 1473 г. протекторы писали каффскому консулу: «Весьма радуемся тому, что вы имеете вести от князя Зихии и что наши купцы, надеясь на выгодное дело, отправились в Копу». (Там же).

Как видим, торговля с Черкесией была настолько выгодной, что несмотря на риск генуэзцы стремились поддерживать с ней прочные отношения.

Берзевук преподнес через некоторое время еще один неприятный сюрприз для Каффы и Генуи. Войдя в тайное соглашение с неким каффинцем, который на своих судах привез ему все необходимые материалы, он построил для себя замок в Копе. Протекторы проклинали того, кто помог ему в этом мероприятии. (*Kressel R. Ph. The Administration of Caffa... P. 397*).

Возведение крепости возымело на генуэзцев Каффы тягостное впечатление. Магистраты Каффы вступили в тайные переговоры с князем Бибердом и другими черкесскими князьями, пытаясь натравить их на Берзедука, убеждая их, что усиление Берзедука угрожает не только выгодам генуэзской торговли, но и спокойствию Черкесии. Чем увенчались провокации каффской администрации, остается неизвестным. Прецедент, созданный Берзедуком, породил специальный указ банка Сан Джорджио по всем генуэзским поселениям Черного моря, воспретивший продажу или перевозку камней, строительного леса, железа и всего прочего, что может быть использовано местными правителями Понта (Черного моря) для возведения крепостей. В этом же указе содержится пункт, запрещающий всем подданным Генуи торговать с Берзедуком и его вассалами. Данный указ был тут же нарушен самими генуэзцами из Каффы, поскольку выгоды черкесской торговли с лихвой перекрывали все ее неудобства и опасности.

Взаимоотношения Каффы и Черкесии характеризует и то обстоятельство, что в 1462 г. с князем Берзедуком была заключена конвенция "pro conducendis populis", т.е. о найме солдат. (Брун Ф. Черноморье... С. 234).

В 1475 г. османский флот захватил Каффу и уничтожил власть и процветание генуэзцев в бассейне Черного моря. Одновременно был нанесен удар по приморским поселениям на западе Черкесии, в том числе — Копе, при обороне которой, как сообщается, погибли местные князья. (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки... С. 128).

Скорее всего, это было семейство Берзедука. Таким образом, беспокойство генуэзцев по поводу строительства замка в Копе оказалось лишенным смысла.

Османь не закрепились в Копе в 1475 г. и в 1479 г., когда состоялся первый большой десант османов в Черкесию, им пришлось повторно занимать этот район.

Зихия на «Карте мира» (Marramondo) Паоло Тосканелли, 1457 г.

В середине XV в. было создано выдающееся картографическое произведение — «Карта мира». Его автором стал флорентийский астроном, математик и картограф Паоло даль Поццо Тосканелли (Paolo dal Pozzo Toscanelli, 1397 — 15 мая 1482). В Национальной центральной библиотеке Флоренции (Biblioteca Nazionale Centrale di Firenze) эта карта значится как портолан № 1 (portolano 1). (См. карту 3).

Тосканелли являлся одним из наиболее убежденных сторонников учения о шарообразности Земли. Предполагается, что в 1474 г. Тосканелли, отвечая на запрос придворного португальского короля, высказал идею возможности добраться до Индии морским путем через Атлантический океан. Представления Тосканелли о Земле как о шаре и его вычисления оказали непосредственное влияние на Колумба. (http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XV/1460-1480/Paolo_Toscanelli/brief_martines_15_06_1474.phtml?id=6068).

Marramondo Тосканелли была завершена к 1457 г. Для нашей темы особенное значение имеет тот факт, что «Карта мира» содержит указание на существование главной политической общности на Северо-Западном Кавказе — Зихии (Zichia).

Черкесия на «Карте мира» (Marramondo) Фра Мауро, 1459 г.

Знаменитая круглая «Карта мира» (Marramondo) венецианского монаха Фра Мауро, созданная в соавторстве с венецианским картографом Андреа Бьянко в 1459 г., содержит если не первое, то, во всяком случае, одно из первых указаний о существовании на Северо-Западном Кавказе страны Черкесии (Circassia). (См. карту 5). Это название нанесено меньшим шрифтом, чем Татария (Tartaria) и отделено от последней рекой. По соседству с Черкесией отмечена крупная венецианская колония Тана (Latan). Указание на Черкесию могло быть привнесено именно Бьянко, поскольку он был не только картографом, но и опытным мореплавателем, капитаном судна, плававшим в Тану в 1437 г. (Фоменко И. К. Образы мира... С. 58).

Помимо названия страны еще дополнительно отмечены черкесы (Cercasi) и сразу за ними в восточном направлении alani. Обращает на себя внимание поселение Chabardi на азовском побережье, к западу от устья Дона.

«Карта мира» Фра Мауро и Бьянко содержит предположительно самое раннее картографическое свидетельство существования княжества Кремух (Cremuch, у Фра Мауро — P. Chremuch, где P., по всей видимости, означает paus «страна, земля, область») — в центральной части Черкесии. Это название помещено между горной цепью, изображающей Главный Кавказский хребет, и Кубанью, то есть, именно в том районе, где в последующие столетия находилось Темиргоевское феодальное владение.

Кремух – срединное княжество Черкесии. Отождествление Кремуха с ареалом белореченской археологической культуры и княжеством Кемиргой (Темиргой)

Мы можем быть уверены в том, что столь точное нанесение Кремуха на карту — это также заслуга Бьянко, поскольку власти венецианской колонии Таны поддерживали интенсивные контакты с владетельными князьями Кремуха.

Около 1452 г. это княжество описано Иосафатом Барбаро (1413 — 1494), представителем знатного венецианского семейства, прожившим с 1436-го по 1452 г. в Тане: «Если ехать из Таны вдоль берега упомянутого моря, то через три дня пути вглубь от побережья встретится область, называемая Кремух (Cremuch). Правитель ее носит имя Биберди, что значит «богом данный». Он был сыном Кертибея, что значит «истинный господин». Под его властью много селений, которые по мере надобности могут поставить две тысячи конников. Там прекрасные степи, много хороших лесов, много рек. Знатные люди этой области живут тем, что разъезжают по степи и грабят, особенно купеческие караваны, проходящие с места на место. У здешних жителей превосходные лошади, сами они крепки телом и коварны нравом; лицом они схожи с нашими соотечественниками. Хлеба в той стране много, а также мяса и меда, но нет вина». (Путешествие в Тану Иосафато Барбаро, венецианского дворянина // АБКИЕА. С. 42; Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану // Каспийский транзит. Т. 2. С. 143).

Накануне падения Константинополя в 1453 г. Барбаро возвратился на родину. Известно, что с начала 60-х гг. он вошел в круг высших чиновников республики Святого Марка и возглавлял дипломатические миссии в Далмации, Албании и Персии. При дворе Узун Хасана (1453 — 1478), правителя «Персии» (власть династии Ак-Коюнлу, возглавлявшей конфедерацию туркменских племен, распространялась на Дийарбакр, Восточную Анатолию и Азербайджан), Барбаро пробыл пять лет (1474 — 1478) и целью его миссии было склонить могущественного союзника Венеции на востоке к масштабному наступлению на османские владения в Анатолии.

В этой связи Барбаро был в высокой степени осведомленным человеком в вопросах войны и мира на Кавказе. Во второй части своего труда Барбаро поместил интересный рассказ о том, как армия мусульман, «кричащих о смерти христиан согласно своей вере» из Персии через Шемаху и Дербент пришла на Терек, «вошла в Каспийские горы, где есть многие христиане-католики» и «на греческий манер», затем повернула в Черкесию и здесь устроили погром христианам «пока люди из Тетракосса и Кремуха не сошлись с ними врукопашную и устроили такой грохот, как будто бы сорвалась сотня ветров». Мусульманская армия потерпела поражение и бежала «в свою страну». (Цит. по: Кузнецов В. А. Забытый Кремух // Сборник Русского Исторического Общества. № 4 (152). М.: Русская панорама, 2002. С. 207). По всей видимости, Тетракосса является искаженной формой Таркасии или Таркуасии, которая, в свою очередь, восходит к Тзаркас-Джаркас.

Вторжение в Черкесию, о котором писал Барбаро, не являлось акцией «персидского» государства, но было результатом агрессивной политики духовного ордена Сефевидов,

стремившегося возглавить государство на территории Ирана. В 1447 г. шейх Джунейд, четвертый по счету представитель «династии» Сефи, собрал порядка 10 тысяч мюридов в Ардабиле. Отсюда он выступил в Ширван с «намерением вести с черкесами войну за веру». До Черкесии он не дошел и погиб в Ширване на р. Самур. (Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. Баку: «Элм», 1991. С. 92). Является вопросом, собирался ли он вообще идти в Черкесию. Лозунги джихада могли быть не более чем прикрытием для истинных целей захвата власти в Иране. Без заявлений о намерении вести войну за веру шейху затруднительно было бы обосновать мобилизацию целой армии.

Сведения о вторжении в Черкесию воинствующих шиитов были получены Барбаро от некоего доминиканского монаха Винченцо и относятся к 1487 г., когда отряды шейха Хайдара, правителя Ардебильского округа Персии, пройдя Дербент, сосредоточились в Тюменском княжестве в низовьях Терека. Отсюда они выступили против черкесов.

Внимательный источниковед И. В. Волков приводит наиболее точный перевод этого отрывка из Барбаро: «Это были частью всадники, частью вооруженные, а частью без оружия, в огромном количестве. Они появились у реки, называемой Терк (Terch), которая находится в провинции Эльюкзи (Prountia Elochzi). Они вступили в Каспийские горы, где было много христиан-католиков. В каждом месте, где они находили христиан, безо всякого уважения убивали всех, женщин и мужчин, малышей и взрослых. И после этого они вошли в страну Гога и Магога, которые также христиане по греческому обряду. И с ними сделали то же самое. Затем они потянулись в сторону Черкесии (Circassia), проходя около [племен] Киппике (Chippiche) и Кабертай (Carbathei), которые оба находятся около Великого моря, и поступили подобным образом в тех местах. Наконец с ними сразились те из [племен] Тетаркосия (Tetarcossa) и Кремук (Cremuch), и нанесли им такое сокрушительное поражение, что не спаслись и двадцать человек на сотню. В беспорядке они спасались бегством в свою страну». (Цит. по: Волков И. В. Еще раз о локализации области Кремук и карте Джакомо Гастальдо 1548 г. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003. С. 226 – 227).

Интерриано дает детальное описание территории и размеров Черкесии и также, как и Барбаро, выделяет внутри страны наиболее густо заселенную область *Кромук*: «Живут они деревнями и во всей стране нет [ни одного] города или укрепленного стенами места, а их самое большое и лучшее поселение — это небольшая долина в глубине страны, называемая *Кромук*, имеющая лучшее местоположение и более других населенная». (Интерриано Дж. Быт и страна зихов... С. 47).

На протяжении XVI в. Кремук был почти обязательным элементом черкесского пространства. Так, на карте венецианского мастера Рушелли 1561 г. на правом берегу Кубани в ее среднем течении помещен город *Cremuch*.

Княжество Кремук, по всей видимости, следует сопоставить с княжеским владением Кемиргой (Темиргой), которое хорошо известно по источникам XVI – XIX вв. Центр этого княжества находился в районе современных городов Майкоп и Белореченск на реке Белая (Шахагуцэ).

Один из наиболее видных специалистов по археологии и истории Северного Кавказа В. А. Кузнецов сделал весьма продуктивное наблюдение, сопоставив уникальный материал Белореченского курганного могильника с нарративными отчетами по Кремуху. (Кузнецов В. А. Забытый Кремух... С. 210 – 211). В этот археологический комплекс входит 84 кургана XIV – XV вв., раскопанных в 1896 – 1907 гг. Н. И. Веселовским. (Отчет Императорской Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898. С. 2 – 60). О. В. Милорадович предполагала, что «где-то около ст. Белореченской помещался центр Черкесии, где жили наиболее богатые ее представители, а Белореченский курганный могильник являлся местом их погребений». (Милорадович О. В. Кабардинские курганы XIV – XVI вв. // СА. 1954. Вып. XX. С. 351).

Князя Кремука, согласно письменным и археологическим данным, обладали значительным военно-политическим могуществом. Наименование Кремук созвучно названию значи-

тельной адыгской субэтнической группы темиргоевцев. Русское наименование Темиргой взято из крымско-татарского произношения: на самом же деле произносилось как кемиргуй, кемиркуей и соответствующие транслитерации доминировали в источниках XVI — XIX вв. Наименование адыгского субэтноса темиргоевцев в современном адыгейском языке имеет форму *ч'емгуй* (к'Эмгуй), что, по всей видимости, является результатом разрушения большей части народных представлений в сфере историко-этнографической и генеалогической традиции. Надо заметить, что в шапсугском произношении осталась такая форма этого имени *к'емгуй* (к'Емгуй), которая может расцениваться как связующее звено со старой традицией произношения *кемиргуэй*. Данный дискурс подкрепляется сохранением в современном кабардинском языке формы чэмыргуэй (к'Эмыргуей) — темиргоевцы. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: «Дигора», 1999. С. 338).

В XVI в. кемиргоевские князья и княжество Кемургуй (Kemürgüy) фигурируют в османских источниках. (Kirzioglu M. F. *Osmanlilar'ın Kafkas — Elleri'ni Fethi (1451 — 1590)*. Ankara, 1998. S. 314, 439 — 441).

Кемиргой, кеморхи, кумиргинские черкасы часто фигурируют в документах Посольского приказа в XVII в. (Кабардино-русские отношения. Т. I. М., 1957. С. 90, 93, 97, 279 и др. Далее ссылки на этот сборник источников в сокращенном виде — КРО).

В 1808 г. Г.-Ю. Клапрот отмечал, что «кемиркуеи (кемурке) — сильный черкесский род, состоящий из пяти тысяч семей, названный *татами* темиргой». (Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии // АБКИЕА. С. 240). В 1836 г. Э. Спенсер подчеркивал, что адыгское произношение княжества Темиргой — Кемиркуей (Kemirquahee). (Spenser Ed. *Travels in the Western Caucasus*. Vol. I. L., 1838. P. 98).

Черкесские султаны Египта – выходцы из рода Болотоко, владетельных князей Кремуха (Темиргоя)

В начале XV в. режим черкесских мамлюков в Каире находился на грани краха, вызванного разорительным вторжением в Сирию полчищ Тамерлана и острой борьбой за власть внутри черкесской элиты. Реанимация черкесского доминирования связана с именем султана Муаййад Шайха, который занял престол после сына основателя черкесской «династии» Баркука Фараджа, пытавшегося попить в крови соратников своего отца и добиться единоличного господства.

Уильям Мьюр отмечает, что в свое время Муаййад Шайх был приобретен Баркуком за три тысячи монет. (Muir W. *The Mameluke or Slave Dynasty of Egypt, 1260 — 1517 A. D.* London, 1896. P. 110 — 111). Такая огромная сумма была заплачена, видимо, потому, что мамлюк этот был знатного происхождения.

Согласно Бадр ад-Дину Махмуду ал-Айни (1361 — 1451), составившему биографию султана ал-Муаййад Шайха (1412 — 1420), он являлся сыном четвертого наследственного вождя черкесского племени *Карамук*. (Holt P. M. *Literary offerings: a genre of courtly literature // The Mamluks in Egyptian politics and society*. Cambridge University Press, 1998. P. 9). Эта арабизированная форма черкесского названия, по всей видимости, соответствует современным итальянским формам Кремух и Кромук, которые фигурируют в работах Иосафата Барбаро и Джорджио Интериано.

Таким образом, основатель династии Болотоко, правившей в Кремухе (Кемиргое-Темиргое) жил в конце XIII — XIV вв. Согласно адыгским генеалогическим преданиям, Болотоковы происходили от Инала и считались наиболее старшей ветвью его потомков, своего рода князьями над князьями.

В 1666 г. в княжеском селении Болотоковых побывал знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби: «На берегу реки Шагваше стоит укрепление-азбаре, в котором 300 домов. Это — пшуко, то есть резиденция бея. Властителей этого края называют сыновьями Нулабука (Инал-бека? — Прим. С. Х.) Их — семеро братьев. Самый старший из них Сахадук,

следующий, моложе [первого], – Элбуздай, следующий – Эль-Мирза, следующий Базрук, следующий – Бакук... Эти семеро братьев распоряжаются сотней благоустроенных стоянок и тысячей хорошо вооруженных отборных воинов. Из всего черкесского народа эти – самые отважные и сильные. А врагов у них весьма много. И всех они одолевают, потому что область их является труднодоступной». Темиргоевцев Челеби именует по фамилии князей – «народом болоткай». (Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 73). Под выражением «сыновья Нулабука», по всей видимости, надо понимать то, что Болотоковы происходили от князя Инал-бека.

Согласно записке Шагин-Гирея, последнего крымского хана, первым воспитанником черкесов являлся не кто-нибудь, а сам великий золотоордынский хан Узбек (1312 – 1340): «711-го (года) во времена Тохтага-хана, черкесы взяли для воспитания Азбек-султана, родного племянника помянутого хана; когда же Тохтага-хан умре, а брат его заступил место, то с тех пор и поныне во всяком племени черкесском воспитают султанов и по большей части все султаны, государи наши, суть вскормленники оногo народа». (Историческое обоснование притязаний крымского хана Шагин-Гирея на черкесов и абазинцев. 23 декабря 1779 г. // Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Т. II: 1775 – 1780 гг. Нальчик: «Эль-Фа», 1998. С. 409 – 410).

Известный специалист по ордынской истории И. А. Мустакимов (Казань) обращает наше внимание на весьма вероятный факт воспитания великого хана Улуса Джучи (Золотой Орды) в Черкесии: «Согласно Утемиш-хаджи, находящийся на смертном одре хан Токтага (Токта), узнав от своей жены Келин-Баялын о том, что она укрывала в «Черкесском вилайете» его племянника, будущего хана Узбека, послал за ним «кията Астая и сиджута Алатая» с войском. Абд ал-Гаффар Кырыми пишет, что Келин-Баялын, именуемая им между прочим «дочерью [одного из] чагатайских султанов», втайне от Токты отправила Узбека к некоему Инал-беку, обитавшему в местности Кабартай в Черкесском вилайете». (Мустакимов И. А. Еще раз к вопросу о предках «Мамая-царя» // Тюркологический сборник. 2007 – 2008. М. 2009. С. 276). Эти сведения татарских историков XVIII века восходят, по всей видимости, к более ранним татарским источникам. Но, вполне вероятно, что упоминание местности Кабартай в связи с Инал-беком – позднейшее добавление. Инал-бек, воспитатель Узбек-хана, вполне вероятно был черкесским князем, но не правителем Кабарды, а правителем Кремука.

Поскольку Муайяд Шайх был представителем 5-го поколения правителей Кремука, то его прапрадед жил за 100 – 120 лет до него. Получается, что основатель княжеского дома Болотоко был современником Токта-хана (1290 – 1312). Может быть, что позднейшие татарские известия об Инал-беке, воспитателе Узбека, имеют к нему самое непосредственное отношение.

Основатель династии кабардинских и бесленеевских князей, так же Инал, по всей вероятности, жил много позже – в XV веке. Магомет Кургокин и Касай Атажукин в 1753 г. следующим образом обосновывали свои права на обладание абазинским народом: «Что же о помянутых абазинцах Оттоманской Порте представлено, оно не несходно, понеже издревле оныя абазинцы наши суть, ибо абазинской народ из гор произошел, сначала с имянуемым Хаджи Ахмедом две фамилии вышли, одна называемая Манугх, другая Хохона; а потом по две и по три фамилии из гор к нам выходили, и неоднократно паки от нас отходили; и тако имянуемые алтыкесек абаза от того произошли; помянутой Хаджи Ахмед когда из гор вышел к прапрадеду нашему Иналу пришел и с ним, Хаджи Ахмедом, две фамилии, одна Манугх, другая Хохона, вышли. Прапрадед наш Инал, а Иналов сын Беслян, Беслянов сын Кайтока, Кайтоков сын Бешабчюка, Бешабчюков сын Кази, Казиев сын Хатачука, Хатачуков сын Кургока, Кургокин сын нынешней Магомед-бек... А прапрадед наш Инал был. И от времени онаго Инала помянутые алтакесек абазы наши, а в крымском подданстве ни одного двора нет, и крымцы ложно в них вступаются... Во время же вышешеписаннаго Инала в Крыму ханом был Джанбек-Хан и с того времени вышереченные абазинцы наши суть». (Прошение владельцев баксанской группы Магомета Коргокина и др. императрице Елиза-

вете Петровне о переводе кашкатавских владельцев с реки Шалуки и в Кашкатав. 1753 г., ранее июня 19 // КРО. Т. II. С. 189—190).

Авторы обращения — представители 7-го поколения от Инала. Мы знаем, что Пшеапшоко Кайтукин управлял западной частью Кабарды (то есть примерно той частью, которая потом получит наименование Большая Кабарда) в 60-е гг. XVI века. Он был главным соперником формально старшего князя всей Кабарды Темрюка Идаровича. Предположим, что он родился в 1530 г. Его отец Кайтуко — в 1500 г. Отец Кайтуко Беслан — в 1470 г. Таким образом, в 70-е годы XV века жил основатель кабардино-бесленевской династии — Инал.

Авторы обращения уверенно заявляют, что во время правления Инала ханом в Крыму был Джанибек — на это у них, видимо, имелись документальные основания — может быть, жалованная грамота от Джанибека на управление Черкесией либо попросту в известных им генеалогических и иных преданиях персона и деяния Инала каким-то образом были связаны с ханом Джанибеком. Джанибек-Гирей I действительно правил Крымским ханством в 1477 — 1478 гг.

Согласно обращению Кургокина, вассал князя Инала Хаджи-Ахмед был родоначальником княжеских фамилий абазин-алтыкесеков — Лоовых, Дударуковых и прочих. Имея в виду адыгские предания о египетском происхождении Инала и присутствии в мамлюкских источниках целого ряда черкесских эмиров с таким именем на протяжении XV века, имя Хаджи-Ахмед выглядит вполне логичным и соответствующим историческому контексту. Действительно, некий могущественный черкесский мамлюкский военачальник (но не султан, поскольку султан Инал умер в Каире, как говорится, «на боевом посту» и захоронен там же в мавзолее), мог возвратиться на родину и стать основателем новой княжеской династии в восточных пределах расширяющейся Черкесии. Его мог сопровождать некий Хаджи-Ахмед, которому он поручил управлять группой абазинских переселенцев с южного склона. Кто был этот Хаджи-Ахмед остается только догадываться — он мог быть не только мамлюком, но и образованным арабом (или еще кем угодно) на службе у эмира Инала.

Еще два черкесских султана Египта, вполне вероятно, также были представителями династии Болотоко из Кремуха. Это два последних правителя — Кансав ал-Гаури (годы жизни 1441 — 1516; правление 1501 — 1516) и его племянник Туманбай II (годы жизни 1478 — 1517; правление 1516 — 1517). Это предположение основано на нескольких обстоятельствах и сведениях современных источников. Во-первых, один из наиболее тонких специалистов по этнической истории мамлюков А. Поляк отметил, что власть и в Черкесии, и в черкесско-мамлюкском султанате удерживалась одним и тем же этносоциальным слоем, то есть черкесской аристократией. (Poliak A. N. Le caractere colonial de l'Etat mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or // *Revue des etudes islamiques*. Т. 9. Paris, 1935. P. 242). Во-вторых, Кансав ал-Гаури не был мамлюком в точном смысле этого слова, а прибыл в Каир самостоятельно в 40-летнем возрасте. В-третьих, самое главное в этой цепи наблюдений, отца Кансава звали Биберд. (Ал-Ашраф Кансав ал-Гаури ибн Биберди. См.: Ibn Iyas al-Nanafi. *Journal d'un bourgeois du Caire*. Traduit et annoté par G. Wiet. Т. I. Paris, 1955. P. 1).

Все вместе, с учетом происхождения Муаййад Шайха, позволяет нам предположить, что султан Кансав являлся сыном того самого Биберда, владельца Кремуха, о котором писал Барбаро и который неоднократно упоминается в генуэзской корреспонденции. По возрасту, в 1516 г. Кансаву было 75 лет, он вполне подходит в сыновья Биберда, который правил Кремухом в 1452 г. Если наше предположение подтвердится другими источниками, получается, что Муаййад Шайх был представителем 5-го поколения династии, Кертибей (отец Биберда) — 6-го, Биберд — 7-го, Кансав — 8-го поколения, а Туманбай — 9-го.

Интерес представляет сообщение Ибн Ийаса о том, что родственников Кансава ал-Гаури, направлявшихся, по всей видимости, через Крым в Каир, задержал крымский хан. (Ibn Iyas al-Nanafi. *Journal...* P. 411, 435). Вообще, это говорит о недружественном характере отношений Кремуцкого княжества с Крымским ханством и Османами.

Восточная граница Черкесии. Кавертеи Иосафата Барбаро, 1452 г.

Иосафат Барбаро зафиксировал расселение кабардинцев на восток от черкесского княжества Кремук через три княжества или субэтнических подразделения: «За Кремухом обитают разные народы, в недалеком расстоянии один от другого, как то киппики, татакозцы, собайцы, кавертейцы и ас или аланы». (Барбаро И. Путешествие в Тану // АБКИЕА. С. 42).

Кремук надежно ассоциируется с Темиргоем. Соответственно делаем отчет от восточной границы культуры Белореченских курганов, т.е. от реки Лабы в ее среднем течении. Какие территории занимали киппики, собай, татакозцы мы не знаем, но даже если на каждое племя приходилась узкая полоска земли в 50 – 70 километров, вытянутая вдоль Главного хребта, то западные пределы кабардинцев начинались в 150 – 200 километрах от Лабы. Так и было в последующие века.

Источник говорит, что за кабардинцами следуют аланы или асы. Действительно, за Кабардой должны были начинаться остатки аланов в лице позднее известной нам Осетии. У Интеориано говорится, что черкесские земли тянутся на восток на восемь дней пути. На наш взгляд, день пути верхом позволял преодолеть 100-километровое расстояние. Тем более, правобережье Кубани лишено рек и естественно имело торную дорогу с запада на восток Северного Кавказа. Правобережье Кубани в этот период было местами заселено адыгами и пределы Кремука и других черкесских княжеств выходили на правый берег. Можно предположить, что жители Закубанья для более быстрой езды переправлялись на правый берег, так как само Закубанье покрыто массой рек с еще более многочисленными притоками. Барбаро за три дня преодолел расстояние от Таны в устье Дона до Кремука – это более 300 километров. Тогда протяженность Черкесии на восток в 1500 году равнялась 800 километрам. Это примерно современный Пседах в Чечне.

У Барбаро содержится еще одно свидетельство значительного распространения пределов Черкесии на восток. При повествовании об одном из эпизодов междоусобной борьбы татар, имевшем место около 1438 г., он подчеркивает, что значительная армия татар, возглавляемая мятежными ханычами, из района Кумыкии (*le campagne de Tumen*), в нижнем течении Терека, двинулась к устью Дона, «обогнув Черкесию» (*intorno apreso la Circassia*). (Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану // Каспийский транзит. Т. 2. С. 108). Спрашивается, какую Черкесию так старательно могли огибать ордынцы, если не занятую уже адыгами Кабарду?

Одним из важных нарративных свидетельств существования Кабарды является сообщение русских летописей о бегстве осенью 1445 г. в «Черкасскую землю» казанских царевичей Касима и Якуба, сыновей хана Улуг-Мухаммеда. Согласно русским источникам, царевичи скрывались от своего брата Махмутека, убившего отца и одного из своих братьев Юсуфа. Известно, что прежде, чем направиться в Черкесию, братья бежали в Астрахань. Переход из Астрахани в Кабарду вполне логичен. Мы знаем, что так поступали потом очень многие татарские беглецы. Вряд ли здесь речь шла о западночеркесских областях. В литературе иногда высказывается еще более смелое предположение, что царевичи нашли приют в приднепровских Черкассах. И географически, и политически сомнительный маршрут. Тем более, что в «Черкасской земле» царевичи нашли надежное убежище, здесь собрали большое войско и двинулись на Москву, где их союзнику Василию II Темному была необходима их поддержка в возвращении трона. (Зимин А. А. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 118).

Само выражение «Черкасская земля» указывает на страну адыгов, тогда как Черкассы были не более, чем форпостом Литвы на юге. Ш. Ф. Мухамедьяров отмечает, что в случае с перемещением казанских царевичей речь шла о черкесской области, «расположенной в непосредственной близости от района Нижнего Поволжья». (Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 2: Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского Халифата (сер. XIII – середина XVI в.). М., 2002. С. 158).

Казанские беглецы, как мы можем предположить, направились в Черкесию по двум причинам: 1) это была страна, которую напрямую и надежно не контролировал ни один из татарских владык; 2) они могли иметь с черкесами родственные отношения по женской линии либо по линии аталычества, что подтверждается многими примерами крымской и астраханской истории.

Самое неожиданное свидетельство существования Кабарды — это сообщение о походе великого князя литовского Витовта в 1412 г. в Кабарду против «черкасов пятигорских». (Жук В. Где же произошла битва Витовта? // Дорогами тысячелетий. М., 1989. С. 176). Этот поход был следствием ордынской политики Витовта, отряды которого проникали на восток вплоть до Астрахани. Он помогал Тохтамышу, его сыновьям. У него была масса ордынских вассалов. Известно, что Витовт вывел к себе на службу из Крыма и других областей Орды большое число татар и евреев-караимов. Последние пользовались его особой благосклонностью и несли службу в Тракае — великокняжеской резиденции. Вполне возможно, что поход в Кабарду привел к появлению в Литве каких-то кабардинских поселений. На карте Литвы есть поселок Кибартай. (Атлас мира. М.: «Слово», 1999. С. 120 — 121).

«Витовт, — пишет В. Жук (Полтава), — разрешает селиться на Левобережье Днестра выходцам из Орды, недовольным ордынскими правителями. После этого похода начинается довольно интенсивная со времен Батыева разорения колонизация территории Полтавского края. Черкесские племена, которые еще задолго до похода Витовта начали селиться на Правобережье, где основали город Черкассы, теперь в значительном количестве снова прибывают в Поднепровье и обосновываются в Посулье, а частично в Поворсклье». (Жук В. Где же произошла битва Витовта? С. 176 — 177).

Восточные пределы Черкесии во время путешествия Амброджо Контарини в 70-е гг. XV в., вероятно, достигали Дагестана: «Здесь (в Дербенте. — Прим. С. Х.) есть глубокая долина, которая тянется до Черкесии». (Там же. С. 251). Контарини пользуется определением «степи Черкесии», где кочуют татары Большой Орды. (Контарини А. Хождение в Персию // Каспийский транзит. Т. 2. С. 256, 278). Контарини отмечает достаточно низкий военный потенциал татар Большой Орды, которая может выставить только около двух тысяч хорошо экипированных воинов, но при этом: «Татары пользуются славой безумных храбрецов, потому что делают набеги и грабят черкесов и русских». (Там же. С. 259).

В XVI в. Франческо Тьеполо подчеркивает, что Астраханское ханство граничит с черкесами: «область Читракан» в качестве восточного рубежа имеет Волгу, отделяющую ее от ногаев, с юга Каспий и отроги дагестанских гор, «с запада — чиркассы, с севера — Кумания. От двух последних она отделена бесплодной степью». (Аннинский С. А. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Исторический архив. Т. 3. М.-Л., 1940. С. 332 — 333).

Джованни Тедадьди, флорентийский купец и дипломат, около 1554 г. совершил поездку в Иран через Москву, Астрахань и Черкесию: «Порт этот (т.е. Астрахань — Прим. С.Х.) принадлежит великому князю (Астрахань стала русской в 1556 г., но в 1554 г. русские войска содействовали воцарению хана Дербыша — Прим. С.Х.); здесь бывает большое стечение народа и прославленная торговля. Далее Тедадьди (известия Тедадьди пересказываются римским послом в Польше Антонио Поссевино — Прим. С.Х.) вступил в страну черкесов; это славные люди (buona gente), христиане-якобиты. В 7 дней они провели его верхом на вьючных лошадях до границ Персии. От Астрахани 300.000 шагов до Черкесии. Земли около Каспийского моря населяют черкесы и живут до границ Персии... А в Москве есть люди, умеющие говорить по-черкесски, а черкесский язык особенный и своеобразный». (Тедадьди Дж. Известия о России времен Ивана Грозного // Северный Кавказ в европейской литературе XIII — XVIII веков. Нальчик, 2006. С. 42).

«Степи Черкесии» по Контарини — все равнинное пространство между Азовским и Каспийским морями. Восточный сектор — современные Ставрополье и Калмыкия — были местом кочевки татар Большой Орды. А земли ближе к Тереку были уже настоящей Черкесией-Кабардой. Западный сектор «степей Черкесии» был изъят из кочевого оборота татар очень скоро — в конце XIII — начале XIV вв. Здесь это географическое понятие обрело реальное политическое содержание, повседневный смысл.

Большая Орда являлась правопреемницей Золотой Орды, ее срединным владением. Ее татарское наименование Тахт Эли, т.е. Тронное или Престольное владение. (Зайцев И. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004. С. 99). Напомним, что факт свержения татарского ига над Русью постулируется из успешного завершения для Ивана III его затяжного военно-политического противостояния именно с этим татарским государством.

Население Орды перемещалось в пространстве между Доном и Астраханью, а более западные районы, лежащие между Доном и Днепром перешли под контроль молодого Крымского ханства. Степь, истощенная двухвековой экстенсивной эксплуатацией, перестала питать систему жизнеобеспечения кочевников. Во многих отчетах звучит тема голода в Орде.

Единственной надеждой на спасение для Большой Орды было обретение прочной продовольственной базы в Черкесии, пастбища которой могли прокормить практически любое количество ордынских стад. А закубанские, замалкинские и затеречные луга вовсю зеленели тогда, когда трава к северу от Терека выгорала полностью.

Богатый район Пятигорья манил ордынцев еще и своей открытостью, но адыгское население было уже столь сильно, что его победы над Ордой звучат почти в каждом отчете этого периода. Летом 1498 г. посол в Молдавии сообщал в Москву: «А нынеча государь, ко царю к Менгли-Гирею пришли вести изо Орды из Ши-Ахметевы, а сказывают, государь, Орда та вели голодна и охудела. Да еще, государь, сказывают, приходили Черкасы на Большую Орду, да побили, государь, сказывают, татар Большой Орды добре много». (Цит. по: Зайцев И. Указ. соч. С.99 – 100).

В августе 1500 года Иван Кубенский, московский посол в Крыму, сообщал: «А Орду, государь, сказывают в Пяти-Горах под Черкасы, о голодну кажут и безконну добре». (Там же. С. 101).

В донесении И. Мамонова (осень 1500 г.) говорится: «А Тюмень и Черкасы Орде недруги, и там вся Орда отвсяля блюдет, затем там и не пахали. А слух, государь, таков, что Ши-Ахмет сюды (т.е. на Дон – Прим. С.Х.) и не хотел, да улусы не захотели быти под Черкасы, и Ши-Ахмет с ними покочевал к Дону». (Там же. С. 102).

Портолан Фредуче Анконского, 1497 г.

Одним из наиболее известных картографических памятников эпохи портоланов является портолан Черного моря, составленный в 1497 г. Фредуче из Анконы или, точнее, Конте ди Оттомано Фредуччи. Время составления интересно тем, что это самый конец XV в., уже открыта Америка и мореплаватели обогнули Африку. Наступила блестящая эпоха великих географических открытий.

Старое, давно и тщательно обжитое европейскими картографами пространство Средиземноморья и Черного моря, имеет весьма точный контур побережья. Вдоль этого контура нанесены хорошо знакомые европейцам названия тех стран и областей, в которых во множестве побывали и даже веками проживали их соотечественники.

В XVI в. портоланы неуклонно уступают свои позиции и им на смену приходят географические карты, авторы которых делают упор на отображение внутриконтинентальных пространств, зачастую в ущерб прежней точности портоланов. Черное море постепенно искажается в некую абстрактную форму большого водного пространства, лишь отдаленно напоминающего красивые и точные очертания морских путеводителей прежних двух столетий. Таким образом, портолан Фредуче – это своего рода итог развития европейских портоланов за два столетия.

Итальянские картографы, в сравнении со всеми другими школами, имели наиболее точное представление о бассейне Черного моря. На Западном Кавказе, в направлении с запада на восток, последовательно указаны три страны – Зикхия (Зихия), Авогазия (Абазия), Менгрелия (Мингрелия). Показано, что все эти страны имеют значительные территории не только по побережью, но и в глубине континента.

Фредуче из Анконы. Карта Черного моря, 1497 г. Фрагмент. См.: Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно. Изданный Г. Спасским. М., 1850. Карта помещена между страницами 94 и 95.

Названия Зикхия и Авогазия продублированы более мелким шрифтом на побережье. Вполне вероятно, что автор имел в виду примерно те районы побережья, где эти две области соприкасались. Авогазия на побережье указана сразу за Коста (Хоста) — там, где в последующие века смыкались Черкесия и Абхазия. Названия Мауро Зикхия и Альба Зикхия (Черная и Белая Зихия соответственно), скорее всего, можно объяснить различиями в социальном устройстве в этих двух областях одной страны.

Происхождение названия Анапа

На портолане Весконте 1318 г. на месте Анапы отмечено поселение Мапа (*mapa*). На портолане Адриатического и Черного морей, составленном в XV в. в Венеции (Национальная библиотека Марчиана, Венеция), на месте Анапы отмечено поселение *mapa*. Это название указано на многих портоланах (навигационных картах) XIV — XVI вв. Ф. Брун перечисляет 10 портоланов XIV — XV вв., включая Весконте и Фредуче, на которых отмечено название *mapa*. (Брун Ф. Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасовым картам // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 9. Одесса, 1875. См. приложение: Топографическая таблица Восточного берега Черного моря по периплу Безымянного и по компасовым картам в сравнении с нынешними).

В генуэзской переписке XIV-XV вв., как правило, употребляются такие формы, как Мара или Марагиум. (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний... С. 84).

Таким образом, Мара — это сокращенный вариант от Марагиум. Данное название является связующим звеном с исходной формой — греческим словом *emporium* «торговая площадь, рынок, торговый город». (Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2003. С. 282).

А. В. Гадло отмечает процесс деградации бывших античных городов в V – VI вв. в крупные «торжища-эмпории, через которые осуществлялась связь Византии с кочевыми объединениями северокавказской степи и коренным оседлым населением предгорий». (Гадло А. В. Коренное население Западного Кавказа. Адыги во второй половине I тысячелетия н. э. // Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2004. С. 200).

Это превращение *Эмпориума* в *Манариум* с последующим сокращением *Mana* – вполне соответствует другим искажениям римских и греческих названий в средние века. Так, греческое Таматарха сократилось до Матарха, а в итальянских написаниях приобрело форму Матрега.

Форма *Анапа* впервые появляется в последней четверти XV в. в османском отчете об экспедиции в Черкесию. Ибн Кемаль, сведения которого относятся к 1479 г., сообщает о захвате османским десантом двух крепостей в Черкесии – *Кубы* (Копы) и *Анабы* (Мапы). (Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в. М.: Наука, 1990. С. 52 – 53).

Таким образом, название Анапа, согласно предложенной версии – османское искажение более старого итальянского названия, которое, в свою очередь, искажило старое греческое-византийское наименование. Вполне вероятно, что названием Анаба / Анапа анатолийские турки пользовались задолго до своих походов на Кавказ. Десантная экспедиция снаряжалась не в неизвестность, а для захвата определенных пунктов черкесского побережья. Этих, предшествующих походу, документов у нас нет, но, вполне вероятно, таковые существуют в турецких архивах. Адыги же усвоили себе османское наименование, которое прочно вошло в обиход и стало восприниматься как сугубо адыгское по своей природе. Чему способствовали его морфологически и фонетически близкие к адыгскому языку облик и звучание.

Зихия (Черкесия) как основная страна Северо-Западного Кавказа на портоланах конца XV – XVI вв.

В рукописном атласе портоланов «*Atlante nautico*» конца XV в., хранящемся в библиотеке Святого Марка в Венеции, Зихия (*Zicia*) указана как главное название всего пространства между Доном и Черноморским побережьем Северо-Западного Кавказа. (Восточное Средиземноморье и Черное море. Рукописный атлас портоланов «*Atlante nautico*» конца XV в. Карта (*tavola*) 3. Национальная Библиотека Святого Марка, Венеция // *Atlante nautico* [Manoscritto], fine 15. sec. Ms. It. IV 9 (= 5090). Tav. 3, ff.2r-1v - Mediterraneo orientale e Mar Nero. <http://geoweb.venezia.sbn.it/geoweb/ods/index.aspx?s=msit9509%2fc%2f&i=7054&n=3&p=7d&t=cp>).

На портолане Весконте Маджоло (*Vesconte Maggiolo*) из Неаполя, созданном в 1516 г., за год до крушения режима черкесских мамлюков в Каире, на территории центрального Закубанья крупно нанесено *Zichia* (Зикхия, Зихия, Зичия). То обстоятельство, что *Mengrelia* отмечена как крупная страна на правой стороне Кубани, отображает лишь тот факт, что составитель четко знал, что существует такое значительное политическое образование на Западном Кавказе, но не имел четкого представления о его локализации (http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/9a/Vesconte_Maggiolo_World_chart%2C_from_eastern_coasts_of_America_to_India_PORTOLAN_CHART_Naples%2C_1516.jpg).

На портолане Иеронима Верразано 1524 г., помещенном на сайте «Gallica» Национальной библиотеки Франции, на всем пространстве Северо-Западного Кавказа нанесена надпись: «Колхи или Чаркасы» («*Cholchi sive Carcasi*»). (Hieronimus Verrazano. Carte de la Mer Méditerranée, de la Mer Noire et de l'Océan Atlantique nord-est. 1524 // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5901149j.r/>). (См. карту 6).

Морской атлас с надписями на греческом языке, составленный «Луккским Анонимом» в середине XVI в., содержит портолан Черного моря, в общих чертах воспроизводящий порто-

ланы итальянских мастеров. На территории Восточного Приазовья крупно нанесено Τζερκασι – «Тзеркаси». (Фоменко И. К. Образ... С. 215). Эта греческая форма этнонима «черкесы» восходит к арабской форме Джаркас.

Лукский Аноним. Карта Черного моря, фрагмент.

Генуэзский картограф Джакомо Маджоло (1504 – 1588) составил выдающуюся карту Средиземноморья и Черноморья в 1563 г. Зихия (ZICHIA) помещена у него крупно между Кубанью и Доном. На Кубани он поместил Авогаксию (AVOGAXIA) и Менгрелию (MENGRELIA) – аккуратно под кавказским хребтом, к западу и востоку от, предположительно, Кодора, над Саватополи. (Jacopo Maggiolo (Genoa, 1504 – 1588), Carte marine de la Méditerranée. Gênes, 1563. 85 x 102,5 cm. BnF, département des Cartes et Plans. http://expositions.bnf.fr/marine/grand/por_041.htm).

Существенно выше по течению Дона, над Таной, крупно указана Сикия (Çichia) на портолане Джорджио Сидери по прозвищу Каллапода из Кандии 1565 г., доступном на сайте «Gallica» Национальной библиотеки Франции (Callapoda, Giorgio. Carte de la Mer Méditerranée, de la Mer Noire, de la Mer Rouge et de l'Océan Atlantique nord-est. Giorgio Sideri dicto Calapoda Cretensis fecit nel anno Domini 1565 die ... Iugai 1565 // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5901154v.r/>).

Вторая крупная политическая единица западнокавказского пространства у Сидери – Мингрелия, широко начертанная в Закубанье. На Пицунде (Pezonta) установлен турецкий флаг, символизирующий, очевидно, пределы влияния турок на южном Кавказе. Название Авогахиа стоит на привычном месте, маркируя северо-западную границу Абхазии и сохраняя представление о существовании Абхазского княжества в составе большой Мегрелии.

Карта Московии Паоло Джовио 1525 г.

Одним из источников информации о России для Джовио являлся его современник, русский книжник и дипломат Деметрий Герасимов («посол Дмитрий», Дмитрий Толмач, Дмитрий Схоластик, латинизированное имя Деметрий Эразмий, лат. Demetrius Erasmus, ок. 1465 – после 1535 или 1536), один из первых посредников между европейской культурой эпохи Возрождения и Московским государством. В 1510 – 1525 гг. неоднократно находился в составе посольств в Европе, в том числе в Вене.

Джовио, Паоло. Карта Московии. 1525 г. Фрагмент.
Ксилография. Российский государственный архив древних актов. Ф. 192. Оп. 6. Д. 963.
<http://rusarchives.ru/statehood/04-12-karta-moskoviya.shtml>.

Находясь в Риме, летом 1525 г. Герасимов выступил консультантом Паоло Джовио, опубликовавшего затем «Книгу о посольстве Василия, великого князя Московского, к Клименту VII» (Pauli Jovii Novocomensis de Legatione Basilii Magni Principis Moscoviae ad Clementem VII liber). Книга содержит много географических и культурных сведений о России (а также Швеции и Дании, также хорошо известных Герасимову), достаточно точных. Джовио сообщает о чертеже Московии и сопредельных ей земель, который, однако, не был найден ни в одном из экземпляров его книги. Первый и единственный ныне известный экземпляр этого чертежа, датированный 1525 г., был выставлен на аукционе Sotheby's, проходившем в Лондоне 7 декабря 1993 г. Сейчас он хранится в Москве, в собрании РГАДА, ксилография, ок. 80 на 40 см, вверху справа в картуше: «MOSCHOVIAE Tabula ex relatione Demetruē ... Anno M.D.XXV. Mīse Octob»). Фактически, это первая гравированная карта России. (См. статью «Дмитрий Герасимов» в Википедии).

Предполагается, что Герасимов сообщил Джовио лишь устные сведения, но не начертил и не передал ему никакого изображения; это подтверждает датировка чертежа октябрём 1525 г., то есть временем уже после отъезда посольства.

Очевидно также, что Джовио пользовался не только сведениями Герасимова. С большой долей уверенности, мы можем полагать, что Джовио опирался также на книгу своего современника генуэзца Джорджио Интериано «Быт и страна зихов, именуемых черкесами», вышедшую в свет в Венеции в 1502 г. Учитывая то обстоятельство, что Джовио испытывал огромный интерес к мамлюкскому Египту и Османской империи, в целом, к Востоку, мимо его внимания никак не могла пройти книга о черкесах, изданная в его городе. Джовио оставил нам описание мамлюкского государства, снабженное необычайно любопытными портретами трех султанов черкесской династии — Каитбая, Кансава ал-Гаури и Туманбая. (Pauli Jovii

Novocomensis episcopi Nucерini Vitae illustrium virorum : tomis duobus comprehensae, & proprijs imaginibus illustratae. 1578. <http://www.pitts.emory.edu/woodcuts/1578Giov1/00021365.jpg>).

Поэтому, небольшой комментарий, начертанный им на карте 1525 г., (к востоку от Азовского моря), по всей видимости, восходит к Интериано: «Ханская область, населенная чиркасами-христианами, которые в другое время поставляли рабов в Каир, к великому султану». («Hant regionim habitat Circassi Christiani qui alias venales Саутum ad magnum Soldanum portabantur»).

Вот две цитаты из Интериано на тему связи Черкесии с мамлюкским Египтом: «Большая часть проданных увозится в город Каир, в Египет, и таким образом [случается], что фортуна превращает их из самых жалких крестьян на свете, какими они были, в величайших владык на свете и государей нашего века, а именно, в султанов, эмиров и т. п.». «Эти зихи по большей части красивы и хорошо сложены, а в Каире можно встретить людей [отличающихся] величественной наружностью между мамелюками и эмирами, большинство которых, как было сказано, из их племени». (Интериано Дж. Быт и страна зихов... С. 48, 50).

В дальнейшем, итальянские картографы опирались на карту Джовио и Герасимова.

Карта Московии Баттиста Аньезе 1554 г.

Генуэзец Баттиста Аньезе (Battista Agnese, ок. 1500 – 1564), трудившийся в Венеции, в 1553 г. составил рукописный атлас, включивший морскую карту с прямой ссылкой на Дмитрия: «Карта Московии, составленная по рассказу посла Дмитрия» (Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descripta). На этой карте ближе к устью Дона отмечена CIRCASSIA, а на Западном Кавказе – MENGRELIA.

Интересно, что уже на следующий год (1554) Аньезе составил свой очередной морской атлас, в котором регион Черкесии не содержит названия Черкесия, а вместо него в районе Восточного Приазовья широко нанесено «MENGRELLI». Зато тут же помещен весьма любопытный пояснительный текст, посвященный черкесам. Это напоминает нам карту Джовио, но содержание текста иное.

В. А. Кордт отмечал влияние карты Джовио и, соответственно, Герасимова на представление Аньезе: «В 1871 г. венецианский книгопродавец и издатель Ф. Онганья приступил к изданию целого ряда рукописных карт итальянского происхождения и в 1881 г. выпустил морской атлас Баттисты Агнеше, составленный в 1554 г. (Carte nautiche di Battista Agnese dell'anno 1554; 34 tavole in folio. Venezia, 1881. Подлинник этого атласа хранится в библиотеке св. Марка в Венеции). В числе 34 карт этого атласа находится и карта России 1525 года с современной надписью слева вверху: Moscoviae tabula relatione dimetrii legati descripta sicuti ipse a pluribus accepit, cum totam provinciam minime peragrasset anno MDXXV octobris. Михов в своей книге о древнейших картах России впервые указал на то, что упоминаемый «dimetrius legatus» есть Дмитрий Герасимов, и что эта карта Баттисты Агнеше «составленная по данным посла Дмитрия» есть именно та карта, которую Иовий обещал приложить к своей книге». (Материалы по истории русской картографии / Под. ред. В. А. Кордта. Вып. I. Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899. 15 с., 32 табл. С. 3).

Кордт, прочтя на карте ссылку на посла Дмитрия, сделанную Аньезе, ошибочно предположил, что перед ним и есть та самая карта 1525 г., составленная Джовио под влиянием Герасимова, и просто перерисованная Аньезе. На самом деле, карта Аньезе 1554 г. очень сильно отличается от карты 1525 г.

На карту 1554 г. с надписью о черкесах указывает в своем обстоятельном труде признанный специалист в области исторической картографии России и бассейна Черного моря И. К. Фоменко. Он приводит перевод данного текста: «В этой земле проживают чиркасы-христиане, которые за большие деньги занимаются перевозками на своих судах, выдолбленных из цельных стволов деревьев, из одного места в другое». (Фоменко И. К. Образ мира... С. 180).

Изображение этого текста Фоменко, к сожалению, не приводит. Более того, в силу неизвестных нам причин, он опубликовал не ту карту с цитируемой надписью, а очень похожую

без надписи. Рисунок 16-й, на который указывает Фоменко в своей книге, помещен на следующей странице после процитированного отрывка, но вместо Аньезе мы находим здесь портolan 1439 г. Габриэла де Валсеки. (Там же. С. 181). Говоря о карте с пояснительной надписью о черкесах, Фоменко дает ссылку: «Fac-Simile delle carte nautiche di Battista Agnese dell'anno 1554. Venezia, 1881. Атлас состоит из 34 листов; бассейн Черного моря – лист № 11-а; бассейн Черного моря и Восточная Европа – лист № 23-а».

Заглянув, по совету Кордта и Фоменко, на сайт библиотеки Святого Марка в Венеции, мы обнаруживаем искомую карту с текстом о черкесах:

Аньезе, Баттиста. Хорографическо-морская карта Московии, 1554 г. Фрагмент с легендой о черкесах.
 Agnese, Battista. Carta corografico-nautica della Moscovia // Battista Agnese.
 S. I. [Venezia], 1554-1556. С. 24, ff. 24v-25r // <http://geoweb.venezia.sbn.it/geoweb/ods/index.aspx?s=msit6250%2fc%2f&i=6815&n=24&p=7e&t=cp>.

Источником сведений о черкесах как опытных мореходах для Аньезе мог послужить трактат австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (1486 – 1566), современника Джовио и Герасимова, побывавшего в Москве в 1517 и 1526 гг. Вполне вероятно также, что одним из информаторов Герберштейна выступил Дмитрий Герасимов.

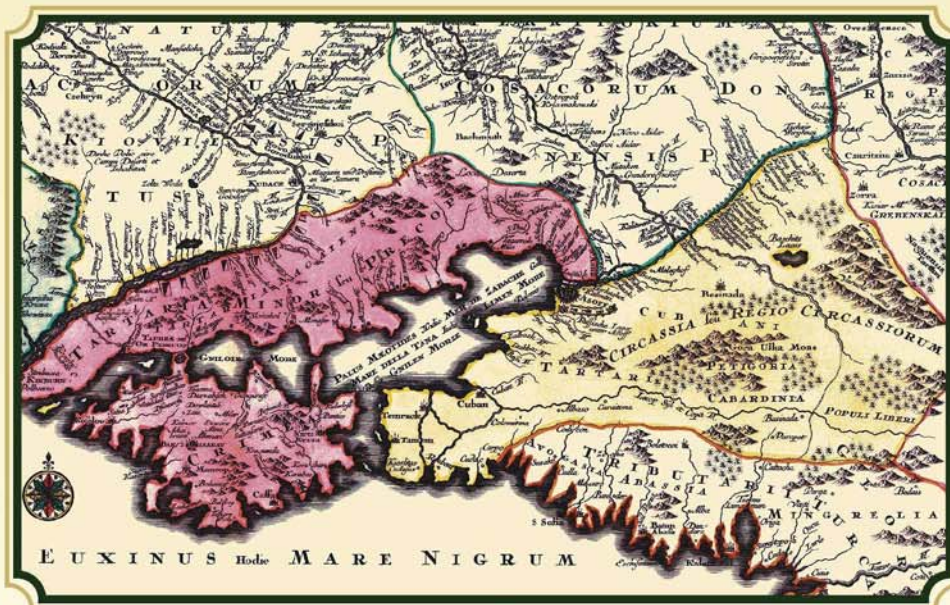
Напомним этот отрывок из книги Герберштейна: «Это крайне дерзкие морские разбойники, ибо по рекам, стекающим с гор, они спускаются на судах в море и грабят всех, кого могут, в особенности плывущих из Каффы в Константинополь». (Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 181).

Но, помимо Герберштейна и Герасимова, о военных предприятиях черкесов на море общались в это время венецианские дипломаты. Так, в донесении Винченцо ди Алессандро за 25 июля 1572 г. из города Конья сообщается, что «черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разрушили за 300 миль отсюда все поселения побережья, разорили турецкие виноградники и перебили множество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары, вследствие чего опасаются, как бы они не пришли в этот город (Конья). – Прим. С. Х.». Из Трапезунда были снаряжены 6 вооруженных галер для защиты этой местности, с приказом от султана Селима II не выходить из порта, но сторожить только город, так как боялись, что черкесы еще больше увеличат число своих кораблей. Посол добавляет: «А мне было велено

держат путь на Грузию и Черкесию, но из боязни тех корсаров я повернул обратно». (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний... С. 98).

Среди карт Аньезе следует также выделить портолан «Европа», хранящийся в библиотеке Британского Музея, на котором кавказский регион содержит уже более точное распределение основных этносов и населяемых ими мест. (Agnese, Battista. Portolan Chart of Europe Showing the British Isles f. 7v. 1540. Британская библиотека (British Library). <http://www.bl.uk/onlinegallery/onlineex/unvbrit/p/001add000021592u000070v0.html>). Здесь мы видим MINGRELIA на месте исторической Мегрелии. Абхазия, указанная как ABACVAS REGI, смещена на северный склон и это может породить иллюзию того, что перед нами первое картографическое свидетельство присутствия абазинского населения в Черкесии. Таковое, в виде абазин-тапанта, уже находилось на территории горного сектора Восточного Закубанья, но вряд ли сведения об этом могли быть столь быстро запечатлены на современных картах. Свет проливает надпись *aqua*, которая представлена как главный населенный пункт «абакуасской области». *Акуа* — это абхазское наименование Сухума. Соответственно, картограф, по всей видимости, вполне уверенный в том, что между Мегрелией и Черкесией должна быть еще и Абхазия, нашел для нее место, но сместил далеко от побережья.

Черкесское пространство на европейских географических картах XVI–XVIII вв.

«Татары воздерживаются ходить в Чиркасию, потому что там очень воинственный народ. Хан отправляется туда лишь в том случае, когда какой-нибудь знатный черкес позовет его на помощь, дабы мстить врагу своему, друтому могучему князю. Чиркасия разделена между многими владельцами, ими называемыми – бей. Они более склонны к междоусобицам, чем христианские владетели, и постоянно воюют из-за краж, так что иной отец не всегда безопасен от сына своего или брата; враждуя по поводу судебных приговоров и убийств, что у них случается ежедневно, а иногда из-за вопросов чести, они дерутся без пощады.

Чиркасы гордятся благородством крови, а турок оказывает им великое уважение, называя их черкес спага, что означает благородный, конный воин. Действительно, чиркасская знать, даже когда ради забавы посещает близких соседей, появляется всегда верхом, в кольчугах и шишаках, с украшениями в виде розеток из золоченого серебра. Их кони очень красивы и легки, крупных размеров, но притом стройны, равно как и сами всадники стройны, изящны и тонки в поясе; у них кровь алая, благородная, глаза черные, брови дугой, особенно у женщин, которым, я думаю, можно отдать предпочтение перед всеми другими женщинами в мире».

Эмиддио Дортелли де Асколи. Описание Черного моря и Татарии, 1634 год.

Период XVI в. – 1864 г. – эпоха Нового времени в истории Черкесии.

Новое время для Черкесии стало периодом постепенного утверждения ислама. Исламизация адыгов стала процессом чрезвычайно растянутым во времени и пространстве. Важно отметить, что на территориях, наиболее близких к Турции, таких как Натухай, Шапсугия и Убыхия, ислам получил повсеместное распространение в самую последнюю очередь – уже во второй трети XIX в. Наряду с мечетями, местами богослужения здесь по-прежнему были священные рощи, а ислам оказался в самой невероятной форме переплетен с язычеством и пережитками христианства.

Этнонимический критерий для определения Нового времени сводится к следующим важным показателям: 1) Внешнее обозначение практически одно – черкес, хотя есть группа источников, в которых адыгоязычные коллективы скрыты за этнонимом абаза. 2) С самого начала нового времени используется единое самоназвание – адыгэ. 3) В источниках начинают использоваться субэтнические наименования адыгов: Иосафат Барбаро в середине XV в. упомянул кавертей (кабардинцев) в восточных пределах Черкесии и княжество Кремух в ее центре, которое очень логично сближают с кемиргой-темиргоевцами; в первой половине XVI в. в османских, крымских и русских источниках появляются хатукай, бжедуг, кабартай (кабардинцы), жане, кемиргой (темиргой), бесленей; в XVII в. к этому списку добавляются хегайки (шегаки Челеби), адамиевцы, махошевцы (мамшух Челеби), садзы; в первой половине XVIII в. – шапсуги, натухаевцы, абадзехи, убыхи.

Внешнеполитический критерий основан на торжестве двух империй – Российской и Османской.

Османо-черкесские отношения отличались крайним своеобразием на фоне почти бескрайнего могущества и грандиозного имперского замысла, которые характеризовали дом Османов в XIV – XVII вв. Владения Османов простирались от Атлантики до Персидского залива и от Венгрии до Судана. В 1453 г. тысячелетняя столица Византии становится столицей Османской империи. При султани Сулеймане Великолепном (1520 – 1566) владения Османской империи стали напоминать владения Византийской империи при Юстиниане Великом (527 – 565), что, наряду с усвоением культурного наследия и вливанием массы греческих чиновников и феодалов в османский управленческий класс, дало основание В.Э. Аллену назвать Османскую империю реинкарнацией Римской империи. (Allen W.E.D. *Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century*. L., 1963. P. 48 – 49).

Обычно XVII в. относят к периоду упадка Османов, но мы должны помнить, что в 1683 г. Вена, столица Габсбургов, едва не стала очередным трофеем турок. Без всякого преувеличения, одна из старейших монархий Западной Европы стояла у порога своего краха.

На протяжении всей первой половины XVI в. Крымское ханство предпринимает активные попытки поставить Черкесию под свой контроль. И, если полагаться на крымские отчеты, то наибольшего успеха удалось достичь в 1545 г. хану Сахиб-Гирею. Итогом полувекового крымского натиска на Черкесию стало тройственное статус-кво: Бахчисарай довольствовался вассальной зависимостью отдельных черкесских князей, Стамбул не допустил усиления ханства за счет Черкесии, а черкесы, при сохранении фактической самостоятельности, основали влиятельные лоббирующие группировки не только в этих двух столицах, но еще и в Москве. Зависимость от Крыма прикубанских князей из Жанэ (Джанея), Хатукая, Бжедуги, Темиргоя и Бесленея давала Бахчисарая весьма действенный инструмент воздействия в целом на всю страну адыгов. Но очень часто эта зависимость носила мимолетный характер либо оборачивалась фикцией. Тем более, что за спиной крымских вассалов стояли гораздо

более многочисленные адыгские горские общества, не признававшие власти ни этих князей, ни самого хана.

Зависимость от Турции была еще более эфемерной, так как полномочия османских комендантов крепостей в Темрюке, Тамане, Кизылташе ограничивались территорией Таманского полуострова. Суджук-Кале (тур. Sujuk-Qale или Soğusak) основали в 1722 г., но не против черкесов, а как опорный пункт на случай войны с Россией. Гарнизоны османских крепостей в Черкесии были крайне немногочисленны. Сильной крепостью была только Анапа, но она была построена поздно – в 1782 г., после поражения в войне 1768 – 1774 гг., и в ожидании очередной войны, которая началась в 1787 г. и продлилась до 1791 г.

Черкесия оказалась единственной страной по периметру Черного моря, которая была неподконтрольна османам. Точно также, как Зихия была единственной страной, неподконтрольной византийцам. При этом обе империи – Византийская и Османская – не ставили себе целью во что бы то ни стало покорить страну адыгов. Без войны османы получали все, что могли получить из Черкесии – строевой лес, руду, серебро, зерно, продукты животноводства, пчеловодства, невольников.

Гийом Левассер де Боплан около 1630 г. отмечал: «Тамань – город, принадлежащий Турку в стране черкесов (Circassie); в городке имеется плохонький замок, где на страже находятся до 30 янычар, подобно тому как в Темрюке, где охраняется переход к Азаку или Азову, важ-

Боплан, Гийом Левассер де. Карта Украины... 1639 г. Руан, 1660 г. Фрагмент, показывающий нам крайний запад Черкесии (Circassia) и две маленьких турецких крепости. Над турецкими крепостями отмечен полумесяц, тогда как над черкесскими поселениями – кресты. Genna – Джаней или Жанеевское владение. Cudos – Кудож, один из приморских пунктов Черкесии, которые назывались «кодошами», то есть священными местами.

Carte d'Ukraine Contenant plusieurs Prouinces comprises entre les Confins de Moscouie et les Limites de Transilvanie Dressez par G. L. V. sieur de Beauplan Ingenieur et Capitaine de l'Artillerie du serenissime Roy de Pologne. A Rouen. Chez Jacques Cailloue dans la Cour du Pallais. Из книги: Боплан Г. Л. де.

Описание Украины. М.: «Древнехранилище», 2004.

ному городу в устье реки Дон». (Боплан Г. Л. де. Описание Украины / Пер. с фр. З. П. Борисяк. М.: «Древнехранилище», 2004. С. 212 – 213). Как видим, в двух важнейших фортах на западе Черкесии в мирное время, в общей сложности, могло быть менее сотни янычар.

Рост могущества Москвы запаздывает за османским возвышением в целом на столетие, но северная империя к началу XVIII в. ликвидирует свое отставание, что выражается в активной черноморской политике уже Санкт-Петербурга. Черкесия в XVI – XVII вв. еще пользуется относительной свободой действий, стесняемой только Бахчисараем, но к середине XVIII в. оказывается зажатой между двумя гигантами.

Начиная с 1763 г., когда на территории Кабарды было возведено Моздокское укрепление, начинается столетнее героическое сопротивление адыгского народа царизму. И, если в период с 1763 по 1829 гг. война не имела непрерывного характера, то после Адрианопольского договора 1829 г. Кавказская война в Черкесии приобрела фронтальный характер. Адрианопольский договор стал важнейшей вехой в истории международных отношений в бассейне Черного моря. Договор впервые дал в руки царскому кабинету столь необходимый ему дипломатический инструмент в завоевательной политике на Северо-Западном Кавказе.

ГЛАВА 2

Черкесия в XVI – XVII вв.: у порога трансконтинентальной империи

Утверждение османского господства в Крыму и на Кавказе

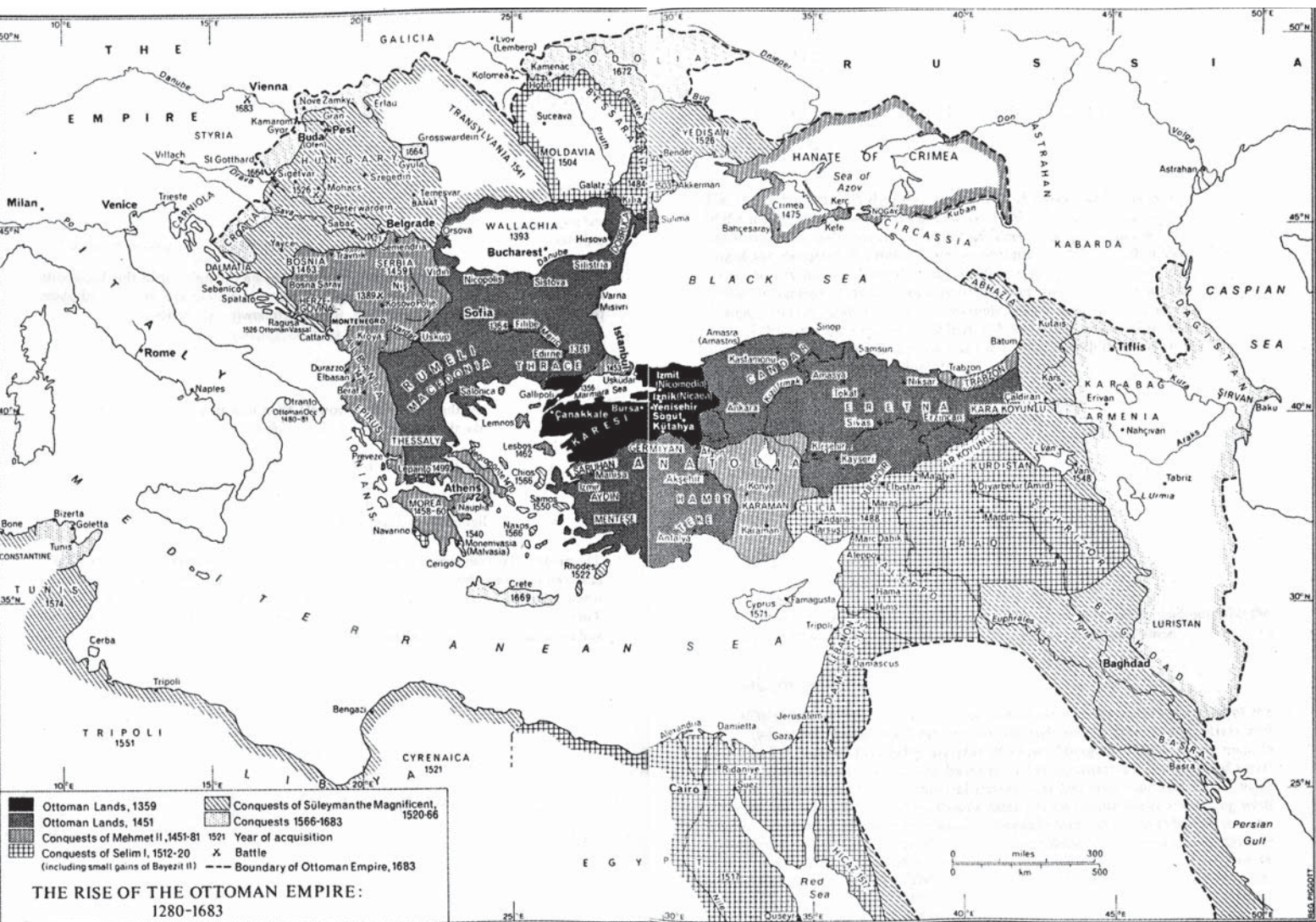
Османское завоевание юго-восточных районов Крыма, занятых генуэзскими колониями и готским княжеством, в корне изменило ход политической истории не только Крыма, но и Черкесии.

В 1475 г. черкесы испытали на себе силу османского оружия. Османский десант нанес удар по Копе, при обороне которой погиб местный черкесский князь. (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 128).

Вполне возможно, что это был Берзбук, часто упоминавшийся в генуэзской переписке. Интересно, что незадолго до вторжения османов Берзбук построил в Копе каменный замок, вызвав тем самым большую тревогу у генуэзцев. Оказалось, что это их беспокойство не имело смысла.

В 1479 г. состоялся первый поход турок против Черкесии. Ибн Кемаль описал его результаты в превосходных тонах, но занять высадившееся с кораблей войско сумело только Анапу и повторно Копу. (Некрасов А. М. Международные отношения... С. 52). Из письма Гизольфи, направленном им в Геную в 1482 г., мы узнаем, что Матрега также во власти турок. (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки... С. 128).

Турки довольствовались контролем над стратегически важным районом Керченского пролива. Они заняли под свой новый административный район – Кафинский санджак – наиболее стратегически и экономически важные территории – Керченский полуостров, Таманский полуостров, южный берег Крыма.

Возвышение Османской империи, 1280 – 1683 гг. См.: Shaw S. J. *History of the Ottoman Empire and Modern Turkey*. Vol. I. Cambridge, 2002. P. XIV – XV. Как видим, Стэнфорд Шо, признанный историк-османист, изображает Черкесию как независимую территорию, не входящую в состав Османской империи. Такое видение политического статуса Черкесии вообще характерно для большинства европейских карт, посвященных Османской империи. Тем не менее, Черкесия была в весьма существенной степени связана с Османской Турцией, а большинство владельных домов Черкесии на протяжении большей части османской эпохи признавали верховный сюзеренитет султана. Более того, сами черкесские князья были заинтересованы в покровительстве османского султана, как верховного арбитра в их непростых и часто конфликтных отношениях с Крымским ханством.

В 1478 г. султан Мухаммед Фатих II назначил Менгли-Гирея крымским ханом: «его облекли в украшенные по-царски одежды и в роскошный халат»; «султан предложил, а хан принял и был удостоен целования руки». Османская поддержка обеспечила Менгли-Гирею очень длительное пребывание на троне — до самой его смерти в 1515 г. По логике исторического процесса, в котором развивались татарские государства на обломках Золотой Орды, крымско-татарское ханство не должно было просуществовать дольше, чем Казань и Астрахань. Историческая судьба татарской государственности в Крыму была на три столетия продлена могуществом верховного сюзерена.

Второй раунд борьбы за расширение зоны своего господства в адыгских землях османы открыли в 1501 и 1502 гг., когда шах-заде (наследный принц) Мехмед организовал два похода в Черкесию и оба раза совершенно неудачно. (Некрасов А. М. *Международные отношения...* С. 73 – 74). В 1504 г. шах-заде попытался организовать еще один поход в Черкесию и потребо-

вал от хана Менгли-Гирея выделить войска, но экспедиция не состоялась ввиду того, что сам Мехмед был отравлен по приказу своего отца султана Баязеда. После столь неубедительного натиска Черкесия временно оказалась избавленной от османской агрессии. А. М. Некрасов подчеркивает, что обострение борьбы с кызылбашами, угрожавшими османам в Восточной Анатолии, заставило османское правительство прекратить наступления на Западном Кавказе. (Там же. С. 75).

Санджакбеем Каффы в 1505 – 1512 гг. являлся внук Баязеда Сулейман. (Там же. С. 81). А. М. Некрасов не приводит никаких сведений о военной или политической активности будущего великого султана-завоевателя против Черкесии. В тот же период, когда Сулейман был наместником в Крыму, бейлербеем Трабзона являлся его отец Селим. Причем длительный период Селим пребывал в Каффе у своего сына. Крым дал Селиму весь необходимый военный и финансовый ресурс для захвата власти. Менгли-Гирей являлся тестем Селима и дедушкой Сулеймана. Соответственно он был весьма заинтересован в возведении своего зятя на султанский трон. Селим при поддержке крымских татар устранил брата Ахмеда, наместника Анатолии, который считался преемником Байазиды.

Челеби рассказывает о дружбе Селима с черкесским князем Тамани Темрюком. (Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. С. 17 – 18). Видимо, именно князя Темрюка имел в виду венецианский посол в Стамбуле Сануто в своем донесении от 23 июня 1516 г.: «Черкес отправился к Черному морю против Софи, чтобы помочь государю своему Турку». (Некрасов А. М. Международные отношения... С. 84 – 85). Под «Софи» здесь подразумевается Сефевидский шах Ирана Исмаил.

Походы Сахиб-Гирея I в Черкесию в 1539 и 1545 годах были предприняты по приказу Сулеймана и при полном содействии санджакбея Кафы. Поводом для таких походов послужили нападения черкесских князей на османские крепости на Таманском полуострове, но существовали еще и важные геополитические причины. За год до этого, после длительной цепи неудач, армия шаха Тахмаспа впервые заняла Дербенд и вышла, таким образом, на прикаспийскую северокавказскую равнину, угрожая интересам османов отныне не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе.

В 1545 г. в составе ханского войска была османская артиллерия и янычары, вооруженные огнестрельным оружием. Санджак-бей Каффы обеспечил бесперебойную переправу через пролив на 300 судах. Тем не менее, покорить черкесов не удавалось. В 1552 г. начались военно-политические контакты черкесов с Москвой. В 1556 г. черкесские князья захватили обе черкесские крепости на Таманском полуострове.

В 1559 г. один из сыновей Сулеймана Великолепного Баязед, враждовавший с братом Селимом, бежал в Иран через Черкесию. (Кушева Е. Н. Народы... С. 216).

В 1562 г. после разрыва отношений с Москвой началось сближение с ханством и Турцией. (Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 221). В начале 60-х годов XVI в. в переговорах с московскими послами Девлет-Гирей делил западных черкесов на «черкасов турецкого», где были «турецкого санчаки», и своих «царевых черкасов». (Там же. С. 222). В 1565 г. бейлербей Каффы информировал османское правительство, что черкесский князь желает прибыть в Стамбул с целью принятия ислама, добавляя, что «некоторые черкесские племена подняли знамя султана, выплатили дань и покорились Порте», но при этом «Джанейцы пребывают в мятеже и угрожают Азаку». (Lemerrier-Quellejau Chantal. Co-optation of the Elites of Kabarda and Daghestan in the Sixteenth Century // The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. L., 1992, p. 29).

Черкесия в османо-сефевидской войне 1578 – 1591 гг.

В 1578 г. началась османо-иранская война, в которой на стороне османов выступили почти все князья Черкесии. Группу кабардинских союзников османов возглавил Асланбек Кайтукин, старший князь среди Кайтуковичей, который в османских источниках фигурирует как старший князь Кабарды. (Kirzioglu M. F. *Osmanlilar'ın Kafkas – Elleri'ni Fethi* (1451-1590). Ankara, 1998. S. 442).

В послании главнокомандующего Лала Мустафы-паши (январь 1578 г.), адресованном правителям Дагестана и ширванским принцам, особенно подчеркивалось, что «черкесская армия и татарский хан также с нами». (Фарзалиев А. Южный Кавказ в конце XVI в. Османо-сефевидское соперничество. СПб., 2002. С. 43).

Один из главных инициаторов войны бывший правитель Ширвана Мирза Абубекир-хан, согласно «Гюлистан-и Ирам» Бакиханова, «проживал в Черкесии и Дагестане». (Бакиханов Аббас-Кули-ага. *Гюлистан-и Ирам*. Баку: Элм, 1991. С. 102 – 103). Мирза Абубекир-хан успел заручиться поддержкой Мухаммад-Гирея, женившись на его дочери. Собрав около 3-х тысяч войска, в составе которого должны были быть и черкесы, он вторгся в Ширван и обратился за поддержкой к османскому султану Мураду. Таким образом, черкесы имели отношение к конфликту за Ширван с самого его начала.

В 1579 г. лично хан Мухаммад-Гирей возглавил армию и двинулся в Азербайджан, где нанес сокрушительное поражение противнику и с многотысячным полоном возвратился зимой с 1579 на 1580 г. через Черкесию в Крым.

В османских и крымских документах упоминаются черкесские беи со своими отрядами, вошедшие в состав армии Черкес Осман-паши: таманский Мехмед-бей, жанский Мехмед-бей, жанский Давуд-бей, кумуркуйский Каншук-бей, бесленейский Зор-бей, бузадукский Курекен-бей, бузадукский Алем-бей, бузадукский Эльбулад-бей, таманский Могатук-бей, жанский Ахмед-бей, согусский Кастук-бей, согусский Джагартук-бей, кабартайские беи: Арслан, Абак, Бозук, Башил, Солух, Каплан, Гази, Мехмед-Мирза, Карашай-бей, а также термиргоевские христианские князья Казук, Гоксук, Сатук, Кайатук. Христианская принадлежность подчеркивается также у Каншук-бея и Зор-бея и у ряда кабардинских князей. (Kirzioglu M. F. *Osmanlilar'ın Kafkas... S. 314, 317, 439 – 442*).

Из кабардинцев подчеркивается старшинство Арслана (т.е. Асланбека Кайтукина), а также то обстоятельство, что он, а также Каплан и Гази, являются родственниками Черкес Осман-паши. (Ibidem. S. 312). Из кабардинского списка легко идентифицируется еще Солух – Шолох Тапсаруков. Камбулат, старший из Идаровичей, получивший жалованную грамоту в Москве, также известен османским источникам – как Джан Булат-бей он фигурирует у Мустафы Али-эфенди. (Фарзалиев А. Южный Кавказ... С. 87). Вместе с Джан Булат-беем упоминается и Черкес Темрюк-бей, в котором легко узнать Мамстриюка Темрюковича. Согласно Али-эфенди, эти два князя обратились к русскому царю с прошением восстановить крепость в устье Сунжи, что полностью соответствует русским документам. (КРО. Т. 1. С. 34, 47).

Черкесы фигурируют в составе османской армии в качестве отборных частей. (Фарзалиев А. Южный Кавказ... С. 107, 127). Упоминаются османские офицеры черкесского происхождения и в их числе Черкес Оздемир-оглу Осман-паша, главнокомандующий после Лала Мустафы-паши и великий визирь (также после Лала Мустафы). Именно с ним связаны все важнейшие победы над персами – в том числе «Мешале савашы» или «Битва при свете факелов» (8 – 9 мая 1583 г.). Интересно, что правый фланг османов возглавлял Черкес Хайдар-паша, бейлербей Румелии. (Там же. С. 111 – 114). Черкес Касым-бей командовал обороной Тифлиса – причем вполне героически, так как в один момент при нем оставались всего 50 солдат. (Там же. С. 99).

В османо-сефевидской войне Черкесия выполнила важную роль полноценного военного союзника и, что еще важнее, военной и продовольственной базы османской армии. Согласно Эв-

лия Челеби, Черкес Осман-паша зимовал в Кабарде на протяжении 7 лет. Стремясь дать хоть какие-то гарантии возмещения ущерба Осман «из-за отсутствия серебра нарезал деньги из кожи и пустил в обращение... И поныне в казне беев Кабарды много кожаных акче. На них вытеснено: «Султан Мурад сын Селим-хана, завоеватель Шемахи, год 986 (1578-79)». (Челеби Э. Книга путешествия Вып. 2. С.).

На протяжении 7 месяцев Осман со значительным отрядом находился на Тамани и из-за сильного холода не мог перейти с мыса Чочка в расположенную напротив Крымскую землю, ... и мусульманские воины совершенно не испытывали никаких трудностей... Это до такой степени богатая земля, что если один человек с десятью лошадьми проживет в доме десять дней, то население радуется. Эти богатые черкесы – веселые, дружелюбные и склонные к шутке – заслужили имя «богачи». Татар на этом острове нет совершенно, они не могут здесь жить, так как в смысле управления Кафинский эйялет считается анатолийской землей». (Там же. С. 50 – 51).

Османский фактор в крымско-черкесских отношениях

Челеби особо подчеркивает, что черкесские беи подчинены не хану, а османскому представителю в Каффе. Вопрос настолько важен, что Челеби выделяет для его освещения отдельный раздел: «Сообщение о подчиненности беев черкесских государств Кефе. В эпоху Селим-хана Второго Осман-паша, сын Оздемира, в 991 г. (1586/7 г.) пошел на Ширван и Шемаху через Черкесстан и подчинил местных беев Кефинскому эйялету, взяв у них заложников. И сам он оставил в залог кабардинскому бею своего сына с рабыней, взял [в жены] девушку из Кабарды и за месяц стал добрым родственником в Черкесстане. С семьюдесятью тысячами черкесских богатырей он завоевал Гянджу и Ширван, Шемаху и Тифлис, Туманис и Демир-капу, Ширван и город Серир-Алани, город Араши и город Ниязабад, и город Шабурни. Короче говоря, он взял семьдесят шесть великих городов вместе с черкесскими беями и беями падишаха Дагестана. Он сделал Искендер-бея из беев Кабарды пашой Кефе, заселил остров Тамань черкесским народом, и казаки, азовские неверные, потеряли возможность выходить в Черное море. Всего от острова Тамань на восток, на семьдесят дней пути вплоть до горы Эль-Бурз [располагаются владения] черкесских беев с ежегодным жалованием. Если род Османов идет в поход, они идут в поход с кефинским пашой. Вместо ежегодного жалования они берут одежду и войлок, луки и ружья, порох и свинец, астар (коричневая ткань, наматывающаяся на головной убор офицера. – Прим. С. Х.), парчу и саржу. Они под рукой османцев. Их назначение и отстранение во власти Османов. Если какой-нибудь бей умрет, его место занимает его сын или кто-нибудь достойный из его родственников. Но у них нет бунчука, санджака, байрака и барабана со знаменем. Хотя барабанщики имеются. Со времен Османа-паши, сына Оздемира, они очень послушны и покорны роду Османов. В 1031 г. (1621/2 г.), во время похода на Хотин султана Османа из рода Османов, вышеупомянутым черкесским беям кефинские дефтердары прекратили выплачивать жалование. С тех пор они, хотя и не бунтуют, но и не проявляют покорности, службы военной не несут, но иногда приходят к крымским ханам и по некоторым делам обращаются. Однако по доброй памяти это войско Черкесстана без фуража следовало бы содержать». (Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Пер., вступ. ст. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: «Доля», 2008. С. 174 – 175).

В 1585 г. кафинский паша арестовал двоих людей из числа русского посольства в Стамбуле, которое возглавлял Б. П. Благово. Санджак-бей намерен был держать их у себя до тех пор, пока донские казаки не возвратят черкесов, захваченных ими на море близ Керчи в то время, когда последние занимались рыбной ловлей. Более того, поскольку речь шла о родственниках неких черкесских князей из Темрюка и Тамани, то османский наместник

был готов задержать и самого посла. (Из статейного списка русского посла в Турцию Б. П. Благово о переговорах в Крыму и в Турции // КРО. Т. I. С. 45).

Турецкое правительство было на страже интересов своих подданных, о чем свидетельствует казнь в 1644 г. кафинского санджак-бея Ислам-паши-задэ «по обвинению в напрасном разорении черкесских стран». (Смирнов В. Д. Крымское ханство. Т. 1. С. 382).

Согласно русским послам Тяпкину и Зотову, жители Таманского полуострова или «темрюцкие черкесы» считались подданными турецкого султана. (Список со статейного списка великого государя его царского величества посланников: стольника и полковника и наместника Переяславского Василья Михайлова, сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850. С. 654).

Признания турецкого подданства, по всей видимости, происходили не менее часто, чем те шертования, которые осуществляли кабардинские князья московскому двору. Более того, присягали султану не только западнодыгские князья, но и кабардинские. Тяпкин и Зотов были очевидцами возвращения совместного посольства в Стамбул от черкесов и калмыков: «Да при той же нашей задержке ехали через Крым от салтана турецкого калмыки и горские черкесы и ночевали у пристава нашего, у бея розменного, и бей розменной тех калмыков и черкес у себя в дому потчивал со всяким удовольствием и провожал их в путь со многими крымскими татарами. И мы от него бея и от пленных московских людей московского народа доведались подлинно, что великому государю нашему его царскому величеству калмыки и горские черкесы изменили и били челом в подданство салтану турецкому, и для того те их послы у салтана были». (Список со статейного списка... стольника... Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова. С. 608). Как видим, черкесское посольство могло позволить себе отправиться в Стамбул через Крым, не боясь вызвать негативного к себе отношения со стороны хана.

Герберштейн, Сигизмунд. Карта Московии. Фрагмент. Из немецкого издания «Записок о Московии» (Basel, 1563). В картуше: *Moscovia Sigismundi Liberi Baronis In Herberstein, Neiperger et Gutehnag Anno M.D XLIX*, то есть 1549 г., когда было предпринято первое издание книги Герберштейна. См.:

http://www.raremaps.com/gallery/detail/30757/First_Modern_Map_of_Russia_Moscovia_Sigismundi_Liberi_Baronis_In/Herberstein.html

Халил Инадджик в статье, посвященной османскому периоду в истории Черкесии, написанной им для «Энциклопедии ислама», подчеркивает, что османские султаны, с одной стороны, признавали крымский суверенитет над Черкесией, а с другой — направляли указы и ода-ривали титулами черкесских вождей, как собственных вассальных беев». (Inalcik H. Çerkes. III. Ottoman period // The Encyclopaedia of Islam. Vol. II. Leiden, London, 1965. P. 25).

Европейское картографическое знание о Кавказе в XVI в. продвигает на новый уровень знаменитая и известная в нескольких вариантах «Карта Московии» Сигизмунда Герберштейна. Она известна в нескольких похожих вариантах издания, которые отличаются деталями оформления.

В 1517 и 1526 гг. во главе германских и австрийских посольств в Москве побывал Сигизмунд (Зигмунд) фон Герберштейн (1486-1566). Его записки о Московском государстве увидели свет лишь в 1549 году, поэтому те краткие сведения о черкесах, которые приводит в них посол, могут относиться и к 1-й четверти, и ко 2-ой четверти XVI в.

В сочинении Герберштейна содержатся некоторые сведения о черкесах Северо-Западного Кавказа: «Если повернуть с востока к югу, то около Меотийских болот и Понта при реке Кубани (Cura), впадающей в болота, живет народ абхазы (Aphgasi). В этих местах до самой реки Merula, вливающейся в Понт, находятся горы, в которых обитают черкесы (Circassi) или цики (Ciki). Полагаясь на неприступность гор, они не подчиняются ни туркам, ни татарам. Однако русские свидетельствуют, что они христиане [живут по своим законам], согласны с греками в вере и обрядах и совершают богослужение на славянском языке, который у них в употреблении. Это крайне дерзкие морские разбойники, ибо по рекам, стекающим с гор, они спускаются на судах в море и грабят всех, кого могут, в особенности плывущих из Каффы в Константинополь». (Герберштейн С. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. С. 181).

Информацию о черкесах Герберштейн получил в Москве, что объясняет нечеткость и явную путаницу: так, в устье Кубани он помещает абхазов (Aphgasi), зато чиркасов (Circassi) или циков (Ciki) он размещает от устья Кубани по всему горному массиву вдоль моря до реки Merula, что сопоставимо с р. Меркула в срединной части современной Абхазии и, потому, маловероятно.

Предложение о том, что черкесы, «полагаясь на неприступность гор, не подчиняются ни туркам, ни татарам», вполне отражает реальность, восстанавливаемую из других, гораздо более осведомленных источников. Далее следует предложение, концовка которого слишком гипертрофированно интерпретируется некоторыми региональными специалистами: «...и совершают богослужение на славянском языке, который у них в употреблении». Очевидно, что эта информация была ошибочной и получена в Москве: «Однако русские свидетельствуют...». Послу рассказали о славяноязычных чиркасах — запорожском казачестве — а он совместил сведения о днепровской чиркасской общине с описанием чиркасского массива Северо-Западного Кавказа. Такая логика в объяснении этого отрывка у Герберштейна устраняет это небольшое источниковое недоразумение. Тем более, что и сам посол почти исправил его. В главе «О Литве» содержится такая строчка: «Живущие по Борисфену чиркасы (Circassi) — русские и отличны от тех, про которых выше я сказал, что они в горах у Понта». (Там же. С. 185).

Таким образом, автор либо забыл отредактировать описание кавказских чиркасов-зиков, либо не придавал большого значения этому сюжету. История попыток коренного пересмотра этнической истории Северо-Западного Кавказа с основой на одно предложение Герберштейна, к сожалению, насчитывает не один десяток произведений. Сообщение Е. И. Нарожного на XXII Крупновских чтениях является нам один из последних примеров такого рода. (Нарожный Е. И. (Армавир). О «пятигорских черкесах», которые «совершают богослужение на славянском языке» (историко-археологическая версия) // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Ессентуки-Кисловодск, 2002. С. 96-99).

На картах, созданных на основе описания Герберштейна, на Днепре отмечен город Черкассы (Circassi). Подчеркивается христианство черкасов, а также их расселение в горах — Circassi Qvinque montani Populi Cristiani («черкесы пятигорские народ христианский»).

Посольства черкесских князей к Ивану IV

В ноябре 1552 г. в Москву прибыло первое черкесское посольство во главе со старшим князем Бесленея Машуком Кануко: «Того же месяца приехали к государю царю и великому князю черкасские государи князи Маашук-князь да князь Иван Езбозлуков да Танашук-князь бити челом, чтобы их государь пожаловал, вступился в них, а их з землями взял к себе в холопи, а от крымского царя оборонил». (Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. М., 1957. Т. I: XVI-XVII вв. С. 3).

Отметим, что черкесские князья в Никоновской летописи, которая в известиях о периоде правления Ивана Грозного приобретает характер официальной московской летописи, именуются государями. Царский титул был провозглашен в 1547 г. и в появлении черкесских государей, прибывших поклониться московскому государю, видели зримое подтверждение заявленного царского достоинства.

В июле 1553 г. эти князья еще находились в Москве и сопровождали царя в его выступлении на Коломну навстречу ожидавшемуся появлению крымского хана. В августе стало известно, что вместо похода «на цареву украину» Девлет-Гирей предпринял поход в Черкесию. «И государь пошел к Москве, а черкасских князей отпустил по их челобитию в Черкасы, и крест государю целовали на том, что им со всею землею Черкасскою служити государю до своего живота: куды их государь пошлет на службу, туда им ходити. И послал государь с ними в Черкасы Ондreja Щепотева правды их видети». (Там же. С. 3-4).

В августе 1555 г. прибыло второе черкесское посольство. Оно возглавлялось старшим князем Жанея Сибокком. Никоновская летопись содержит следующую запись: «О приезде черкасских князей. Августа приехали из Черкас князи черкасские Сибок-князь да брат ево Ацымгук-князь, жаженьские черкасские государи, да Тутарык-князь, Езболуев княжей сын, да с Сыбокком-князем приехал сын его Кудадик, а людей с ними их полтораста человек... И били челом князи черказские ото всей земли Черказские, чтобы государь пожаловал, дал им помочь на Турьского городы и на Азов и на иные городы и на крымского царя, а они холопи царя и великого князя и з женами и з детми во веки... И царь и великий князь их пожаловал великим своим жалованием, а о турского городех им велел отмольть, что турской салтан в миру со царем и великим князем, а от Крымского их хочет государь беречь, как возможно, а во свои им земли учинил отъезд и приезд добровольной, кормы их удоволил и казенным жалованием. И Сибок-князь бил челом царю и великому князю, чтобы государь пожаловал, велел крестити сына его Кудадека; а Тутарык-князь о себе бил челом, чтобы его государь пожаловал, велел крестити; и в крещении Тутарыку имя князь Иван, а Кудадеку князь Александр; и велел царь и великий князь князю Александру жити у себя во дворе и учити его велел грамоте со царем Александром казаньским вместе». (Там же. С. 4).

С этим вторым посольством в Москву возвратился Андрей Щепотьев: «А Ондрей Щепотев царю и великому князю то же сказывал, что дали правду всею землею быти им неотступным от царя и великого князя и служити им в веки, как им государь велит».

Основной вопрос, который заботил жанеевских князей — получение военной помощи Москвы против турецких крепостей на Таманском полуострове. В этом им было официально отказано и отмечено, что царь обещает им содействие только против крымского хана. В этот период Москва тщательно избегала конфликта с Турцией. «Московская политика поддержания мира с султаном, проводившаяся с момента установления дипломатических отношений между двумя государствами, не изменилась в 50-е годы. Турция следовала той же тактике. Две державы не вступали в открытые конфликты». (Зайцев И. В. Астраханское царство. М.: «Восточная литература», 2004. С. 172).

Скоординированные военные действия русских и черкесов против Крыма начались осенью 1556 г. В октябре польский князь Дмитрий Вишневецкий, только что перешедший на службу к Ивану IV, захватил крепость Ислам-Кермен на Днепре «и людей побил и пушки вывез к себе на Днепр во свой город (укрепление на днепровском острове Хортица. — Прим. С. Х.); а з другую сторону черкасы пятигорские взяли два города, Темрюк да Томан, а при-

ходил черказской Таздруй князь да Сибок-князь з братьею, которые были у царя и великого князя на Москве». (КРО. С. 4).

В декабре в Москву прибыл гонец Девлет-Гирея с предложением заключить мирный договор.

Черкесам не удалось удержать турецкие крепости и в 1557 г. Сибок и Машук были вынуждены отъехать в Москву. Вишневецкий был осажден на Хортице турецкой флотилией и был вынужден покинуть эту весьма удобную военную базу. Со своими людьми он, тем не менее, обосновался в Ислам-Кермене.

Так, в июне 1557 г. последовало третье посольство, которое, по сути, было группой князей, выехавших на царскую службу. О дипломатической миссии этой группы ничего не сообщается. «О приезде князей черкасских служить государю. Того же месяца приехали князи черкасские служить государю и о устрое бити челом в прокы себе, Маашук-князь Кануков да Себок-князь Кансауков да Чюгук-мурза да Тохта-мурза да Татар-мурза — служил у Крымского, царю крымскому шурина, царя Девлит-Кирея болшаа царица сестра его родная и дочь Тарзатык-мурзы, — да с ними люди их... И царь и государь их пожаловал и устроил». (Там же. С. 5).

Тарзатык-мурза может быть уверенно сопоставлен с бесленеевскими первостепенными дворянами Тазартуковыми. Машук и Сибок крестились и получили имена Иван и Василий соответственно. В октябре 1558 г. Машук был назначен командиром Передового полка в Ливонии: «И царь и великий князь... черказским князем велел быти в передовом же полку; а велел воеводам съездаться в передовой полк ко князю Ивану Маашику Черказскому». (Там же. С. 7).

В июле 1557 г. прибыл первый посол из Кабарды: «О присылке из Асторохани. Того ж году, месяца июля, прислал из Асторохани Иван Черемисинов да Михайло Колупаев Ваську Вражского с черкасским мурзою с Кавкльчем Кануковым, а пришел от братии от кабартынских князей черкасских от Темрюка да от Тазрюта-князя бити челом, чтоб их государь пожаловал, велел им себе служить и в холопстве их учинил, а на Шавкал бы им государь пожаловал, астороханьским воеводам велел помощь учинити. Да говорил Кавкльч-мурза Черкасской. — Только их государь пожалует, учинит у себя в холопстве и помочь им учинит на недругов так же, как их братью пожаловал, черкасских жаженских князей Машука и Себока з братьею с их». (Там же. С. 5).

В январе 1558 г. Кавкльч Кануков еще находится в Москве: «Того же месяца царь и великий князь отпустил на крымские улусы князя Дмитрея Ивановича Вишневецкого, да с ним Черькасского мурзу Кабартиньского Канькльча Канукова государь отпустил в Кабарту в Черкасы, а велел им, собрався, ити всем ко князю Дмитрею же на пособь... а из Черкас им ити ратью мимо Азов». (Там же).

Мы вправе усомниться, что в 1557 г. Кавкльч Кануков представлял в числе «кабартынских князей» Кайтукиных, Гиляхстановых, Таусултановых, то есть все ветви Иналидов Кабарды. В летописи указаны два князя — Темрюк и Тазрют.

В октябре 1558 г. посольство из Кабарды состоит из двух сыновей Темрюка: «Того же месяца приехали из Черкас ко царю и великому князю Темирюковы княжиа дети большово князя из Кабарды Булгерук-мурза да Салнук-мурза бити челом, чтобы государь их жаловал, своих холопей, и оборонь учинил от шевкальского государя». Салнук (Султанук) остался в Москве и в крещении получил имя Михаил.

В сентябре 1559 г. «пришел Вишневецкий з Дону, а с ним прислали черкасы Ичюрука-мырзу Черкасского. Все черкасы биют челом, чтобы их государь пожаловал, дал бы им воеводу своего в Черкасы и велел бы их всех крестити». (Там же. С. 8).

В феврале 1560 г. «отпустил государь Вишневецкого на государство в Черкасы. Месяца февраля отпустил царь и велики князь в Черкасы по их челобитью воеводу своего князя Дмитрея Ивановича Вишневецкого, а с ним отпустил вместе князей черкасских князя Ивана Омашука дя князя Василья Сибока з братьею, и попов с ними христианских отпустил, а велел их крестити по их обещанию и по челобитью и промышляти над крымским царем». (Там же).

Одновременно Иван IV направил в Кабарду воеводу Ивана Черемисинова для военных действий против враждебного Темрюку шамхальства. Вместе с воеводой были направлены священники, которые должны были крестить кабардинцев.

Е. Н. Кушева отмечает, что «заголовок Никоновской летописи к рассказу о назначении Вишневецкого в Черкесию: «Отпустил государь Вишневецкого на государство в Черкасы» показывает, что Вишневецкий был послан не просто воеводой с военной помощью, а в ином, более высоком ранге». (Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 217).

Царь активно побуждал ногайского князя Измаила присоединиться к антикрымской коалиции, указывая, что настал весьма удобный момент: «сее весны послали в Черкасы князя Дмитрея Вишневецкого да черкасских князей Амашика да Сибока, а велели им со всеми черкасы с Черкасскую сторону Крым воевати». (Там же. С. 218).

В начале 1561 г. французский посол в Стамбуле сообщал, что русские вместе с черкесами спустились по Дону мимо Таны (Азова), овладели несколькими крепостями и достигли Каффы; что 12 санджакам около Трапезунда посланы приказы восстановить положение; упоминает посол и капитана Дмитрашку, который сделался предводителем (chef) черкесов. В донесениях от февраля и марта 1561 г. сообщалось, что 20 галер готовы к отправке в Черное море для защиты татар и укреплений Каффы и Азова от черкесов и московитов; что ожидаются действия Дмитрашки с черкесами в сторону Мегрелии. В августе посол доносил, что турецкий флот вернулся и что турки потерпели потери при попытке высадиться в незнакомом месте». (Там же. С. 217).

В августе 1560 г. умерла первая жена Ивана IV и в этом же месяце были направлены послы для сватовства «в иных землях» — Швеции, Литве и Черкесии. С миссией «в Черкасы у черкасских князей дочерей смотрити и привести их к Москве» отправился Федор Вокшерин. (КРО. С. 9).

К февралю 1561 г. стало понятно, что на западе невесту для царя не сыскать. Вокшерин еще не возвратился и не дожидаясь его «тоя же зимы февраля послал царь и великий князь в Пятигорские черкасы в Оджанские у черкасских князей дочерей смотрити Бориса Ивановича Сукина да с Борисом же вместе отпустил черкасского князя новокрещенаго князя Гаврила Тазрутова сына». (Там же).

Депутация эта двигалась от Рязани полем, минуя Азов, под прикрытием сильного отряда из стрельцов и казаков. «Эта попытка сватовства, пропущенная или непонятая историками, — отмечает Е. Н. Кушева, — подчеркивает, какое значение придавали в Москве установившимся связям с Западной Черкесией». (Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа... С. 220).

Мы не располагаем сведениями о прямом отказе Сибока выдать свою дочь за своего московского сюзерена. Но последующие события показывают нам, что отношения изменились именно в 1561 г.

Летом 1561 г. происходит переписка Дмитрия Вишневецкого с братом Михаилом в Польше, а того — с королем Сигизмундом-Августом о возможности для Дмитрия вернуться на польскую службу. «К осени 1561 г. Вишневецкий уже выехал из Черкесии и в начале сентября находился на Монастырском острове на Днепре. Лист Сигизмунда-Августа с амнистией Вишневецкому датирован 5 сентября 1561 г. Тогда же в сентябре другим листом Сигизмунд-Август приглашал на службу «до Великого княжества Литовского» тех князей Черкасских, которые этого пожелают». (Там же. С. 221). Возвращение Вишневецкого в Речь Посполитую состоялось в июле 1562 г.

Измена Вишневецкого нанесла значительный политико-дипломатический урон Ивану IV. Направленный в 1563 г. в Крым послом Афанасий Нагой должен был рассказать, что Вишневецкого из Черкесии удалил сам Иван за то, что «учал жити в Черкасех не по наказу». (Там же). По всей видимости, польский аристократ-авантюрист, назначенный воеводой над черкесами, стал чувствовать себя независимым правителем.

Появление черкесов в Москве мгновенно увеличило военный потенциал русского государства и от только что захваченной Астрахани русские продвинулись под самые стены ту-

рецких крепостей на Тамани. Сигизмунд II Август указывал Девлет-Гирею на эту опасность срачивания русских и черкесских армий, а также на то, что в его отношении Иван начал реализовывать ту же стратегию, что и против Казани, т.е. «подсаживать» ему свои города (имея в виду крепость на Псле). (Там же. С. 212).

Так называемое «крымское дело» стало главным внешнеполитическим проектом Ивана Грозного и, даже начав борьбу за выход к Балтийскому морю, он продолжал организовывать натиск на Крым. Первые четыре года Ливонской войны «крымское дело» осуществлялось — в том числе и усилиями черкесов. Но в 1562 г. Иван Грозный пересмотрел характер своей политики в отношении Крыма и соответственно, как мы полагаем, Западной Черкесии. В 1562 г. закончилось перемирие с Польшей, которая вступала в ливонский конфликт на стороне ордена. Вести войну на два фронта до вступления в нее Польши было еще по силам. Но теперь, когда самая большая и многочисленная христианская страна Восточной Европы оказалась в стане противника, царю надо было сконцентрироваться целиком на европейском театре военных действий, и постараться заключить перемирие с ханом.

В 1562 г. русские сами ликвидировали свою крепость на Псле и предприняли дипломатические усилия для достижения мира с Крымским ханством. К 1562 г. Иван Грозный окончательно убедился в невозможности активного использования против Крыма своего главного союзника Измаила, хана Большой Ногайской орды. В этом же году Дмитрий Вишневецкий, столь блестяще возглавлявший объединенные русско-черкесские военные силы в войне против Крыма на протяжении 1556-1560 гг., изменил царю и, заранее заручившись королевской амнистией, отъехал в Польшу.

Вишневецкий не просто перешел сам, но и переманил с собой жанеевских князей. В результате жанеевские князья переориентировались на Польшу и на службу к Сигизмунду II Августу прибыло пятеро князей, сыновей и племянников Сибока Кансауковича. В их числе был и Александр (Кудадек), старший сын Сибока, пользовавшийся особым царским доверием. Он уехал в Краков напрямую из Москвы. Послу в Крыму Афанасию Нагому было дано поручение выяснить позицию Сибока и, в целом, положение дел в Черкесии. К наказу была приложена тайная память: «Нечто будет князь Александр Сибоков Черкасский из Литвы проехал в Крым, и Офонасью о том домыслитись, чтобы ему с ним видетися, и где ся с ним увидит, и Офонасью его вспросити, чего для он от царя и великого князя поехал, и звати его ко царю и великому князю накрепко и государево жаловальное слово ему говорити, что государь ему его вину покроет своим милосердием — пожалует его свои великим жалованьем». (Там же. С. 222). Встреча посла с Александром Сибоковичем не состоялась, так как черкесский князь не приезжал в Крым.

Таким образом, сначала Москва изменила характер своей политики в отношении Крыма, отказавшись на время от планов его аннексии, а потом Западная Черкесия отказалась от непродуктивного союза. Выражаясь словами Кушевой, «Западная Черкесия оказалась для Москвы потерянной». (Там же. С. 223).

Итак, в 1562 г. княжества Западной Черкесии полностью отошли от политических контактов с Москвой.

В Кабарде в лице Темрюка Иван, напротив, обрел надежного союзника. 15 июня 1561 г. «приехала к Москве из Пятигорских черкас кабардинского княже Темрюкова Айдаровича дочь княжна Кученей. А посылал царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси в Черкасы для того Федора Васильева сына Вокшерина да подьячево Семена Мякинина. А со княжною же приехали ко царю и великому князю брат ее Темрюков же княжой сын Доманукмурза да Бекбулат-царевич, Тахтамышев царевич родной брат, а Тахтамыш служит царю и великому князю, а за Бекбулатом Темрюкова же княжая дочь Алтынчач-царица. А Бекбулат-царевич приехал с сыном Саил-царевичем, приехали государю служить». (КРО. С. 9).

21 августа состоялось бракосочетание Ивана IV и Марии (Кученей), к этому дню уже получившей крещение.

Темрюка, по всей видимости, в гораздо меньшей степени волновало изменение курса Москвы в отношении Крыма, а первую и весьма ощутимую военную поддержку против шам-

хала он уже получил. Таким образом, дружба с царем, пожелавшим к тому же породниться, получила в 1561 г. мощнейший стимул.

Княжеская оппозиция объединилась вокруг Пшеапшоко очень быстро — сразу после женитьбы Ивана на дочери Темрюка.

В сентябре 1562 г. Иван IV посылает отряд из 1000 стрельцов и казаков: «А велел государь Григорью Плещееву с стрельцы и с казаки жити у Темрюка и слушати его во всем и от всех его недругов беречи и в войну ходити с его людьми вместе, куды его Темрюк-князь учнет посылати». (Там же. С. 10).

В июне 1563 г. Иван IV отправляет к Темрюку посла Семена Ярцова, который передает царскому тестю: «Которые ему будут тесноты от его недругов, и он бы о том приказывал ко царю и великому князю с его послом Симеоном». (Там же. С. 11).

В октябре 1563 г. в Москву вернулся Григорий Плещеев: «а посылал его царь и великий князь в Черкасы к Темрюку-князю Айдаровичю посольством и оберегати его от его недругов черкас, которые от него отступили и которые ему тесноту чинили. А сказывал Григорей. — Пришел он в Астрохань в 71-м году ноября в 3 день, а Темрюк-князь был в то время от своих недругов приехал в Астрохань и с сыном своим з Домануком. (Что следует понимать, как фактическое бегство Темрюка из Кабарды, где восторжествовали его противники во главе с Пшеапшоко Кайтукиным. — Прим. С. Х.). И Темрюк-князь и сын его Доманук-мирза в Черкасы пришли декабря в 6 день, а Григорей же в Черкасы с ними же пришел, а с ним голова стрелецкая Григорей Вражской, а с ним стрельцов 500 человек да пять атаманов казачьих с казаки, а казаков с ними 500 человек. И Темрюк со государьскими людьми недругом своим недружбу довел и в свою волю их привел, а воевал Шепшуковы улусы (то есть владения Пшеапшоко Кайтукина, которые, по всей видимости, занимали земли будущей Большой Кабарды. — Прим. С. Х.) да воевал Татцкие земли близ Скинских городков, и взяли три городки: город Мохань, город Енгирь, город Каван, и мирзу Телишку убили и людей многих побили. А те городки были Шепшуковы-княжие, и люди тех городков добились челом Темрюку-князю, и дань Темрюк-князь на них наложил. И воевали землю их одинатцеть дней, и взяли кабаков [селений] Мшанских и Сонских сто шестьдесят четыре, и людей многих побили и в полон имали, да взяли четырех мурз: Бурната, Ездноура, Бурнака, Дудыля. А отпустил Темрюк Григория ко царю и великому князю». (Там же).

В позднейших документах термин Соны означает Сванетию либо сванские поселения на северном склоне. По всей видимости, в Хуламском ущелье в середине XVI в. существовали сванские села, которые, по всей видимости, были в вассальной зависимости от Пшеапшоко Кайтукина. Остальные названия и имена могут быть привязаны к различным горским территориям Балкарии, Осетии и Ингушетии.

В июне 1565 г. в Москву прибыл Мамстрюк Темрюкович: «И челом ударил царю и великому князю от отца своего от Темрюка-князя, что Темрюку-князю пришли многие тесноты от черкас, и ему непослушны во всем, и государь бы жаловал, послал рать свою в Черкасы и от непослушных его велел оборонити». (Там же. С. 12).

Первоначальный успех в войне против Пшеапшоко Кайтукина оказался всего лишь первым шагом к краху самого Темрюка Айдаровича.

В сентябре 1565 г. Иван IV весьма оперативно откликается на зов о помощи своего тестя, направив сушей и по Волге значительные силы: «отпустил в Черкасы с Мамстрюком-князем Темрюковичем по отца его челобитью и по его челобитью рать свою на черкасских князей, которые им не послушны, на кавардейских князей на Шопшука з братиею да на Тазрита да на Маита: полем послал воеводу своего князя Ивана княже Дмитреева сына Дашкова, а с ним детей боярских муромцов да мещерян, да Ивана Фестова с казаки с Михайлова города да с Разского и з Шацкого и со всеми казаки Рязанские украины. А Мамстрюка-князя отпустил царь и великий князь в судех, а с ним в послех послал к Темрюку-князю Матфея Дьяка Иванова сына Ржевского с черкасскими казаки и стрельцы. И Мамстрюк со всеми судовыми тое осени до Астрахани не дошел, что Волга стала, а зимовал под Девичьими горами на усть-Куньи. А князь Иван Дашков с конными людьми зимовал в Астрохани». (Там же).

Это сообщение показывает, что в числе противников Темрюка оказался и Тазрит, который был соавтором первого обращения к Ивану.

В октябре 1566 г. Дашков и Ржевский возвратились в Москву и отчитались перед царем: «А жили в Черкасах у Темгрюка-князя от Рожества Ивана Предотечи до Господина дни, и черкасские места, Шапшуковы кабаки з братьею, многие воевали и полону и животов имали много. И черкасские князи многие собрався на князя Ивана Дашкова и на Матфея Дьяка с товарищи приходили и дело с ними делали. И государьские люди черкас многих побили, а иных поранили». (Там же. С. 13).

По всей видимости, военные действия против коалиции Пшеапшоко происходили весной-летом 1566 г. В декабре 1566 г. в Москву в качестве посла прибывает еще один сын Темрюка: «Матлов-князь Темгрюкович, шурин царя и великого князя, а людей с ним 30 человек, бити челом государю и великому князю от отца своего Темгрюка-князя Айдаровича, чтобы государь пожаловал, для бережения от недругов его велел город на реке Терке усть-Сююнчи поставить». (Там же).

Темрюк решил сделать русское военное присутствие в Кабарде постоянным. Мысль пришла ко двору в Москве. В феврале 1567 г. царь направил отряд во главе с князем А. С. Бабичевым с пушками и пищальями, «а велел на Терке-реке Темгрюку-князю по его челобитью город поставить». (Там же).

Позиции Темрюка после возведения русской крепости в устье Сунжи укрепились. Она была призвана противодействовать его противникам внутри Кабарды, а Москве сунженский форт позволял укрепить свои позиции в стратегически важном регионе Северо-Восточного Кавказа. Первый сунженский форт просуществовал недолго — под давлением Девлет-Гирея и турецкого правительства он был ликвидирован в 1571 г.

Все основные лица с кабардинской стороны, олицетворявшие союз, одно за другим быстро сошли со сцены. Темрюк получил смертельную рану в битве с крымцами в Закубанье весной 1570 г. Мария умерла в 1569 г., а ее брат Михаил (Султанук) был казнен в 1571 г. самим Иваном Грозным. Казнь эта не могла не насторожить клан Идаровичей, а захват Москвы Девлет-Гиреем в том же 1571 г. вряд ли прибавил доводов к поддержанию союза.

Союз с кабардинцами был реанимирован самим царем. Он приложил экстраординарные усилия к спасению двух братьев Темрюковичей, посылая в Бахчисарай одного посла за другим и постоянно повышая ставку выкупа. (Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1. М., 1889. С. LXXVII). К 1578 г. братья уже в Кабарде.

В 1578 г. в Москву приезжает младший брат Темрюка Камбулат Идарович, к которому, после гибели в 1570 г. Темрюка, перешло старшинство внутри рода Идаровичей. От Ивана IV он получает жалованную грамоту с золотой печатью: «Как вам в нашем жалованье всей Черкасской земле быти». (КРО. С. 34).

Как видим, на протяжении 20 лет в Москве фигурируют исключительно члены семьи Темрюка. По сути, речь идет об отношениях одной княжеской семьи с царским правительством. Семья Темрюка формально первенствует в Кабарде (реально — только внутри клана Идаровичей), но не пользуется поддержкой и ожесточенно пытается утвердить свою власть путем систематического привлечения русских войск.

На протяжении последней трети XVI — первой половины XVII в. отношения с Москвой поддерживались преимущественно представителями двух родов внутри обширного клана Идара — Желеготовичами (по линии его внука Сунчалаея) и Камбулатовичами. Род Темрюка в Кабарде пресекся с гибелью его правнука Клыча в 1635 г.

Русско-кабардинские отношения в этот период продолжали следовать той матрице, которая была сформирована Темрюком. Большая часть Кабарды контролировалась потомками Пшеапшоко, которые не признавали тех титулов, которые получали в Москве представители Камбулатовичей. Проводником русского влияния в регионе стала крепость Терки, построенная в устье Терека в 1588 г.

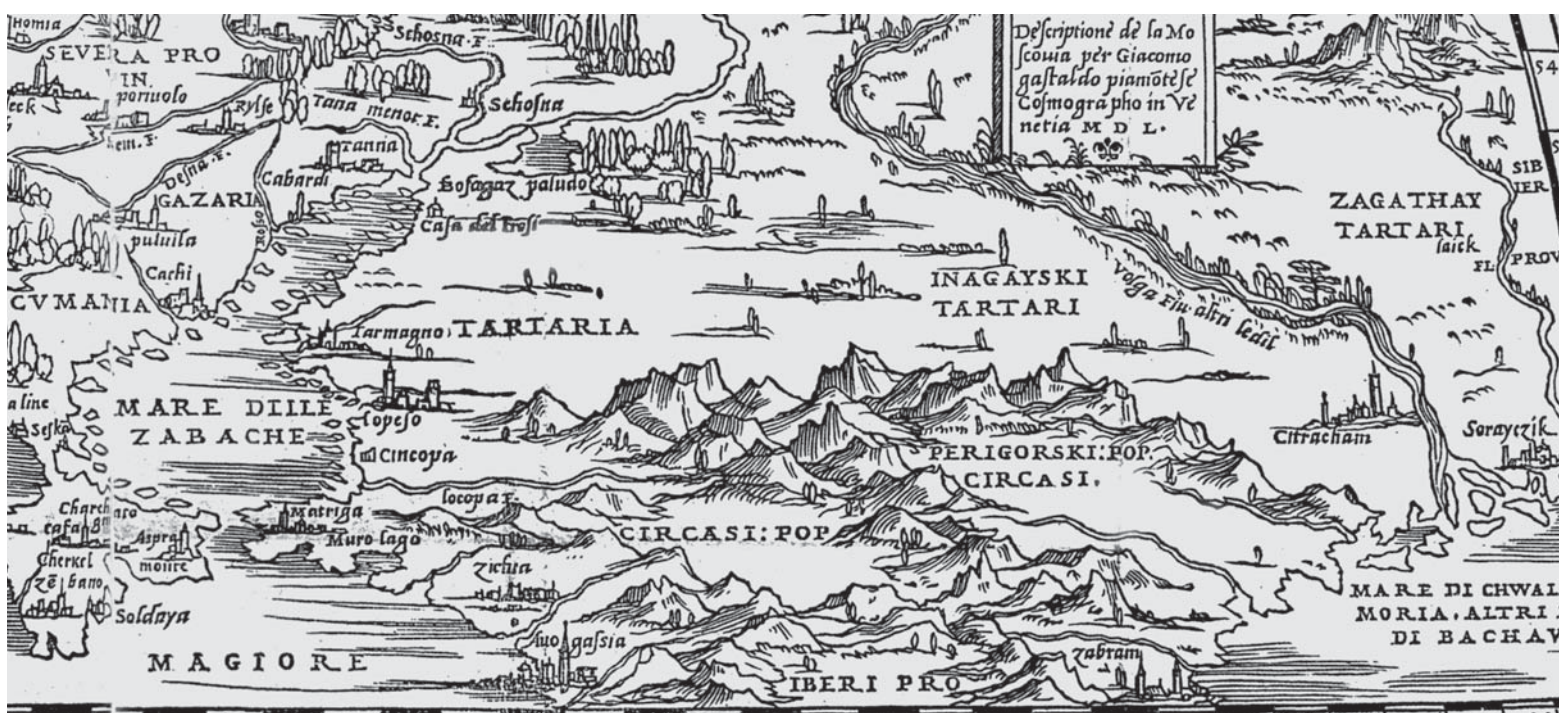
В 1641 г. на р. Малка потомки Пшеапшоко Алегуко Шогенуков и Хатакшоко Казыев, совместно управлявшие Казыевой (Большой) Кабардой, нанесли сокрушительное поражение

царскому вассалу Кельмамету Куденетовичу, на стороне которого выступил отряд стрельцов из Терки.

Во второй половине XVII в. отношения между княжествами Кабарды и Москвой были почти полностью прекращены. О том, что происходит в Кабарде, в Москве узнавали через своих послов в Крыму. Дипломатические контакты возобновились по инициативе Петра I только в 1711 г.

Адыгские посольства в Москву привели к заключению военно-политического союза Черкесии и России. Бесспорно, это одно из важнейших политических событий в адыгской истории XVI-XVII вв. Весьма велико его значение и для собственно русской истории этих же веков, так как установление связей с черкесскими княжествами Западной Черкесии и Кабарды открыло для Москвы важные геополитические преимущества в противостоянии Крыму и Турции.

Джакомо Гастальдо

Описание Московии Джакомо Гастальдо, пьемонтца, космографа в Венеции. *Descriptione de la Moscovia per Giacomo Gastaldo, piemontese Cosmographo in Venetia*. 1551.

http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/2/2a/1551_Venice_Gastaldi-Descriptione_de_la_Moscouia.jpg

Карта Джакомо Гастальдо 1551 г. содержит ряд топографических маркеров черкесского воздействия на Северное Причерноморье: город Czerkasi на Днестре, река Psola — левый приток Днестра, порт Cabardi в северо-западном Приазовье, крепость Scherkeze bano в районе Мангула, бывшей столицы крымской Готии.

Гастальдо совместил сведения портоланов и сведения о Московии, Татари и Северном Кавказе Сигизмунда Герберштейна. В Крыму обращает на себя внимание такое название как Scherkeze bano, то есть «Черкесский бан». В османской номенклатуре политических терминов бан являлся титулом правителя военного округа в ряде районов европейской части империи, а также на Кавказе. Соответственно банлык — военный округ, во главе которого стоял бан. Банами турки именовали, в частности, мегрельских правителей. (Kirzioglu M. F. *Osmanlilar' in Kafkas...* S. 277).

Что это за «Черкес бан» в Крыму? Вероятно, это вассально зависимый от хана черкесский князь, имевший собственную резиденцию и значительное поместье. Вполне вероятно, что под «Черкесским баном» надо понимать Черкес-кермен, крепость в крымской Готии, в одноименной долине — Черкес-тюз.

Польский дипломат Мартин Броневский в 70-е гг. дважды посетил Крым и отметил факт использования названия «Черкесская крепость»: «Близ Манкопии и Черкескермена — новой турецкой крепости, названной по имени Черкеса, находится некогда существовавший город и весьма древняя крепость; она не имеет теперь никакого значения ни у турок и татар, ни даже у самих греков, по причине своей глубокой древности. Она была разрушена во времена греческих князей, о которых в этом месте идет весьма дурная слава из-за преступлений, постоянно совершавшихся ими против бога и людей». (Броневский М. Описание Татарии // АБКИЕА. С. 53).

«Греческие князья» Мангуа до османского завоевания, весьма вероятно, были черкесскими князьями. Определение «греческие», в данном случае, как и в целом ряде других известных случаев — не указание на этническую принадлежность, но только свидетельство принадлежности к греческому или византийскому вероисповеданию.

Помимо крымской Готии, черкесское население было в Кафе и других приморских населенных пунктах и во времена генуэзцев, и при османах.

В архиве Посольского приказа сохранилось весьма любопытное сообщение о панике среди черкесов Крыма в 1515 г., вызванной смертью Менгли-Гирея, когда многие представители этой общины поспешили в Керчь с тем, чтобы переправиться на черкесскую сторону пролива: «и в Керчь пришла весть в понедельник на святой неделе, что Менли-Гирея царя в животе не стало; а тут в Керчь прибегли многие черкасцы из Крыма, ино деи к ним прислал во вторник на святой неделе болшей сын Менли-Гиреев, Магмед-Гирей с грамотою, чтоб они жили по своим местом потому же, как жили при отце его». (Сборник РИО. Т. 95. СПб., 1895. С. 140).

Обращает на себя внимание, что наследник трона Мухаммед-Гирей очень оперативно отреагировал на бегство черкесов и уже на второй-третий день после того, как обозначилось их скопление в Керчи, послал к ним своего представителя с письменным обращением о том, что при новом хане им гарантирована такая безопасность проживания в Крыму, как и при старом хане — его отце. Только из этого сообщения, даже не имея других источников, можно сделать вывод о проживании в Крыму при хане Менгли-Гирее какого-то значительного числа выходцев из Черкесии. В то же время, они не чувствовали себя в полной безопасности и такое беспокойство следует, прежде всего, пояснить недружественными отношениями между ханством и Черкесией.

Броневский подчеркивает, что черкесы в значительном числе находятся на службе у хана и что хан весьма дорожит ими: «Область Пятигорская или Колхида, простирается до самого моря Каспийского или Гирканского. Она покрыта высокими хребтами гор и лесами, которые видны с той оконечности. Народ свободен, имеет многих предводителей очень храбрых, которым подчинено каждое племя и даже семейство». Отметив независимый статус пятигорцев, а в употреблении Броневского под этим именем имеются ввиду все адыги, автор подчеркивает в другом разделе своего сочинения, что пятигорцы участвуют в походах хана. В разделе о ханских советниках и придворных: «Хан наиболее любит содержать при себе черкесов, ногаев и пятигорцев, которые трудолюбивы, крепки, храбры и воинственны. Отличным он назначает годовое жалованье и дают подарки; часто двор бывает наполнен ими». В разделе «Войско крымского Хана» Броневский как две отдельные группы указывает черкесов и пятигорских черкесов, что говорит о том, что автор имел представление о разделении Черкесии на две части — Западную Черкесию и Кабарду: «Из жителей Таврического полуострова перекопские и крымские, азовские, ногайские, черкесские данники и союзники, князья пятигорских черкесов, служащие на жалованьи, равно как и вольные должны немедленно являться к Хану по его требованию и принимать участие в войне». (См.: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVI/Bronevskij/frametext.htm>. Текст воспроизведен по изданию: Описание Крыма (Tartariae Descriptio) Мартина Броневского // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867).

Очень важное описание в том плане, что в нем отмечено несколько типов отношений, связывавших черкесов с ханом: одни из них — данники, а другие — союзники; кто-то получает жалованье, а кто-то вольный. Среди западно-адыгских князей, являвшихся на поддержку хану, было две категории: данники и союзники. Определение «служащие на жалованьи, равно как и вольные» употреблено сразу за пятигорскими черкесскими князьями, что подтверждает большую степень политической самостоятельности князей Кабарды.

Связь черкесов с Мангупом могла продолжаться после 1475 г. По крайней мере, мы точно знаем, что в XVIII в. в непосредственной близости от Мангупа была резиденция княжеской семьи Болотоко, представитель которой переселился из Черкесии в Крым в начале XVIII в. и многие годы занимал важные посты в ханском правительстве.

Крымский историк М. Я. Чореф, анализирувавший тамги, начертанные над входом в башню Кыз-Кулле, расположенную рядом с Мангупом, приходит к выводу о том, что эта башня принадлежала черкесскому княжескому роду Болотоковых: «Весьма вероятно, что верхняя часть западного бассейна реки Бельбек в XV-XVI вв. принадлежала представителям племени темиргоевцев, феодальным гнездом которых и было укрепление Кыз-Кулле». (Чореф М. Я. Адыгские тамги средневекового укрепления Кыз-Кулле в Крыму // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Выпуск 1. Нальчик, 1980. С. 112 — 120).

В 1793-94 гг. академик Паллас путешествовал по Крыму и заметил, что поместье Кара-иляз принадлежит фамилии Адиль-бей Балатукова и «может назваться одним из лучших во всей Таврии не только в отношении своей романтической местности, но и по удобству и по превосходству своих садов». (Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 12. Одесса, 1881. С. 136 — 137).

Измаил Мурза Муфтийзадэ в исследовании, посвященном службе крымских татар в российской армии после 1783 г. подчеркивает особый статус двух фамилий черкесского происхождения — Балатуковых и Хункаловых. В период войны с Наполеоном симферопольским конно-татарским полком командовал майор Кая бей Балатуков, а Перекопским полком — майор Ахмет бей Хункалов. За проявленные отличия в блокаде и взятии Данцига командир Симферопольского полка князь Балатуков был произведен в генерал-майоры (7 декабря 1813 г.). Таким образом, он стал первым генералом российской армии из числа крымских татар.

Муфтийзадэ отмечает, что родоначальником фамилии Балатуковых был Аджи Бекир бей Болатин оглу из владетельных князей Большой Кабарды, прибывший с Кавказа при Каплан-Гирее в 1709 г. И «почти в одно с ним время прибыл оттуда же и принадлежавший к роду тех же князей Хункал бей, родоначальник фамилии Хункаловых». (Муфтийзадэ Измаил Мурза. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год // Известия Таврической ученой комиссии. № 30. 1899. См.: http://www.moscow-crimea.ru/history/18_19vv/sluzba.html).

Из князей Большой Кабарды, которые известны все без исключения, в 1709 году никто в Крым не переселялся и князей с такими именами мы в этой черкесской области не знаем. Зато в составе армии Каплан-Гирея упоминаются 5 тысяч темиргоевцев, которые, что совершенно очевидно, должны были руководиться князьями Болотоковыми. Поэтому после разгрома Каплан-Гирея в Большой Кабарде в 1708 г., какой-то темиргоевский князь мог переселиться в Крым. Его туда мог выдвинуть другой представитель владетельного рода, заручившись поддержкой князей Большой Кабарды, а также антикрымской партии внутри Темиргоя.

В районе Карасу-базара Челеби зафиксировал небольшое черкесское селение: «Стоянка селение Черкес. Это деревня на высоком холме с одной мечетью и ста черкесскими домами». (Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Пер., вступ. ст. и комм. Е. В. Бахревского. Симферополь: «Доля», 2008. С. 151).

Анонимный турецкий автор в 1740 г. отмечает значительное черкесское присутствие в Джане (Джанкое): «Это значительное село, расположенное на большой реке, которая впадает в Азовское море. Оно защищено направленным к реке рвом. Там находится Ак-Чибукбег [?], вассальный вождь черкесского хана, который командует войском, составленным из людей 300 черкесских сел». (Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине / Пер.

М. Губоглу // Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. Т. 1. М.: Институт Востоковедения, 1964).

Учитывая крымско-татарскую транскрипцию Джаней для обозначения княжества Жане и жанеевцев, мы можем предположить, что в названии Джанкой отобразилось название адыгского субэтноса. В таком случае Джанкой означает «джанское/жанское село». (Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Гирей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани (1223-1556). Казань, 2001. С. 397).

Энтони Дженкинсон

Дженкинсон Энтони (Anthony Jenkinson, 1529 – 1610) – английский дипломат и путешественник. В период с 1557 по 1571 г. четырежды посетил Москву в качестве английского посланника, а также представителя Московской компании, основанной лондонскими купцами в 1555 г. Из Москвы совершил путешествия в Иран и Среднюю Азию, где осуществлял как дипломатические, так и коммерческие задачи.

Второе посольство Дженкинсона совпало с женитьбой Ивана на Марии Темрюковне. Англичанин прибыл в Москву 20 августа 1561 г., но не смог сразу попасть на прием к Ивану IV, поскольку «его высочество, будучи очень занят делами и готовясь вступить в брак с одной знатной черкешенкой магометанской веры, издал приказ, чтобы ни один иностранец – посланник ли или иной – не появлялся перед ним в течение некоторого времени с дальнейшим строжайшим подтверждением, чтобы в течение трех дней, пока будут продолжаться торжества, городские ворота были заперты и чтоб ни один иностранец и ни один местный житель (за исключением некоторых приближенных царя) не выходил из своего дома во время праздника. Причина такого распоряжения до сего дня остается известной». (Антоний Дженкинсон. Путешествие в Персию. 1561 – 1564 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Перевод с английского Ю. В. Готье. Л.: Соцэкгиз, 1938. С. 199).

Дженкинсон получил аудиенцию у царя далеко не сразу: «Немного времени спустя, я пожелал узнать, будет ли разрешено мне, согласно просьбе ее королевского величества, проехать через владения его высочества в Персидскую землю, на что было отвечено, что мне не разрешат поехать туда, потому что его величество предполагает послать в ту сторону войско в землю черкасов (chirkassi), отчего мое путешествие может стать опасным и затруднительным, и что если я погибну, то это будет большим бесчестьем для его милости». (Там же. С. 200).

В Шемахе Дженкинсона посетил некий армянский купец, который представился посланником грузинского царя. Он просил англичанина рассказать русскому царю о тягостном положении Грузии, страдающей от персидского ига. Писать открыто и тем более слать послов грузинский царь боялся. «Я также дал ему устный ответ и не только убеждал его отправить посла в Россию, не сомневаясь, что царь примет его с почетом и окажет ему помощь, но и указал ему дорогу, по которой он мог бы его послать: через страну черкесов, пользуясь благоволением Темрюка, короля названных черкесов, на дочери которого царь недавно женился». (Там же. С. 211).

Дженкинсон создал весьма любопытное картографическое произведение, содержащее легенду о черкесах: «Чиркасы пятигорские считают себя христианами и имеют особенный язык. Опытны в военном деле, а для великолепных похорон родственники собираются многочисленные погребальные процессии, и в память умерших иногда обрезают часть уха». (См. карту 7). Вспомним, что обрезание части уха в знак траура было описано у скифов Геродотом. Эта легенда, также как и легенда на карте Джовио, может восходить к Интериано, у которого содержится детальное описание черкесских похорон и погребального обряда, и который, в частности, отмечал, что при погребении «собирается большая толпа народа». (Интериано Дж. Быт и страна зихов... С. 52).

Абрахам Ортелиус

Один из ведущих европейских картографов последней трети XVI в. Абрахам Ортелиус (1527 – 1598) создал несколько выдающихся реконструкций этно-политического состояния античного пространства.

Реконструкция Ортелиуса содержит все основные этнонимы, упоминавшиеся в античных источниках при описании бассейна Черного моря: между Кубанью и Доном отмечены меоты (maeotae), синдзы, ахеи, керкеты, саниги, епагериты, гениохи, конапсени (conapseni), арихи, аспургианы, боспораны и пр. С западной стороны Меотиды отмечены меоты (maeotae), язиги (Iazyges), вторая Синдика (Sendica).

Вершиной творчества Ортелиуса стал атлас *Teatrum Orbis Terrarum* («Театр земного круга» или «Театр мира»), увидевший свет в Амстердаме в 1570 г. Карта «России или великого княжества Московского», созданная Ортелиусом для этого атласа, является копией карты Дженкинсона 1562 г. В границах черкесского пространства также указаны «чиркасы пятигорские» (CHIRKASSI PETIGORSKI). (Ortelius, Abrahamus. *Russia aut potius Magni Ducis Moscoviae Imperium // Teatrum Orbis Terrarum*. Lausanne: Sequoia, 1964. Folio 46. РГБ. Отдел картографических исследований. Ку 63/Х-9).

Ортелиус Абрахам. Понт Эвксинский. 1590 г. Фрагмент. Реконструкция этнической и политической карты бассейна Черного моря по античным источникам. *Abrahami Ortelii. Pontvs Euxinvs*. Van den Keere, Pieter (1571 – 1646). Graveur. Bibliothèque nationale de France. Collection d'Anville. 38 × 49 см.

http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/6b/Abrahami_Ortelii._Pontvs_Euxinvs_%2817th_century%29.jpg?uselang=ru

На карте «Описание Турецкой империи» Ортелиус четко отделяет черкесское пространство от турецкой империи: граница проходит сразу к западу от Пицунды (Pesonda). Абхазия при этом не указана и желтым выделено все турецкое пространство — в данном случае MINGRELIA. В черкесском участке побережья указана Maura Zichia. На месте Черкесии — Caitachi. Как поселение внутри Кайтакии указана Кабарда — Carbatri. (Ортелиус, Абрахам. Описание Турецкой империи (Turcici Imperii Descriptio), Amsterdam, 1590. 37.1 x 49 см. Из «Theatrum Orbis Terrarum» Ортелиуса. <http://www-news.uchicago.edu/releases/07/images/071102.ortelius-2000.jpg>).

Черкесия все-таки появляется у Ортелиуса на карте «Московская империя» (Moscoviae Imperium) 1600 г. Карта отображает членение Черкесии на Западную (Circasi Pop.) и Восточную (Petigorski Populi Circasi). (http://tat-map.ru/do1800/_1560.jpg). Затем, карта «Газария и Московия» во франкоязычном издании «Театра мира» в Амстердаме (1698 г.) демонстрирует «Восточную Черкесию» — Circassia Oriens. При этом, в Закубанье отмечена Каттахия — Cattachia.

Жерар Меркатор

Черкесия отмечена как область расселения черкесов пятигорских на карте «Тартария» Жерара Меркатора в 1619 г. (<http://www.bergbook.com/images/27444-01.jpg>). Меркатор как большой знаток письменных и картографических источников учел при составлении этой карты те сведения, которые сообщил о Черкесии Иосафат Барбаро и которые потом часто воспроизводились картографами XVI в. Это такие города, как Кипике (Cipice) и Кремук (Cremuch), которые отнесены слишком далеко к востоку, но остались внутри черкесского региона. На Кубани, на ее левом притоке, отмечен город Акуа (Acua). Он был впервые нанесен на карту Черкесии Аньезе в середине XVI в. Вероятно, под Акуа надо понимать абхазское название Сухума, а то обстоятельство, что это название отнесено на северный склон, стало результатом простого заимствования у Аньезе. Последний же, слишком широко начертав Мегрелию, искал место для Абхазии (Абакуас) и Акуа, и просто сместил их внутрь Черкесии.

Ян Блау

Черкесия обозначена как регион «Пятигорских Чиркасов», границы которого очень четко выделены жирной желтой линией, на карте России Яна Блау 1645 г. (Из первого тома атласа: «Театр земного круга или Новый атлас карт и изображений всех стран». Theatrum Orbis Terrarum, sive Atlas Novus in quo Tabulae et Descriptiones Omnium Regionum, Editae a Guiljel: et Ioanne Blaeu. Amsterdami, 1645. Vol. I. 17. Tabula Russiae. <http://www.library.ucla.edu/yrl/reference/maps/blaueu/europa-nt.htm#>). На востоке Черкесия Блау граничит с нижним течением Волги. В Черкесию включены земли за Сунжей, затем граница возвращается на Терек и доходит до каспийского побережья. Обращает на себя внимание область на западе Черкесии, обозначенная Блау как Cymuhia regio. По всей видимости, это в несколько искаженном виде передает представление Блау о существовании княжества Кремук в Черкесии. После Блау Cymuhia regio всплывает в описании Черкесии Жана-Батиста Тавернье. Это название мы видим на его рисунке кругового поселения, надо думать, кремукского (темиргоевского) князя.

Николя Сансон

Николя Сансон (1600 — 1667) — один из наиболее известных картографов XVII в., придворный географ французского короля. Современники называли его «отцом французской картографии». После смерти его дело было продолжено сыновьями Гийомом Сансоном (1633 — 1703) и Адриеном (1639 — 1718), также удостоившимися званий королевских картографов. Экземпляр его «Нового атласа» есть в РГБ. (Atlas nouveau : contenant toutes les parties du monde ou sont exactement remarquès les empires, monarchies, royaumes, estats, republicques & peuples

qui sy trouuent á present par le Sr. Sanson, geographe ordinaire du Roy. Presente a Monseigneur le Dauphin. A Amsterdam. Chez Pierre Mortier et Compagnie. Дата публикации, предположительно, 1692 г., но данный экземпляр может относиться к более позднему переизданию. РГБ. Отдел картографических изданий. Ку 53 / V – 1). Два больших по формату тома, но без указания нумерации томов. Страницы не указаны.

Первый том, по всей видимости, тот, у которого на форзаце помещена карта мира в виде Марра-Monde в виде двух круглых карт с западным и восточным полушариями, представляющими в развернутом виде глобус, созданный Сансоном. В восточном полушарии отмечена как независимая территория Черкесия (CIRCASSIE). (Mappe-monde géo-hydrographique ou description générale du globe terrestre et aquatique en deux plans-hémisphères [Document cartographique] / par le Sr Sanson).

Следом, также на разворот, подана карта Азии, основанная на сведениях Н. Витсена, знаменитого голландского путешественника. Следом помещена таблица географических названий частей Азии. Черкесия и Грузия указаны отдельно, после столбца Турция, в Азии. LA CIRCASSIE состоит из собственно Черкесии (La Circassie), в составе которой отмечены такие названия как Терки (Terki), Темрюк (Temruck), Карбатей (Carbatey), Кодикой (Codicoi), Рабент (Rabent), Бесинада (Besinada), Болетеккой (Boletecoi), а также еще двух областей – LE DAGESTAN с поселением Tarku и LES ABASSA с поселением Eschisumuni.

Сансон, Гийом. Страны империи Великого Сеньора Турок в Европе, в Азии и в Африке, с указанием наместничеств или беглербегств, а также с указанием тех стран, которые являются его данниками. Sanson, Guillaume. Etats de l'Empire du Grand Seigneur des Turcs, en Europe, en Asie, et en Afrique, divisé en tous ses Beglerbeglicz, ou Gouvernements ; ou [sic] sont aussi remarqués les Etats qui luy sont Tributaires / dressé sur les plus Nouvelles Relations par le S[ieu]r Sanson, Géographe ordinaire du Roy ; dédié au Roy par so tre-humble, tres-obéissant, et tres fidele Serviteur Hubert Jaillot. A Paris, 1695. Bibliothèque nationale de France, département Cartes et plans, Collection d'Anville. См.: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b59622152>

На карте 1710 г. у Сансона помещена надпись на северном, степном секторе Северного Кавказа: «Границы стран (подвластных) царю или великому князю Московии» (Confins des Etats du Czar ou Grand Duc de Moscovie). (Sanson, Nicolas. Etats de l'Empire du Grand Seigneur des Turcs, en Europe, en Asie, et en Afrique, divisé en tous ses Beglerbeglicz... // Jaillot A. H. Atlas Nouveau, contenant toutes les parties du monde,... Amsterdam, Covens & Mortier, 1710. См.: <http://www.sanderusmaps.com/detail.cfm?c=7036>). При этом реальные пределы российского государства более реалистично обозначены пунктирной линией. Обычно на этом месте обозначалось татарское присутствие.

В какой период зависимость от русского царя могла приобрести настолько зримый характер, чтобы быть отраженной на французской карте? Этот период можно вычлениить в рамках 20-40-х годов XVII в. В 1676 г. в грамоте из Посольского приказа князю Каспулату Муцаловичу Черкасскому о необходимости прибыть в Терский город для приведения к присяге северокавказских вассалов упоминается только один вассал и одно имя — сам Каспулат. (КРО. Т. I. С. 358). Московские канцеляристы предлагают дать присягу царям — Ивану и Петру Алексеевичу самому важному северокавказскому вассалу последних лет царствования покойного Алексея Михайловича — Каспулату Муцалову, ему же поручают организовать на присягу горских владельцев, «которые тебе, подданному нашему, послушны». Отметим, что Каспулат не столько вассальный кабардинский князь, а служилый князь. Показательно, что в Посольском приказе затруднились назвать хотя бы одного такого послушного владельца. За 30 лет до того, во время присяги в 1654 г. Алексею Михайловичу, список присягнувших был не просто большим — он включал всех князей Кабарды и Северного Дагестана. Все, чего достиг первый Романов — Михаил Федорович — при втором Романове было почти целиком утеряно.

Жан Шарден

Жан Шарден (1643 — 1712), французский путешественник и дипломат, побывавший в 1672 г., на пути в Иран, в Мегрелии и Имерети, стал автором одной из наиболее любопытных карт Кавказа и Черного моря (см. карту 9). (Шарден Ж. Путешествие господина дворянина Шардена в Персию и другие восточные страны. / Пер. с франц. А. И. Петрова // АБКИЕА. С. 107). Ш. Д. Инал-ипа убедительно показал, что, скорее всего, текст Шардена восходит к запискам миссионера-театинца Иосифа Цампи, проведшего в Мегрелии 23 года и подарившего свою рукопись французскому путешественнику. (Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности. Об этнической ситуации в Абхазии в XV — нач. XX вв. Сухум: «Алашара», 1992. С. 66).

Выше Главного хребта отмечено «Circassia Septentrionale» — «Черкесия Северная». Справа, в районе повышения хребта отмечено Alani, что отвечает сложившимся в XVII в. представлениям о существовании Алании на северном склоне, напротив верхнего течения Ингура. Эти представления сложились благодаря запискам и картам итальянских миссионеров в Мегрелии — Христофора Кастелли и Арканджело Ламберти. Они получили широкую известность в Европе и длительное время влияли на общую систему представлений о Кавказе. Карачаевцев итальянские миссионеры именовали карачиолли и синхронно им во времени и пространстве локализовали аланский этнос. Это стремление совместить алан и карачаевцев вполне объяснимо влиянием мегрельской этно-географической номенклатуры, в которой карачаевцы прямо именуется аланами.

Влияние на Шардена итальянских миссионеров очевидно просматривается в том, что к северу от Черкесии и алан, и к востоку от Дона помещены амазонки — Amazones — вспомним здесь рассказ Ламберти о нападении амазонок на сванов и карачаевцев.

Выше Абхазии отмечено «Pars Circassia dicta Abcas», т.е. «Часть Черкесии, называемая Абхазией». Это территория сочи-адлерского района, населенного джиками (садзами) и убыхами. На территории Западной Черкесии отмечено: «Pars Circassiane quae a Turcis dicitur Cara Cherces i.e. Circassia nigra», т.е. «Часть Черкесии, называемая турками Кара Черкес, т.е. Черная Черкесия». В представлении о том, что существуют две Черкесии — Белая и Черная — мы видим стремление к архаизации этно-географической картины мира. Это и сарматы, и две Сарматии — Азиатская и Европейская — на картах XVI-XVII вв., и многие другие яркие анахронизмы. В морских картах итальянцев XIV в. фигурировали Белая и Черная Зихии. Это представление оказалось чрезвычайно живучим и отражается на картах вплоть до XVIII в. Зная, что зихи и черкесы являются синонимичными понятиями, обозначающими один и тот же народ, авторы механически переносили это цветовое деление на Черкесию. В этом разделении страны на черную и белую половины нет ничего экстраординарного: существовали Белая и Черная Руси, что обычно объясняют характером зависимости от Орды. Освободившееся Московское царство отмечается на картах уже как «Русия Белая».

На территории Украины отмечено «Circassia Alba» и «Pars Poloniae»: «Черкесия Белая» и «Часть Польши» соответственно. Знание о том, что на восточных польско-литовских территориях локализуется некое черкасское население и факт того, что они, в отличие от черкесов Кавказа не входят в состав Османской империи (и Крымского ханства) порождает стремление нанести на карту Белую Черкесию на Днепре. Такое же представление, но без цветовой нагрузки, оживает у анонимного английского писателя (книга которого вышла в 1679 г. в Париже), когда он подчеркивает, что по Борисфену (Днепру) проживают вольные черкесы, изгнавшие своих князей. (АБКИЕА. С. 90 – 91).

Фредерик де Вит

На карте голландского мастера Черкесия (Cirkascia) выделена как главное политическое образование всего Кавказского региона, включая Грузию. (См. карту 10). Черкесское пространство четко отграничено от Крымского ханства. Составитель явно находился под влиянием традиции портоланов (Alba вместо Albazichia на побережье), но также включает такие названия, которые отвечают реальному содержанию Черкесии – Codiosi, княжество Кодикой (Хатукай), о котором упоминает Джиованни Лукка в первой трети этого столетия. Vasianar и Asua ведут свое начало от портоланов Аньезе. Tzercas на верхней Кубани также неоднократно фигурировал в предшествующих памятниках картографии.

Адахун (Adehon) на Тамани придает карте Вита современный характер. В XVII в. здесь, на одноименном «острове», находилась турецкая крепость Адахун. (Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. С. 48 – 49). «Остров» Адахун – часть Таманского полуострова, ограниченная с запада Таманским заливом, с севера – Темрюкским заливом, с востока – Ахтанизовским лиманом. Залив Адахун – Кизилташский лиман.

Вит вторит Меркатору, когда сильно смещает к востоку «город» Кремук (Cremuch). Явно, представление о Кремуже в европейской картографии XVII в. было утеряно. Тогда как реальный Кемиргой продолжал существовать и довольно часто упоминаться в русских и турецких источниках, содержание которых, впрочем, почти не учитывалось европейцами.

Русские и турки не умели создавать географические карты, но хорошо знали внутреннее устройство Черкесии, а европейцы, рисуя потрясающие по точности контуры больших пространств, оставались в большей степени книжными знатоками, перенося устаревшие, по большей части, сведения из портоланов XV – XVI вв.

Юстус Данкертс

Крым и Западное Приазовье отмечены как османские территории на карте Юстуса Данкертса «Аккуратная и максимально полная карта Турецкой империи» (Амстердам, 1680). (Danckerts, Justus. Accuratissima et maxima totius Turcici Imperii tabula cum omnibus suis regionibus novissima delineatio. Amstelodami, 1680. Сайт: Norman B. Leventhal Map Center at the Boston Public Library. <http://maps.bpl.org/id/15918>). (См. фрагмент на с. 79).

Abassa, т. е. Абхазия; Odisci, т. е. Одиши (Мингрелия); Imereti, т. е. Имеретия; Guriel, т. е. Гурия; Cardu, т. е. Картли – все эти территории также отмечены как османские провинции. При этом, Абхазия и Мингрелия показаны как самостоятельные от Грузии территории. В Грузию здесь входят, но без Тифлиса, который отмечен как персидский город, Имеретия и Гурия. Дагестан и Ширван – в составе Персии.

Черкесия (Circasses) отмечена как свободная и от Турции, и от Персии, и от России страна в пределах от Азовского до Каспийского морей. Большая часть Черноморского побережья Кавказа, от устья Кубани до Абхазии, отмечена как Черкесия. Эта карта вполне согласуется с теми детальными описаниями Черкесии XVII века, которыми мы располагаем: Челеби, Витсен, Олеарий, Лука, Тавернье, Асколи и многие другие. Необходимо заметить также, что Абхазия не входила в состав Османской империи – карта здесь дает неверную информацию.

Весь XVII век прошел под знаком абхазских пиратских рейдов против османов, а абхазо-мингрельская граница по реке Ингур и является самым северным пределом османского проникновения на Кавказ со стороны Грузии. В XVI – XVIII вв. османы неизменно поддерживали мингрельских князей Дадиани в их войнах с Абхазией.

Винченцо Коронелли

В 80-е гг. XVII в. Винченцо Коронелли (1650-1718), францисканский монах и географ, космограф и энциклопедист, создал два огромных глобуса (диаметром 3,87 метра и весом 2,3 тонны каждый) для короля Людовика XIV. Позднее в литературе эти глобусы стали известны как глобусы Людовика XIV (*Les Globes de Louis XIV*).

Один глобус представлял из себя небесный глобус (*le globe céleste*) и показывал карту звездного неба со всеми известными тогда созвездиями, второй — земной, или просто глобус (*le globe terrestre*), со всеми открытыми на тот момент землями. Оба глобуса, хранятся в *Bibliothèque nationale de France*.

На карте Европы, датированной 1680 г., использованной для создания глобуса земной тверди, Коронелли в северо-восточном секторе Черного моря нанес надпись *Mare di Circassia*, то есть «Море Черкессии». (См. карту 11).

Николас Фишер II

Представитель голландской династии картографов, граверов и издателей Фишеров (*Visscher*), которые были также известны как Пискаторы (лат. *piscator* — рыбак). Основатель фирмы — Николас Иоаннис Фишер (*Claes Janszoon Visscher*, 1587 — 1652). После его смерти дом Пискаторов возглавил сын Николас I (1618 — 1679). В 1682 г. издательский патент был выдан его сыну Николасу II (1649 — 1702).

«Новая карта Черного моря и Константинопольского пролива» Николаса Фишера II (Амстердам, 1680) одержит наименования адыгских княжеств XVII в.: Болетеккой (*Boletecoi*) и Кодикой (*Codicoi*). (<http://www.raremaps.com/gallery/enlarge/0070gh>). (См. фрагмент на с. 80).

По правящей темиргоевской фамилии Болотоко авторы этого периода часто называли Темиргоевское феодальное владение Болетеккой, то есть Болотоковским (княжеством). Так, у турецкого путешественника середины XVII в. Эвлия Челеби употреблена форма Болоткай, а у итальянского миссионера Джуованни да Лукка — Болеттекой. Фишер, по всей видимости, опирался на сведения Лукка, путешествовавшего по Черкесии в 1629 г., у которого княжество Бесленей называется Бессенада и Безинада (*Besinada*); жанеевское княжество — Джиа-на (*Giana*); хатукаевское княжество — Кодикой (*Codicoi*). Как и на карте Вишера, у Джуованни да Лукка мыс Кодош указан в форме Кудесчио (*Cudescio*).

Карта Фишера выделяется из множества аналогичных карт XVII — первой половины XVIII в., которые содержат схожий набор черкесских топонимов, тем, что здесь предпринята попытка показать основные пути сообщения внутри Черкесии. Это стремление к демонстрации реального состояния территории сочетается у Вишера с использованием архаичных, восходящих к портоланам, наименований — *Mauro*, *Suzako*, *Alba* и пр.

Среди картографического наследия Фишеров стоит остановиться на политико-административной карте Османской империи, изданной отдельным листом. (*Visscher, Nicolas. Magni Turcarum domini imperium in Europa, Asia, et Africa; tam in proprias, tributaries ac clientelares regions, quam in omnes, ejusdem beglirbegatus sive praefecturas generales accuratissime distinctum. Amsterdam, [16..].* См.: РГБ. Отдел картографических изданий. Ку 50/XII-9).

Черкесия (*Circassi Tartari*) не входит ни в Крым, ни в Турцию, которой посвящена эта карта. Поперек черкесского пространства: *Moscoviae pars*. Как данники султана отмечены западно-грузинские княжества и Абхазия (*Avogasia* и *Abassia*).

ГЛАВА 3

XVIII век

Гийом Делиль

Среди картографических источников первой трети XVIII в. выделяется наследие французского географа и картографа Гийома Делиля (1675 – 1726).

Черкесия представлена на всех картах Делиля, посвященных Европе, России, Турции, Ирану. Так, на карте «Европа» 1705 г. Делиль изображает Черкессию (Circassia) как весьма внушительную страну между Доном и Каспием (см. карту 12). Пропорции делилевской Черкесии таковы, что она выглядит страной размером с Францию.

Одно из наиболее интересных изображений Черкесии содержится на «Карте стран, лежащих вокруг Каспийского моря» 1723 г. (см. карту 16). Это изображение Черкесии содержит ряд топонимов, которые свидетельствуют о передовом для того времени знании внутреннего устройства черкесского пространства. По крайней мере, часть этой информации Делиль получил от грузинского князя Сулхан-Саба Орбелиани (1658 – 1725), возглавлявшего посольство на Запад в 1713 – 1716 гг. (W. E. D. Allen. *The Sources for G. Delisle's «Carte des Pays Voisins de la Mer Caspiene» of 1723 // Imago Mundi. Vol. 13, (1956), pp. 137-150*). Орбелиани был одним из наиболее образованных людей Грузии, ученым-энциклопедистом. Во Францию он привез рукописную карту Грузии с сопредельными странами. (Ватейшвили Д. Л. *Грузия и европейские страны. Т. I. Кн. 2. М.: «Наука», 2003. С. 330*).

Экземпляр подобной карты Делиля, изданный отдельным листом (62 на 50,5 см), хранится в отделе картографических изданий РГБ. Он состоит из отдельных секторов, наклеенных на тканевую основу. Отличается тем, что на нем не приведены названия резиденций черкесских князей. (*Carte de Perse dressee pour l'usage du roy par G. de l'Isle, premier geographe de S. M. de l'Academie Royale des Sciences. Amsterdam. РГБ. Отдел картографических изданий. Ку 49/VIII-56*).

В РГБ есть также «Новый атлас» Лиля 1730 г., в первом томе которого содержится 87 карт. 6-я из них «Новая карта Европы» (58 на 47 см, на двух страницах) обозначает крупно Circassie. (*Atlas Nouveau, contenant toutes les parties du Monde, ou sont exactement remarquees les Empires, Monarchies, Royaumes, Etats, Republiques &. Par Guillaume de l'Isle. Premier Geographe de sa Majeste. A Amsterdam, MDCCXXX [1730]*). На титуле пометка владельца книги: *Prince Lobanoff Rostovski*).

Делиль отмечает, что Черкесия входит в политическое пространство Крымского ханства. У Черкесии отмечено второе название – Pays de Ladda, что переводится как «страна Ладды». Можно предположить, что название Ладда образовалось путем срастания французского артикля *le / la*, сопутствующего имени существительному соответственно мужского или женского родов, с турецкой основой *ada* «остров». *Le Adda – L'Adda – Ladda*.

Термин *Adda* является часто употребляемым географическим наименованием при описании Черкесии XVII – XVIII вв. Так, француз Ферран, придворный медик крымского хана, в 1709 г. писал: «Переехав ногайские земли, вступили мы в Черкессию, которую татары называют *Адда*. ...Недалеко от Темрюка виден древний замок, называемый по имени страны *Адда*...

Область Адда простиается до реки Кара-Кубани, служащей ей границей; она населена ногайскими татарами...». (Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар, в 1709 году // АБКИЕА. С. 110 – 111).

В отчете Феррана термин Адда имеет два значения: 1) синоним Черкесии, что напоминает нам идею Фернана Броделя об «островах на суше»; 2) обозначает западную область Черкесии, включающую Таманский полуостров и часть нижнего течения Кубани, лежавшую между ее основным течением и старой протокой Кара-Кубанью (Каракубанский остров). И, если у Феррана крепость Темрюк имеет второе название Адда, то на карте Делиля эта крепость также имеет второе обозначение в виде Ладда (Ladda). Это совпадение укрепляет уверенность в предложенной версии истолкования делилевской Ладды. Сведения Феррана могли быть известны Делилю и повлияли на его представления по географии и этнографии Северного Кавказа.

Ферран был не единственным французским автором периода деятельности Делиля, который использовал понятие Адда. Абри де ла Мотрэ, путешественник и дипломат, в 1711 г. совершил длительную поездку по Черкесии. При описании таманского полуострова, Мотрэ пишет о «деревнях Адды, нечто вроде острова... обнимающего область Тамани, Темрюка и т. д.». (Путешествие господина А. де ла Мотрэ в Европу, Азию и Африку // АБКИЕА. С. 125). Затем, Мотрэ еще раз оставаливается на вопросе о местности под названием Ада, которая «занимает большое пространство по направлению с юга на север, но с запада на восток, куда мы должны были отправиться, он тянется всего на 10-20-30 миль, достигая только в некоторых местах 40 миль». (Там же. С. 127).

В начале XIX в. Г.-Ю. Клапрот зафиксировал на левом берегу Кубани, в районе Анапы смешанное татарско-черкесское население, которое бежало сюда с Таманского полуострова после захвата Крыма Россией: «Им дали татарское имя адали, что значит «жители острова». Они перебрались оттуда на левый берег Кубани и вдоль лимана и поселились в селениях, сохранив свое прежнее имя адали. Они сеют рожь, разводят фруктовые сады и, главным образом, занимаются рыбной ловлей. Во время взятия Анапы, в 1791 г., их погибло большое число, и с тех пор они совершенно исчезли или же смешались с соседними племенами». (Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА. С. 244).

Основную часть адальцев составляли хегайки (хеххадчь у Хан-Гирея, шегаки у Челеби). Во второй половине XVIII в. территория расселения хегайков включала район Анапы и часть Таманского полуострова. Хан-Гирей приводит адыгское наименование адальцев – Хтук, «островитянин или просто остров». (Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. С. 197). Хы «море», хытыку «коса», тыку «кут» (ТСАЯ. Майкоп, 2006. С. 449, 406). Тыку наблюдается в составе ряда топонимов – Псейтук, Хаштук и пр. Последний аул хытуков на Таманском полуострове еще сохранялся во время работы Хан-Гирея над «Записками о Черкесии».

Карта Делиля содержит целый ряд названий в пространстве закубанской Черкесии. Княжество Кемиргой (Темиргой) отмечено как населенный пункт Гумиркуй – Guemir Cui.

Это название нанесено на правом берегу крупной реки Chasqueue, левом притоке Кубани, протекающей к западу от Лабы (Lappa). Очевидно, что это – Белая (адыгское название Схагуащэ или Шхагуаша, обе формы вполне адекватно передают адыгское произношение этого гидронима и, что очень важно, такие написания исходили от русских обозревателей и знатоков региона в первой половине XIX в. – Прим. С. Х.).

Важно отметить, что Гумиркуй отмечен на правом берегу Белой примерно в районе современного Белореченска. Под названием стоит комментарий: «ставка 3-х беев». Примерно в этом же месте в 1666 г. побывал Эвлия Челеби: «На берегу реки Шагваше стоит укрепление-азбаре, в котором 300 домов. Это – пшуко, то есть резиденция бея. Властителей этого края называют сыновьями Нулабука. Их – семеро братьев. Самый старший из них Сахадук, следующий, моложе [первого], – Элбуздай, следующий – Эль-Мирза, следующий Базрук, следующий – Бакук... Эти семеро братьев распоряжаются сотней благоустроенных стоянок и тысячей хорошо вооруженных отборных воинов. Из всего черкесского народа эти – самые отважные и сильные. А врагов у них весьма много. И всех они одолевают, потому что область

их является труднодоступной». Темиргоевцев Челеби именует по фамилии князей – «народом болоткай». (Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 73).

Делиль нанес дорогу, соединяющую основные турецкие крепости с княжескими аулами. Из Тамани дорога ведет в Темрюк, затем в сеньорию (Seigneurie) Джиана на острове Кара-Кубань, оттуда в сеньорию Кодикой в Западном Закубанье, у которой приписано «ставка одного бея», затем в Белеттекой, затем в Fouzadoud, у которой приписано резиденция d'Atouvnet Веу, оттуда на правый берег Белой в Гумиркуй, «ставку трех беев», оттуда – в Бесини или Бесинада между Малой и Большой Лабой, «ставку одного бея». Затем дорога устремляется в населенный пункт Кабарда, у которого приписано «столица Черкесии». Помимо некоего центрального аула Кабарда отмечена и область Кабардиния. Дальше дорога не идет. Под Fouzadoud, вероятно, следует понимать Бжедугское владение. Если поменять F на P, то получаем Rouzadoud, что уже приближает нас к ряду написаний этого названия в источника – бузадук, бужадук, псадуг, и пр.

Карта Делиля очень четко отграничивает пространство Северного Кавказа, находившееся под верховной властью хана («Страны, зависимые от хана татар») от крайнего восточного и северо-восточного секторов, которые находились под контролем России.

Абхазское княжество отмечено как «Абасса Независимая» (Abassa Independans), надо думать, от Мегрелии и Грузии в целом. Поскольку в карте Лиля отражен во многом взгляд на положение вещей Орбелиани, то признание независимого статуса Абхазского владения имеет весьма принципиальный характер. В то же время, Лиль (или Орбелиани?) не хочет признавать факта, что после 1680 г. абазо-мегрельская граница проходила по реке Ингур и помещает ее на старом рубеже – по реке Кодор.

Черкесское побережье на карте Делиля.

Обращает на себя внимание название P. Ghelindjik – порт Геленджик. Указано второе название Геленджика – Helmtzeko, которое, вероятно, представляет собой искаженное Орбелиани на грузинский манер название Геленджика. (См. карту 15). На итальянской карте 1737 г. Геленджик (Gelingik) отмечен как поселение, значок такой же как у других приморских поселений – Kodos (Кодос в Туапсе), Voi (Гвай или Вайа, или Гуайе, Вайпига у Челеби), Subassi (Субеш или Субаши, Шахе), Varam (Вардан или Орданэ).

Интересна та скорость, с которой Делиль отобразил факт строительства в 1722 г. турецкого форта в Цемесской бухте – Port Soutghoulgulk – Согуджук или Суджук-Кале. Вполне возможно, что это первое картографическое свидетельство существования турецкой крепости Суджук-Кале. Предыстория возведения на черкесском побережье опорной базы для османского флота связана с экспансией Российской империи в направлении иранских владений в Дагестане и Азербайджане и ожидавшегося вторжения в Грузию.

В 1722 г. Петр I атаковал Иран. Русские войска углубились на иранскую территорию вплоть до Баку, что вызвало возмущение Порты. Османское правительство предупредило русского царя о том, что он не может оставаться в захваченном районе и что в противном случае война между державами неизбежна.

На протяжении 1722 – 1723 гг. Турция и Россия пребывали на грани масштабного военного конфликта. Турки поспешили занять иранскую часть Грузии и вошли в Тифлис.

Одновременно они укрепили свои позиции в Западной Грузии, Абхазии и Черкесии. Тогда то и был построен первый форт в Суджукке, контролировавший самую значительную гавань черкесского побережья.

В октябре 1722 г. русский резидент в Стамбуле И. И. Неплюев сообщал, что османское правительство уверено в намерении Петра взять под свой контроль не только персидскую Грузию (Картли и Кахети), но и турецкую часть Грузии – «жоржиан, дипендующих от Порты», и «Мингрелию и Черкес и Абазшо». (Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. I: XVI – XVIII вв. Составители М. А. Волхонский, В. М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2011. С. 92).

В сентябре 1723 г. Неплюев сообщал, что «мингрелской князь которые турки зовут Абазанами прислал к Порте... сына своего двенадцати лет; при нем четыре персоны из знатных

людей, которых везирь принял ласково, хотя оные Абазани наперед сего были в протекции у Порты, однакож аманатов от них турки до ныне не брали ниже поиска свое туда вводить могли, а ныне строят во Абазани в устье Фазы фортецию и к протчему их принудили». (Там же. С. 108). Как видим, в османской системе географической номенклатуры Абазией именовалась не только прибрежная Черкесия, но и даже Мегрелия, которая, казалось бы, доминировала над Абхазией. Здесь надо вспомнить Челеби, который писал о мегрело-абазской границе по Риони (Фазису), что было далеко не так, поскольку при Челеби эта граница проходила даже не по Ингуру, а по Кодору.

Таким образом, первый османский форт в Суджукской гавани, получивший название Суджук-Кале, был построен в 1722 – 1723 гг. в связи с ожиданием русского вторжения в черноморские владения Порты со стороны Азербайджана.

До последней трети XVIII в. Суджук-Кале крайне редко упоминается в источниках, поскольку этот район Черкесии оставался в стороне от обширного театра военного соперничества двух империй.

На одной из итальянских карт из собрания Марчианы (библиотеки Святого Марка в Венеции), датированной 1737 г., отмечен форт Sevegiok – Суджук-Кале.

В 1755 г. Шарль Пейсонель, французский консул в Крымском ханстве, писал о Суджук-Кале: «Сууджук – небольшая крепость на берегу Черного моря в направлении к границам Абазии. В ней около 200 домов, 4000 жителей и от 36 до 40 пушек; гаризон состоит из янычар, а местность управляется татарским беем, назначаемым сераскиром Кубани; торговля здесь не ведется». (Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // АБКИЕА. С. 191).

В сферу русских территориальных притязаний Суджук-Кале попал после того, как после войны 1768 – 1774 гг. российскому правительству удалось поставить под свой контроль Крым, возведя на трон своего ставленника Шагин-Гирея. Российское правительство стало активно отстаивать на переговорах с турками тезис о том, что Черкесия – составная часть Крымского ханства, а потому Суджук-Кале вместе с «Абазехскими урочищами» должен быть уступлен турками татарам. (Смирнов В. Д. Крымское ханство... Т. 2. С. 195)

Следующий топоним, на который необходимо обратить внимание – это западнокавказский Derbent – Гагра. В этом месте горы примыкают вплотную к морю и очень сильно затрудняют движение.

Отношения с Крымским ханством

В 1703 г. султан Ахмед III (1703 – 1730) отстраняет Девлет-Гирея и ставит на ханство его отца Селим-Гирея, для которого это было уже четвертое восхождение на трон. Смещение Девлет-Гирея вызвало серьезное возмущение в правящих кругах ханства и привело к мятежу, охватившему не только Крым, но и правобережье Кубани. Выступление было подавлено и Девлет-Гирей укрывается в Кабарде. Его бегство под защиту своих вассалов может быть расценено нами как следствие особых доверительных отношений с кабардинцами. В июне 1703 г. крымское войско во главе с калгой Гази-Гиреем подошло к границам Кабарды, но до войны дело не дошло. Девлет-Гирей сдался, был привезен в Крым, где предстал перед отцом, покаялся и был прощен.

Канжальская битва

В 1707 г. только что взошедший на трон Каплан-Гирей направляет отряд под командой калги Менгли-Гирея в Кабарду для сбора дани за убийство Шахбаз-Гирея. Выполнение этого законного требования сопровождалось насилием и произволом. В результате хамского поведения калги «местное население восстало, и татар, расселенных по домам, ночью вырезали. В Крым вернулось несколько человек во главе с Менгли-Гиреем».

Истребление отряда калги стало причиной большого похода Каплан-Гирея 1708 г. Йозеф Хаммер, на основании сведений османского историка Рашида, указывает, что численность ханской армии составляла 20 тысяч воинов: 6 тысяч ногайцев из Бессарабии, 1500 сегбанов (ханских гвардейцев), 3 тысячи сипахов, 5 тысяч черкесов из Камюркой (Темиргоя) и еще неопределенное число ногайцев. (Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 431).

По свидетельству русского посла в Константинополе П. Толстого, султан предписал хану собрать 30 или 40 тысяч татар и самому возглавить поход — «оных черкес разорить и жилища их пожечь». (Сокуров В. Н. Из истории взаимоотношений Кабарды и Крыма в конце XVII — начале XVIII века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 10. Нальчик, 1976. С. 37).

В сентябре 1708 г. огромная армия крымцев была внезапно атакована и наголову разбита кабардинцами во главе с Кургоко Атажукиным. Каплан-Гирей, получив после Канжала еще один жестокий удар на Гунделене, с несколькими тысячами ретировался в Крым. Султан отправил его в ссылку, а на крымский трон во второй раз взошел Девлет-Гирей II. Каплан-Гирей еще дважды будет занимать трон, а Кабарда останется для него неразрешимой проблемой.

Масштабы поражения ужасали. Согласно донесению российского посла в Турции П. А. Толстого практически весь турецкий корпус Муртазы-паши, находившийся в составе крымской армии, был уничтожен: «А со оным пашею янычан и турчан возвратилось в Керчь всего человек с тридцать, а прочие все тамо пропали, каторых было с ним всего больше четырех тысяч турок конных и янычан». (Донесение российского посла в Константинополе П. А. Толстого канцлеру Г. И. Головкину. 22 ноября 1798 г. // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 339-340).

Общие потери оценивались современниками в 40.000 (Мотрэ), 5.000 (Главани), 40.000 (Кантемир). (Канжальская битва... С. 407, 412, 419). Турецкий историк Фындыклылы отмечал: «История Крымского ханства не помнит такого поражения». (Там же. С. 411).

Канжальская битва стала определенным рубежом во взаимоотношениях Кабарды и всех адыгов с Крымским ханством. Кабардинские княжества обрели полную независимость. Этот свой статус им пришлось еще не раз подтверждать на поле боя. В западных областях Черкесии политическая зависимость от ханства приобрела совершенно формальный вид.

При Селим-Гирее II калга Шагин-Гирей совершил в 1743 г. успешный рейд в Черкесию, где захватил порядка 700 пленников. О масштабах похода говорит то обстоятельство, что с каждой трех татарских домов был мобилизован один всадник. (Смирнов В. Д. Крымское ханство. Т. 2. С. 67).

Джон Лодж

Карта была опубликована в журнале для джентльменов «Gentlemen's Magazine» в сентябре 1769 г. и была призвана наглядно показать как политически актуальный регион, где разворачивалось русско-турецкое противостояние, так и основные сведения по его истории.

Карта содержит указания на подданство или независимый статус ряда черкесских княжеств в отношении крымского хана. В этом плане это действительно новая и актуальная, на момент создания, карта региона. Жанеевцы (Djani Nation) указаны как данники крымского хана (tributary to the Khan of the Krim). Как данники хана указаны еще хатукаевцы (Khaitucki Nation) и темиргоевцы (Kemerguni Nation). В отношении Темиргоя это замечание, после открытого конфликта с ханством и победы над ханским войском в 1761 г., носит уже неактуальный характер. Но, в целом, стремление показать различный внешнеполитический статус черкесских княжеств, соответствует этому историческому периоду, когда черкесские территории одна за другой отделялись от ханства. Так, бжедуги показаны как свободный народ: «Boshaducki a free Nation». Егерухаевцы, входившие в состав Темиргоевского владения, имеют, согласно составителю, отличный от темиргоевцев статус: «Yerukai an independent Nation».

Лодж, Джон (John Lodge). Новая и точная карта Крымской Татари, Азовского моря и частей рек Днепр, Буг и Кубань, выгравированная Джоном Лоджем (John Lodge) в 1769 г. A New & Accurate Map of the Krim Tartary, the Sea of Azof, and Parts of the Rivers Dneper, Bog and Kuban. Taken from Original Drawing & Memoirs. Размер карты – 29,4 на 41,5 см. <http://www.swaen.com/antique-map-of.php?id=15539>

28 июня 1747 г. сообщается, что от крымского хана «отложились темиргойцы, абазыкеи (абадзехи), бжедухи, сапсых (шапсуги), убых». (Кабардино-русские отношения: Сб. док. М., 1957. Т. 2. С. 143). В апреле 1751 г. в рапорте премьер-майора И. Барковского абадзехи охарактеризованы, как грозная сила, не подконтрольная крымскому хану. (Там же. С. 175). В мае 1753 г. русский источник сообщает, что Большая Абаза и Шапсо к крымскому хану «ни малейше не подданы». (Там же. С. 188). В 1758 г. темиргоевцы участвуют в мятеже ногайцев. (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Извлечения. Нальчик: «Эль-Фа», 2001. С. 299).

6-го июня 1761 г. происходит сражение у современного Усть-Лабинска, в ходе которого победа достается темиргоевцам. Предыстория Лэбэпэ зау – «Усть-Лабинского сражения» – песня о котором сохранилась в черкесском фольклоре такова. В 1760 г. темиргоевцы атаковали свиту абазинского-башильбаевского князя Игебокова, сестра которого являлась матерью хана Крым-Гирея. В результате стычки абазинский князь погиб. «Крымский хан, – сообщал комендант Кизляра И. Ф. де Боксберг 28 июня 1761 г. астраханскому губернатору В. В. Неронову, – на темиргуйцах ищет крови родного своего дяди, Башилбайского владельца... Весьма великое сражение у тех войск было и многочисленно крымского войска темиргуйским войском побито и ранено, да и в реке Лабэ потонуло, причем де потонул аги Ислама Тагетова брат, который в Крыму перед всеми весьма славным воином именовался. А в плен темиргуйцами взято агов три, ширинов – две, да мурз двоя, а протчего всякого звания народу более трехсот человек; но чрез тамошней де народ слышно, что взято мирз и протчего народа наиболее вышеописанного...». (Цит. по: Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик, 1994. С. 91).

Проблемы институализации ханской власти в Черкесии

О том, что власть хана на территории Черкесии не была институализированна писал В. Д. Смирнов, один из наиболее авторитетных российских историков Крыма: «Эта зависимость никогда не выражалась в определенных и правильно организованных формах практического осуществления ханской власти над землями, лежащими вне пределов Крымского полуострова... Хань, увлекаемые жаждой еще большей наживы, делали беспрестанные набеги на бедных черкесов, придираясь ко всякому случаю и невзирая на явную покорность их. Впрочем, иногда эти набеги недешево обходились Гераям, и некоторым они стоили даже жизни... Случалось и так, что в критические моменты члены Герайской фамилии, даже сами ханы, искали убежища у тех самых черкесов, на которых они в другое время нападали по самым ничтожным поводам». (Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. 1. М., 2005. С. 270-271).

Автор последней трети XVII в. Хюсейн Хезарфенн, историк и комментатор законов османского государства, в главе девятой своего труда, посвященной Крымскому ханству, отмечал: «Последним черкесским племенем, живущим в округе Тамань, в которое великое государство назначает кадиев, являются черкесы жанэ. Ими предписания шариата в какой-то мере исполняются. Их нельзя обращать в рабство». (Хезарфенн Хюсейн. Изложение сути законов Османской династии / Пер. С. Ф. Орешковой. Текст воспроизведен по изданию: Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990: <http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Hezarfenn/frametext.htm>).

Как видим, к концу XVII в. властные прерогативы ханства на черкесских землях не усилились со времен Мухаммад-Гирея, то есть с начала XVI в. Единственным подконтрольным княжеством оставался Жаней. Но и здесь отношения колебались от видимости подчиненности до открытой враждебности.

Еще одной причиной ненадежного закрепления подданства черкесских князей в отношении Гиреев служила частая смена ханов. Поскольку подданство было оформлено не в гражданском, а исключительно в вассальном виде, то бесцеремонное смещение ханов османским правительством, их ссылка либо даже казнь, каждый раз сводили связь Черкесии с Крымом к примитивному уровню военного давления. Новому хану присягали не потому, что черкесские князья считали его законным правителем государства, составной частью которого являются их владения, но исключительно из-за угрозы военного нападения. На протяжении жизни и правления одного черкесского князя в Бахчисарае могло смениться до 6-7 ханов. Но стабильность, временами появлявшаяся в Крыму, сразу влекла за собой устойчивую привязанность черкесских подданных. На султанском совете в 1717 г. велись такие рассуждения, которые пересказаны у одного турецкого историка: «С тех пор, как старик Хаджи-Селим-Герай стал в 1082 = 1671 г. впервые крымским ханом и до сего времени в течение сорока лет ханствовали или он сам, или его братья, или его сыновья. Его родственники теперь ужасно как размножились, и все татары от мала до велика, равно как и черкесский народ, считает их наследственными ханами, а проживающие в Румилии царевичи, точно совсем посторонние, ровно ничего в их глазах не значат». (Смирнов В. Д. Крымское ханство... Т. 2. С. 30).

Подданство черкесских князей никогда почти не было полным и сами ханы признавали это обстоятельство в официальной переписке с Портой. Так, Крым-Гирей в 1763 г. просил османское правительство прислать специалиста для геологической разведки в подвластных ему племенах — Касай, Каспулат, Бесеней и Шегаке. (Там же. С. 81).

Получается, что хан признается, что контролирует только Восточное Закубанье, населенное бесленеевцами и ногайскими ордями касаявцев и каспулатовцев. На западе Черкесии ему подвластно только маленькое племя хегайков-шегаков. Вспомним, что именно на правление Крым-Гирея падает пик антикрымских выступлений у «племен» центральной части адыгской страны — бжедугов, хатукаевцев и темиргоевцев.

В заключение своего исследования крымско-татарской истории В. Д. Смирнов уделяет значительное внимание подведению итогов взаимоотношений Крыма и Черкесии: «Еще менее

было опоры Крымскому ханству для сохранения своей самостоятельности в черкесах, также считавшихся подвластными крымским ханам. В действительности это подвластие было прозрачным. Сколько ханы не предпринимали походов для приведения черкесов в свое подданство, но им все-таки не удалось этого сделать окончательно... Для черкесов связь с Крымом представляла лишь некоторые интересы временного свойства, каковы, например, торговые сношения. Черкесы, как известно, были поставщиками живого товара на кафском невольничьем рынке. Но когда наступили обстоятельства, стеснявшие деятельность этого рынка, то они порвали и эту нить, связывавшую черкесов с Крымом. С другой стороны, случалось иногда, что некоторые черкесы в трудные для них времена, как, например, при утеснении их калмыками, искали в Крыму себе убежища, переселяясь туда целыми племенами. Другие же черкесские племена предпочитали полную свободу каким бы то ни было обязательным отношениям к крымским ханам; они-то и были предметом постоянных завоевательных стремлений некоторых ханов. В какой степени черкесы успели по мере сил своих сохранить свою независимость — это явствует из того, что даже в последний момент существования Крымского ханства, они были сами по себе, мало обнаруживая участия к тому, что происходило на Таврическом полуострове. Тщетно поэтому Шагин-Герай мечтал одно время воссоздать с помощью черкесов самостоятельную крымскую монархию». (Смирнов В. Д. Крымское ханство... Т. 1. С. 497-498).

Наблюдения авторитетного исследователя, тем не менее, не следует воспринимать буквально. К числу его верных тезисов относится замечание о том, что в Черкесии всегда находились значительные группы населения, которое категорически не желало признавать татарское верховенство и, таким образом, Черкесия целиком не подчинялась ханству никогда. Очень ценное замечание относится к заинтересованности черкесов в покровительстве со стороны Крыма в виду калмыцкой опасности. Как видим, В. Д. Смирнов уделяет вопросу о работорговле слишком преувеличенное внимание. К ней он сводит весь торговый интерес самих черкесов в Крыму. При этом, в своей работе исследователь часто ссылается на социально-экономическое описание Крымского ханства и Черкесии, составленное в середине XVIII в. Пейсонелем. У Пейсонеля же вопрос о рабах не занимает много места. Экспортная торговля черкесов имела совершенно иную структуру: зерновые культуры, продукты животноводства, изделия ремесленного производства, включая весьма качественные ткани, оружие, предметы экипировки воина-всадника, продукты пчеловодства, строевой лес и многое другое. Важную статью доходов у черкесов составляло коневодство. Рынок Крыма в этом отношении был для них наилучшим, поскольку татары всегда нуждались в хороших лошадях, и, особенно в лошадях из Черкесии. Более того, здесь — в Крыму — черкесы, как и ногайцы, и калмыки, имели возможность налаживать регулярные поставки для гвардии хана, других регулярных частей крымской армии. Василий Тяпкин и Никита Зотов в 1681 г. сообщают из Крыма: «В Крыму калмыков и черкесов много число было с продажными табуны конскими». (Список с статейного списка... стольника... Василья Михайлова сына Тяпкина, дьяка Никиты Зотова. С. 608).

В отношениях черкесских вассалов с их крымским сюзереном содержалось коренное противоречие двух социальных систем, основы которых принципиально не соответствовали друг другу. Крымский хан являлся главой унитарного образования, в рамках которого каждый подданный рассматривался как напрямую зависимый от него человек. Шариатское право смягчало деспотизм ханской власти, но суть оставалась неизменной: хан являлся единственным собственником средств управления.

Черкесские князья жили в обстановке классического европейского феодального общества. Получалось так, что лицо, стоящее во главе вассальной пирамиды Черкесии, должно было рабски подчиняться «сюзерену». Такой стиль общения подразумевал некую ментальную раздвоенность: со своими подданными князю надлежало общаться в нормах вассалитета, т. е. исключительно деликатно и мягко, и не отдавать распоряжений вассалам своего же вассала, а в это же время рабски пресмыкаться перед ханским чиновником либо самой особой татарского владыки. Подобная схема отношений не могла устраивать адыгских князей уже по психологическим причинам.

Территория Крыма уступала территории Черкесии. Мы вправе предположить, что и численно черкесы превосходили крымских татар. Тем не менее, унитарная социальная организация ханства позволяла собирать гораздо более крупные армии, чем это мог позволить себе даже самый авторитетный черкесский князь. Многочисленное и воинственное население горной части Западной Черкесии, не признававшее власть равнинных князей, являлось гарантией независимости всей страны черкесов от Темрюка до Сунжи.

Иоганн–Антон Гильденштедт

Представления о внутреннем устройстве Черкесии были выведены на новый уровень в 1787 г., когда была опубликована «Новая карта Кавказа» И.-А. Гильденштедта (1745 – 1781), академика-ориенталиста на русской службе. (См. карты 23 – 26).

В 1771 г. Гильденштедт посетил Малую Кабарду, а в мае-июне 1773 г. совершил объезд Большой Кабарды. При сборе материалов в Кабарде Гильденштедт пользовался содействием князя Арсланбека Таусултанова. После смерти Гильденштедта его путевые записи были систематизированы академиком Палласом, издавшим их в Петербурге в 1787 и 1791 гг. в двух томах на немецком языке.

Анапа (Anapia) указана к востоку от Суджук-Кале (Sotchukkale), тогда как должна быть первой с запада на восток османской пристанью в Черкесии. Кроме того, во время посещения Гильденштедтом Кавказа, Анапы, как османского опорного пункта или крепости еще не было. Ее начали возводить в 1782 г. Соответственно, появление Анапы на карте можно объяснить только как следствие редактирования и дополнения ее Палласом. Суджук-кале (Soutschukkale) отмечен северней Анапы.

Жанеевцы или княжество Жанэ отмечены как Бшана (Bchana). По территории Жанэ течет река Коркой (Korkoi). Правый приток Коркоя – Чурса (Chursa). Здесь же общество Chursa. Следующая на восток река Сашт (Sascht) занята обществом Хатукай (Hatukai). Затем река Пошохупс (Poschochups) – вероятно, Псекупс. Затем – общество Бшедух (Bsheduch).

Рядом с Шапсик (Schapsik) отмечено общество Наджухабла (Najucha-habla). Абадзехская дворянская фамилия Наджук (Надюк, Недькко-р, согласно транскрипции Хан-Гирея) и аул Наджук-хабль впоследствии часто упоминаются в российских источниках как самое западное абадзехское общество, живущее рядом с шапсугами. Указаны еще два общества в Абадзехе (Abasech): Дшанкета-хабль (Dshanketa-habla) и Даур-хабль (Daur-habla). Абадзехские дворянские фамилии Джанчат (Джанкет, Джангет или, согласно Хан-Гирею, Дянчате-р) и Даур составляли многочисленные общества. В 1807 г. джанчатовцев упоминает Г.-Ю. Клапрот: «У абадзехов нет никаких князей, а только старейшины и уздени, среди которых самыми уважаемыми являются Эдик, Энамок, Энчико и Джангат». (АБКИЕА. С. 239).

Темиргой (Temirgoi) правильно помещен на реке Шагуаше (Schagwascha).

Строительство турецкой крепости в Анапе

Район Анапы в XVI – XVIII вв. был заселен хегаками (хэгъакIэ) и управлялся княжеским домом Заноко.

В 1666 г. в Анапе побывал Эвлия Челеби:

«Ее основали гемузцы, но Гедик Ахмед-паша завоевал [ее]. «Ненужная крепость», – сказал он и разрушил [ее]. Но в [крепости] есть источник воды жизни. Если бы эта крепость была населена, то суда неверных не могли бы пройти в Черное море через Азовский пролив». (Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. С. 50).

Захват и разрушение османским десантом под началом Гедик-паши гемузской фактории Мапы или Мапариаума, которая не была крупным поселением, а представляла собой скопление домов и складов, имело место в 1479 г., а строительство крепости в Анапе началось в

1782 г. Таким образом, на протяжении большей части османской эпохи в истории Черкесии в Анапе не было военного присутствия османов: это простое обстоятельство важно помнить при определении характера османо-черкесских отношений.

После поражения в войне 1768 – 1774 гг., османское правительство стало усиливать свои позиции в Черкесии. Владетель Анапы Мухаммад-Гирей (часто в источниках Мамат-Гирей) Зан, отец знаменитого Сефербея Заноко, политического лидера черкесов в 30 – 50-е гг. XIX в., сам предложил султану возвести крепость в Анапе. К этому его побудила явная военная угроза сохранению фактической независимости, которой пользовалась Черкесия в составе Османской империи.

Уже, практически, проглотив Крым, царизм хотел добавить к столь обильной порции еще и черкесские земли. В этой сложной обстановке инициативу дипломатической и политической работы по отстаиванию интересов страны адыгов добровольно возлагает на себя Мамат-Гирей Зан.

В апреле 1782 г. марионеточный хан Шагин-Гирей жаловался российскому представителю в Крыму П. Веселицкому на деятельность Зана: «Порта прислала Заноглу Мегмет-Гирей-бея с ябедами, который недоволен (в смысле: не только. — Прим. С. Х.) абазинцев (натухайцев и шапсугов. — Прим. С. Х.) и черкес, но и наших подданных всего острова Тамана жителей приводит в смятение и бунт». (Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Т. III: 1781 – 1786 гг. Нальчик: «Эль-Фа», 2000. С. 160).

В августе 1782 г. Я. Булгаков, российский посланник в Стамбуле, сообщал в Санкт-Петербург: «Из Анапы прибыло в 14 дней одно купеческое судно. Приехавшие рассказывают, что известный Мегмед-Гирей (посланный от Порты), находится в Анапе, жителей тамошних утесняет, полагая надежду свою на Порту и предьявляет себя тамошним главным

Клуэ (Clouet), Жан-Батист Луи. Турция в Азии, Персия. 1787 г.

начальником. В оном местечке никакого еще крепостного строения не начато, но построено хан (рынок. — Прим. С. Х.) и таможня». (Там же. С. 175).

К декабрю 1782 г. Мамат-Гирей сумел убедить ханских подданных на Тамани начать переселение в Черкесию. (Там же. С. 206). Султанский фирман Зан зачитал в таманской деревне Шанк, которая может быть сопоставлена с черкесской деревней Шан-Мерд, упоминающейся у Челеби. (Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. С. 46). Зан сумел обеспечить значительные людские ресурсы для строительства и заселения Анапы: он переселил не менее 500 ногайских и черкесских семейств из Тамани. Возведение крепости не ослабило, но, напротив, усилило позиции Мамат-Гирея Зана. Он оставался полноправным хозяином всех своих прежних владений, а османские паши Анапы были вынуждены считаться с его особым статусом друга Порты.

В османских источниках этого периода содержится сообщение о том, что черкесский эмир Зан-оглу Мухаммед Гирей-бек велел выстроить корабль с тремя 29-аршинными мачтами. (Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда военной археологии и археографии императорского русского военно-исторического общества. Т. III. Петроград, 1914. С. 37). Строительство такого корабля символизировало как статус самого Зана, так и успех его проекта — основания крепости и города Анапа.

В 1793 г. Зан приводит к присяге на верность султану черкесов-абазехов, под которыми, скорее всего, следует понимать натухайцев. В 1794 г. Мамат-Гирей Зан упоминается как «владелец земли анапской и шегакийских черкесов». (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. С. 243).

Внешнеполитическое положение Черкесии перед Кавказской войной

Вторая треть XVIII в. — переходный период в истории Черкесии. Именно в этот период в геополитическом балансе Россия-Турция со всей очевидностью обозначился перевес сил в пользу Петербурга, что определило дальнейшую судьбу Черкесии.

После Белградского трактата (1739) и до начала войны 1768-1774 гг. шла «позиционная» борьба России и Турции за доминирование на Северном Кавказе и в фокусе этой борьбы находилась Кабарда. Важный итог кабардинского союза с Россией в 1735-39 гг. — признание Кабарды независимой страной. В качестве таковой она была признана и Россией, и Турцией по условиям мирного трактата в Белграде 18 (29) сентября 1739 г. 6-й пункт трактата гласил: «О обеих Кабардах — то есть Большой и Малой — и кабардинском народе со обеих сторон согласенность, чтобы быть тем Кабардам вольными и не быть под владением ни одной, ни другой империи, а токмо за барьеру между обеими империями служить имеют. И что от другой стороны Блистательной Порты туркам и татарам в оныя не вступать и оных не беспокоивать також и от Всероссийской империи оныя в покое оставлены будут. Но что, однакож, по древнему обыкновению браны будут во всероссийскую империю от них, кабардинцев, для спокойного их пребывания аманаты. Оттоманской Порте такоже позволяетца для такой же причины брать от них таких же аманатов. А ежели помянутые кабардинцы притчину жалобы подадут одной или другой державе, каждой позволяетца наказать». (История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. С. 433).

Вопрос о международном статусе Кабарды был впервые поставлен на мирной конференции в Белграде и державы, боровшиеся за преобладание в бассейне Черного моря, признали де-юре тот статус Кабарды, которым она обладала де-факто на протяжении, по меньшей мере, двухсот лет. Подобная четкая формулировка статуса Кабарды как буфера на Кавказе устраивала обе стороны и надо думать, устраивала и самих кабардинцев. Но, с другой стороны, разве это не участь буфера быть расшибленным вдребезги при очередном столкновении? К сожалению, Кабарду постигла именно такая участь. То, что признание Кабарды независимой страной было не более чем фикцией очень хорошо понимали сами кабардинцы. В

Рейман Д. Г. Генеральная карта Российской империи. Берлин, 1799 г.

Reymann, D.G. General Karte von einem Theil des Russischen Reichs in Gouvernemen't's und Kreise eingetheilet, worauf die Post- und andere Hauptstrassen angezeigt sind bey Sr. Russisch Kayserlichen Majestaet Karten Depot im Jahre 1799 entworfen und gestochen. Aus dem russischen uebersetzt, die Gouvernements Grenzen nach den Kayserlichen Ukasen vom October 1801 u: Mertz 1802 u: abgeandert, die Schiffbarkeit der Fluesse und ihre Vereinigungs Canaele zwischen den Weissen, Baltischen, Schwarzen, und Caspischen Meeren mittelst verschiedener Farben angegeben den Theil von Preussen nach den neuern Vermessungen berichtigt und mit mehreren Nachtraegen versehen herausgegeben im Jahre 1802 von D.G. Reymann. Berlin. 107 x 127 cm. <http://www.bergbook.com/images/23098-01.jpg>

Эта карта отлично показывает границу Российской империи на Кавказе, которая очень похожа в этот период на линию фронта перед началом большой войны.

1749 г. владельцы Большой Кабарды имели намерение «предаться крымскому хану». Н. Ф. Грабовский отмечает, что «тогдашнее начальство на Кавказе всеми мерами старалось отклонить кабардинцев от принятого ими решения и требовало, чтобы они, в силу Белградского трактата, оставались независимыми». (Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 121).

Белградский договор породил в Кабарде нетипичную ситуацию, когда повседневное давление со стороны Крыма внезапно исчезло, а редкие попытки такого давления амортизировались царской дипломатией. Без стимула давления княжеское сословие быстро деградировало, погрязнув в мелких распрях. Неслучайно, пик междоусобиц выпал на период после Белградского договора и до появления нового раздражителя — возведения в 1763 г. на кабардинской территории, без согласования с кабардинскими князьями, Моздокского укрепления.

Белградский договор оставлял значительное пространство для неоднозначного толкования границ. Так, если Кабарда признавалась свободной страной, то ее границы не были определены. Причем не только в западном, крымском направлении, но и в восточном — российском. Россия не признавала после Белграда никаких прав Малой Кабарды на обладание осетинскими землями. Напротив, царская дипломатия по-прежнему поддерживала притязания князей Большой Кабарды на власть над абазинскими районами в Восточном Закубанье. Абазинские земли оставались предметом спора между Крымом и Большой Кабардой вплоть до последних дней существования ханства в 1783 г. До той поры, пока позиции России в Центральном Предкавказье не укрепились, военная администрация пыталась опираться на кабардинский политический и властный ресурс, доказывая, что абазинское население Закубанья принадлежит Кабарде. Так, в 1753 г. российское правительство доказывает Турции, что «притязания ее на обитавших в верховьях р. Кубани абазинцев-алтыкизиков несправедливы, ибо абазинцы издревле были подвластными кабардинских владельцев и что только вследствие географического месторасположения, находившегося в соседстве с турецкими владениями, они, абазинцы, были по временам в зависимости от кубанских сераскиров». (Грабовский Н. Ф. Присоединение... С. 122).

На самом деле, положение Кабарды после Белграда не оставляло ни единого шанса на сохранение не только независимого статуса, но и территориальной целостности. Пик кабардинской междоусобицы совпал с периодом безудержного роста военно-политического могущества России. Царское правительство в обход кабардинских князей устанавливало отношения с их горскими вассалами, всячески покровительствуя процессу их оседания на кабардинской равнине, переманивая их в христианство, беря их под свое покровительство, направленное против властных устремлений кабардинских князей.

Совершенно не считаясь с вольным и нейтральным статусом Кабарды, царское правительство в период между Белградом (1739) и Кучук-Кайнарджи (1774) откололо от Кабарды ингушские и осетинские земли.

Царское правительство предпринимало шаги, направленные на дискредитацию статуса кабардинских владельцев. Беглые кабардинские холопы христианского происхождения (грузины и армяне) не возвращались и не компенсировались деньгами. Все прочие зависимые группы из этнических кабардинцев или горцев возвращались лишь после длительной переписки, адресатом которой становилась императрица. Если холоп принимал христианство, то это полностью гарантировало ему российское подданство. В этом вопросе царское правительство ссылалось на собственное законодательство и общемировую практику. В российском законодательстве, кстати, ничего не говорилось о праве брать или захватывать заложников в мирное время у народа, являвшегося вековым союзником.

Именно в эти годы политика России в Кабарде приобретает характер колониальной. Первый военный пост («строение и караул») появился в Моздоке в 1741 г. и сразу же стал источником сильнейшего раздражения для князей Кабарды. Под обращениями к Елизавете Петровне с просьбой ликвидировать Моздокский пост подписались все князья Большой Кабарды, которых объединила проблема побегов крестьян в Моздок, а также в Кизляр и другие места. (КРО. Т. II. С. 123).

Следующая попытка закрепиться в Кабарде была предпринята в конце 50-х гг. и она оказалась весьма хорошо подготовленной. Были использованы противоречия между князьями Малой и Большой Кабарды. А одному из малокабардинских князей была внушена мысль о том, что он должен обратиться к России с просьбой о заступничестве и разрешении переселиться со своими подвластными в Моздок. Таким просителем выступил Кургоко Канчокин, принявший крещение и под именем Андрея Иванова в 1759 г. обратившийся с прошением к кизлярскому командиру генерал-майору И. Л. Фрауендорфу. Содержание прошения сводилось к просьбе поселиться с братьями и подвластными людьми на левом берегу Терека между Моздоком и Мекенем. (Там же. С. 201).

25 сентября 1760 г. «новокрещеной кабардинской владелец Андрей Иванов» прибыл в столицу Российской империи. В коллегии иностранных дел уже знали, что он «крестился по со-

гласию трех двоюродных братьев, дабы чрез то по причине чинимых им от владельцев Большой Кабарды обид, получить им к переселению своему при здешних границах на выбранном ими к тому месте позволение, а более никаких к тому других причин не оказывается». (Там же. С. 198). 9 октября 1762 г. состоялся всеподданнейший доклад Сената императрице Екатерине II об отведении урочища Моздок для поселения крестившихся кабардинцев во главе с владельцем Малой Кабарды Кургокой Кончокиным (Андреем Ивановым) и о построении в Моздоке крепости. «Помянутые оба урочища — говорится в докладе Сената, — принадлежат беспорно к здешним границам». (Там же. С. 219).

В какой период, и при каких обстоятельствах кабардинцы уступили урочище Моздок России, осталось вопросом не проясненным. А между тем, вопрос этот имел тогда огромную важность, породив острую дипломатическую дискуссию между Россией и Турцией при самом активном участии на стороне последней Бахчисарая.

Проблема Моздока породила острый конфликт в русско-кабардинских отношениях. Конфликты случались и ранее, но они никогда не представляли нам кабардинскую элиту столь сплоченной и столь антирусски настроенной. Более того, после Моздока отношения Кабарды и России только ухудшались и привели к ряду ожесточенных столкновений.

В 1744 г., когда впервые появился пост в этом урочище, то его потребовали ликвидировать, и он был убран без дискуссии с русской стороны. С 1744 г. до 1762 г. в границах и в статусе Кабарды ровным счетом ничего не изменилось: по-прежнему он определялся артикулами Белградского договора. Но поменялось главное: политическая обстановка в Кабарде и вокруг нее, сделавшая российское правительство гораздо более решительным в направлении изменения статуса Кабарды. Если ранее императрица и канцлер увещевали кабардинских князей жить в мире, и не подавать поводов к войне, то теперь Моздок основывался на «исконно русских землях», как первый важный шаг для захвата Кабарды.

Моздок возводился на левом, северном берегу Терека, на котором не было постоянных кабардинских или иных селений, но эта территория считалась кабардинцами своей и признавалась таковой всеми соседями, включая Россию (до начала самого Моздокского инцидента). Карта геодезиста Чичагова (1744) относит урочища Моздок и Мекень к числу «знатных мест» Кабарды.

В 1764 г. кабардинские владельцы направили в Санкт-Петербург посольство с настоятельной просьбой ликвидировать укрепление и поселение в Моздоке. Посольство это получило категорический отказ. Представителю Кабарды Кайтуко Кайсынову в столице империи вручили 3 тысячи рублей для раздачи владельцам. Эта подачка глубоко оскорбила князей Кабарды, с презрением отказавшихся принять это «выражение монаршей милости».

Западная Черкесия, остававшаяся в орбите политического влияния Османской империи, в период после Белграда пребывала во враждебном состоянии в отношении к ханству. 40-е и 50-е гг. XVIII в. прошли в мелких стычках с войсками ханства, дислоцированными на правобережье Кубани. 6 июня 1761 г. произошла Усть-Лабинская битва между крымским экспедиционным корпусом и войском темиргоевского княжества. Темиргоевцы одержали убедительную победу и взяли в плен большое число крымцев, включая 3-х командиров из числа капы-кулу, 5-х беков, представителей крымско-татарской знати.

В такой ситуации хан Крым-Гирей приказал сформировать в Крыму огромную армию и, усилив ее по пути кубанскими контингентами, бросил на усмирение князей Болотоковых. В записке князя Александра Голицына от 19 мая 1763 г., представлявшей собой инструкцию новому русскому консулу в Крыму премьер-майору Никифорову, говорится о 30-тысячной армии, посланной против темиргоевцев. (Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II / Составитель тома Р. У. Туганов. Т. I: 1763 – 1774 гг. Нальчик, 1996. С. 33).

На стороне Темиргоя выступили бжедуги, бесленеевцы и махошевцы. Этот военно-политический альянс, по всей видимости, существовал много лет и до Усть-Лабинской битвы и после. В 90-е гг. XVIII в. П. С. Паллас писал о темиргоевцах: «самое сильное и могущественное

племя черкесов. Все племя темиргоевцев состоит более чем из 40 селений и может выставить более 2 тысяч человек; они союзники с племенами бесленеевцами, мухошами и бжедугами, объединение которых может выставить под ружье более, чем 5000 человек». (Паллас П. С. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // АКАК С. 223).

Черкесские князья с честью для себя вышли из этой опаснейшей ситуации благодаря умению заключать союзы. Они подговорили кубанского сераскира Бахадур-Гирея отложиться от Крыма, что, вероятно, тот и так собирался сделать. Во время сражения он ретировался с подчиненными ему войсками, оставив собственно крымский контингент на растерзание черкесам. Крым-Гирей потерпел полное фиаско в своей политике в Черкесии и на Кубани. Мятежного Бахадур-Гирея он объявил вне закона, а новому сераскиру приказал срочно эвакуировать с Кубани оставшиеся верными ему крымские части. В ноябре 1763 г. еще циркулируют слухи о намерении Крым-Гирея идти войной против черкесов, но предприятие не состоялось.

Конфликт с Россией из-за Моздока, привел симпатии князей Кабарды на сторону Турции. Такая, почти единодушная, переориентация кабардинцев на Крым и Турцию произошла еще накануне русско-турецкой войны 1768-1774 гг., в которой кабардинские многотысячные ополчения очень мощно и самоотверженно действовали на стороне Крыма.

Во время этой войны кабардинские князья продолжают требовать от русского правительства ликвидации Моздокской крепости и возвращения беглецов из своих владений. Этим требованиям уже порядка 8 лет и в 1771 г. царское правительство, убедившись в том, что на территории Кубани война выиграна, публикует Высочайшую грамоту на имя всего кабардинского народа, в которой заявляется, что Моздок не может быть уничтожен, а выходящие на линию для крещения владельцы и уздени будут и впредь принимаемы. Единственная уступка — обещание возвращать беглых рабов, если они не происходят из христианских народов Закавказья.

Крымское ханство терпит фиаско в этой войне много раньше Турции. 1 ноября 1772 г. в городе Карасубазар в Крыму царское правительство, в лице главнокомандующего князя В. М. Долгорукого, заключает мирный трактат с ханством, на трон которого оно уже успело возвести свою марионетку Сахиб-Гирея. Ногайцы, черкесы, население Тамани и некрасовские казаки объявляются под властью хана, а обе Кабарды под властью России. (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик: «Эль-фа», 2001. С. 308).

Война 1768-1774 гг. завершилась подписанием в ставке фельдмаршала П. А. Румянцева, располагавшейся в болгарской деревушке Кучук-Кайнарджи (21 июля 1774 г.) мирного трактата. Согласно условиям этого трактата, окончательная участь Кабарды передавалась на усмотрение крымского хана. Фактически, русская дипломатия, делая эту видимую уступку туркам на бумаге, на самом деле полностью прибирала Кабарду к своим рукам. Можно было поиграть в уступки, имея на руках нужное признание полностью подконтрольного хана.

В условиях, когда в самом Крыму правил царский ставленник Сахиб-Гирей, черкесы становятся во главе сопротивления царской экспансии. Темиргоевские и кабардинские князья убеждают татар, и ногайцев Кубани не подчиняться Крыму, и объединиться с ними. Турецкий десант высаживается на Тамани, которую к этому времени, по договору с Сахиб-Гиреем, оставили русские войска.

Представители династии Гиреев, недовольные политикой Сахиб-Гирея, переходят на Кубань, чтобы возглавить восстание. Среди этих татарских лидеров выделяется бывший хан Девлет-Гирей III, уже правивший в 1769-1770 гг. Он повторно возведен Портой в звание хана в 1773 г. и при поддержке черкесов и ногайцев возвращает себе ханский трон в 1775 г., уже после завершения русско-турецкой войны.

В новых условиях поддержка кабардинцами Девлет-Гирея означала поддержку идеи независимой Кабарды, но никак не присоединение к ханству. Характерно, что ранее враждебные друг другу партии князей — баксанская и кашкатавская — выступают единым фронтом.

В конце 1775 г., когда при мощной военной поддержке черкесов Девлет-Гирей изгоняет из Крыма Сахиб-Гирея, мнимая уступка царской дипломатии в Кучук-Кайнарджи о том, что ста-

тус Кабарды передается на усмотрение ханства, перестает быть такой уж мнимой. В сентябре 1776 г. Девлет-Гирей направляет к генерал-поручику де Медему своего дефтердара Касполат-оглу с изъявлением права обладания Кабардой на основании трактата в Кучук-Кайнарджи. В ответ царское правительство срочно распространяет по Кабарде свою версию толкования трактата. Ситуация становится двусмысленной, но ненадолго, так как уже в феврале 1777 г. Суворов делает ханом младшего брата Сахиб-Гирея Шагин-Гирея. В марте Суворов наносит поражение войскам Девлет-Гирея и тот спасается морем в Константинополь. С новой русской марионеткой на крымском троне повторяется та же история, что и с первой: ее отказываются признавать в качестве легитимного правителя татары и ногайцы Кубани, не говоря уже о черкесах.

8 апреля 1783 г. Екатерина II издает манифест о присоединении Крыма, Тамани и Кубани к Российской империи. Нужда в марионетке отпадает и его, как потом Шамиля, отправляют под присмотр полиции влачить существование в Калуге.

В самом конце 1783 г. в Стамбуле была заключена особая конвенция (известная как Константинопольская), согласно которой Крым и правобережье Кубани были уступлены России.

«Нужно отдать должное дипломатической изощренности России. — Отмечает В. В. Дегоев в исследовании, посвященном дипломатической борьбе держав за господство на Кавказе. — Действуя поэтапно, она в период первой войны с турками не стала (хотя и могла бы) форсировать включение Крыма в состав империи по праву завоевания, дабы не наносить чрезмерного удара по самолюбию султана. Сначала Петербург добился «независимости» полуострова (1774), затем нового подтверждения этого статуса Стамбулом (1779 г. — Айналы-Кавакская конвенция) и, наконец, вмешавшись во внутривосточную борьбу в Крыму по приглашению одной из сторон, «мирно» установил там свою власть (1783)». (Дегоев В. В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: «Русская панорама», 2003. С. 23).

Едва ли не самой важной частью дипломатического спора Стамбула и Петербурга в период с 1774 по 1783 г. являлся вопрос о статусе Черкесии. Петербург настаивал на том, что Черкесия должна быть признана частью Крымского ханства, получившего из рук царского кабинета «независимость» от Порты в 1774 г. Османское правительство самым категорическим образом возражало против такого толкования границ ханства и зависимого статуса Черкесии.

3-я статья Кучук-Кайнарджийского трактата описывала Крымское ханство без Черкесии. (Смирнов В. Д. Крымское ханство... Т. 2. С. 132). Но как только царскому кабинету удавалось усадить на ханский трон свою марионетку, сразу же поднимался вопрос о подданстве черкесов.

С подачи Петербурга правительство Шагин-Гирея настаивало на включении Черкесии в состав ханства. Шагин-Гирей направил в Порту специальное посольство, которое должно было доказать османским сановникам, что абазы и черкесы являются подданными ханства. «Что же касается до абазехов и черкесов, — пишет В. Д. Смирнов, — то так как первые не были подвластны крымским ханам, и в договорах о них не упоминалось, то решено категорически ответить, что ни одно абазехское племя не может быть подвластно Крымскому хану и татарам. Черкесские племена тоже не упоминаются в договоре, а потому хотя и можно претендовать на присоединение их к этой стороне, но это народ сварливый и буйный; они, наверное, станут постоянно враждовать и вести войну с крымскими ханами и татарами; а в таком случае крымцы будут посылать в Порту жалобы с требованием наказания подвластных ей племен; русские тоже непременно вмешаются, и пойдут тогда разные дрязги». (Там же. С. 185 – 186).

В 1780 г. Шагин-Гирей направил великому везиру петицию, адресованную султану, с требованием уступить ему крепость Сугуджук и Абазехские урочища. (Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Т. III: 1779-1780. СПб., 1887. С. 534, 547, 579, 586, и др.). Из Порты поступил ответ, согласно которому «все относящиеся до татарского народа нужды, будучи совершенно кончены, ...коим образом ханское требование уступить татарам Суджук с окрестными абазинцами не может иного воспричинствовать, как новые распри и остуду; потому что оную крепость Блистательная Порта построила в такое время, когда татары жаловались

на причиняемые от тамошних жителей им несносные обиды и грабежи, и что Блистательная Порта, по прошению тогдашнего хана, принуждена была туда послать свой флот и, построив реченную крепость, усмирила и покорила себе живущую окрест оной крепости нацию, определяя ей предводителем одного бея, узаконенного своим братом, и что все то ясно и подробно описано в Рашидовой Отоманской Истории». (Там же. С. 547-548).

В 1788 г. генерал-аншеф Текелли отмечал в своем походном журнале: «обуздание горских народов через занятие морского берега не есть твердым, потому что турки давно владеют сим берегом, но горских народов никогда не могут покорить, и последние первым и теперь мало подвластны и почти совсем нет; и они турков не только не уважают, но во многих местах не дают им пристанища и пропитания и, словом сказать, что горские народы склонны к подвластию туркам, когда они снабдевают их деньгами и подарками». (Журнал похода и действий Кавказского корпуса... // Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления императрицы Екатерины II. Т. IV: 1787 – 1791. Нальчик: «Эль-Фа», 2004. С. 237).

Порта стремилась усилить свои позиции в Черкесии путем укрепления Суджук-Кале и строительства крепости в Анапе. Комендантом Суджук-Кале в апреле 1782 г. был назначен Ферах Али-паша, который старался установить с черкесами самые дружеские и доверительные отношения. Первым делом он женился на дочери одного из шапсугских «беков», раздал подарки местным князьям и старшинам, строил мечети и медресе. (Смирнов В. Д. Крымское ханство. Т. 2. С. 197).

Русско-турецкая война 1787 – 1791 гг. завершилась подписанием (29 декабря 1791 г.) в молдавской столице Яссах мирного трактата между империями. Россия признала зависимость закубанских народов от Порты, что часто называют провалом царской дипломатии. Но дело в том, что обе значимые военные победы над турками, одержанные русским оружием в Черкесии — в Анапе и в районе современного Черкесска — были далеко недостаточны для осуществления хотя бы минимального военного контроля над Черкесией. Анапу пришлось возвращать, а внешнеполитическая ориентация самих черкесов сомнений не вызывала ни у кого. Поэтому надо было либо продолжать военные действия, либо признать права Порты на Черкесию.

Данкертс, Юстус. Аккуратная и максимально полная карта Турецкой империи. Амстердам, 1680 г.

Фишер, Николас. Новая карта Черного моря и Константинопольского пролива. Амстердам, 1680 г.

Рательбанд Э. Новая карта Крыма, Черного моря и окружающих земель, Амстердам, 1735 г.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕК ЧЕРКЕСИИ

«Здесь все ущелья и отлогости гор обработаны и засеяны ячменем, пшеницей и кукурузой. По обширным засевам можно было судить о большом населении этих мест, и упорное сопротивление горцев при занятии ущелья убедило нас в этом... Виноградные лозы вились повсюду, плодовые деревья красовались рощами; тут были и душистые персики, и ароматная айва, и сливы и яблоки, огромные деревья грецких орехов, и все это в величайшем изобилии!... Отдохнув на вершине хребта, мы стали спускаться в долину, которая роскошно расстилалась под нами; хлеба густо волновались на ней... По этой дороге нам встречалось множество обширных аулов, хорошо, даже красиво выстроенных... Все покатости гор, удобные для хлебопашества, были засеяны просом и другими хлебами. По долинам ущелья разнообразились огороды и обильно созревали всякие плоды и ягоды... В богатых аулах встречались хорошо устроенные кузницы и одна из них была особенно примечательна обширностью своей и тем, что находилась у подошвы горы, богатой железной рудой. Тут устроены были горны и стояло несколько отличнейших, чугунных, больших точил, что заставляет предполагать в здешних горах знание какого-нибудь искусства; вероятно, они делают оружие».

Из дневника русского офицера, 1837 год.

Источники и исследования:

АБКИЕА — Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. Нальчик: «Эльбрус», 1974. 635 с.

АКАК — Акты Кавказской археографической комиссии, Тифлис: Т. II. 1868. 1238 с.; Т. III. 1869. 760 с.; Т. IV. 1870. 1011 с.; Т. V. 1873. 1170 с.; Т. VI. Ч. 1. 1874. 941 с.; Т. VI. Ч. 2. 1875. 950 с.; Т. VII. 1878. 994 с.; Т. VIII. 1881. 1009 с.; Т. IX. 1884. 1013 с.; Т. X. 1885. 938 с.; Т. XI. 1888. 1020 с.; Т. XII. Ч. 1. 1904. 1556 с.

Акимченков — Акимченков Г. Ф. Абинское предгорье. Краснодар, 2007. 233 с.

Александров 1838 — Карта пространства между реками Кубанью, большою Лабою и Кавказским снеговым хребтом. Составлена корпуса топографов подпоручиком Александровым из инструментальных и глазомерных съемок в 1838 г. // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 6. Ед. 76. Л. 1.

АМКВ — Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848 — 1874). Проект, археография документов и составление Т. Х. Кумыкова. Нальчик: «Эль-Фа», 2003. 413 с.

АСД — Адмирал Л. М. Серебряков: Документы. / Составители: А. О. Арутюнян, В. А. Микаелян, О. С. Баликян // Вестник архивов Армении. Ереван, 1973. № 1 (35). С. 5 — 164.

Б — Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 — 1839 годов. Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Т. 1 — 2. Нальчик: «Эль-Фа», 2007.

В — Journal of a Residence in Circassia during the Years 1837, 1838 and 1839 by James Stanislaus Bell. Vol. I. L.: Edward Moxon, Dover Street, 1840. — 451 p-s.

Бгажба — Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Исследование и тексты. Тбилиси, 1964. 461 с.

Богуславский — Богуславский Л. История Апшеронского полка. 1700 — 1892. Т. II. СПб., 1892. 552 с.

Бриммер — Бриммер Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в I кадетском корпусе и выпущенного в 1815 г. // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 80 — 114.

Бузаров — Бузаров А. К. Майкоп // Из истории населенных пунктов Республики Адыгея: материалы по ЭНП РА: вып. IV. Майкоп: ООО «Качество», 2008. С. 89 — 126.

В — В. Воспоминание о зимней экспедиции Майкопского отряда // Военный сборник. 1868. № 12. С. 247 — 283.

Введенский — Введенский А. Действия и занятия войск Средне-Фарского отряда до формирования Пешехского и этого последнего до ноября 1862 года // Военный сборник. 1866. № 7. С. 3 — 29; № 8. С. 145 — 184.

Веселовский — Веселовский Н. И. Военно-исторический очерк города Анапы // Записки разряда военной археологии и археографии императорского Русского Военно-исторического общества. Т. III. Петроград, 1914. С. 27 — 98.

Гейнс 1866 — Гейнс К. Пешехский отряд с октября 1862 г. по ноябрь 1864 г. // Военный сборник. 1866. № 1. С. 3 — 58; № 2. С. 207 — 261; № 3. С. 3 — 50; № 4. С. 213 — 264; № 5. С. 3 — 40.

Гейнс 1884 — Гейнс К. Пешехский отряд (три первые главы) // Кавказский сборник. Т. VIII. Тифлис, 1884. С. 399 — 509. Первые 3 главы из статьи «Пешехский отряд. С ок-

тября 1862-го по ноябрь 1864 года» (Воен. сб., 1866). Главы дополнены и переработаны, особенно третья.

Генко А. Н. О языке убыхов // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., 1928. С. 227 – 242.

Гомборский — Гомборский. Воспоминания о Верхнеабдзехском отряде, с 1 сентября 1861 г. по март 1862 г. // Военный сборник. СПб., 1866. № 9. С. 119 – 132.

Голицын Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. М., 2004. 459 с.

Грабовский — Грабовский Н. Ф. Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IX. Тифлис, 1876. Отд. I. С. 112 – 212.

Д — Дюбуа де Монперэ, Ф. Путешествие вокруг Кавказа. Т. 1. У черкесов и абхазов. Пер. с франц. Н. А. Данкевич-Пушиной. Майкоп, 2010. 164 с.

D — Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée... Par Frederic Dubois de Montpereux. Т. I. P., 1839. 435 p-s.

Данилова — Данилова Е. Н. Абазины. Историко-этнографическое исследование хозяйства и общинной организации. XIX век. М: Издательство Московского университета, 1984. 145 с.

Д.-Е. — Добровольский-Евдокимов. Экспедиция 1851 года на правом фланге кавказской линии // Кавказский сборник. Т. VIII. Тифлис, 1884. С. 307 – 334.

Дроздов — Дроздов И. Последняя борьба с горцами на Западном Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877. Т. 2. С. 387 – 457.

Духовский С. Даховский отряд на южном склоне Кавказских гор в 1864 году. СПб., 1864. 133 с.

Емыкова — Емыкова Н. О происхождении названия города Майкоп // Лики адыгского прошлого: Историческое приложение к газете «Адыгэ Макъ». Выпуск 46. 15 июня 2011 г. С. 4 – 6.

Западная часть 1842 — Карта Западной части Кавказского края, составленная из топографических сведений, собранных о Закубанских горских народах и дополненная расспросами 1842 года. Тифлис, 184?. Масштаб 4,2 км в 1 см. См.: РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 14/IV – 11.

Зиссерман — Зиссерман А. Л. История 80-го пехотного кабардинского генерал-фельдмаршала князя Барятинского полка (1726 – 1880). Т. III. СПб., 1881.

Иваненков 1902 — Карта Кубанской области и близких к ней Черноморской губернии и части Сухумского округа. Составлена действительным членом Кубанского областного Статистического комитета Н.С. Иваненковым, помощником управляющего Кубанскую Областью Чертежною (им же карта и черчена с 10 ноября 1900 г. по 20 августа 1902 г.).

Из архива князей Бековичей-Черкасских // Кавказский сборник. Т. XXX. Тифлис, 1910. С. 17 – 43.

К/1 — К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 16 – 119.

К/2 — К. Обзор событий на Кавказе в 1851 году (окончание) // Кавказский сборник. Т. XXI. Тифлис, 1900. Отд. II. С. 1 – 52.

Кавказский край 1834 — Карта Кавказского края с пограничными землями. Составлена при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1834 г. Тифлис, 1834. 1 лист, многокрасочная, рукописная. Масштаб: в английском дюйме 20 верст или 8,4 км в 1 см. С таблицей: Народонаселение Горских народов и закавказских провинций. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 21/VIII-62.

Кавказский край 1842 — Карта Кавказского края. Составлена и литографирована при Генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса. Тифлис, 1842. Масштаб: 8,4 км в 1 см. Карта содержит «Таблицу числа душ обою пола жителей Кавказского края, с разделением их по религии, и означением степени покорности российскому правительству».

Кавказский край 1847 — Карта Кавказского края. Составлена и литографирована при генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1847 г. Тифлис. Национальный музей Республики Адыгея.

Кавказская линия — Карта Кавказской линии и Главного Кавказского хребта. 1 лист, многокрасочная, рукописная. М.: в 1 английском дюйме 20 верст или 8,4 км в 1 см. 77 на 137 см. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 11 / III — 10.

К а з а к о в А. В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI — начало XX века. Биографический справочник. Нальчик: «Эль-Фа», 2006. 406 с.

К л а п р о т — Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. // АБКИЕА. С. 235 — 280.

К о л о к о л о в 1836 — Карта российских владений за Кавказом. Составлена корпуса топографов поручиком Колоколовым в 1836 г. СПб., 1836. 1 л. 53x73. Наклеена на полотне. Масштаб: 40 верст в 1 дюйме. Рельеф штриховкой. Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург). Отдел картографии. К 2-Кав 6/46.

К о р г а н о в — История 45-го драгунского Северского его величества короля датского полка. Составил того же полка подполковник А.С. Корганов. Под ред. артиллерии ген.-м. Чернявского. Тифлис: типография А.А. Михельсона, 1884. 392 с. + приложения (43 с.).

К о р о л е н к о 1874 — Короленко. Черноморцы. СПб., 1874. 212 с.; приложения 76 с.

К о р о л е н к о 1902 — Короленко П. П. Горские поселенцы в Черномории // Известия Общества любителей изучения Кубанской области. Вып. III. Екатеринодар, 1902. С. 75 — 115.

Краткое описание — Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи Псты до вновь возведенного на Туапсе укрепления // Фелицын Е. Д. Черкесы-адыге... С. 20 — 24.

К о н д р а т ь е в 1869 — Карта Кавказского края, составленная по новейшим сведениям корпуса топографов штабс-капитаном Кондратьевым. 1869 г. Издание Картографического заведения А. Ильина. С.-Петербург.

Кубань 1864 — Карта верхней и средней части бассейна реки Кубани. 1864 г. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 8/VIII-32.

КЧБ 1838 — Карта черкесских берегов. М.: в английском дюйме 20 верст. 31 на 43 см. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5 / VII — 36.

КЧКО — Карта части Кубанской области. См.: Корганов, вклейка между стр. 174 и 175.

Л а в р о в 1955 — Лавров Л.И. Абазины (историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник. Т. I. М.: Издат-во АН СССР, 1955. С. 5 — 47.

Л а в р о в 1968 — Лавров Л.И. Этнографический очерк убыхов // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Т. VIII. Майкоп, 1968. С. 5 — 24.

Л и х а ч е в 1804 — Карта местоположению в верх по реке Кубани от речки Мары до Каменного моста и с показанием на оной марша 16-го Егерского полка генерал-майора Лихачева с войсками за Кубанью и обратно июля от 12-го по 17-е число 1804 года». РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 166. Л. 1.

Л ю л ь е I (статья и карта) — Люлье Л.Я. Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами, называемыми: Черкесами (Адиге), Абхазцами (Азеге) и другими смежными с ними // Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. IV. Тифлис, 1857. Отд. I. С. 173 — 193. «Карта Закубанских горских народов» в виде вклейки в отд. III.

Л ю л ь е II — Люлье Л.Я. О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Записки Кавказского отдела императорского русского географического общества. Книжка IV. Тифлис, 1857. Отд. I. С. 227 — 237.

Л и ч к у с — Л и ч к у с . Исследование бывших горских аулов, а также частновладельческих и крестьянских хозяйств Черноморской губернии. Приложение к отчету Краевского // К вопросу о колонизации Черноморской губернии. Из отчета по командировке чиновника особых поручений действительного статского советника Краевского. СПб., 1897. С. 1 — 29.

М а р и н ь и — Мариньи Тэбу де. Поездки в Черкесию. Пер. с франц. К. А. Мальбахова. Нальчик: «Эль-Фа», 2006. 208 с.

Marigny — Voyages en Circassie par le chevalier Taitbout de Marigny, presentement Consul de S. M. le Roi des Pays-Bas a Odessa. A Odessa et a Simpheropol, 1836. 285 стр. + IV стр. содержание.

Н.М. — Н.М. Воспоминание о Кавказе 1837 года // Библиотека для чтения. Т. 80. Ч. 1. СПб., 1847. Январь. Отд. III. С. 51 — 74; Т. 81. Ч. 1. СПб., 1847. Март. Отд. III. С. 1 — 22.

Новицкий — Новицкий Г. В. Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани. Записка штабс-капитана Новицкого, составлена 15 сентября 1830 г. // Фелицын Е. Д. Черкесы-адыге... С. 5 — 19.

П — Пятиверстная карта Кавказа, составленная и литографированная в военной типографии Кавказского военного округа. Тифлис, 1877 г.

Петухов 1841 — Карта земель между реками Кубанью и Лабою до главного хребта Кавказских гор, и по рекам: Псефири и Фарсу. Составлена из инструментальной съемки корпуса топографов штабс-капитана Петухова и одновременных рекогносцировок. В 1841 году. М.: в 1 англ. д. 5 верст. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5 / III-10.

ПКВ — Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-е — 70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Выявление материалов, археографическая обработка, вступительная статья, редакция и комментарии Т. Х. Кумыкова. Нальчик: «Эльбрус», 2001. 496 с.

Подробная... 1839 — Подробная карта Кавказского края. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 101 / VII — 4.

Потто В. А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. Т. IV. СПб.: типо-литография Р. Голике, 1894; Т. VIII. СПб., 1895. 172 с.; Т. IX. 215 с.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. Выпуск 2. СПб., 1885.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. Выпуск III. СПб.: Издание книжного склада В. А. Березовского, 1888. С. 355 — 558.

Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 2. Ермоловское время. Выпуск 3. СПб.: Типография Р. Голике, 1886.

Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 5. Время Паскевича. Выпуск 3. Тифлис: типография штаба Кавказского военного округа, 1891.

Р — Архив Раевских Т. II. СПб., 1909; Т. III. СПб., 1910.

Радожицкий — Походные записки артиллериста в Азии с 1823 г. по 1831 г. Сост. полковник Родожицкий // РГВИА. Ф. 482. Д. 135. 194 л. В этом архивном деле нумерация проставлена не по листам, как обычно, а по страницам. Фамилия автора в разных изданиях имеет существенно различающиеся написания. Мы будем использовать форму Радожицкий, поскольку в первых публикациях его эпистолярного наследия он подписан именно как Радожицкий.

Ракович. Тенгинский полк на Кавказе. 1819-1849. Правый фланг. Персия. Черноморская береговая линия. Юбилейный выпуск. Под ред. ген.-майора Потто. Изд. Военно-историч. отд. штаба Кавказ. воен. округа. — Т.: тип. канцелярии главноначальств. граждан. частью на Кавказе, 1900. — 20, 395, 85 с. с ил., картами и планами.

РГВИА, 6732/1 — Карта следования войск действующего отряда за рекою Кубанью в 1834, 1835 и 1836 годах. М.: в английском дюйме 5 верст. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6732. Л. 1.

РГВИА, 6732/2 — Карта следования войск действующего отряда за рекой Кубанью в 1834, 1835 и 1836 годах. Рисовал Тенгинского пехотного полка юнкер Романовский. В правом нижнем углу подпись: Генерал-Лейтенант Вельяминов. Масштаб: в английском дюйме 5 верст. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6732. Л. 2.

РГВИА, 6733 — Карта следования действующего отряда за Кубанью под начальством г-на генерал-лейтенанта Вельяминова в 1834, 1835, 1836 и 1837 годах. Чертил роты топографов № 3-го топограф 2-го класса унтер-офицер Спицын. Масштаб: в английском дюйме 5 верст. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6733. Л. 1.

РГВИА, 6736 — Объяснительная карта к предположениям о действиях на правом фланге Кавказской линии в будущем 1837 году. Составленная по отношению командира Отдельного Кавказского корпуса от 16 сентября 1836 года. Изъяснение действий отряда по предписанию генерал-адъютанта барона Розена. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6736. Л. 1.

РГВИА, 6772 — Маршрут движения отрядов под начальством генерал-лейтенанта Козловского от укр. Майкопского вверх по рр. Курджипсу и Бжину до верховьев р. Джи с показанием просек // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6772. Л. 1.

РГВИА, 6779 — Пояснительная карточка военных действий в земле шапсугов в 1860 году // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6779. Л. 1.

РГВИА, 6780 — Отчетная карта к журналу военных действий с 20 февраля по 8 марта 1862 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6780.

РГВИА. Ф. 414. Д. 434: Описание живущих за Кубанью народов, начиная от Шат-горы или Эльбруса именуемой до Анапы турецкого города, о числе оных, о их связи с прочими народами, на здешней стороне обитающими, с принадлежащими к тому замечаниями. Сочинение коллежского асессора Потемкина (1803 г.). Документ предоставлен М. Н. Губжоковым.

РГВИА. Ф. 414. Д. 300: Военнотопографическое и статистическое описание Кавказской губернии и соседствующих ей горских областей, сочиненное Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части подп. Буцковским. 1812 г. Документ предоставлен М.Н. Губжоковым.

РГВИА. Ф. 846. Д. 6244: Собрание сведений о кавказских племенах, которые надлежит почитать мирными и приятными и предположения для приведения в покорность кавказских племен. 13 сентября 1828 г. — 2 июля 1833 г. Документ предоставлен М.Н. Губжоковым.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 102: Описание черкесских закубанских племен, принадлежащих к правому флангу Кавказской линии, именно: абадзех, шапсух, натухажцев и абазинцев. 1830 г. 4 л.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 73. Краткий исторический обзор жизни и быта горских племен карачаев, абазинцев и др. 29 января 1831 г. 12 л. (л. 1-7 об.: Антропов. Описание закубанцев).

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42: Дело о восстании абазехов и других горских племен. 1831 г. 125 л.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 77. Докладная записка штаб капитана Новицкого о мерах по борьбе с горцами. 29 марта 1832 г. 11 л.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6283. Л. 1 — 5: О поиске, произведенном полковником Зассом против Бесленевцев. 1833 г.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288: Об общем плане действий к усмирению горских народов и о действиях на правом фланге Кавказской линии в 1834 году.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6380: Обзорение Высочайше предначертанного плана к общему усмирению Кавказских горских племен.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6295: Об экспедициях против горцев Сунженской линией полковника Пулло в 1834 и 1835 годах, и полковника Засса противу закубанцев, собравшихся в значительном количестве на р. Хозе; и о турецких кочермах, задержанных у берегов Зенги и Сучали. 85 л.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 8. Д. 18. Переписка о кабардинских князьях Исмаиле Касаеве и Джамбулате Атажукине, покорившихся русским, сведения о местности и условиях жизни в Кабарде. 31 января — 18 октября 1836 г. 16 л.

РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 62: Переписка ДГШ со штабом Отдельного Кавказского корпуса по ходатайству султана Азамат-Гирея о расследовании обстоятельств смерти его родственника Кермчойского князя Джембулата Ойтекова. 1838 г. 10 л.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 232: Рапорта о перевербовке английского агента у горцев Андрея Хая, о поступивших сведениях от него. 16 марта 1839 — 27 мая 1840. 61 л.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6382. Л. 1 — 5 об.: Обзор политического состояния Кавказа. Рапорт обер-квартирмейстера генерал-майора Менда. 6 июня 1840 г.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 267. О набеге генерал-лейтенантом Зассом, сделанном за реку Белая, и о разорении трех Абадзехских аулов. 30 декабря 1840 г. — 21 февраля 1841 г. 22 л.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 435: О истребовании от ген.-л. Засса подробного объяснения, по какой причине бежал темиргоевский князь Шерлетука Болотоков с подвластными ему людьми. 18 апреля — 18 июня 1841 г. 32 л. Документ предоставлен М.Н. Губжоковым.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1132: Список аманатов от горских племен, находящихся в залоге для верности, с объяснением в горах их места жительства. 6 — 8 октября 1841 г. 4 л. Документ предоставлен М.Н. Губжоковым.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86: Материалы, собранные при следовании военного министра в 1842 году. 22 мая — 5 августа 1842 г.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 825. Статистическое описание аулов Зеленчукской линии. 1849 г. 43 л. Документ предоставлен М.Н. Губжоковым.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 910: О движении отряда к Майкопскому ущелью для обозрения места к постройке укрепления. 12 ноября — 2 декабря 1851 г. 10 л.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 890: Журналы военных действий отряда на р. Белой. 27 апреля — 20 декабря 1851 г. 47 л.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 244: Журналы о военных происшествиях на Правом фланге Кавказской линии за период с 10 января по 25 октября 1854 года. План разоренных в октябре 1854 г. аулов на р. Белой. 129 л.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652: Дело по рапорту Начальника Правого фланга Кавказской линии с журналом о зимней экспедиции и военных действий отряда в нагорном пространстве между малою Лабою, Андриюком и большой Лабою. 1855 г. 18 л.

РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1090: Донесения о военных действиях русских против горцев за рекой Белой, ведомости разоренных аулов. 29 июня — 3 декабря 1856 г. 40 л.

РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390: О поселении вновь покоряющихся горцев внутри наших кордонных линий на землях покорных нам туземцев. 17 октября 1856 — 5 декабря 1857 г. 30 л.

РГВИА. Ф. 846. Д. 6669: Предположение о действиях и занятиях войск Отдельного Кавказского корпуса с осени 1857 по осень 1858 г. Л. 15.

РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 460: Переписка о изъявлении покорности абадзехским и баракаевским племенами. Документ предоставлен М.Н. Губжоковым.

РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 406: О переселении из Кабарды на правый берег Большого Зеленчука поручика Бек Мурзы Трамова с его аулом. 22 мая 1857 — 20 декабря 1860. 43 л.

РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 127: Переписка о переселении аулов абазинцев в Турцию. Списки жителей различных аулов, изъявивших желание отправиться в Мекку для поклонения гробу Магомета и различная переписка. 7 января — 13 сентября 1860 г.

РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 126: Переписка о переселении с правого берега р. Лабы против Ахмет-горы трех аулов, состоящих из бесленеевцев, тамовцев и башильбаевцев, на левый берег Большой и Малой Лабы. 25 — 29 июня 1860 г. 7 л.

Р ж е в у с к и й — Р ж е в у с к и й А. 1845-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 418 — 473.

Р я б о в — Карта Черноморской береговой линии. М.: в 1 дюйме 10 верст. Размер: 32,5 на 142 см. Чертил корпуса топографов поручик Рябов. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5 / I — 3. Нанесены названия 64 рек от Кубани до Бзыби включительно. Указаны границы расселения племен.

С.Д. — С.Д. Набег в Тубы на Западном Кавказе // Военный сборник. 1865. № 3. С. 113 — 118.

С и м а н о в с к и й — Дневник поручика Н. В. Симановского. 2 апреля — 3 октября 1837 г. Кавказ // Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: журнал «Звезда», 2000. С. 381 — 429. Источник выявлен и подготовлен к печати И. Грозовой.

С о л т а н — Солтан В. Военные действия в Кубанской области с 1861-го по 1864 год: (Походная записка) // Кавказский сборник. Тифлис, 1880. Т. 5. С. 345 — 470.

С т а л ь — Этнографический очерк черкесского народа. Составил генерального штаба подполковник барон Сталь в 1852 году // Кавказский сборник / Под ред. генерал-майора Потто. Т. XXI. Тифлис, 1900. Отд. II. С. 53 — 173.

С т р е л ь б и ц к и й — Специальная карта Европейской России под редакцией Генерального штаба полковника Стрельбицкого. Издание военно-топографического отдела Главного штаба. Листы 63 (Кубанская область), 64 (побережье от мыса Агрия-Тукодос до Пицунды) окончены в 1871 г. и изданы в 1881 г., лист 79 (от Ходзя до Нальчика) — окончен в 1879 г. и издан в 1882 г.

Т о р н а у 1864 — Воспоминания кавказского офицера. М.: В университетской типографии (КАТКОВ и Ко), 1864. Часть первая: 1835 год. 116 с.; Часть вторая: 1835, 36, 37 и 38 года. 173 с.

Т о р н а у 1999 — Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик: «Эль-Фа», 1999. 507 с.

Томкеев — Томкеев В. Кавказская линия под управлением генерала Емануэля // Кавказский сборник. Т. XIX. Тифлис, 1898. С. 120 — 221.

ТПКВА — Трагические последствия Кавказской войны для адыгов. Вторая половина XIX — начало XX века. Сборник материалов и документов. Составители: Р. Х. Гугов, Х. А. Касумов, Д. В. Шабаев. Научный редактор Р. У. Туганов. Нальчик: «Эль-Фа», 2000. 461 с.

ТСАЯ — Толковый словарь адыгейского языка. Составители А. А. Хатанов, З. И. Керашева. Под ред. А. Н. Абрегова, Н. Т. Гишева. Майкоп, 2006. 512 с.

У — Кавказ, Абхазия, Аджария, Шавшетия, Посховский участок. Путевые заметки графини Уваровой. Ч. II. М., 1891. 315 с.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 1: Время Алексея Петровича Ермолова. 1816-1826 годы / Под ред. генерал-майора Потто. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. округа, 1904. 566 с.

Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. III. Ч. 2: Время Алексея Петровича Ермолова. 1816-1826 годы / Под ред. генерал-майора Потто. Тифлис: Тип. Штаба Кавк. воен. округа, 1904. 590 с.

Ф — Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1885. 361 с.

Фелицын, 1884 — Фелицын Е. Д. Черкесы-адыге и западно-кавказские горцы. Материалы для изучения горцев и принадлежавшей им страны. Екатеринодар: Типография Кубанского Областного правления, 1884. 24 с.

Фелицын, 1885 — Фелицын Е. Д. Численность горцев и других мусульманских народов Кубанской области, с распределением их по месту жительства и с показанием племенного состава жителей каждого аула // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1885. Т. IX. С. 51 — 99.

Филонов — Филонов С. Кавказская линия под управлением генерала Емануэля // Кавказский сборник. Т. XV. Тифлис, 1894. С. 327 — 451.

Хагандоков — Хагандоков. Из записок черкеса // Военный сборник. СПб., 1867. № 3. С. 95 — 104.

Хан-Гирей 1978 — Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Вступительная статья и подготовка текста к печати В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик: «Эльбрус», 1978. 333 с.

Хан-Гирей 2009 — Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии М.Н. Губжокова. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. С. 672 с.

Харламов — Харламов М. История возникновения и развития г. Майкопа в связи с историей Закубанского края // Кубанский сборник. Т. XVII. Екатеринодар, 1912. С. 387 — 456.

Хатисов — Хатисов И. С. Отчет комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Туапсе и Бзыбью // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. № 5 — 6. С. 3 — 136.

Хатисов и Ротиньянц — Обзор местности северо-восточного берега Черного моря между г. Новороссийском и постом Вельяминовским на реке Туапсе (агронома Хатисова и ученого лесничего Ротиньянца) // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Вып. 1 — 2. Тифлис, 1867. С. 1 — 16.

ШССТАК — Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Под ред. Ш. В. Цагарейшвили, Тбилиси, 1953. 561 с.

Щербина — Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами. Екатеринодар, 1913. 848 с.

Юров — Юров А. 1844-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис, 1883. С. 157 — 373, прилож., с. 375 — 382.

а. — аул

р. — река

г. — гора

м. — мыс

ГЛАВА 4

Развитие системы представлений об этническом и политическом состоянии Черкесии на протяжении 20–30-х гг. XIX в.

До войны 1828 – 1829 гг. между двумя империями – Российской и Османской – российские представления об этногеографическом и этнополитическом состоянии Северо-Западного Кавказа, как правило, не могут быть охарактеризованы как точные или несильно отличающиеся от точных.

В качестве основного примера приведем карту ген.-м. Александра Ильича Хатова¹ (1780 – 1846), одного из ведущих военных топографов и картографов, которая считалась наиболее полным картографическим отображением Кавказа в период до Адрианополя.

На карте Хатова от залива Геленчик все пространство между морем и ГКХ маркировано как Большая Абхазия. При этом четко проведена граница по Гагре или Котошу, и нижнему течению Бзыби (на карте дано грузинское название Капетис-цкали, «Конская река»). Граница идет немногим к западу от течения Бзыби и отделяет пространство со словом Большая от пространства со словом Абхазия. Затем эта граница идет по ГКХ, четко отделяя подчиненное Российской империи пространство Грузии и Абхазии, от зависимого де-факто и формально подчиненного Турции пространства, которое маркировано как «Земли горских народов». Важно отметить, что Хатов никак не показывает принадлежность закубанской Черкесии Османской империи, что признавалось Россией и было вполне ощутимой политической реальностью во время его работы над картой.

Карта Хатова была широко известна в Европе в качестве своего рода внешнеполитического манифеста царского правительства. Хатов был близок ко двору и представлял официальную точку зрения российского правительства. Карта Хатова является важным картографическим и историческим документом в плане полемики вокруг значения адрианопольского договора для политического статуса Черкесии.

Оказывается, если смотреть на эту карту, Петербург не считал адыгские земли или Черкесию территорией Османской империи. На карте Хатова нет ни одного намека на турецкое присутствие или вхождение Северо-Западного Кавказа в состав Османской Турции. Тогда как после Адрианополя российское правительство горячо уверяло всех, что территориальная уступка Порты совершенно легитимна, так как ранее (до 1829 г.) Черкесия была подчинена туркам и была под военно-политическим контролем Стамбула, и что этот факт свято признавался российской стороной.

П. П. Вяземский² указывал на существование диаметрально противоположной точки зрения по этому вопросу у русского правительства до 1829 г., ссылаясь на виденные им официальные российские карты. (Вяземский П. П. Письма и записки Оммер де Гелль. Вступит. ст. и коммент. А. Немзера. М., 1990. С. 209). По всей видимости, одна из таких карт перед нами. На карту Хатова ссылается Эдмунд Спенсер: «То, что даже сама Россия признала независимость

Генеральная карта земель между Черным и Каспийским морями лежащих, с означением новой границы России с Персией. С новейших карт сочинена свиты его императорского величества по квартирмейстерской части генерал-майором Хатовым, в 1819 году. М.: 50 верст в 1 дюйме

Черкесии, бесспорно видно на картах лейтенанта Боудишера и генерала Хатова, опубликованных в Санкт-Петербурге до Адрианопольского договора по приказу правительства, где мы видим, что часть Кавказа, населенная черкесскими племенами, отчетливо отмечена как независимая и не образует какой-либо части Османской империи. Тем не менее, перед лицом всего этого русское правительство упорствует в обосновании своих претензий на Черкесию по Адрианопольскому миру, утверждая, что Черкесия, подобно Крымской Татарии, была в течение веков феодом Турецкой империи». (Спенсер Эд. Путешествия в Черкесию. Пер. с англ. Н. А. Нефляшевой. Майкоп, 1994. С. 130).

По карте Хатова была составлена почти полностью совпадающая с ней карта, которую часто приписывают шевалье Жану-Франсуа Гамба (Jean François Gamba, 1763 — 1833), французскому консулу в Тифлисе, автору двухтомных записок о своем пребывании в России и Грузии. (*Voyage dans la Russie méridionale, et particulièrement dans les provinces situées au delà du Caucase. Tome 1 — 2, fait depuis 1820 jusqu'en 1824; par le chevalier Gamba, consul du Roi a Tiflis. A Paris: C.-J. Trouvé, 1826*). (См. карту).

Следующая выдающаяся карта Кавказа, которая отражала официальную позицию царского кабинета, появилась в 1823 г. и была создана выдающимся знатоком региона С. М. Броневским³, который находился длительное время как на государственной, административной и дипломатической, службе.

По роду своей службы Броневский не мог не знать о том, что Российская империя признает вхождение черкесского Закубанья в состав Османской империи, но при всем том его карта совершенно не учитывает этот факт. Ни Анапа, ни Суджук-кале не отмечены как турецкие крепости или владения. Тем более, нет отображения границы по Кубани.

Эта же ситуация с нежеланием признавать факт нахождения Северо-Западного Кавказа в составе Османской империи сохраняется на третьей официальной карте доадрианопольского периода, которая вышла в свет в Санкт-Петербурге в 1825 г. Карта Пядышева⁴ (см. карту 31) также отлично демонстрирует нежелание Петербурга считаться с фактом вхождения Черкесии в состав Османской империи. Карта не содержит абсолютно никакой информации, связанной с османским присутствием или контролем над Черкесией. Источником для Пядышева стала карта Хатова.

Карты Хатова, Гамбы или Дармэ, Броневского или Максимовича, а также эта карта В. П. Пядышева 1825 г. показывают стратегическое значение Моздока, как отправной точки на пути в Грузию. Моздокско-владикавказский коридор, стесненный с двух сторон землями горских народов («Territoire des Montagnards» или «Земли горских народов»), ко времени создания карты Хатова (1819 г.) отражал реальное положение вещей, но в 1822 г. полный контроль был достигнут над Кабардой, что делает изображение узкого «коридора» на карте Пядышева устаревшей деталью.

Картографическая легенда о «Большой Абазии» была быстро изжита после «Адрианополя». (Договор о мире между Россией и Турцией, подписанный 14 сентября 1829 г. в Адрианополе).

Уже в 1834 г. на карте Кавказского края на месте Большой Абазии появились вполне определенные и полностью соответствующие реальности надписи — Шапсуг, Убых, Саша, Ардона. Все эти общности и что важно особенно — последние две — неизменно относятся на русских картах 30-х гг. к черкесам. Саше и Ардыкуадж (Ардона на картах) были абазинскими сообществами, но в весьма существенной степени адыгизированными. Название Ардона ошибочно использовано для обозначения джигетов: адлерские жители именовали свое сообщество Ардыкуадж. Ардона — очевидно, убыхское объединение Орданэ или Варданэ. Раз вкравшаяся неточность потом многократно была повторена, но для нас важно, что Ардыкуадж также устойчиво соотносились с черкесами.

В 1834 г. офицер Генерального штаба Иоганн Бларамберг⁵, получивший задание составить комплексное описание Кавказа, отмечает «адыгейское происхождение» убыхов и саше. (Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, «Эль-Фа». 1999. С. 126).

В 1835 г. об адыгском происхождении князя общества Саше писал русский шпион Ф. Ф. Торнау⁶: «Сел. Сочипсы, или Облагукуадж, расположено по обеим сторонам р. Сочи... Князь Али Ахмет Облагу, происхождение которого от племени адыга... В с. Сочипсы в употреблении три языка: черкесский, абазинский и убыхский». (Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик: «Эль-Фа», 1999. С. 460).

Условная граница Абазии в описаниях региона и разного рода донесениях вскоре после 1830 г. смещается в Убыхию и Джигетию. Затем, по мере продвижения войск и получения большей информации, эта условная граница сместилась к Джигетии, то есть в тот регион, который действительно был населен абазинами.

Но и без этого поэтапного смещения «абазской» границы от Анапы к Адлеру, которое наблюдается в русских документах и прочих источниках на протяжении 30-х гг. XIX в., существо-

Карта Кавказских земель с частью Великой Армении, изданная Семеном Броневским к описанию Кавказа. Составлена А. Максимовичем. СПб., 1823 г. 1 л., многокрас., раскраска от руки. М. 14.7 км в 1 см. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 12 / 1 – 34

вал как бы встречный процесс, когда русские наблюдатели и администраторы, размещенные в Абхазии и Западной Грузии (Мегрелии и Имеретии), сразу вошли в резкое противоречие с привычной картографической легендой о «Большой Абазии», поскольку и для абхазских, и для грузинских информаторов, и акторов Черкесия начиналась сразу за Гагрой, за Бзыбью. Таким образом, родственное абхазам садзское или джигетское население относилось к черкесам,

именовалось черкесами и, более того, само заявляло о себе как о черкесах. Значительное число русских документов из Сухума и Кутаиса, в которых население к западу от Бзыби определяется как черкесское, опубликовано в сборнике:

Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Под ред. Ш. В. Цагарейшвили, Тбилиси, 1953. №№ 41, 43, 45, 58, 65, 66, 89 и др.

После Адрианополя появляется серия этнографическо-статистических описаний территории Западной Черкесии. Одним из них стало «Описание горских народов, живущих за Кубанью...», созданное поручиком генерального штаба Щербачевым и представленное им в виде рапорта 14 февраля 1830 г. Шкаравские группы он рассматривает отдельно от абазин, под которыми подразумевает только тапантинцев. Шкаравцы, согласно представлению Щербачева, составляли одно политическое образование вместе с бесленеевцами и находились под управлением княжеского дома Коноковых. «Бесленеевцы. Число домов 700. Число военных людей 500. Владетельная княжеская фамилия у них (бесленеевцев. — Прим. С. Х.) есть Конокова, разделившаяся впоследствии между собой по многочисленности своей; и каждый из владетелей независим один от другого; почетные узденские фамилии, имеющие влияние на самих князей и владеющие собственными деревнями, суть: Докшоко; Соношоко, Аножоко, Маршан и Сиди. (А также Тазартоко и Тлаходуко. — Прим. С. Х.). Поселены по рекам: Ходзь, Губс, на Большой и Малой Лабе и на вершинах Чамлыка. Ниже следующие пять поколений народов зависимы от бесленеевцев и платят дань князьям Коноковым. 1. Буракаевцы (домов 200 / воинов 120). Живут на вершинах реки Гупс, первостепенные старшины ими управляющие Гуншико и Лахур (агмиста Ганшоковы и тавады Лаховы. — Прим. С. Х.). 2. Баг (100 / 60). Поселены на вершинах реки Ходзь. Старшины их из фамилии Цикишир (тавады Цикисовы). 3. Кызылбековцы (100 / 70). Живут на реке Малой Лабе, за Ахмед-горой. Старшины их называются Кызылбековы. 4. Тамовцы (50 / 30). Поселены на вершине реки Малой Лабы, управляемы старшинами фамилии Заурум (тавады Заурумовы). 5. Басильбаевцы (200 / 130). Живут на вершинах реки Урупа. Старшины из Измалыко, Егебоко и Бзагуико (тавады Егебоковы, агмиста Бзаговы)». (Описание горских народов, живущих за Кубанью с означением приблизительно как велико народонаселение сих племен и сколько каждое из оных может собрать в разных местах вооруженных людей // РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 103 об. — 104).

В 1830 г. большой знаток региона, сотрудник миссии Р. Скасси в Пшаде коллежский секретарь Карл Тауш составил этнографическое обозрение черкесских племен — «Описание черкесских закубанских племен, принадлежащих к правому флангу Кавказской линии, именно: Абадзех, Шапсух, Натухажцев и Абазинцев». (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 102. Л. 2 — 3 об.). Как видим, Тауш относил абазинцев побережья, под которыми он подразумевал убыхов и джигетов, к черкесам.

«Описание Черкесских Закубанских племен, принадлежащих к правому флангу Кавказской линии, именно: Абадзех, Шапсух, Натухажцев и Абазинцев. Составлено коллежским секретарем Тауш в 1830 г.

Черкесские племена, живущие за Кубанью, на правом фланге Кавказской линии, суть: Абедряхи, Шапсути, Натухажцы и Абазинцы; их жилища расположены от Белой речки по Кубани до устья оной, на пространстве 270 верст; от устья Кубани вдоль по Бергу Черного моря до укрепления Гагры, на 250 верст. Поверхность занимаемого ими пространства можно вообразить треугольным, коего основание Кубань, один бок Черное море, а другой линию, проведенную от Белой речки же к Гагре, по направлению которой они в смежности с разными горскими племенами, различествуя от них наречением и обычаями*. (*Под этими горскими племенами Тауш имеет в виду шкаравские группы абазин, которые, видимо, были ему неизвестны, тогда как другие русские наблюдатели, хорошо знавшие этот район, также уверенно относили их к черкесам и считали частью населения Черкесии и ее конкретных политических единиц или княжеств, таких, как Темиргой, Бесленей и отчасти Кабарды. — Прим. С. Х.). Примерно можно определить население сих четырех племен до 40 тысяч дворов, полагая круглым числом на каждое из трех поколений Абедряхов, Шапсугов и Натухажцев по 12 тысяч, а на Абазинцев 4 тысячи дворов». (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 102. Л. 2). Автор здесь же, на 1-м листе, дает точное адыгское наименование р. Белая — Схагуаше.

Далее Тауш отмечал: «... а остальная часть [натухажцев] живет по Южно-Западной покатости хребта, начинающегося около крепости Анапы, на речках, имеющих истоки в Черное море,

именно: Хендерей, Сукхо, Дирсуюе, Озерейк, Мысхако, Тсемез, впадающих в суджукалейский залив; Доб также в оный залив, Кутлезий или Геледжик, Мезип, Хапецай, Джанхотий, Нахашш, Пшад, Беше, Чебсин, Бжид, Джубг, Шапсухо, Нигепсухо, Ту, Небуг, Агуие, Туапсе, Сепсе, Мокупсе, Аше, псесюапе, Галиах, Цюкух, Шимитокуадж, Субеш, Шахе и Хизе; — здесь начинаются речки, по коим расположи жилища Абазинцев, именно: Вардане, Саше, Убых, Хамиш, Артыкуадж, Геш, Щемтокуадж, Гиагиерх или укр. Гагра». (Там же. Л. 2 об.). Еще важное замечание Тауша: «натухажцы живут вдоль берегов Черного моря, разбросаны на пространстве влишком 200 верст». (Там же. Л. 3 об.).

Кроме того, надо иметь в виду, что в условиях войны интеграционные процессы в рамках Черкесии резко интенсифицировались. Ф. Ф. Торнау в 1835 г. отмечал в этой связи: «Я не успел познакомиться с их народным языком, потому что убыхи, с которыми я встречался, всегда говорили по-черкесски». (Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф. Ф. Торнау. Нальчик, 1999. С. 174).

В донесении барона Розена, в 1837 г. возглавившего сводный отряд, действовавший в районе Адлера, сообщается о желании убыхов и садзов вести переговоры на черкесском-кабардинском языке: «Около 2 часов по-полудни из толпы горцев подъехал один человек к цепи и просил выслать кого-либо знающего кабардинский язык. Я послал к нему состоящего по кавалерии корнета Кундухова (не менее показательно, что в качестве знатока кабардинского языка избран осетин Кундухов. — Прим. С. Х.), через которого убыхский старшина Беярслан Берзеков и один из старшин здешних горцев изъявили желание явиться ко мне для личных объяснений». (Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 26 июня 1837 г. № 224 // АКАК. Т. VIII. С. 874).

Убыхи считали себя адыгами, а вся их знать однозначно воспринимала себя как аристократию адыгского общества. Великолепно это показал Л. И. Лавров в очерке, посвященном Берзекам. (Лавров Л. И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Ч. 2. М., 1968. С. 147 — 151).

Внешнее название черкесов полностью во всех видах источников поглотило убыхов и многие наблюдатели уже и не задумывались на тему отличия убыхов от адыгов. Теофил Лапинский, находившийся в 1857 — 1859 гг. в Западной Черкесии, уверенно отнес убыхов к адыгам наряду с натухайцами, абадзехами, шапсугами. (Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских / Пер. В. К. Гарданова. Нальчик, 1995. С. 77).

Ханс Фогт, исследователь убыхского языка, зафиксировал факт самоидентификации убыхов как адыгов. (Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh avec Introduction Phonologique, Index Francais-Oubykh, Textes Oubykhs. Oslo: Universitetsforlaget, 1963. P. 84).

Кроме того, следует отметить, что убыхи не пользовались термином черкес для обозначения остальных адыгов или, как принято считать, собственно адыгов. Во всех приведенных убыхских фольклорных, этнографических и исторических текстах говорится об адыгах, о себе — убыхах — как части адыгского народа и адыгской страны. Убыхские предания не отделяют убыхов от адыгов, а убыхскую землю — от адыгской земли. (Ibid. P. 47, 49).

Дэвид Маршалл Лэнг (D. M. Lang), преподаватель курса «Кавказские исследования» в университете Лондона (Reader in Caucasian Studies in the University of London), составитель каталога книг, написанных на кавказских языках, хранящихся в Британском музее, во введении пишет: «Советская политика в отношении адыгского или черкесского народа направлена против его консолидации в одну единую адыгскую нацию. Соответственно, и кабардинский, и западночеркесский [диалекты] были оформлены в литературные языки. ... Необходимо упомянуть также и об убыхах, теперь быстро исчезающем адыгском народе, который мигрировал в Турцию целиком, после российского завоевания в 1864 г.». (Lang D. M. Introduction // Catalogue of Georgian and other Caucasian Printed Books in the British Museum. Compiled by David Marshall Lang, M. A., D. Lit. Reader in Caucasian Studies in the University of London. L., 1962. P. VIII).

Абазинские субэтнические подразделения в составе Черкесии сохраняли свою этнокультурную самобытность, но, в то же время, были едва отличимы от адыгов. Политическое, социальное и культурное слияние абазин с адыгами нашло отражение в целом ряде источников. Во введении к главе XVI «Колена, обитающие между черкесами» Хан-Гирей отмечает: «Народы,

которых отторгнувшиеся власти, или колена, живут между черкесами, суть: а) абхазский, или абадзинский (см. ниже примечание 40) и б) ногайский. Здесь предлагаются очерки этих колен с той целью, чтобы читатель, ознакомясь с черкесами, имел сколько-нибудь понятия и о тех из жителей Черкесии, которые, не будучи соплеменниками, но, искони обитая между черкесами, состоя с ними в родственных и общественных тесных связях, *некоторым образом составляют с ними, так сказать, одно тело*, а между тем сохраняют и свой язык и некоторые свои обычаи и нравы». (Хан-Гирей 1978, 213). Как видим, Хан-Гирей подчеркивал две грани абазинской идентичности — этническую и социально-политическую.

В этом плане весьма показательным является рапорт ген.-м. князя Бековича-Черкасского и полковника Гасфорта, составленный в сентябре 1830 г. и адресованный графу Паскевичу. Впоследствии Паскевич приложил этот рапорт-описание к большому докладу, направленному им министру иностранных дел России графу Нессельроде. По сути, рапорт Бековича-Черкасского и Гасфорта является комплексным историко-этнографическо-демографическим описанием Черкесии. В данном описании абазинское население рассматривается не просто как часть населения Черкесии, но и как часть адыгов: «К адиге по смежности жительства можно также сопричислить: а) *Абазинцев*, называемых алтыкисеками или шестиродными, кои сидят на вершинах обоих Зеленчуков, куда они перешли из Большой Кабарды. Весьма лишь малая часть оных осталась в Кабарде на р. Малке и на верхней Куме; но сих последних можно почитать уже совершенно покорными. б) *Кубанские ногайцы*, живущие по левому берегу Кубани, от устья Дзегуты до Прочного-Окопа, в соседстве с Хоперским линейным козачьим полком. Оба сии племена, хотя и совершенно различны языком и происхождением, но *по сходству нравов и обычаев, равно и по родственным связям с разными коленами народа адиге, входят в общее с ними военно-политическое соображение*». (Рапорт ген.-м. кн. Бековича-Черкасского и полк. Гасфорта гр. Паскевичу, от 17 сентября 1830 г. [Приложен к Отношению гр. Паскевича к гр. Нессельроде, от 5 июня 1831 г. № 1102]. // АКАК. Т. VII. С. 904 — 906).

В 1840 г. ногайский князь Алибей Мансуров в письме генералу Н. Н. Раевскому говорит о себе как об «одном из образованных сынов Адыгеи». (Архив Раевских. Т. III. СПб., 1910. С. 133).

Имея ввиду вышеприведенные источники, не является неожиданным взгляд на этот вопрос Л. И. Цвижба: «Черкесы делились на три основные группы: 1) Адыге. К ним принадлежали абадзехи, шапсуги, натухайцы, бесленеевцы, бжедухи, убыхи, джикеты (садзы) — абхазской этнической группы и ряд мелких родов. 2) Кабардинцы. 3) Абхазы». (Цвижба Л. И. Источники взаимоотношений России и народов Северо-Западного Кавказа в XIX веке // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб.: журнал «Звезда», 2001. С. 246).

Вместе с тем, надо заметить, что в источниках крайне редко абхазы причисляются к черкесам и нам не известны случаи, когда сами абхазы считали бы себя черкесами или адыгами. Все-таки для населения княжества Абхазия была характерна своя собственная цельная идентичность, основанная на многовековом проживании одних и тех же родов в составе одного государственного образования. Другое дело, что, оказавшись в изгнании, в пределах Османской империи, выходцы из княжества Абхазия стали достаточно органичной частью черкесского сообщества.

Весьма значительный по объему и тщательности составления материал о населении Закубанья был представлен министром иностранных дел Российской империи графом Нессельроде в феврале 1830 г. 23 марта 1830 г. прошло первое заседание комитета, учрежденного для устройства «Закубанского края». Интересно, что авторы документа во главе с Нессельроде предлагали включить Абхазию (полностью или частично) в состав Закубанского края и уже на этом этапе рекомендовали «определить границу области Закубанской со стороны Мингрелии и Имеретии». Следующий шаг: «Привести всех жителей Закубанской области и той части Абхазии, какая с ней соединена будет, к присяге на верность подданства России». На первый план вышли отношения с закубанскими народами и в разделе «О закубанских народах» авторы предлагают выстроить определенную стратегию «касательно народов абазинского и черкесского племени, которые в собственном смысле могут быть названы закубанскими». Вместе с тем, авторы не теряют полностью связь между своими достаточно отвлеченны-

ми представлениями и фактом наличия независимого де-факто черкесского пространства: «Пространство между Малкой, или кочевьями кабардинцев с их вассалами, и черноморским берегом занято различными племенами; они все говорят почти одним с Кабардою наречием и суть не что иное, как отрасли многочисленного народа черкесского, который, по свидетельству новейших путешественников, сам себя именует адиге». Нессельроде пользуется также определениями «Черкесия» и «Черкесские земли». (Отношение гр. Нессельроде к гр. Паскевичу, от 8 апреля 1830 г. № 1115 // АКАК. Т. VII. С. 887 — 891).

Персоналии, упоминающиеся в главе:

1. Хатов, Александр Ильич (1780 — 1846). С 1814 г. начальник топографического отделения канцелярии генерал-квартирмейстера. В 1816 г. занимался закупками в Париже книг для библиотеки Военно-топографического депо и квартирмейстерской части. 1 января 1819 г. произведён в генерал-майоры.

2. Вяземский, Павел Петрович (2 июня 1820, Варшава — 29 июня 1888, Санкт-Петербург) — дипломат, сенатор, литератор из рода Вяземских. Родился в семье князя П. А. Вяземского — близкого друга А. С. Пушкина. После окончания университета поступил на службу в Министерство иностранных дел, где работал в составе русских дипломатических миссий в Константинополе, Гааге, Карлсруэ и Вене. В 1845 г. опубликовал наделавшую много шума литературную мистификацию «Письма и записки Оммер де Гелль».

3. Броневский, Семён Михайлович (1763 — 27 декабря 1830), участник русско-персидской войны 1796 г., директор Азиатского департамента МИД Российской империи, Феодосийский губернатор, историк Кавказа. В 1803 — 1804 годах министр иностранных дел князь А. А. Чарторыйский поручил Броневскому составить справочник об истории дипломатических сношений России с Кавказскими государствами и Персией. В 1823 г. благодаря протекции графа Н. П. Румянцева, первый раздел (географический) книги Броневского о Кавказе увидел свет в двух частях. Второй раздел (исторический) тогда опубликован не был, и был напечатан по сохранившемуся списку в Иранском кабинете Санкт-Петербургского Института востоковедения: «Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времён Ивана Васильевича донныне». СПб., 1996.

4. Пядышев, Василий Петрович (1768 — 1835), военный топограф, гравёр. С июля 1817 г. подполковник, с определением в Свиту Его Имп. Величества по квартирмейстерской части, с апреля 1821 г. полковник. В 1830 г. был назначен помощником начальника V-го Отделения Военно-Топографического Депо. Основные работы в области картографии: «Географический атлас Российской Империи», 80 листов, СПб. 1827; «Atlas géographique de l'Empire de Russie en 83 feuilles. St.-Pbg. 1834».

5. Бларамберг, Иоганн, 8 апреля 1800, Франкфурт-на-Майне — 8 декабря 1878, имение Чоргун близ Симферополя), ген.-л., директор Военно-топографического депо, управляющий Военно-топографической частью ГУ Главного штаба — Начальник Корпуса военных топографов. В ноябре 1830 г. участвовал в экспедиции под начальством главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом ген.-фельд. Паскевича-Эриванского за Кубань против черкесов.

6. Торнау, Федор Федорович; другие написания фамилии Турнау, Торнов, 1810, Полоцк — 7 января 1890, Эдлиц, Австрия. Выходец из старинного курляндского баронского рода. В 1832 г. прибыл в Тифлис, где начал службу в Генеральном штабе в чине армейского подпоручика. С 10 сентября 1836 г. по 10 ноября 1838 г. находился в плену у кабардинских хаджретов в Абадзехии. (Воспоминания кавказского офицера 1835, 36, 37 и 38 года. Часть вторая. М.: В университетской типографии (КАТКОВ и Ко), 1864). Полковник — 1849 г. Военный атташе при русском посольстве в Вене — 1856 г. Член Военно-ученого комитета Главного штаба — 1873 г.

ГЛАВА 5

Черкесский лимес

Топонимы адыгского (натухайско-шапсугско-убыхско-садзского) побережья. 1830 – 1864 гг.

«Прежние разграничительные линии между Бу и Хашишем полностью стерты, так как вплоть до Гагры все жители приняли имя «адыге» и объединяются отныне под этим большим национальным именем».

Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 – 1839 годов. Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Т. 2. Нальчик: «Эль-Фа», 2007. С. 43.

Границы независимой Черкесии, согласно черкесским источникам 30-х гг., адресованным русским и туркам, заключались в Закубанье: от Каменного моста или Ташкепрю (Таша-кёрпи) в верхнем течении Кубани до некоей местности Кюльтепе (Гюль-тепе), в 6 милях от Анапы. (ШССТАК, 126, 134).

Маркотх, хребет, участок Главного Кавказского хребта, примерно вдоль дистанции побережья от Суджук-кальской бухты до бухты Геленджика. *Марко*, вероятно, восходит к адыг. *маркЮ* «ежевика», «тутовник», а *-тх* к адыг. *тхы* «возвышенность». (ТСАЯ. С. 301, 401). Согласно Новицкому, от перевала Пшеваулез «до истока речки Схабеди главный хребет имеет название Маркотх; от истока Схабеди до истока Абина — Гензеур; от Абина до Пцелезегога — Тезегор; далее хребет делается снежным, образуя большие отдельные горы». (Новицкий, 6). Упомянутый Новицким Пцелезегог — перевал в районе Фишт-Оштеновского массива. В виде Пцелез-Годгу он указан на «Карте Кавказского края с пограничными землями» 1834 г. Гог и годгу — от адыгского *гьогу* «дорога».

Р. Уташ, наиболее западный (то есть ближайший к устью) приток Кубани, которая в своем нижнем течении разделяется на несколько рукавов, наиболее полноводный из которых в XIX в. впадал в Кубанский (Кизилташский) лиман, прилегающий к Черному морю. На Генеральной карте Кавказского края 1847 г. левый рукав Кубани отмечен как р. Джига и, соответственно, р. Уташ является ее левым же притоком. Сейчас Джига называется просто Старой Кубанью. А. Уташ, натухаевский, сожжен отрядом г.-м. Безкровного 16 сентября 1828 г. (Филонов, 407).

Р. Нарт-псххо (Хан-Гирей 1978), р. Напсухо (Люлье I, карта), р. Напсуху (Западная часть 1842). Вторая река, впадающая в море, точнее, в Кизилташский (ныне Витязевский) лиман, после устья Кубани. Согласно Хан-Гирею, притоки Нарт-психхо: Фемай, Остхграй, Унепсуххрай, Тххавпшь. Сам Нарт-психхо впадает в «Псс-эфв, который образует род озера у устья Кубани». Соответственно, в Псс-эфв надо видеть Витязевский лиман. (Хан-Гирей 1978, 80). На карте Люлье нижняя часть реки Нартпсухо отмечена Напсухо, средняя — Востигай (Гастюгай), верхняя — Сюмай.

Р. Бхгур (Хан-Гирей 1978), р. Бугур (русское название Анапка, образованное по названию крепости Анапа), р. Анапка (Западная часть 1842).

А. Хачаке, вблизи Анапской крепости, местожительство князя Сефербея Зана до его эмиграции в Турцию. (АКАК, VIII, 892).

А. Астагай или Остагай (ШССТАК, 49), одно из мест частых собраний натухаевцев.

Г. Вогаме, рядом с Остагаем (ШССТАК, 50). В 1834 г. на нее поднялись двое англичан, в компании с князем Пшимафом Бастоко, с целью обозрения как Анапы, так и всего Натухая вплоть до Кубани.

Притоки Бугура, «вытекающие из гор, образующих котловину, называемую Чехурай»: Куматир, Копеса, Китлемидж, Псекиаха, Мезкиага (Мескаго), Декос (Докос), Бенепсин, Шим, Бидь, Цеокай. (Люлье I). Согласно Хан-Гирею, притоком Бугура (Бхгур) является Маскага (Мезтчахх), а последняя имеет целый ряд притоков: Кумадр, Ккопсшахх, Педчахх, Чийлемдь, Циеккоай, Бдь, Шьм, Зеепсн. (Хан-Гирей 1978, 80).

Р. Хидрий (Хан-Гирей 1978), р. Хендерий (Люлье I), а. Шиндири (КЧБ 1838), д. (деревня) Хендорой (РГВИА, 6736). Согласно Хан-Гирею, Хидрий впадает в Сшкко, а последний в Черное море.

Р. Дрфе (Хан-Гирей 1978), впадает в Черное море.

Хекуз — область между д. Хендорой и Цемесом (РГВИА, 6736).

Река Сукхо (Люлье I), а. Ссукуа (КЧБ 1838), р. Sukwa (Б), а. Суко и бухта Сухо-пе (ШССТАК, 135). Современное название Сукко. Комендант Анапской крепости ген.-м. Цукато докладывал командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории, что он распорядился сделать набег в Сухо-пе. Выдвинувшийся отряд под командой подполковника Орла состоял из 500 пехотинцев, 50 конных казаков и 2 легких орудий. «Экспедиция эта произведена была с полным успехом. Двухмачтовое турецкое судно сожжено со всем грузом, причем войсками нашими взяты в плен два турка и два чркаса; отбито: турецкий флаг судна, фальконет малого калибра, 100 штук рогатого скота и 300 баранов; сверх того сожжено два аула, из которых жители не успели спасти своего имущества». (ШССТАК, 136). В январе 1838 г. упоминается пленный 80-летний черкес аула Суко Асман Синан, показавший, что к этой бухте пристало судно, доставившее знамя, переданное в а. Остагай дворянину Мамсыр-Хаудулу (Мансур Хаудоко-Супако). Пленные показали, что судно принадлежало Сефербею Зану, что вполне вероятно, учитывая, что его отец имел целую торговую флотилию. Груз состоял из соли, пороха и свинца, который успели увезти в горы. Турецкий шкипер успел передать в аул Остагай знамя, посланное Сефербеем Мансуру Хаудоко. (ШССТАК, 136 — 137). В докладной записке начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории за февраль 1839 г. упоминается «Мамсыр Гайду-Кор из фамилии Супало», проживающий на р. Пшебепс: «Он пользуется большим влиянием между натухайцами». (ШССТАК, 176).

Саиндерей, хребет, над истоком Сукко (АСД, 57).

Иссусуп, мыс, сразу к востоку от Сукко, в донесении Серебрякова содержится определение «полуостров Исусуп», который соединен с материком «низменным перешейком». (АСД, 55). Современное название мыс Утриш и остров Утриш. М. Иссу-Суп (Кавказский край 1834). На карте Дюбуа этот мыс отмечен как совершенно отчетливый полуостров Cap Oussoussour. В русском издании Дюбуа — м. Усусуп. На Генеральной карте Кавказского края 1847 г. — мыс Иссусуп, отмеченный отчетливо как маленький полуостров. На карте Кавказского края 1869 г., составленной корпуса топографов штабс-капитаном Кондратьевым, отмечен мыс Исусуп. А уже на Специальной карте Европейской России Стрельбицкого — дано современное название мыс Утриш. Лист 63-й, отображающий пространство Кубанской области, согласно подписи в нижнем левом углу, был завершен или составлен в 1871 г. Таким образом, переименование Иссусупа в Утриш произошло около 1870 г. На карте Иваненкова, мыс Утриш и к востоку от него еще мыс Утришенок. (Иваненков 1902).

Р. Нодьир (Хан-Гирей 1978, 80), впадает в Черное море: «На ее вершине есть дремучий лес, от которого она получила и название. Сказывают, что он годен для кораблестроения».

Нукир, ущелье. Упоминается в донесении адмирала Л.М. Серебрякова за январь 1842 г.: «в 2 милях на восток от мыса Исусупа». (АСД, 52). Вполне вероятно, что Нукир — то же самое название, что и Нодьир Хан-Гирея.

Р. Дирсое (Люлье I), современное название Дюрсо; а. Дюршуа (КЧБ 1838), ущелье Дирсое (Западная часть 1842).

Р. Абрахго (Хан-Гирей 1978), вытекает из озера Абрахго и впадает в Черное море.

Р. Бедяхго (Хан-Гирей 1978, 80), впадает в Озередь: «Между вершинами сих рек находящаяся гора называется гора называется Срхгей».

Р. Озередь (Хан-Гирей 1978), р. Озерейк (Люлье I), современное название Озерейка; а. Орзерек (КЧБ 1838), р. Ozerek (Б). В документе за февраль 1856 г. упоминается мехкемэ в Озерейке (АКАК, XII, 719).

Р. Бжелакко (Хан-Гирей 1978), впадает в Черное море.

Р. Псюсхаб (Западная часть 1842), а. Гуслаб или Чусхаб (КЧБ 1838); Чусхаб, ближайшее к Новороссийску ущелье (АСД, 114).

Р. Мстеххакко (Хан-Гирей 1978), р. Мисхаки (Люлье I), а. Майсаки (КЧБ 1838), современное название мыса и, очевидно, реки — Мысхако.

Р. Цемез (Хан-Гирей 1978): «При устье ее стоит крепость Сунджук-Кале (по-черкески Цхгдчүэ»; р. Цемес или Цемез (Люлье I), «впадающая в Суджук-Кальскую бухту, называемую туземцами Кутлешху». В июле 1835 г. командир Кавказского корпуса барон Розен сообщал военному министру: «Бывшее турецкое укрепление Суджук-кале, по описанию кап.-л. Паниютина, осматривавшего оное в 1831 и 1834 годах, лежит почти на середине западного берега Суджукской бухты на безлесной равнине, имеющей небольшую наклонность к морю, состоит из четвероугольника, коего вал сохранил достаточную высоту для укрытия гарнизона от выстрелов; кругом ров еще довольно глубокий, в укреплении есть два отверстия, служившие входами, из коих обращенное к морю не более 50-ти шагов от онога; строения все разрушены, на месте оных остались небольшие кучи камня и извести. Русские войска в декабре 1810 г. заняли Суджук-кале, пришедши в оное из Анапы сухим путем без большого затруднения. Около 10 дней весь отряд занимался исправлением укрепления, а потом оставлен в оном небольшой гарнизон, по заключении мира вывезенный оттуда на судах». (АКАК, VIII, 850). В 1830 г. «у черкесов в селе Цамаз», как сообщал абхазский князь Михаил, находился Ахмед-паша, уверявший население «будто весь Черокесский берег принадлежит Турции и для защиты онога вскоре привезены будут войска». (АКАК, VII, 403). Ущелье Цеймес (Западная часть 1842). В 1834 г. в Цимезе проживал князь Пшимаф в ауле, находившемся в 5 верстах от Суджука (ШССТАК, 49). Сообщается, что князь Пшимаф поддерживал связи с Сефербеем Заном.

Суджук-кальская бухта, Suguljak (Б). Суджукский базар или Цемес (РГВИА, 6736). Развалины Сауджак-Кале (КЧБ 1838).

Восемнадцатигорье, горная цепь вдоль Суджукской бухты (РГВИА, 6736). Новороссийск и Геленджик «разделены хребтом гор (восемнадцатигорье), который не позволяет между ними сухопутного сообщения». (Записка ген.-л. Раевского о торговле с горцами и переселении на восточный берег // АКАК, IX, 470). «Осьмнадцати-Горье»: возле этого хребта «живут натухайцы». (Р., III, 531). На пространстве от 18-горья до форта Головинского, согласно Раевскому, «жители состоят из натухайцев, перемешанных с шапсугами». (Там же. С. 532).

Р. Добе (Хан-Гирей 1978), р. Доб, «впадающая в ту же бухту более к югу» (Люлье I), а. Дооб (КЧБ 1838), Doba (Б), а. Даба: «в 15-ти верстах от Сунджук-Кале». (ШССТАК, 26). Современное название мыса и горы — Дооб.

Памятник Науруза (КЧБ 1838).

Бывшее укрепление Александрийское (КЧБ 1838).

Укрепление Кабардинское (КЧБ 1838).

А. Атсесбохо: «Замыкая бухту Геленджика с севера, впереди Тачагуса (горы. — Прим. С.Х.) выдвигается навстречу моря острие мыса, вдоль которого тянется селение Атсесбохо» (Д). В оригинале Atsesboho (D, 38).

Р. Ашампе (Люлье I) и а. Ашампе (КЧБ 1838), а. Ашампет (Д; в оригинале у Дюбуа Achampet, но последнее t, как известно, не читается и, значит, в русском переводе должна быть форма Ашампе). Современное название реки — Яшамба.

Р. Ацезжибхгу (Хан-Гирей 1978), р. Ацезивгу, «впадающая в Геленджикскую бухту, называемую туземцами Кутлезий» (Люлье I).

Гора Ацугебгу. Как отмечал Иваненков на своем плане Геленджика, «высшая точка окружающих бухту гор есть Ацугебгу 357 сажен над уровнем моря». (Иваненков 1904).

Р. Ххульзжий: впадает в «Геленчикский залив. Около устья сей реки стоит на прекрасном лугу Геленчикское укрепление» (Хан-Гирей 1978, 81). В 1818 г. Мариньи отмечал, что местные жители называют Геленджикскую бухту Кутлуци (Koutlouzi, 47). У Дюбуа — Koutlize (D., 17)

Тлиувиес (Tliouvieuse), южная часть геленджикской бухты (Мариньи, 48).

Дживка (Djiwka), «маленькая бухта, расположенная по соседству с Геленджиком» (ШССТАК, 131). В другом документе упоминается Губа-Дживка к северу от Геленджика: здесь, согласно рапорту Раевского за апрель 1838 г., высадился весной 1837 г. Джеймс Белл (ШССТАК, 142).

Р. Мезибе (Хан-Гирей 1978), р. Мезиб (Люлье I), а. Мейзип (КЧБ 1838), бухта Мезиппе, известная как Ложный Геленджик (Д; D., 180: Mezippe), р. Мейзиб (РГВИА, 6733): нижнее течение Мейзиб, а правый приток — Адерби. Согласно Раевскому, Мезиб «составляется из слияния двух рек: Иного и Адерби, которые принимают название Мезиб после своего соединения. Сии три долины удобны для жительства и до занятия Геленджика имели значительное население». (Р., III, 69). «При устье Мезиба находится небольшое углубление берега, достаточное для пристани мелких судов... урочище сие известно у моряков под названием Фальшивый Геленджик, от того, что с моря вид берега против Мезиба весьма похож на вход в Геленджикскую бухту. Моряки боятся входить в сию последнюю ночью или хотя в сколько-нибудь туманную погоду, чтобы не попасть на берег, вместо бухты». (Там же. С. 69 — 70). Яланджи Геленджик (Jalandji Ghelendjik) — «ложный Геленджик турков». (Мариньи, 31). Из приказа князя Воронцова по Отдельному Кавказскому корпусу за 10 октября 1853 г.: «Для наказания враждебного аула Мезыб, лежащего на бухте фальшивого Геленджика, 14 сентября, ген.-м. Вагенр предпринял движение с отрядом из 4 рот Черноморских линейных №№ 5-го и 15-го батальонов и 2 орудий. Несмотря на отчаянное сопротивление жителей, сабли их со всем имуществом были преданы огню». (АКАК, X, 697). Потери отряда: убитых 2, раненых 10.

Р. Адрбе (Хан-Гирей 1978), р. Адерби (КЧБ 1838). Аул Адербей, уничтоженный отрядом ген.-м. Вагнера 15 сентября 1853 г.: «В числе прибывших на помощь к истребленному аулу Мезыб находились жители аула Адербей, известного своим враждебным к нам расположением и гордящегося тем, что в нем еще не бывали русские войска. Ген. Вагнер решился разуверить этот аул в его безопасности и в ту же ночь, с теми же 4-мя ротами выступив из Геленджика до рассвета, перешел хребет Мартхох и совершенно неожиданно для жителей ворвался в аул Адербей, в саках которого завязался упорный бой, кончившийся истреблением горцев, не желавших сдаться, и разорением их жилищ, причем взято в плен несколько человек». (АКАК, X, 697). Потери отряда: убитых 1, раненых 5.

Р. Хапецай или Хотецай (Люлье I), р. Хапацай (КЧБ 1838), р. Napetsai (Б), м. Абетсаи (Д; D., 180: Abetsai или Khoretchai, первое, как отмечает Дюбуа, произношение Мариньи, а вторая форма — «согласно названию морских офицеров»).

Р. Джанхоти или Джанхотий (Люлье I), р. Жанхоти (КЧБ 1838), р. Jankhoti (Б), долина Чианготи (Д, D., 180: le vallon de Tchianghoti).

М. Идокопасх (Люлье I), м. Идокопас (КЧБ 1838), м. Итокопасхе (Д; D., 180: Itokopaskhe), м. Идокопас и г. Идокопас (З; РГВИА, 6736). Современное название мыс и гора Идокопас (462 м). Можно предположить, что название горы предшествует названию одноименного мыса.

М. Чуговкопас (РГВИА, 6736), современное название м. Чуговкопас. Немногим западнее устья Беши (современная Бетта), см. ниже.

В названиях двух мысов — Идокопас и Чуговкопас — совпадает основа копас, которая хорошо корреспондируется с адыгской лексемой кьоплашь «крупная свинья». (ТСАЯ. С. 217).

Р. Нахашш (Люлье I), Нахабж (РГВИА, 6733), Некепш (Д, D., 181: Neukeurche), Нокоспи (ШССТАК, 86). Из рапорта российского консула в Трапезунде Герси барону Розену мы узнаем, что примерно 20 июля 1836 г. в Нокоспи высадился некий джентльмен Стюарт, сопро-

вождаемый неким итальянцем. Через свои источники в Трапезунде консул разузнал, что Стюарт доставил черкесским вождям письмо от Сеферебея Зана и весьма ценный груз в 80 бочонков пороха. Итальянский спутник Стюарта остался в Черкесии, а он сам благополучно возвратился в Стамбул.

Р. Коакузжь (Хан-Гирей 1978), р. Каркасуах (РГВИА, 6733), р. Коркозах (КЧБ 1838). Kwakwuz, к западу от Пшата (В, 85).

Р. Фендчезжь (Хан-Гирей 1978), впадает в Черное море.

М. Есукугу, северная точка бухты Пшад (Д, D., 181: Essoukougou).

Хребет Кенцегур (Люлье I), сектор Главного Кавказского хребта от истоков Мезиба до истоков Пшады. В 1886 г. графиня Уварова очень четко обозначила этот переход Маркотха в Кенцегур и протяженность последнего: «Но вот р. Мезип, приняв в себя реку Адербиевку, прорывает горы: Маркоч остается влево, ... вправо возвышается лесистый хребет, носящий с этого места название хребта Кецегур (до р. Пшады)».

Вуордовое, перевал: «Мы ночевали на перевале Вуордовое, а на другое утро начали спускаться по притоку Пшады». (Ф., 134). Графиня Уварова в 1886 г. обращает особенное внимание на гору Вардобир между морем и хребтом Кецегур: «а перед нами высокая отдельная гора с четырьмя седловинами, может быть гора Вардобир, значащаяся по картам, но (как и все здесь) неизвестная местному населению». Еще раз об этой горе: «Переваливаем через гору Вардобир или Михайловскую, как ее ныне называют по селению, расположенному после покорения на ее косогоре и ныне более не существующему». Таким образом, Вуордовое Филиппсона или Вардобир Уваровой надо сопоставлять с горой Михайловка современных карт (787 м) и перевалом Михайловский (258 м). Более того, под горой Вуордовое можно иметь в виду, кроме Михайловки, еще гору Тхагехочук (761 м) и г. Согласно (520 м). Эти три вершины составляют цельный высокий массив, который вполне мог иметь одно название — Вуордовое. Но надо также заметить, что современное название Тхагехочук точно соответствует названию горы Тхаджиокап, которое отмечено в этом месте на карте экспедиции Вельяминова 1837 г. (РГВИА, 6733). Г. Тхачегочук (Иваненков 1902). Перевал Вардовуй (КЧКО).

Пшенеситх, хребет от Адерби до Пшата полукругом (КЧБ 1838), по северной стороне которого проходил маршрут русских войск.

Р. Пшад (Хан-Гирей 1978), р. Пшад или Пшат (Люлье I), р. Пшат (КЧБ 1838), р. Pshat (Б). Аулы нижнего течения Пшата: Ендаров, Глиф, Эрхста, Хандо, Батехабль, Соотохохабль, Кобль, Тучий, Огутехабль. Эти же аулы по карте Западной части Кавказского края: Сапехаблоу, Чилик, Ендаров, Хандо, Дуко, Глиф, Ерхта, Пцашехабль, Батехабль, ...цатехабль (первая буква неразборчиво), Состохабль, Кобль, Шучий, Огутлехабль. И вдоль маршрута войск Вельяминова на Вулан — Канассев, Хокуб.

Р. Сшепс (Хан-Гирей 1978), впадает в Пшад.

Перевал Суэмчиватль и г. Суемчеватль (РГВИА, 6736). В дневнике Симановского г. Суемчеватель и Суемчевательский лес. (Симановский, 410). Адыгское произношение ШШомыкIэуаль, что означает «Углевая залежь». Это название содержится в устных преданиях адыгов, зафиксированных Юсуфом Нагучевым. Это ценное пояснение дано нам Нуржан Емыковой, изучающей интеллектуальное наследие Ю. Нагучева.

Укрепление Новотроицкое в устье реки Пшат, основано отрядом А.А. Вельяминова 6 июня 1837 г., в воскресенье — Троицын день. Из дневника Симановского: «6 июня. Воскресение (Троицын день). Сегодня праздник Навагинского полка и заложение крепости, названной Константиновской (в итоге, укрепление назвали Новотроицкое. — Прим. С. Х.), и мне досадно, что я не могу быть в параде — мой мундир до сих еще пор не привезен из Еленчика. Заложение крепости было следующим порядком: после обедни служили молебны на месте, назначенном для постройки крепости, потом это место окропили святой водой, сделали 101 пушечный выстрел, войска прошли церемониальным маршем мимо Вельяминова, ainsi, finita la comedia (итак, комедия окончена. — Прим. И. Грозовой)». На месте крепости была священная роща; из дневника Симановского: «Прелестная роща, бывшая на берегу Черного моря, уже вся вырублена — как жаль мне ее! Этаких рощ мало можно встретить; посреди этой

рощи был аульчик, вероятно, какого-нибудь князя, вероятно, черкесы в свободные часы отдыхали под тенью деревьев, увитых виноградной лозой, или гуляли, наслаждаясь чистым, благоуханным воздухом. Я не в силах описать хорошо это место, скажу только, что оно очаровательно, теперь его как не бывало: от вековых деревьев и благоуханного орешника остались лишь одни пни, но и те со временем вырастут. Секира все истребила». (Симановский, 400). Из воспоминаний Н. М., также участника этой экспедиции: «Тотчас по занятии места на берегу моря, близ устья речки Пшады, Генерал Вельяминов приступил к разбивке укрепления. Для этого первоначально истреблены были все окружающие леса, на расстоянии пушечного выстрела, чтобы тем лишить горцев возможности скрытно приближаться к крепости. Жаль было смотреть на эти могучие дубы, которых сама железная рука времени щадила целые столетия, и которые теперь падали под нашей железной секирой! Жаль было уничтожать красивые рощи серебристой пальмы, роскошные купы виноградных лоз, и этот приветливый плющ, который так ласково обвивал своими молодыми, свежими стеблями ветхие корни буков и вязов! Но такова участь войны — в ней гибнет жизнь для новой жизни!». (Н.М., стр. 69).

Г. Навагинская, сразу с левой стороны от Пшады, напротив устья правого притока Догуаба (РГВИА, 6733). Название плохо, но достаточно уверенно читается на темном фоне этой части карты. Гору так назвал ген.-л. А. А. Вельяминов в честь храброго штурма, осуществленного батальоном Навагинского полка (Ф., 134 — 135; Н.М., статья первая, с. 66; Симановский, 398). Адыгское название не указывается. Современное название выяснить не удалось, поскольку даже на километровке широкая протяженная гора напротив устья Догуаба с высотой в двух наиболее удаленных краях вершины в 301 и 300,1 метров нанесена без названия. Гора эта расположена параллельно течению Пшады и перпендикулярно побережью.

Р. Беше (Люлье I), р. Беши (КЧБ 1838), р. Beshi (Б). Современное название р. Бетта.

Р. Ввепс-н (Хан-Гирей 1978), р. Вулан или Чёбсин (Люлье I), р. Цсюэпсин (Кавказский край 1834), р. Вулан (Ч), р. и долина Tshopsin («pleasant valley called Tshopsine», В, 78), а. Вулан, с правой стороны устья Вулана: «На правом берегу по крутым лесистым холмам раскинулся аул Вулан» (Д). Аул Вулан указан с левой стороны устья на карте Кавказской линии и Главного Кавказского хребта.

Укрепление Михайловское в устье реки Вулан (КЧБ 1838). «Оно построено в 1837 г., на оконечности возвышения, между двух рек: Вулана и Тешепса. Свойства местности заставили дать линии огня протяжение, не соразмерное с силами гарнизона. Между прочим, это послужило причиной непомерных болезней и смертности в прошлом году. С 1-го сентября 1837 года по 16-е апреля 1838 года здесь умерло 254 человека из гарнизона и прикомандированных». (Обозрение Восточного берега Черного моря, составленное Н.Н. Раевским. Середина апреля 1839 г. Керчь // Р., III, 72).

Р. Тешепс, сразу к востоку от Вулана (РГВИА, 6733). Согласно Г.И. Филипсону: «13 Июля (1837 г. — Прим. С.Х.), поздно вечером мы, достигли устья Вулана, который близ самого моря, сливается с другою речкой Тешепс и образует широкую долину». (Ф., 136).

Р. Ххольех (Хан-Гирей 1978), впадает в Черное море.

Р. Инал (КЧБ 1838, Западная часть 1842).

Р. Бзид (Люлье I), р. Безит (КЧБ 1838), р. Psid (Б), р. Бжед (ШССТАК, 177), р. Бизит (Западная часть 1842).

А. Зих, «в направлении от Вулана к аулу Зих, вблизи устья реки Душет» (Д). Дюбуа, смотря с борта русского военного судна, отмечал, что маленькая речка Душет впадает в море с левой стороны от селения Зих. И сразу к востоку от Зиха открывается вид на широкую долину Джубги (Джувга или Джухубу).

Р. Дубхго (Хан-Гирей 1978), р. Джубг или Джуб (Люлье I), р. Джубуа (КЧБ 1838), р. Jubghe (Б). А. Джувга или Джухубу, резиденция Али-бея, «одного из самых влиятельных вождей шапсугов» (Д, D., 188: Djuvga, Djouvga, Djohoubou). После того, как Порты уступила черкесское побережье России, по условиям Адрианопольского договора 1829 г., паша Саид-Ахмед переехал в Джубгу, откуда пытался влиять на черкесов и даже лоббировать их интересы в Стамбуле. (ШССТАК, 18). Источник 1833 г. уточняет, что Саид-Ахмед, находясь в Джубге, жил в

доме у Али-бея Сазюка: «Дворянин, житель с речки Джгуба, где находится все его семейство; он и брат его покровительствуют не позволительную торговлю турок с горцами». (ШССТАК, 41). Белл часто упоминает Али-бея Зазиоко из Джубгы, который принадлежал к дворянскому роду Карзек. (Б, т. 1, с. 56 и др.). Интересны хозяйственные планы Али-бея, которыми он поделился с Беллом: «Али сказал, что если бы война закончилась, то он немедленно открыл бы на реке канал, который, вероятно, мог быть проходимым для судов от восьми-десяти до ста тонн» (Б, т. 1, с. 95). В «Обозрении Восточного берега» Н.Н. Раевский писал об Али-бее: «Сверх удобств Джуба в морском отношении, есть другие причины, которые привлекают туда контрабандистов: близ устья сей реки живет Али-Бей, который издавна был главным их покровителем. Али-Бей — человек богатый, хорошей фамилии, пользуется влиянием на окрестных жителей и известен ненавистью к русским. Он имеет большие связи с турками. ... Ныне его называют князем, хотя он просто дворянин из фамилии Кас, союзной Схупако». (Р., III, 76 — 77). Л.М. Серебряков, со слов Мехмеда Керзека («узденъ из окрестностей Пшадда»), сообщал Раевскому, что «известный Джубский узденъ Зизи-Оглу-Мехмед-Али» погиб при штурме форта Лазарев. (Р., III, 405).

Гинбга (Ginbga), округ в Черкесии. В 1839 г. российский посланник в Константинополе сообщал о прибытии в османскую столицу Кази-оглу Ахмет-бея, «вождя округа Гинбга в Черкесии», с целью переговоров с Сефербеем Заном. (ШССТАК, 168).

Р. Дефи-н (Хан-Гирей 1978), правый приток Шапсухо, современное название Дефань.

М. Кодос, крайняя юго-восточная точка открытого рейда Джубгы (Д).

Залив Кодос, сразу к востоку от м. Кодос (Д).

Р. Шайпсххо (Хан-Гирей 1978), р. Шапсухо (Люлье I, Западная часть 1842), р. Шиапсухо (КЧБ 1838), р. Shapsekwa (Б). Современное название — Шапсухо. Длина реки составляет 41 км, площадь водосбора 384 кв. км. При устье ширина долины составляет порядка 300 метров. Благодаря твердым стокам р. Шапсухо образуются пляжи Туапсинского района. Средний расход — около 12 кубометров, во время паводка — до 700 кубометров воды в секунду.

Р. Коаво (Хан-Гирей 1978), левый приток Шапсухо.

Укрепление Тенгинское в устье р. Шапсухо (Шиапсухо) (КЧБ 1838).

Р. Кузиепс (Люлье I) и а. Хозеипс (КЧБ 1838), р. и а. Кузеипс (Западная часть 1842), р. Кужепс (П, Иваненков 1902). Современное название Кужепс; протяженность реки 11 км, исток у горы Тренога; площадь водосбора 32 кв. км.

А. Загяй (КЧБ 1838), р. и а. Загяй (Западная 1842), р. Секой (П, Иваненков 1902). Современное название Секуа. Протяженность реки 11 км, исток у южного склона горы Пляхо, площадь водосбора 27 кв. км. Водный режим реки — паводковый. Во время паводка река несёт песок светло-жёлтого цвета.

Р. Плако (Люлье I), а. Плаху (КЧБ 1838), р. Плахо (Западная часть 1842, Иваненков 1902). На 5-верстной карте 1877 г. очень четко показано, что все три реки — Кужепс, Секой и Плахо — берут начало в южных отрогах горы Плахо. Современное название — р. Пляхо, исток которой находится у горы Пляхо (618 м), длина реки 11 км. Площадь водосбора 32 кв. км. Водный режим реки — паводковый. Во время паводка река несёт песок светло-жёлтого цвета. На карте Иваненкова указана станция Пилякурская и три хутора, названия которых были основаны на названии реки — Паляхур 1-й, Палях 2-й, Паляхуп.

М. Гуавго (КЧБ 1838), м. Гуавга (Западная часть 1842). Современное название — м. Гуавга.

Р. Н-депсххо (Хан-Гирей 1978), р. Нигепсухо (Люлье I), р. Neghipsekwa (Б), р. и а. Негепсуха (Западная часть 1842). Современное название Нечепсухо. В нижнем течении Нечепсухо находится поселок Новомихайловский.

Р. Псебе, крупный левый приток Нечепсухо, впадающий в непосредственной близости от устья, в центре поселка Новомихайловского. Выше по течению Псебе находится одноименный шапсугский аул, ныне самый западный из адыгских аулов черноморского побережья. Аул Псебе указан на карте Иваненкова 1902 г. После Нечепсухо три реки, впадающие в море, которые хорошо показаны на 5-верстной карте 1877 г., затем р. Ту.

Р. Гердыш (КЧБ 1838), раз. Гердыш (Западная часть 1842).

Р. Дуз (Люлье I), а. Туузепе (КЧБ 1838), р. Туузепе (Западная часть 1842).

М. Агвия-ту или Кодос, м. Агрия-Тукодос (Западная часть 1842).

Р. Дтуо (Хан-Гирей 1978), р. Ту (Люлье I), р. Ту (Б), а. Ту (Д). Г. Ту (КЧБ 1838; Западная часть 1842). Современное название р. Ту. В устьевой части, то есть на месте аула Ту, расположено село Ольгинка. В центре Ольгинки в Ту с левой стороны впадает р. Кабак.

Р. Хакоай (Люлье I) и а. Хахваяс (КЧБ 1838). Современное название р. Казачья Щель.

Р. Небхго (Хан-Гирей 1978), р. Небуг (Люлье I) и а. Нибуг (КЧБ 1838); Nibu (Б).

Р. Шепс (Хан-Гирей 1978), а. Шеапсе (КЧБ 1838).

Р. Агуие (Люлье I) и а. Авгуая (КЧБ 1838), р. Aгуia (Б). Современное название р. Агой. В среднем течении Агой, чуть выше впадения левого притока Колихо, находится адыгский аул Агуй-Шапсуг. До революции здесь было селение Карповка, которое было населено адыгами. Aгуadshe около полумили на запад от Туапсе. (В, 66). Г. Агой. На карте Иваненкова рядом с горой Агой указан такой топоним как Раз. аул Хаджизеб — развалины (?) аула Хаджизеб.

М. Кодош и Кадош. Обе формы встречаются на современных картах.

Р. Псешись (Люлье I), р. Псешиш (Западная часть 1842), ущелье Дзипишишха (Хатисов и Ротиньянц, с. 5), р. Дзепишшха (П). Современное название р. Паук.

Р. Тдоапс: «древнее обиталище бжедугского поколения» (Хан-Гирей 1978, 82), р. Туапсе (Люлье I), а. Туапсе (КЧБ 1838), р. Туапсе (Западная часть 1842), р. Тоарсе (Б).

Форт Вельяминовский в устье реки Туапсе (КЧБ 1838, Западная часть 1842).

Г. Гуйтхе (ШССТАК, 146).

Р. Дедеркуай (Люлье I), Тертерквой (ШССТАК, 146), Тетеркуай (Западная часть 1842). Современное название р. Дедеркай, поселки Дедеркой и Дзеберкой.

Р. Сепсе (Люлье I) и аулы Кучук-сепса и Беюк-сепси (КЧБ 1838); Шепси (Shepse) (Б). Современное название р. Шепси. Существование двух аулов — Малый Шепси (Кучук-сепси) и Большой Шепси (Беюк-сепси) — скорее всего, отражает привязку к названиям двух соседних речек — Малого и Большого Шепси. Соответственно, под названием Малый Шепси должна фигурировать р. Магри. Мы не находим ни у обстоятельного Люлье, ни у не менее обстоятельного Хан-Гирея, ни на картах XIX в. названия Магри. Всегда после Шепси идет Шуюк, а иногда между ними указана маленькая безымянная речка, также впадающая в море. Каково же происхождение названия Магри? В соответствующих местах отчета Хатисова за 1866 г. мы не обнаруживаем не только упоминания о Магри, но и вообще о существовании на этом месте реки. (Хатисов, 73, 129). Это объяснимо тем, что, двигаясь с востока на запад, комиссия избрала маршрут достаточно далекий от берега и, таким образом, из ущелья Мокупсе сразу оказалась в ущелье Шепси и не заметила два промежуточных ущелья — Шуюк и Магри. В 1902 г. некий К. П., взявший на себя труд детального обозрения побережья от Туапсе до Гагр, отметил лишь, что между Шепси и Шуюком два ущелья, но названий не привел. (К. П. Черноморское побережье от Туапсе до Гагр // Известия Кавказского отдела императорского Русского Географического общества. 1902. Т. XV. № 5. С. 303). Shepse. Белл отправился на лодке с группой черкесов из Вайи на север: «В половине четвертого мы пересекли речку, называемую Аше (Ashe); в начале шестого пересекли другую речку под названием Макупсе (Maкупse) (обе речки маленькие, особенно последняя); а после половины шестого, было решено причалить к устью маленького потока, называемого Шепсе». (В, 63).

А. Дзиаше: «тянется по берегу моря между реками Сепсе и Сучали» (Д). Три аула Дзиаш вдоль берега, между реками Псесюапе и Шахо, указаны на карте Кавказского края 1834 г.

А. Чуух (КЧБ 1838), а. Чух Керим-Гирея на реке Шапс или Шепс (Шепси), в часе ходьбы от устья: «большая и густонаселенная деревня Чух Кери-Гирея, где просторный дом и прекрасный очаг вскоре заставили нас забыть» тяготы пути (Б, 393).

Р. Магри. Ныне по р. Магри проходит граница агломерации Большой Сочи и, соответственно, здесь же граница Лазаревского района г. Сочи.

Р. Шуук или Шуек (Люлье I), современное название Шуюк.

Р. Мокупсе (Люлье I), р. Махопси (КЧБ 1838), р. Макупсе (Б), а. Макупс (Б), р. Мохупсе (ШССТАК, 77).

Р. Мюзюегопсе (Люлье I), современное название Неожиданная дано комиссией Хатисова и Ротиньянца в 1866 г. по пути из Аше к Туапсе: «Дорога от устья Аше до следующего маленького ущелья по морскому берегу довольно удобна для верховой езды. Маленькое ущелье это названо нами «Неожиданным». Это ущелье довольно красивое и удобно для постройки частной фермы или дачи». (Хатисов, 70).

Р. Аше (Люлье I), а. Аше (КЧБ 1838), р. Ashe (Б).

Р. Копсе (Люлье I), современное название Куапсе.

Р. Цежхепе (КЧБ 1838), р. Цешхепе (Западная часть 1842). На карте Западной части... указана как первая после Аше река в восточном направлении. Вероятно, что Цешхепе и Копсе — одна и та же река.

Р. Дзешь (Люлье I), современное название Свирка.

Р. Псезюе или Пезюане (по всей видимости, Люлье здесь хотел дать вторую форму в виде Псезюапе. — Прим. С.Х.), р. Псезуапе (Западная часть 1842). Современное название Псезуапсе. 28 мая 1840 г., после отвоевания разрушенного черкесами форта Лазарев, войска «обошли кругом устья Псезуапе верст на 5 и сожгли десяток аулов». (Р., III, 507).

От реки Аше до Псезуапе Люлье отмечает: «коллективно Гоаие или Шехокуадж». У Белла это натухайское общество упоминается как Вайа (Waia, В, 63). На карте Белла следующая речка к востоку от Аше названа также Вайа — по всей видимости, Псезуапе.

Р. Псизуапе, напротив устья надпись: «Предположено соорудить укрепление в 1839 г.». (КЧБ 1838). Здесь же: «Форт Лазарев в устье р. Псизуапе» (КЧБ 1838).

Р. Кодесехапс, приток р. Псизуапе (КЧБ 1838).

А. Гухе (КЧБ 1838).

Р. Чигезиане (Люлье I), современное название Цусхвадж, а. Чисахачь (КЧБ 1838).

Р. Голиех (Люлье I), современное название Годлик, а. Гольох (КЧБ 1838).

Р. Нибепс (Люлье I), современное название Чухукт или Каткова щель.

Три реки — Чигезиане, Голиех, Нибепс — согласно Люлье, «коллективно Цюхух». Это общество Цюхух, очевидно, соответствует а. Чухух (КЧБ 1838), р. и обществу Sukukh у Белла. См. также р. Цюхух (Западная часть 1842).

А. Адгебзе (КЧБ 1838).

Р. Безюей (Люлье I), современное название р. Чимит или Зубова щель.

Р. Тлате или Калезипь (Люлье I), современное название р. Глубокая Щель.

Р. Кодес (Люлье I), современное название р. Матросская Щель. Иногда Кодес называли Субашем — например, у Филипсона: «Долина р. Шахе отделяется от другой долины (небольшой речки Субаши или Субеш) гребнем который у моря низок и безлесен». (Ф., 187). Точно также и в «Обзрении Восточного берега Черного моря» Н. Н. Раевского под Субаши понимается «небольшой горный ручей, впадающий в море саженьях в 700 от устья довольно значительной реки Шахе. Пространство между двумя реками образует хребет, оканчивающийся высокой и крутой горой, покрытой частым строевым лесом». (Р., III, 90). На самом деле, Субаш — второе название Шахе, см. ниже.

От реки Безюей до реки Кодес Люлье отмечает: «коллективно Шимитокуадж». Общество Шимитокуадж соответствует а. Семитухадж (КЧБ 1838). У Белла — р. и общество Shimtoatsh.

Р. Шахе или Субеших (Люлье I), р. и а. Шахе (КЧБ 1838), Shakhe or Subash (Б). Современное название Шахе.

Шахе-Гузай, район верхнего течения Шахе от истоков до впадения в нее правого притока Беюк (Личкус, 8).

Чебухадж, район с левой стороны Шахе в среднем течении: «от нижней границы нагорной полосы до впадения в нее притока Бзычь — представляет собой плоскогорие с полого спускающимся склоном к реке, защищенное с северо-востока круто поднимающимся хребтом. Площади бывших горских поселений, расположенные террасами по склону хребта и по берегу реки, заросли смесью молодого лиственного леса и одичавшими фруктовыми деревьями: черешней, грушей, яблоней, среди которых местами встречаются деревья персиковые, шелковичные и

виноград. Площадь эта, называвшаяся к у черкесов «Чебухадж», заключающая по съемке 111 десятин». (Личкус, 10).

Солох-аул: «Площади бывших горских поселений, ниже впадения притока Бзыч, расположены по ущелью притока Бзугу, по левому склону ущелья, резко отделяясь от старого букowego леса, находящегося выше и, соединяясь с местами, бывшими под культурой горцев по левому склону р. Шахе, прерываясь оврагами, тянутся до границы надела дер. Кичмай. Площадь эта, носившая название у черкесов «Солох-аул» нанесена на план тремя участками — под лит. е, в количестве 235 десят., q — 1184 дес. и h — 713 д. (Личкус, 10).

А. Хачмиз: «По правой стороне ущелья р. Шахе в средней полосе места горских поселений расположены: 1) Против впадения притока Шахе — Бзыч, по склону ущелья р. Шахе и по левому склону ущелья Безымянной речки. Площади эти расположены террасами и защи — щены с северо-запада скалистым хребтом. По правой стороне ущелья Безымянной речки склоны более круты, заросли молодым лиственным лесом и могут быть использованы как покосы и выгоны для скота. По этому ущелью от впадения притока в Шахе проходит тропа, пересекающая места бывших горских поселений. Указанные площади, носившие название «аул Хачмиз», по съемке заключают 48,5 десятин». (Личкус, 10).

Иналике: «2) Против впадения притока Бзугу, по берегу р. Шахе широкой полосой проходят места, бывшие под поселением и культурой горцев, переходя в ущелье второй безымянной речки; аулища эти назывались у горцев «Иналике», заключают 338 десятин». (Личкус, 10).

Бабуков аул: «Ниже, по правой стороне ущелья р. Шахе, по плоскогорью, между притоками Беюк и Буший, на высоте 2843 ф. над ур. моря, защищенная с севера Главным хребтом, расположена площадь бывшего горского поселения, заросшая молодым лиственным лесом, среди которого встречаются поляны с фруктовыми деревьями. Означенная площадь, называемая «Бабуков аул», заключает по съемке 510 десятин... Ниже «Бабукова аула» правый склон ущелья р. Шахе крутой; по левому же склону невысоко над рекой встречаются небольшие площадки аульных мест». (Личкус, 11 — 12).

Хан-кучах, «аулище» или название местности в ущелье р. Наужи, правого притока Аше. (Личкус, 15).

Форт Головин в устье р. Субаши. Здесь же надпись: «Предположено соорудить укрепление в 1839 г.» (КЧБ 1838). «Желая отвлечь часть неприятельских сил, я предложил владельцу Абхазии послать до 450 своих милиционеров на двух пароходах в укрепление Головинское, посадить их там ночью и напасть врасплох на ближайшие аулы. Ген.-м. кн. Шарвашидзе сам отправился со своими милиционерами и сделал все с полным успехом; но в трех аулах, верстах в восьми от укрепления, милиционеры нашли только пустые сакли и, зажегши несколько из них, возвратились без добычи и без преследования. Этот поиск показал, что все народонаселение, могущее носить оружие, оставило дома свои и собралось между Сочей и Адлером». (Рапорт ген. Анрепа гр. Чернышеву, от 16 октября 1841 г., № 279 // АКАК. Т. IX. С. 515).

Р. Бегия-пта (КЧБ 1838).

Р. Осакай (Люлье I), современное название Осохой.

Р. Ххазжие (Хан-Гирей 1978), р. Казий или Казиап (Люлье I), р. Хожиебс (B), современное название Якорная Щель. Название Хожиебс или Ходжиебс закрепилось за большим правым притоком в виде Хаджиек.

Р. Берендуап (Люлье I), современное название Беранда.

Р. Десхат (Люлье I), современное название Детляшко.

Р. Буо (Хан-Гирей 1978), р. Бу или Буап (Люлье I), Bu or Khissa (B), современное название Буу.

От р. Осакай до р. Бу Люлье отмечает: «коллективно Хизе». Общество Хизе у Люлье соответствует а. Хизе на «Карте черкесских берегов» (КЧБ 1838) и обществу Хисса (Khissa) у Белла. У Хан-Гирея подряд указаны три реки — Буо, Ххазжие, Хзе — и отмечено: «Все три в совокупности называются Хзепогуишер; на вершинах их живут абхазцы (т. е., абазы = убыхи, прим. С. X.), а при устьях шапсхгцы и натххоккоадыцы». (Хан-Гирей 1978, 82). Источник

1833 г. упоминает а. Хизе как местожительство Али-бея, подполковника турецкой армии, бывшего в составе турецкой делегации в Санкт-Петербурге после войны 1828 — 1829 гг. Али-бей имел собственное судно и поддерживал интенсивные коммуникации между Сефербеем Заном и предводителями черкесского сопротивления. (ШССТАК, 40).

И здесь же, после Бу, замечание Л.: «Здесь оканчиваются земли натухажцев». У Люлье убыхи, согласно представлениям черкесов, делились на убыхов, живших в горах, и абадзе, живших у моря, начиная с речки Бу. Интересно, что то представление, которое получил Белл, соответствует картине расселения у Люлье. Так, согласно карте Белла, территория Abazas начинается от речки Терампсы (Terampse), которая соответствует Дагомысу или Догомепсе у Люлье. А в горах над этими «абазами» (то есть прибрежными убыхами) указана территория Ubukh. Этот горный «Убух» начинается несколько западнее, чем приморская убыхская территория — от реки Шахе, что также соответствует и Люлье, и многим другим авторам.

Р. Хизиак и а. Мое (КЧБ 1838).

Зуба, лиман, «близ аула Хизза, где живет англичанин Белл». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 232. Л. 14).

Р. Зюебзе (Люлье I), р. Зюеппе (Кавказский край 1834), м. Жообже или Жуабзе, а. Мое (КЧБ 1838), р. Жуадзе (ШССТАК, 166), р. Сюэппсе (Р., III, 91). В устье Сюэппсе Раевский наблюдал три черкесские галеры. Современное название Хобза.

Р. Лоу или Лоуп (Люлье I), р. Лоупе и а. Мое (КЧБ 1838), Leup or Vardan (Б), Ордане (Хан-Гирей 1978). Современное название Лоо. Здесь, согласно Хан-Гирею, проходила граница черкесов и абхазцев, под которыми автор понимал абазов (убыхов и садзов).

Р. Ниге (Люлье I). Современное название Уч-Дере.

Р. Батхь (Люлье I). Современное название Битха.

Р. Догомепсе (Люлье I), р. Terampse (Б). Terampse, наибольшая река после Субеша (Subesh) (В, 48). Современное название Дагомыс.

Р. Психе или Момай (Люлье I) и м. Мамай (КЧБ 1838). «Развалины крепости Мамай-Кала» (КЧБ 1838). Р. Псаха (КЧБ 1838). У Белла — Psekha or Mamai. Псаха отмечена у Дюбуа как Тапсе или Туабсе, у него же указан мыс, залив и аул Мамай: «главное убежище черкесских пиратов». Устье Псахи или Тапсе, согласно Дюбуа, было границей шапсугов и убыхов: «Черкесское племя шапсугов распространяется на юго-восток не далее реки Тапсе (Tharse). За этой рекой начинается племя убыхов, или убыхов (Ouboukh ou Oubikh), населяющее морской берег только до селения Фагурки (Fagourka). Убыхи одинаковы с шапсугами». Современное название — Мамайка. Glen of Psikha or Mamai (В, 49).

А. Фагурка, убыхский и крайний в восточном направлении на убыхском участке побережья. (Д). А. или с. (селение) Фагурка на подстанции от р. Шахо к р. Саше (Кавказский край 1834).

От р. Зюебзе до р. Психе Люлье отмечает: «коллективно урочище Вордане». Общество Вордане у Люлье соответствует р. Вардан «Карты черкесских берегов». Здесь же надпись: «Предположено соорудить укрепление в 1839 г.». (КЧБ 1838). «Достойно замечания, — что род владетелей Гурии, Гуриель, носит название Ворданидзе». (Люлье I, 182).

А. Вордане, 1848 г., здесь, в доме Мурата Дзауш останавливался Канамат Глаходуков, бесленеевский дворянин и офицер турецкой армии, направлявшийся домой — в Бесленей (ШССТАК, 290). А. на р. Леуп, где черкес Зашелан, житель племени Вардане, получил груз с порохом в октябре 1853 г. (АКАК, X, 642).

Ткапс, местность на «шапсугском берегу», 1837 г. (ШССТАК, 130).

А. Черендука Берзека, 1846 г. (ШССТАК, 280). По всей видимости, был расположен в «ущелье Вордане», куда прибыл польский эмиссар Адам Высоцкий, имевший хорошее военно-инженерное образование и доставивший черкесам «много машин и инструментов для делания пороха, оружия и разных огнестрельных снарядов» (ШССТАК, 280).

Неизвестный автор «Краткого описания...» уверенно относит убыхов к черкесам, подчеркивая их языковое единство с шапсугами и всеми другими черкесскими подразделениями.

Описывая Убыхию, автор приводит, наверное, одним из первых, самоназвание убыхов ту-ахы, хотя и путается в терминологии, считая это абхазским определением убыхов: «Земля

убыхов (по абхазски — Туахы) составляет второй отдел рассматриваемого края. Примыкая с одной стороны к снежным горам и ограниченная с другой рекою Сочи, страна эта представляет узкую полосу земли. В юго-западной — горы приближаются к морю на расстояние не более пяти верст, в других же местах удаляются от него до 20-ти... К северу убыхи простираются до прибрежного округа Гоайе». (Краткое описание, 21). В своем примечании, данном в скобках, автор мог бы написать «по-абхазски», но, видимо, счел, что правильнее будет сказать «по-абхазски».

В данном случае, как и во многих других подобных, термин абазский надо отличать от термина абхазский. Дело в том, что если сами адыги маркировали часть себя как абазов, а в эту часть входили и убыхи, то уточнение автора о том, что убыхи по-абхазски называются туахы, надо читать и понимать как по-абазски (равно: по-убыхски). Фактически, речь идет о том, что автор сообщает нам самоназвание убыхов.

В «Земле убыхов» автор усматривает 7 округов: «Псаха, Вардане, Хизе (по абхазски — Пшогия), Субаш, Чимтрипшь, Вея или Гоя и Мохупсе». (Краткое описание, 20). Точно также в уточнении автора «по-абхазски» здесь надо усматривать «по-абазски» (= по-убыхски). Таким образом, убыхи называли округ Хизе Пшогия или Пшагия — написание через *a* дано на 22-й стр.

А. Мутыхуасуа на р. Сочи: «есть примечательнейший, как по величине, так и потому, что служит местопребыванием главе сильной княжеской фамилии Барзехов, Барзеху-хаджи. Аул этот лежит на правом берегу Сочи-псты, на расстоянии двух часов езды от ее устья; он принадлежал прежде джигетам и отнят у них убыхами тому назад лет сорок». (Краткое описание, 235).

Отнято ли в действительности это место убыхами, сказать весьма затруднительно, поскольку царские администраторы были склонны подчеркнуть, что да, они отобрали у черкесов такой-то район, но те и сами были его совсем недавними владельцами, добыли его также незаконно, и т. п.

Учитывая, что первая запись садзского языка, сделанная Челеби в 40-е гг. XVII в., является совершенно очевидным образцом убыхского языка, то вряд ли имеет большое значение прояснение деталей землевладения и расселения отдельных садзских и убыхских феодалов. (Генко А. Н. О языке убыхов // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. Л., 1928. С. 231).

А. Питлу в долине Псахи. (Краткое описание, 21).

А. Ахмета Чизма на р. Псаха, известен и как а. Псаха: «начинается в расстоянии не более версты от устья... и, состоя из большого числа разбросанных саклей, простирается вверх по долине до самого истока». (Краткое описание, 21).

А. Мисауста Чизма с правой стороны р. Сочи, в 3,5 версты от устья. (Краткое описание, 21). В двух аулах, Ахмета и Мисауста, насчитывалось до 500 семейств.

А. Фагуа или Джеша на «р. Фагуа или Фагуркуа-дзе». (Краткое описание, 22). Под Фагуа надо понимать Дагомыс. В названии Фагуркуа-дзе дефис проставлен в окончании — видимо, автор усматривал в нем абхазское *агзы* «вода», «река». Но, скорее всего, перед нами Фагуркуадзе или Фагур-куадже, в котором куадже — адыг. *къуагж* «село». Это обычный компонент в названиях топонимов — селений, обществ и целых земель — на территории исторической Черкесии. Таким образом оформлялись названия не только собственно адыгских селений или обществ, но и абазинских — Казбек-куадж, Биберд-куадж, Лоу-куадж, и т. д.

Р. Легутей: «текущая в узком, поросшем мелким лесом ущельи, теряется в прибрежном песку, не достигая моря. По ней рассеяно несколько небольших аулов, не имеющих особых названий, но заимствовавших одно общее от речки этой». (Краткое описание, 22). В своем примечании Е. Д. Фелицын затруднился идентифицировать эту речку.

Ручей Нишь: «на нем небольшой аул того же названия». (Краткое описание, 22).

Р. Лаупе: «По долине того же названия аул, один из значительнейших в описываемом крае; в нем считается от 150 до 200 семейств». (Краткое описание, 22). Автор «Краткого описания...» отмечает, что к западу от р. Лаупе «аулы многочисленны» и «население здесь весьма большое».

«Большой убыхский аул Уцкуа» на р. Джабдзе (Зюебзе у Люлье). (Краткое описание, 22).

А. Хизе, «в нем считается до 200 саклей», с правой стороны устья Боа-Пста (Бу и Буап у Люлье). (Краткое описание, 22).

А. Эбжноу: «По Боа-Пста идет дорога, удобная даже для езды на повозках; она выходит на убыхский аул Эбжноу». (Краткое описание, 22). «Замечательно, что в Хизе нет ни княжеских, ни дворянских фамилий: общество состоит из вольных простолюдинов, владеющих впрочем, крестьянами; в большом однако здесь уважении фамилия Дизаа». (Краткое описание, 22 – 23).

А. Субаш, «закрывающий от 150 до 200 домов, лежит на самой речке, в расстоянии, примерно, 3-х верст от морского берега. Почетнейшая здесь фамилия Аткевя». (Краткое описание, 23).

А. Дишан: «По долине Субаш-дзе большею частью местами открытыми и удобопроходимыми идет дорога, ведущая в аул Дишан, один из значительнейших в земле убыхов». (Краткое описание, 23). Как отмечает Л. И. Лавров, «у устья р. Бзыч лежало селение Дишан, в котором главенствовала привилегированная фамилия Дишан (Дечен). (Лавров 1968, 8).

Гогышка, дорога из долины Шахе в Абадзехию: «Весьма примечательно сообщение, идущее чрез главный хребет Кавказа из земли убых к абадзехам. Оно отходит от аула Дишана и, подымаясь вверх по ущелью Гогышка (по черкески большая дорога), достигает вершины горы Тубы, принадлежащей уже к основным горам. На переезд этот потребно летом день езды. Судя по тому, что вершины крутизн, образующих упомянутое ущелье, покрыты лесом и летом снег везде по пути сему тает, надо заключать, что хребет составляет здесь пониженную седловину. Спуск с горы Тубы (по имени которой называется и небольшое племя, живущее уже за перевалом горы) гораздо удобнее подъема; дорога направляется тут по ущелью значительной реки Шхагуаша, принадлежащей уже к бассейну Кубани». (Краткое описание, 24).

«Округ Цыхрыпшь. Границы его отстоят в каждую сторону от главного аула не далее как на час езды. Аул Цыхрыпшь лежит в расстоянии часа езды от моря, на небольшом ручье того же имени; он принадлежит дворянской фамилии Адех, между тем как две другие, Ачимит и Асхаба владеют северною частью округа, названного по имени первого из них Цыхрыпшь. От Цыхрыпша отходит дорога, разделяющаяся на две ветви; из них одна выходит на сообщение между Субашем и Дишаном, а другая направляется на землю племени Кесиме». (Краткое описание, 23). Фелицын посчитал, что автор перепутал Цыхрыпшь и джигетский округ Цандрипшь, но такое объяснение не может нас удовлетворить.

Поскольку Цыхрыпшь указан к западу от Шахе, то его надо отождествить с натухаевским обществом Цюхух, в состав которого входило население трех речек – Нибепс, Чигезиане, Голиех. (Люлье I, 179). О Цюхух Люлье дополнительно сообщает: «Этим именем называется урочище, образовавшееся из нескольких долин, примыкающих к морю. В настоящее время там живет дворянский род Цюх; княжеский же Арин пресекался». (Люлье I, 185).

«Округ Вея или Гоя. Гранича с предыдущим, округ этот простирается по берегу моря на три часа езды (около 18 верст); с восточной стороны примыкает к нему земля Кемме. Главный аул Вея лежит на довольно значительной реке Вея-дзи. Она имеет свое устье на местности открытой и долину широкую на протяжении двух часов езды вверх по течению. Далее же край до того горист и пересечен, что сообщения почти непроходимы, аулов нет, а население рассеяно по отдельным саклям. Оно простирается до 300 семейств. Сильнейший по своему влиянию туземец князь Чезлаха». (Краткое описание, 23).

Натухаевское общество Гоаие в военно-политическом отношении смыкалось с убыхами, что и стало причиной того, что автор «Краткого описания...» отнес его к округам Убыхии. Главной рекой этого округа была Псезуапе, к округу относилось население еще трех речек – Копсе, Дзешь, Аше. «Значительность этого племени, – писал Люлье – доказывается ныне числом фамилий, слившихся с натухажцами и шапсугами. Главные дворянские фамилии этого племени Карзейк и Куйецюк; княжеская же – Шесхако пресекалась». (Люлье I, 185). С княжеской фамилией, видимо, связано второе название этого общества – Шехокуадж (Люлье I, 178).

Р. Саше или Сочи (Люлье I), р. Сочапста (КЧБ 1838), Sashe or Sutsha (Б), а. Соче или Саче (Д), а. Сочипсы или Облагукуадж (Торнау 1999). В 1835 г., согласно сведениям барона Торнау, аул находился в 2 верстах от моря «по обеим сторонам р. Сочи, на довольно обширной долине близ устья ее» и насчитывал около 450 семейств. Дом владетельного князя убыхско-садзского подразделения саше Али Ахмета Облагу, «происхождение которого от племени адыга», находился в одной версте от моря и в одной версте от а. Сочипсы. Из рапорта Головина военному министру: «Ген.-м. Симборский выбрал место для укрепления при Сочи, у самого морского берега, где было главное население бывшего аула. Место это, как доносит ген. Симборский, здорово... При сем обязываюсь просить в. с., согласно представления ген. Симборского, об исходотайствовании Высочайшего соизволения а название этого укрепления фортом Александрия, в память заложения онаго 21 апреля, в высокаторжественный день рождения Ея И. В. Г. И.». (АКАК, IX, 456). Еще одна часто упоминаемая форма — Сучали (ШССТАК, 25; Soutchali у Дюбуа: D., 179). Написание Свеча — в документе 1833 г., созданном через посредство абхазских и грузинских информаторов (ШССТАК, 39). Сообщается, что в селении Свеча имелось до 30 галер, каждая из которых могла взять на борт до 40 человек. Ali Achmet Bey of Sutcha; «old Ali Achmet, the prince of Sutcha». (В, 41, 54).

Навагинский, форт (первое название — Александрийский) (КЧБ 1838). Основан в результате десанта ген.-м. Симборского в устье Сочи 13 апреля 1838 г. Из донесения командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Головина военному министру графу Чернышеву, от 28.04.1838: «Воля государя императора о занятии в нынешнем году на восточном берегу Черного моря якорного места, на севере от мыса Константиновского, исполнена ген.-м. Симборским 13 сего апреля — овладением пункта у устья р. Сочи. По донесению ген.-м. Симборского, войска, участвовавшие в этом деле, явили новый пример отважности и пламенного рвения к исполнению священной воли монарха. Многочисленные толпы неприятеля, с необыкновенным ожесточением и редким между горцами упорством, три часа продолжали кровавый бой. Понесенная нами потеря: убитыми: 1 обер-офицер и 29 нижних чинов, и ранеными: 3 обер-офицера и 138 нижних чинов; оставленные неприятелем на месте боя 21 тело, который только в самом отчаянном положении кидает своих убитых, свидетельствуют, с каким ожесточением горцы защищались». (АКАК, IX, 453). «Буря, бывшая 30 мая, выбросила и в Соче на берег 5 купеческих судов и два военных: фрегат Варна и корвет Мисеврия. Не знаю, известны ли вам подробности этого несчастного происшествия. Офицер, приехавший от туда, рассказывал мне, что фрегат выбросило в версте от лагеря, а корвет — в 3-х верстах. Генерал Симборский послал войска спасать экипаж корвета. Тут завязалось сильное дело, и мы потеряли убитыми и ранеными 200 человек. Правда, что мы положили на месте 300 тел неприятельских. Но что ж нам считать потерю бусурманов, когда больно свою считать. Этот же офицер рассказывал, что при высадке они потеряли 250 человек, и что вся потеря на Соче состоит до 700 человек убитыми и ранеными. Генерал Симборский очень несчастлив!». (М. М. Ольшевский — Н. Н. Раевскому. 23 июня 1838 г. // Р., II, 480).

2 «больших неприятельских аула» на Сочи, уничтожены колонной подполковника Радкевича, высланной из отряда ген.-м. Симборского 10 июля 1838 г. Аулы находились «у подножия противоположной покатости» гребня гор, с которых черкесы пытались вести артиллерийский обстрел лагеря отряда. «Обратное движение подполк. Радкевича совершено было в наилучшем порядке и горцы, делавшие неоднократно натиск на хвост колонны, были всякий раз отражаемы с большим для них уроном. Ожесточение и дерзость их при этом случае превосходит всякое вероятие: самые иступленные, в числе нескольких человек, кидались с пашками в руках в средину колонны и погибали от штыков нашей пехоты». Потери колонны: 9 убитых, 38 раненых. Потери черкесов не уточняются, но высказывается уверенность в том, что «она должна быть чрезвычайно значительна и состоять, между прочим, из нескольких почетных черкес, потому что оружие, доставшееся нам с убитых, по богатой отделке своей, не могло принадлежать простым воинам». (АКАК, IX, 457). По итогам этого столкновения, владетель ближайших аулов Аубла-Ахмет прислал к Симборскому «своего поверенного с просьбой пощадить аулы и сады». (АКАК, IX, 457).

В ночь с 27 на 28 сентября 1839 г. черкесы напали на укрепления Навагинское (бывшее Александрийское): «план нападения горцев был соображен с искусством, основанным на знании сильных и слабых частей укрепления и способов обороны его, что заставляет предполагать в составлении его участие посторонних руководителей. Исполнение было учинено с решимостью и сметливостью, свойственным горцам, а потому оно и удалось до известной степени... (Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 2 ноября 1839 г., № 1832 // АКАК, IX, 462). Гарнизон смог отразить нападение ворвавшихся в укрепление черкесов. Потери гарнизона: убитыми 2 офицера, в том числе начальник укрепления капитан Подгурский; 4 нижних чина; ранеными 3 офицера и 15 нижних чинов.

Р. Бзыва (КЧБ 1838). Современное название Бзугу.

Р. Мца и а. Мси (КЧБ 1838). Современное название Мацеста. Согласно Торнау, абазинское (садзское) общество Халцис в количестве 60 семей занимало правый берег Мцы близ устья.

Р. Цанык, крупный правый приток Мацесты

Мыс Метца-тзыш (КЧБ 1838).

Р. Агура

Р. Хамишь или Хоста (Люлье I), Намиш (Б). Современное название Хоста. А. Хамыш (КЧБ 1838). Согласно Торнау, абазинское (садзское) общество Хамышь в количестве 80 семей проживало в ауле «на покатоности горы, над самым морем по речке того же имени».

Хамуширок, урочище. Упоминается в 1839 г.: «Владелец Абхазии с жителями Бзыбского округа, на 7-ми галерах и под прикрытием одной азовской лодки, отплыл от абхазских берегов к укр. св. Духа, где пробыл, за противными ветрами, два дня, в скрытом месте от черкес. Взяв оттуда и другую азовскую лодку, ген.-м. кн. Шарвашидзе, в ночь с 25 на 26 апреля, сделал высадку на черкесский берег в урочище, называемом Хамуширок, в расстоянии 3/4 пути от укр. св. Духа к форту Александрия. Это неожиданное ночное нападение, при благоразумных распоряжениях кн. Шарвашидзе, увенчано было полным успехом; абхазцы сожгли два аула в расстоянии 5-ти верст от берега, взяли пленных и поживились добычей». (Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 12 июня 1839 г. // АКАК, IX, 179 – 180).

Долины двух рек — Саше и Хамишь — Люлье сопровождает пометкой: «урочище Саше».

Убышхурипш, название убыхского общества из списка обществ, представители которых участвовали в очередном ополчении (Журнал военных действий отряда, находящегося в Адлере и действующего со стороны Абхазии с 20 июня по 21 июля 1837 г., ШССТАК, 129): Хамыш, Сочи, Убышхурипш, Убыхское.

А. Пехво, убыхский, в 4 днях верховой езды от Гагр, местожительство Догомуко Хаджи-Берзека, упоминается в рапорте ген.-м. Вакульского о нападении черкесов на Абхазию, март 1833 г. (ШССТАК, 36).

А. Птохи, убыхский, в 3 днях пешего хода от Гагр, место сбора черкесского ополчения под командой Догомуко Хаджи-Берзека, июль 1833 г. (ШССТАК, 38).

М. Зенги: «крайняя граница племени «саша» (Д; Кавказский край 1834).

Аулы в нижнем Сочи: Чизма, Тлабистача, Хунджа, Арлана.

Худапса (Западная часть 1842), р. Удапс (Кавказский край 1834), современное название Кудепста.

Р. Херота

Р. Мзымта

Р. Псоу

Г. Охун

А. Мухушу, указан как граница джигетов в источнике 1835 г., но не понятно с западной или восточной стороны их земель. (ШССТАК, 54).

Р. Бжепс, «между Сочи и Адлером» (ШССТАК, 365).

Мыс Адлер. В отношении (донесении) командующего Кавказским корпусом барона Розена военному министру Чернышеву от 26 июня 1837 г. сообщалось: «15-го числа явился ко мне проживающий на мысе Адлере черкесский старшина Сулейман-Хасан, который был захвачен нашими крейсерами, находился несколько месяцев на службе в Финляндии и по

ходатайству турецкого правительства возвращен на родину». (АКАК, VIII, 875). Сулейман-Хасан, согласно Розену, уверил его, что будет стараться склонить своих соотечественников к изъятию добровольной покорности. Он же фигурирует как Солиман Гассан Чот Самки в отношении Розена к Чернышеву, которое опубликовано в ШССТАК (с. 123).

«Большой аул» близ Константиновского мыса. В нем, по информации ген.-м. князя Шервашидзе, находился Дж. Белл, намеревавшийся покинуть Черкесию на турецкой кочерме. Шервашидзе проявил инициативу и направил для захвата этой кочермы 4 галеры во главе с прапорщиком Маргания: «Прап. Маргания открыл ее, но она была на несколько верст заведена в реку и стояла в безопасном месте, близ большого аула, где проживал шкипер и все пассажиры». Абхазский отряд удалился, ничего не предприняв. (Рапорт ген. Головина гр. Чернышеву, от 19 октября 1839 г., № 1791 // АКАК, IX, 462). По всей видимости, этот аул располагался на Мзымте, на ее правом берегу, в нескольких верстах от устья.

Укрепление св. Духа в Адлере, заложено 18 июня 1837 г. бароном Розеном. «Близ Адлера нет никакой бухты, и суда не могут иметь безопасной стоянки; посему нельзя вполне рассчитывать на успех десанта. Если поднимется сильный морской ветер во время высадки десанта, то эскадра должна сняться с якоря или подвергнуться явной опасности. Самый берег покрыт густым лесом, что представляет неприятелю возможность, выждав скрытно десантные войска, атаковать оные при выходе на берег равным оружием и в превосходных силах». (Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 5-го ноября 1836 года, № 1185 // АКАК, VIII, 857).

Мыс Константиновский (Адлерский). В приказе по Отдельному Кавказскому корпусу от 24 июля 1837 г. барон Розен сообщает о соизволении Е. И. В. «мыс Адлер впредь именовать Константиновским». (АКАК, VIII, 876).

Arduwhatsh or Ardler (Б), аул и р. Ардохаич: «Ardokhaitche означает по-черкесски "селение ардонов"» (Д). Согласно Торнау, абазинское (садзское) общество Эсхоришш или Арткуадж насчитывало до 200 семейств, «поселенных по р. Худапс, в двух верстах от устья ее».

Лиешь, приморская долина в нижнем течении Мзымты. Была населена абазинским (садзским) обществом Аредба, которое, согласно Торнау, в 1835 г. насчитывало порядка 430 семейств.

А. Губгой-абгузу (Западная часть 1842), на месте Красной Поляны, в верхнем течении Мзымты. Эта же форма названия главного аула общества Ахчипсы отмечена на карте Кавказского края 1847 г. и на карте Л. Я. Люлье 1857 г. Первая часть топонима по форме близка к адыгской лексеме *губгъ* «поле». (ТСАЯ, 49). Вторая часть топонима совпадает с адыг. *бгъузэ* «узкий». (ТСАЯ, 25). Вместе получается «поле узкое» или «Узкая поляна». Вероятно, Губгой-абгузу соответствует а. Ахчипсы, 1833 г. (ШССТАК, 36).

А. Керека (Торнау 1999), садзский-джигетский аул в долине Лиешь, общество Аредба или Ардыкуадж.

А. Абаха (Торнау 1999), садзский-джигетский аул в долине Лиешь, общество Аредба или Ардыкуадж.

А. Банширишш (Торнау 1999), садзский-джигетский аул в долине Лиешь, общество Аредба или Ардыкуадж.

А. Учуга (Торнау 1999), садзский-джигетский аул в долине Лиешь, общество Аредба или Ардыкуадж.

А. Хышхоришш, садзский-джигетский аул в долине Лиешь, общество Аредба или Ардыкуадж.

А. и общество Гечькуадж, на правой стороне р. Псоу, насчитывало в 1835 г., согласно Торнау, около 80 семей. Ghesh (Б).

А. и общество Цандырышш или Цанкуадж, по р. Хучупсу (Хашупсе), около 120 семей (Торнау 1999). Shanda (Б).

А. и общество Хысха, около 40 семей, «местожительство фамилии Анчабадзе» (Торнау 1999).

А. и общество Бегеуча или Багрышш, «ближайшее к Гаграм селение, вмещает в себе около 100 семейств» (Торнау 1999).

Р. Мехадыр (КЧБ 1838).

Р. Лапсита (КЧБ 1838).

Р. Хасупса (КЧБ 1838). Современное название Хашупсе. По наблюдению Бгажба: «На территории распространения бзыбского диалекта имеются названия рек, оформленные посредством псы: Аа-псы, Хы-псы, Лаш-псы, Анако-псы, Хашу-псе, Ан-псы, Пс-оу. (Бгажба, 253).

Р. Бегрипста (КЧБ 1838).

Р. Ахах-истасу (КЧБ 1838).

Р. Авец-су (КЧБ 1838).

Р. Аыгис или Агис (КЧБ 1838).

Р. Жуэ (КЧБ 1838)

Укрепление Гагры (КЧБ 1838).

Р. Гагрипш-Цухеруа (КЧБ 1838).

Р. Йотзе или Зюза (КЧБ 1838).

Р. Хеузаха (КЧБ 1838).

Р. Бзыб (КЧБ 1838). В ответе садзов долины Лиеш в Адлере («ляшские жители») на русскую прокламацию, Бзыб назван рекой Чорчу. (АКАК, VIII, 877). Этот же документ опубликован в ШССТАК в несколько отличающейся редакции: упоминается р. Чорчу-Абазасу (с. 135). Абазасу, очевидно, раскладывается на Абаза и су, т. е. «Абазская река». Гидроним Бзыбь, по наблюдению Х. С. Бгажба, состоит из убыхского бзы «вода», «река» и адыгского окончания п, пэ «нос», «конец», «устье реки». (Бгажба, 254 – 255). «Бывшее укрепление Бзыбское» (КЧБ 1838), с левой стороны устья Бзыби.

Г. Бзып-оашха (Ч), г. Бзыбь-оашха (Подробная... 1839, лист 2).

Хатыпсы, перевал (Подробная... 1839, л. 2). Современное название перевал Марухский, высота 2748 м, через ГКХ; перевал ведет из долины реки Марухи, одного из истоков Малого Зеленчука, в долину Ацгара, притока Кодора. Это название — Хатыпсы — полностью соответствует названию правого притока Псекупса — Хатыпс.

А. Хопи, Бзыбский округ Абхазии, подвергся нападению черкесского отряда во главе Догомуко Хаджи-Берзеком в марте 1833 г. (ШССТАК, 36).

ГЛАВА 6

Земли Черкесии. Населенные пункты и топонимика

Натхокуадж

«Сейчас я путешествую в области ноттахайцев – народа, считаемого самым красивым из всех черкесских племен; и это отличие приписывается им абсолютно справедливо, так как я думаю, что во время всего моего пути я не видал ни единого лица, не отличающегося красотой... Обиций контур лица ноттахайца совершенно классический, представляющий в профиль ту изысканно мягко вьющуюся линию, считаемую знатоками идеалом красоты. Их большие темные глаза, обычно темно-голубые, прикрытые длинными ресницами были бы прекраснейшими из всех, которые я когда-либо видел, если бы не выражение дикой жестокости, которая сильно поразила меня, когда я впервые прибыл в Черкесию, которая, вероятно, вызывается тем обстоятельством, что смелый горец подвергается с младенчества до седых волос опасности и борьбе»

Эдмунд Спенсер. Путешествия в Черкесию, 1839 г.

Натхокуадж или Натухай являлся самой западной землей Черкесии, занимая пространство от устья Кубани до Адагума. «Богатая Адагумская долина, — писал Г. И. Филипсон в 1857 г., — ниже устья р. Неберджай, имеет от 5-ти до 8-ми верст ширины и составляет восточную границу земли натухайцев». (АКАК, XII, 715).

Вдоль черноморского побережья Натхокуадж имел весьма значительную протяженность, достигая устьев рек Буу и Лоо (Леуп). Своей конфигурацией Натхокуадж напоминает Хорватию, которая также имеет значительное углубление в континентальной части на севере (северо-западе) и затем длинной узкой полосой тянется вдоль берега Адриатики.

В 1830 г. большой знаток региона, сотрудник миссии Р. Скасси в Пшаде коллежский секретарь Карл Тауш составил «Описание черкесских закубанских племен, принадлежащих к правому флангу Кавказской линии, именно: абадзех, шапсух, натухажцев и абазинцев»:

«Черкесские племена, живущие за Кубанью, на правом фланге Кавказской линии, суть: абедзяхи, шапсуги, натухажцы и абазинцы; их жилища расположены от Белой речки по Кубани до устья оной, на пространстве 270 верст; от устья Кубани вдоль по Бергу Черного моря до укрепления Гагры, на 250 верст. Поверхность занимаемого ими пространства можно вообразить треугольным, коего основание Кубань, один бок Черное море, а другой линию, проведенную от Белой речки же к Гагре, по направлению которой они в смежности с разными горскими племенами, различествуя от них наречением и обычаями. Примерно можно определить население сих четырех племен до 40 тысяч дворов, полагая круглым числом на каждое

из трех поколений абедзяхов, шапсугов и натухажцев по 12 тысяч, а на абазинцев 4 тысячи дворов». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 102. Л. 2).

Далее Тауш отмечал: «... а остальная часть [натухажцев] живет по южно-западной покатоности хребта, начинающегося около крепости Анапы, на речках, имеющих истоки в Черное море, именно: Хендерей, Сукхо, Дирсуюе, Озерейк, Мысхако, Тсемез, впадающих в суджукалейский залив; Доб также в оный залив, Кутлезий или Геледжик, Мезип, Хапецай, Джанхотий, Нахаш, Пшад, Беше, Чебсин, Бжид, Джубг, Шапсухо, Нигепсухо, Ту, Небут, Агуие, Туапсе, Сепсе, Мокупсе, Аше, псесюапе, Галиах, Цюкух, Шимитокуадж, Субеш, Шахе и Хизе; — здесь начинаются речки, по коим расположены жилища абазинцев, именно: Вардане, Саше, Убых, Хашиш, Артыкуадж, Геш, Щемтокуадж, Гиагиерх или укр. Гагра». (Там же. Л. 2 об.). Еще важное замечание Тауша: «натухажцы живут вдоль берегов Черного моря, разбросаны на пространстве влишком 200 верст». (Там же. Л. 3 об.).

Территория Натхокуаджа относится к наиболее древнему ареалу формирования и расселения адыгского этноса. В средние века большую часть западного Закубанья занимало княжество Жаней, пик могущества которого приходится на XVI столетие. Земли вокруг Анапы были населены «племенем Хегайк» (Люлье) или «коленом Хеххадч» (Хан-Гирей) под управлением княжеской династии Заноко. Впоследствии княжества эти дезинтегрировались, княжеская власть в них ослабла, а территории были перераспределены между сопредельными братствами оркских и тфокотльских фамилий.

Территория Натхокуаджа в географическом и политическом отношении отчетливо делилась на две основные части: Северный Натхокуадж, который занимал пространство от Адагума до Кизилташского лимана и побережье до Геленджика, и Южный Натхокуадж, который занимал черноморское побережье от Пшады до Бу.

Название Натхокуадж восходит к фамилии Натхо, которая согласно Хан-Гирею и Люлье, стояла у истоков формирования этого большого семейного и территориального союза. (Хан-Гирей 1978, 203; Люлье II, 228).

Второй компонент этого названия — куадж — является типичным для адыгских этнонимов и топонимов элементом, и переводится как аул, деревня, население аула. (ТСАЯ. С. 219).

Хан-Гирей использует форму «Натхо-ккоадь, то есть Натххова деревня», чтобы точнее передать натухаевское и шапсугское произношение термина. Интересно, что изначально в союзе с фамилией Натхо была фамилия Нетахо (Люлье II, 228) или Нетдахо (Хан-Гирей 1978, 203).

И Хан-Гирей, и Люлье отмечали, что натухаевцы и шапсуги изначально составляли одно объединение из пяти кланов: Натхо (Натххо), Нетахо (Нетдахо), Кобле, Схашпете (Сшхашпете), Сотох (Севотох или Соттоххо). Район первичного формирования — долина реки Псезуапе. Здесь ранняя общность натухаевцев и шапсугов контактировала с крупным адыгским объединением Гоаие, которое впоследствии входило в состав Натхокуаджа.

Люлье отмечал, что в современной ему натухаевско-шапсугской среде сохранялось убеждение в собственном единстве: «Хотя, по разности в названиях, натухажцы и шапсуги считаются отдельными народами, но в сущности они одноплеменны. Мнение это основано на том, что они адигского происхождения, говорят одним языком и вообще называют себя Агучипс. Наименование это особого значения не имеет, но служит им вроде отзыва при встречах». (Люлье II, 228). Хан-Гирей также отмечал, что натухаевцы и шапсуги «известны под общим наименованием Ахгучипсе». (Хан-Гирей 1978, 203).

Согласно преданию, которое приводит Хан-Гирей, первое натухаевско-шапсугское объединение переселилось на побережье в результате легендарного переселения кабардинцев из Крыма в Черкесию. От общей массы отделились те самые пять родов под предводительством некоего Абата, «который был родом из кабардинских владельцев или предводителей». Затем три рода Кобле, Схашпете и Севотох под началом Абата переселились на реку Шайпсхо, «от названия которой получили, как полагают, и наименование — Шапсхг». (Там же).

Согласно Люлье, шапсугские дворяне Абат «сохранили в настоящее время родственную связь с первостепенными кабардинскими узденями» Тамбиевыми, а натухаевская дворянская фамилия Сюпако — с Кудейнетовыми.

В клан Натхо, помимо собственно Натхо, согласно Люлье, входили следующие роды: Ацок, Байге, Туко, Айкез, Ергуз, Емезог, Сохте, Вотаха, Хатхе, Ту, Хатюевь, Коф, Неметлох, Бзим, Мелишь, Джарим, Соотох, Кёух, Мафеуде, Сомюзь, Хапий, Тлечась, Чиан, Худоко, Богогузвь, Бирк, Такиак, Шехетль.

В клане Нетахо состояли роды: Схабе, Хурум, Сюайге, Аласе, Абере, Шюзок, Дежередже, Эв-статле, Тляшь, Боос, Хезикь, Хатурате, Схахумеде, Поох, Дизь, Тхиз, Чацох, Мезергу, Ггуризь.

Натухаевские дворянские роды: Сюпако, Мёгу, Зеа, Каз, Егороко, Чах. Помимо этих дворянских родов, следует назвать дворян союза Гоайе: Карзейкь, Куецюкь, Дирсуюе, Хатираме, Бирджь, Черчь. (Люлье II, 233).

Согласно «Ведомости о главных дворянских родах и столбовых фамилиях натухайцев, шапсугов и абадзехов», составленной в 1839 г., у натухайцев указаны пять дворянских фамилий: Супако, Кезерчь, Куйцук, Мут, Казы. В категории «простые столбовые фамилии» указаны «Натхо — Неттах, по которой называются натухайцы; к сей фамилии и все прочие живущие на их владениях причисляются, кроме Гое». Отдельно, седьмым пунктом, в составе натухайцев указано «общество Гое». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1132. Л. 89).

В «Описании горских народов, живущих за Кубанью», составленном около 1833 г., у «натхожей или натугайцев» указаны «знатнейшие поколения простого народа, имеющие также довольно сильное влияние на общее народное управление: 1. Натхо; 2. Нетах; 3. Коблы; 4. Шгапете; 5. Гоие». (РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 101).

Новацией здесь является упоминание шапсугского клана Кобле в составе натухайцев, что было, вероятно, следствием переселения части этого клана в Натхокуадж. В этом описании сообщается, что натухайцев насчитывается 2,000 (две тысячи) домов и что они могут выставить 3,000 (три тысячи) военных людей. Перед нами явно весьма заниженные показатели.

В Натхокуадже поручик Г. В. Новицкий, по поручению фельдмаршала Паскевича, исследовавший в 1830 г. демографическое состояние Черкесии, насчитывал 12,000 (двенадцать тысяч) дворов и 240,000 (двести сорок тысяч) душ. (Новицкий, 13).

Учитывая, что в Крымском районе, который составляет только примерно половину территории исторического Северного Натхокуаджа, проживает порядка 130,000 человек, данные Новицкого выглядят как наиболее реалистичные. Помимо Крымского района в рамки исторического Северного Натхокуаджа полностью вмещаются еще два современных района — Анапский и Геленджикский. Надо также иметь в виду, что северо-западная часть исторического Северного Натхокуаджа, некогда густо населенная, теперь занята под ирригационную систему. Также надо помнить, что в условиях хозяйствования и природопользования в исторической Черкесии одинаково густо населены были и равнинные, и гористые части Натхокуаджа. Теперь же население сконцентрировано в нескольких узловых точках (станции Гостагаевская, Натухаевская, Раевская и пр.), а почти весь нагорный сектор пуст.

Данные Новицкого весьма показательны можно сравнить с указанием на уничтожение 2,500 (двух с половиной тысяч) «жилищ» в течение 7-дневной экспедиции под началом вице-адмирала Серебрякова на части территории Натухая в 1851 г.: по долинам рек Хопс, Худако, Псиф, Шипс, Гешепсин и Адагум. Указывается, что долина Псифа являлась «богатой и многолюдной». (АКАК, X, 612). Долина Худако в Натухае также характеризовалась за год до указанной выше экспедиции как «очень многолюдная и плодородная». (АКАК, IX, 685).

Как видим, порядка 1/6 всего количества домовладений в такой значительной адыгской области как Натухай могла быть сожжена в ходе одной масштабной карательной экспедиции. Учитывая, что Натухай неоднократно подвергался массированному военному и карательному давлению на протяжении 30-50-х гг. и при всем том сохранял способность к сопротивлению до 1862 г., данные Новицкого выглядят совершенно обоснованными.

Сведения Новицкого не получили признания и в 1840 г., например, ген.-м. Менд в «Обзоре политического состояния Кавказа» считал, что численность натухайцев 140,000 (сто сорок тысяч) человек. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6382. Л. 4 об.). Учитывая, что согласно Менду убыхов насчитывалось всего 7,000 (семь тысяч) человек, данные по натухайцам не выглядят реалистичными.

Геостратегическое значение Северного Натхокуаджа.

Положение Северного Натхокуаджа в период Кавказской войны было чрезвычайно сложным. Он испытывал натиск и со стороны Кубани (Черноморская Кордонная линия, названная так по Черноморскому казачьему войску и примыкающей к Кубани территории так называемой Черномории), и со стороны Черного моря (Черноморская береговая линия). В 1852 г. барон Сталь констатировал: «На земле натухайцев мы имеем укрепления: 1) Гастагай на р. Непсыхе, 2) форт Раевский на р. Мескагуа, 3) кр. Анапа, 4) кр. Новороссийск, 5) укр. Кабардинское, 6) укр. Геленджик с прекрасной гаванью, 7) укр. Новотроицкое на р. Пшад». (Сталь, 96). Сюда же следует добавить укрепление Николаевское рядом с Анапой и укрепление Варениковское, которое находилось на левой стороне Кубани. Важным опорным пунктом в борьбе с натухайцами являлось также Абинское укрепление, построенное на земле Большой Шапсугии.

Действия только со стороны Анапы, которая представляла собой укрепленный район со значительным контингентом войск, уже представляли сильнейшую угрозу для населения Натхокуаджа. В 1840 г. Раевский отмечал, что в районе Анапы было уничтожено порядка 50 аулов. (Р., III, 340).

В отношении Натхокуаджа царским правительством почти сразу после Адрианополя был сформулирован план его фактического уничтожения, предусматривавший не только аннексию, что было само собой разумеющимся, но и изгнание населения. Военный министр Чернышев в ноябре 1836 г. предписывал Вельяминову:

«Государь император, рассматривая подробно доставляемые от вашего превосходительства журналы действующего за Кубанью отряда, и со вниманием следуя за постепенным их ходом и развитием, высочайше поручить мне соизволил сообщить вам некоторые замечания Е. В., до действий сих, относящиеся и имеющие целью дать им более настоятельности и силы к довершению продолжающегося доселе покорения края, Геленджикской линией образуемого.

В основном плане успокоения Кавказа, предначертанном Е. В. в начале 1834 года, покорение сего пространства занимало первое место. Для достижения этой цели предположено было потребовать предварительно добровольного изъявления покорности со стороны горских племен, за новой линией обитающих, и представления достаточных ручательств в ненарушимом соблюдении всех условий подданства, а затем уже обратиться к силе оружия, неотступно опустошая жилища и поля их и воспрещая им покупку хлеба и соли в пределах наших, доколе не будут вынуждены к безусловной покорности и не выдадут оружия.

В приложении этих начал собственно к действиям против натухайцев предполагалось, что многие из них решатся оставить жилища свои и удалятся за черту новой линии к своим соплеменникам; что это послужит к вящему очищению края, предполагаемого к заселению черноморскими и малороссийскими козаками, и что само стеснение, могущее произойти между сопредельными шапсугами от такого внезапного увеличения народонаселения, затруднив между ними средства к продовольствию, со временем поставит их в большую еще невозможность нам сопротивляться.

Сообразно с сим, продолжались доселе действия против натухайцев. Новая линия не служила сим действиям главным основанием, но они предпринимались, смотря по удобству и возможности в разных местах, по направлению линии, а в нынешнем году производятся со стороны Анапы во внутрь Натухайских земель, отдельными отрядами, которые, совершив порученные им предприятия, паки к сей крепости возвращаются. Хотя этим способом, вероятно, обеспечится успех первого русского поселения в начале нынешнего года близ Анапы, из тамошних переселенцев основанного, и хотя самые действия отряда во многом облегчаются возможностью доставки сплавом в Анапу большей части его потребностей, не менее того Г. И. полагать изволит, что собственно сему способу действия должен быть приписан продолжительный неуспех в покорении натухайцев.

Из последнего донесения в. пр., от 21 октября, явствует, между прочим, что горцы эти нигде почти не сопротивлялись нашим отрядам, как-бы равнодушно смотрят на истребление

своих аулов и незначительных запасов продовольствия, в них находимых. Да и в существе дела, скрыв семейства свои и имущества в места, войскам нашим недоступные, они не могут почитать заслуживающими обороны ничтожных жилищ своих, воздвигаемых ими вновь, без особенного труда и забот, тотчас по удалении наших войск за Кубань и, таким образом, длинный ряд опустошений, сопрягающийся с неимоверными трудами для войск, не ведя к предположенной цели, служит только к раздражению горцев и, может быть, к утверждению между ними мнения о возможности сохранить свободу свою неприкосновенной.

Взамен этих частных действий, не состоящих ни в какой связи между собой, Е. И. В. изволил находить необходимым принять иные, более решительные меры к непременно довершению покорения натухайцев в течении будущего года, долженствующего предшествовать предположенному в том же году занятию нескольких прибрежных пунктов от Геленджика к Джубге и далее по берегу...

Мнение Е. В. в том состоит, чтобы главным базисом действий против натухайцев была избрана Геленджикская линия. Войска, к действиям назначенные, должны быть собраны на сей линии в приличных и удобных местах, как, например: к кр. Абинску, к Николаевскому укреплению и к Геленджику, и от сих пунктов в нескольких отрядах начать движение в земли натухайцев.

Подвигаясь постепенно вперед по долинам и ущельям, горцами обитаемым, и вытесняя перед собой все население страны к Анапе в узкое пространство, заключающееся между берегом моря и истоками Кубани, отряды сии, наконец, должны поставить горцев в такое положение, в котором им невозможно будет избегнуть боя, или в коем они должны покориться безусловно всем требованиям правительства. Между тем линия Геленджикская, во всех местах, представляющих удобство к переходу с одной ее стороны на другую, должна быть занята достаточными силами, отделенными от действующих отрядов в виде их резервов, для воспрепятствования натухайцам свободного выхода на соседние земли и для отражения всякой помощи, какая могла-бы быть дана им со стороны шапсугов». (Предписание графа Чернышева ген.-л. Вельяминову, от 14 ноября 1836 г. // АКАК, VIII, 647).

Это предписание от Николая I показывает нам, что высшее руководство не представляло себе более или менее адекватно численность и степень населенности Натхокуаджа. Вероятно, что вышеприведенные данные из «Описания горских народов...» 1833 г., согласно которым население этой черкесской области состояло из 2 тысяч домов, воспринимались как реалистичные. Царь через своего военного министра предлагает кавказскому командованию провести своего рода облаву на жителей этой области, согнать их всех к Анапе и вынудить безусловно покориться. Об их дальнейшей судьбе предписание ничего не сообщает. План содержал заметное противоречие. В начале он предлагал понуждать натухайцев к бегству в Шапсугию, а в конце повелевал преградить им все пути к бегству.

Предписание через Чернышева пошло прямо Вельяминову, командовавшему войсками на Кавказской линии. Но тот находился в регионе уже много лет и, как нам представляется, очень хорошо знал, что красиво предначертанный в Петербурге план, на практике мало чего стоит. То, как он повел наступление в 1837 г., показывает, что он и не собирался следовать царским указкам. Вельяминов считал за большое достижение просто, собрав все силы в один корпус, пройти от Кубани до Геленджика и спуститься вдоль побережья до Пшады и Вулана. Ничто в его действиях 1837 г. не демонстрирует нам его желания следовать плану тотальной облавы в Натхокуадже.

Идея если и не мгновенной, то постепенной аннексии Натхокуаджа не оставляла Николая I и в последующие годы. Так, в 1841 г. он приказал: «Устроить укрепление на Гостагае и обеспечить окрестности Анапы так, чтобы окончательно заселить отрезанный треугольник; сформировать из сего поселения козачьи полки и предоставить им собственную оборону края, с нужным резервом от регулярных войск». (Собственноручная записка императора Николая. 1841 г. // АКАК, IX, 266).

Как видим, поскольку сразу отрезать от Черкесии большой «треугольник» Северного Натхокуаджа не получилось, то от последнего стали отрезать «треугольники» поменьше.

После Крымской войны царский кабинет вернулся к плану ликвидации Натхокуаджа, но на сей раз в еще более кардинальной форме. Теперь эта мера рассматривалась лишь как шаг к ликвидации всей Черкесии.

В ноябре 1857 г. начальник Главного штаба Кавказской армии Д.А. Милютин (с 1861 г. — военный министр) формулировал эту цель недвусмысленно: «Никакого туземного населения в этих долинах терпеть не следует, так что вся горная полоса, от верховий Теберды до р. Белой, а потом до Пшиша, должна быть совершенно пустынной. Только этим средством мы достигнем окончательного разъединения покорных племен центральной части Кавказа от непокорного закубанского населения и обеспечим занятую казаками равнину от прорывов хищного неприятеля. Между тем, и с другой стороны нам предстоит в самом непродолжительном времени вытеснить натухайцев из треугольного пространства, замыкаемого нижней Кубанью, берегом моря и новой Адагумской линией. Пространство это также заселится казаками азовскими, черноморскими и донскими: первые из них составят исключительно приморское население, которого главным назначением будет мореходство; черноморцы и донцы займут внутренность края, который будет для Черномории чрезвычайным приобретением, в особенности по изобилию леса; когда займется казаками все пространство до самого Адагума, тогда можно будет снова передвинуть передовую линию еще вперед и таким образом стеснить постепенно непокорных горцев и с востока и с запада». (АКАК, XII, 763).

Милютин знал, что писал, поскольку его шеф и покровитель генерал-адъютант князь А. И. Барятинский в первой половине 1857 г. предвидел: «По значительности означенных работ, только в 1860 году может быть приступлено к окончательному изгнанию натухайцев и к заселению их края в обширных размерах. Это последнее предприятие должно занимать одно из важнейших мест в общем плане будущих наших действий на Кавказе, ибо в случае новой войны внешней, морской берег между устьями Кубани и Геленджикскою бухтою доставит неприятелю выгоднейшее против нас основание действий, если мы оставим этот край в обладании внутренних наших врагов». (РГВИА. Ф. 846. Д. 6669. Л. 15).

Наконец, в мае 1862 г. начальник Кубанской области писал наместнику Кавказа: «В Натухайском округе необходимо водворение казачьего населения и совершенное удаление вследствие этого туземцев. Уже с 1856 г. началось осуществление этой меры, но только в 1862 г. действительно приступлено к осуществлению оной». И в конце письма еще раз: «Географическое положение Натухайского округа требует для лучшего обеспечения оного в случае внешней войны водворения в нем казачьего населения и совершенного вследствие этого удаления туземцев». (ТПКВА, 53 — 54).

Шупако (Чупако, Супако и др. написания), натухаевский тлекотлешский род.

Комиссары (комиссионеры) Тауш и Люлье в начале 1826 г. сообщали из Черкесии: «В конце истекшего 1825 года знатнейшие натухайцы, именуемые Супаква, должны были отправиться к абазинцам на тот конец, чтобы изъяснить им выгоды, доставляемые жителям Черкесии торговлей с русскими, и чтобы склонить их также пользоваться оной и жить в добром согласии с нами; между тем известные в Абазии фамилии Берзек и Дезшен прислали недавно к означенным натухайцам депутата Хаджи-Докум-оглу (Хаджи Догомуко-Берзек, виднейший представитель убыхской дворянской фамилии Берзек. — Прим. С. Х.) просить посредничества их в доставлении им возможности участвовать в торговых сношениях с Россией... Помянутые фамилии Берзек и дезшен живут в самой середине Абазии, выше Субеше, Вардане, Саше и других известных нам прибрежных местах». (Извлечение из донесений комиссаров, находящихся в Черкесии: Тауша и Люлье, с 25 января по 11 февраля 1826 года // АКАК, VI, ч. 2, 492).

В данном случае, под абазинами и Абазией подразумеваются убухи и Убухия соответственно.

Супаква, упоминаемые комиссионерами, являлись первостепенными дворянами Чупако (у Белла — Tshupako), которые у Хан-Гирея фигурируют в форме Ввпако-р. (Хан-Гирей 1978, 208).

Это сдвоенное *вв-* не должно нас вводить в заблуждение. Таким образом Хан-Гирей передавал адыгский звук *цу*. Так, Чепсин (Вулан) у Хан-Гирея передан как Вв-псин. Как отмечает Хан-Гирей, Ввпако-р — первенствующая дворянская фамилия натххоккоадьского племени.

Принадлежность Индароко к фамилии Супаква засвидетельствована Рафаэлем Скасси в его рапорте Ермолову: «Индар-оглу, остающийся теперь между натухайцами первейшим из фамилии Супаква, переносил всевозможные обиды и разорения от шапсугов за оказываемое им покровительство судам нашим и купечеству». (АКАК, VI, ч. 2, 495).

Род Шупако, как и другие владетельные роды Натхокуаджа, должен был считаться с феодальными прерогативами княжеских фамилий Заноко и Бастоко, которые уступили почти все свои владения и утратили власть над народом, но продолжали занимать важное положение. (Белл, I, 216).

О значении фамилии Шупако можно судить по многим источникам. Например, такое мнение о них высказал агент Андрей Хай: «Князь Цифербей, первенствующее лицо между шапсухами и натухайцами, возвратиться в отечество он не хочет, опасавшись, что место его, главы народа, будет занято Чипуаками». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 232. Л. 6).

Индароко, Мехмед (примерно 1737 — 1838), натухаевский тлекотлеш из рода Шупако, наиболее крупный феодальный владелец в долине Пшата. Фигурирует у Мариньи и как Индар-оглу (Indar-Oglou), на турецкий манер, и как Индар-ку (Indar-kou). (Мариньи, 148-152; Marigny, 184 и др). В глазах сторонних наблюдателей статус Мехмеда Индароко был княжеским. Мариньи называет его князем, а его супругу — княгиней. Сообщается о том, что у Индароко были свои вассалы — дворяне.

В плане прояснения статуса Индароко более предпочтительным является мнение Дж. Белла, который, рассказывая о статусе и влиянии князя Пшемафа Бастоко, отмечал: «род его, как говорят, считается очень древним, а его основатель, как утверждают, первым поселился не только в этой части края, но и занимал значительную толику южного побережья, где имел бесспорное верховенство; номинальная власть этого князя еще и сегодня простирается до Чепсина, по-другому говоря, приблизительно на семьдесят миль. Формально он выше Индара-оку, который не является «пши», по-другому говоря, князем». (Белл, I, 216).

Индароко, по сути, являлся наиболее уважаемым и могущественным жителем долины Пшата. Но с юридической и политической точки зрения он обладал лишь немногим более значительным объемом прав и привилегий. Мариньи отмечает, что население устья Пшата на совершенно законных основаниях требовало от него уплаты торговой пошлины в свою пользу. Чтобы избежать этого, Мехмет предложил ему построить склады на его земле в половине лье от его дома, что обеспечивало как их безопасность, так и освобождало от «платы за право ввоза, которую черкесы требовали от нас». (Мариньи, 95 — 96).

Жители Пшата регулярно проявляли недовольство Индароковым, но они же ждали от него руководства и заступничества. Он представлял законные интересы жителей ущелья (или их части, по крайней мере) в отношениях с российскими властями. Так, он пишет письмо, в котором требует от русских чиновников заставить российского подданного грека Мудрова выплатить оговоренный с ним калым семье брошенной им жены — уроженки Пшата. (Там же. С. 150).

Властные полномочия Индароко накладывали на него и такие обязанности, которые характерны для правителя или владетельного князя. Так, согласно Мариньи, в 1820 г. Индароко объявил на своей территории карантин, позволивший избежать жертв от чумы, занесенной из Анатолии. (Там же. С. 151). Любопытная деталь: у Индароко имелась «небольшая полуфунтовая пушка», которую он использовал, в том числе, для салютования в честь приезда гостей. (Там же. С. 80).

Влияние Индароко выходило за пределы Пшата. Так, уже после отставки Мариньи, судно им построенное и которым он командовал — шхуна «Черкес» — в 1819 г. потерпело крушение в Пшате: экипаж спасся, а «Индар-ку обеспечил им возможность безмятежно пересечь территорию натухайцев, чтобы отправиться в Россию. Этому содействовал и анапский паша». (Там же. С. 150 — 151). В 1828 г. министр иностранных дел граф Нессельроде считал возможным отметить преданность Индар-оглу: «Наиболее нам благоприятствует поныне Пшадский князь Индар-оглу с детьми своими». (АКАК, VII, 877).

Комиссар Попечительства торговли с горцами Л.Я. Люлье, автор ряда важнейших этнографических описаний Черкесии, проживал в Пшате на протяжении 5 лет, о чем сообщает

Симановский: «Моя рота занимала большой аул, чтобы никто не смел ничего в нем трогать. Я ходил по саклям, и они мне чрезвычайно понравились, особенно княжеская, в которой Люлье жил 5 лет, в ней чрезвычайная чистота». (Симановский, 404).

О расположении главного аула Индароко достаточно четкое представление дает Г. И. Филипсон, участвовавший в вельяминовском походе на Пшат в 1837 г.: «Мы ночевали на прекрасном плато, над рекой Пшадом, в ауле Яндар-оглу, где была когда-то славная фактория Де-Скасси. Аул, конечно, был пуст. На другой день нам оставалось сделать верст 12 до моря по широкой и прекрасной долине Пшада». (Ф., 135).

На карте 1837 г. аул Ендаров отмечен у слияния с Пшадом его главного правого притока Дооб (на современных картах — Догуаб). (РГВИА, 6733). В поместье Индароко 12 мая 1837 г. побывал Дж. Белл, который в компании с натухаевским глекотлешем Зазиоко (Zazi-oku) из Джубги причалил в Пшате и направился к месту жительства Индароко, «вождя этих мест», которое было расположено на расстоянии 4-5 миль от моря. (Белл, I, 98).

Впечатление о нем Белла: «Среди прочего я заметил, что Индар-оку придерживается главным образом черкесских обычаев, в то время как Кехри-ку (Шамуз Шупако. — Прим. С. Х.) более склонен к введению некоторых турецких обыкновений». (Там же. С. 312).

Белл отмечает активное участие семьи Индароко в черкесском сопротивлении. Старший сын Мехмета Индароко — Ногай — в 1836 г. отличился в сражении с отрядом Вельяминова в Цемесе. (Там же. С. 128). 8 июля 1837 г. внук Индароко и двое его вассалов были ранены в одной из стычек с отрядом Вельяминова в Пшате. (Там же. С. 207). Позднее, записью от 4 ноября, Белл сообщает, что внук Мехмета, сын его старшего сына Ногай, был убит в Пшате во время стычки с гарнизоном. (Там же. С. 286). Индар-оглу Ногай присутствовал и, скорее всего, участвовал в захвате форта Лазарев. (Р., III, 404).

В конце 1837 г. семья Индароко переселяется в Семез (Цемес). (Белл, I, 302).

Шамуз Кехрико-Шупако.

Согласно Беллу Мехмет Индароко являлся двоюродным братом Шамуза Кехрико. (Там же. С. 312). Белл писал о своей первой встрече с Шамузом Кехрико-Чупако: «Мы достигли этой очаровательной долины приблизительно за час до захода солнца, и там мы встретили Кехри-Ку Шамуза (Kehri-ku Shamuz), другого из числа посланцев, который выехал из Вардана, чтобы встретиться со мной... Это высокий, худощавый и хорошо сложенный старец, у которого, как снег, белая борода, развитый лоб, светло-коричневые и пронизывающие глаза и живое выражение лица, хотя и несколько саркастическое... Я узнал, что это один из самых влиятельных членов дворянского могущественного рода Чупако». (Там же. С. 72).

Надо отметить, что Шамуз в 1837 г. пребывал в почтенном возрасте. Это интересно в том плане, что у Филипсона рассказывается об эпизоде встречи Вельяминова с пятью натухайскими старшинами-стариками. Вполне вероятно, что двое из них — Шамуз Кехрико и Мехмет Индароко.

«Шамуз рассказывал мне прошлой ночью, что в течение этого года он потерял двух братьев, сражавшихся против русских, но эта потеря, как говорит он, не печалит его: они погибли со славой и он еще надеется умереть так же. В целом, говорит он, я потерял в этой войне тридцать два родственника. Это старый, опытный солдат, который сражался против французов в Египте, где был серьезно ранен; находился на борту турецкого военного судна, когда адмирал Дакворт захватил Дарданеллы. Он говорит, что его родственник Индар-оку был в свое время очень храбрым и очень непримиримым воином». (Там же. С. 107). По крайней мере, часть из упомянутых 32 родственников Шамуза были членами фамилии Чупако. Белл писал, что в одном бою на юге (то есть на юге Черкесии, в Убыхии) сразу погибли три зятя Шамуза Чупако. (Там же. С. 225).

Интересная подробность семейной истории Шамуза, сообщаемая Беллом: дочь Шамуза Шупако была замужем за братом трапезундского паши. (Там же. С. 225).

Калабатико-Шупако.

Ответвление могущественного рода Шупако было известно под родовым именем Калабат (Калабатико, Калабат-оглы). Калабатико упоминаются как владетельные дворяне и часто как князья.

Так, Калабат-оглы, «князь нартхачского владения», вместе со своим родственником Базешко-Смаилом, упоминается в марте 1802 г. как предводитель отряда в 300 воинов, который обстрелял и захватил транспортное судно черноморцев на Каракубани — полноводном рукаве Кубани, проходившем по территории черкесов. (Короленко 1874, 125). Натухайцам досталась добыча в 200 пудов пороха и 200 пудов свинца. Потери казаков: 2 офицера, 2 канонира, 9 казаков, «остальная команда была тяжело переранена». В плен были уведены 1 канонир и 10 казаков.

Шупако Харзен и Куюзун, к ним обратился письмом атаман Бурсак 11 ноября 1804 г., «напоминая им договоры и присягу, как их самих, так и прочих владельцев быть мирными соседями Черномории». (Там же. С. 133).

Земли вокруг геленджикской бухты также находились во владении Калаботоко: «Владелец оной бухты (Геленджик-кале. — Прим. С.Х.) есть черкесский кн. Калабат-оглу, которого поддерживал прежде анапский паша, и сия бухта есть единая по всему Черкесскому берегу от Суджука до Сухума, которая доставляет все жизненные и другие припасы для черкес. Вторая же бухта Кодос...; владелец оной — черкесский же князь». (Рапорт ген.-м. Симоновича ген. Тормасову, от 5 сентября 1811 г. // АКАК, IV, 453). У Белла: «Наш лендлорд Калабат-оку Хатуквой, наследственный вождь Геленджика». («Our landlord is Kalabat-Oku Natukwoi, hereditary chief of Ghelenjik»). (В., I, 122).

Скасси отмечает, что Индароковы и Калабатовы являлись родственниками. После погрома, учиненного отрядом черноморского атамана Власова в аулах натухайского «князя» Саат-Гирея Калабат-оглу в 1826 г., Скасси требовал компенсировать ущерб, причиненный черкесам и наказать атамана. «Черноморские казаки сделали нападение на деревню самого Саат-Гирея, взяли весь его скот и пожитки и сделали пленными двух его теток, сестру и малолетнего брата, а жилище сожгли. Сей князь Саат-Гирей есть племянник покойного Калабат-оглу, одного из сильнейших князей натухайских, заключившего прежде всех мир с русскими в 1810 году и оказывавшего нам с того времени по самую кончину свою неизменное усердие и преданность. Два сына его, умершие в 1812 году, воспитывались в Одессе. Родственники кн. Саат-Гирея прислали из Пшада чиновника нашего (видимо, Тауша. — Прим. С.Х.) просить содействия моего в сем несчастном для них случае». (Письмо к. с. Скасси к ген.-м. Власову, от 8 марта 1826 года, № 51 // АКАК, VI, ч. 2, 496).

Атаман Власов нанес удар именно по тому владельцу и населению, которое было в наибольшей степени привержено России. Калабат-оглу при содействии Скасси вел обширную торговлю с русскими и неизменно представлял интересы российской администрации в западных районах Черкесии. Калабатовы также являлись отраслью фамилии Чупако, которая, как видим, активно содействовала миссии Скасси на всем пространстве Натухая от Кубани до Пшата. В следующем донесении Скасси отмечает: «Семейство кн. Индар-оглу чрезмерно оскорблено обидами, нанесенными ближайшим их родственникам и самым ревностнейшим приверженцам нашим». (Там же. С. 497).

Сатуг-Халаш-Ибин-Цако, «начальствовавший партией владетельный князь, известный храбростью и набегами на Кубань», погиб при обороне Анапы 12 мая 1828 г. (Филонов, 385).

Темрюк, князь, погиб при обороне Анапы 17 мая 1828 г., «богатый панцырь которого представлен был государю». (Там же. С. 386).

Представители рода Калаботоко-Шупако — Цыгамиз, Черниок, Саат-Гирей, Екубок, Калабот — в сентябре 1828 г. предводительствовали отрядом в тысячу воинов, собранных на р. Непитль. (Там же. С. 406).

Вполне вероятно, что Цыгамиз — это Шамуз у Белла. В письме Л. М. Серебрякова А. С. Меншикову от 6 июля 1839 г. из лагеря при Цемесе упоминается в числе «непреклонных узденей» Кери Оглу Цагмыч. (АСД, 36). Учитывая, что Белл указывал на то, что Кехрико Шамуз являлся двоюродным братом Мехмеда Индароко, то Кери-оглу Цагмыч, Цыгамиз и Шамуз должны быть признаны одним лицом.

Представители рода Калаботоко-Шупако — Наурзан Давлет-Мурза, Цыгамиз и Черниок Супагуе — возглавляли рейд «партии из 800 закубанцев» на правую сторону Кубани 6 февраля 1829 г. (Томкеев, 131).

Супако Науруз, «ярый приверженец Сеид-Ахмед-паши», упоминается в донесении ген.-м. Безкровного Эммануэлю за 14 июня 1829 г. (Там же. С. 149).

Смаил Науруз Супаго из Шокона значится в числе «главных распорядителей» в нападении на Гастагаевское укрепление 26 июля 1853 г. (ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1522. Л. 12 об.).

Супаго Хасан, сын Абдулы Супаго, родной племянник Цегамыза Супаго, упоминавшегося в событиях 1828 — 1829 гг., оставшись сиротой, был продан дядей в Константинополь, откуда был продан в Египет. Весной 1861 г. 18-летний Хасан, при помощи русского консула в Египте, возвратился в Черкесию. (АМКВ, 68). Из допросного листа известно, что Хасан «прежде жил в ауле Псебепс» и что вместе с ним в Египте находился его сверстник и односельчанин Мурат Хакар Абрек, который, также оставшись сиротой на попечении родного дяди Пшемафа Абрека, был продан последним в Константинополь и затем оказался вместе с Хасаном Супаго в Египте. (Там же. С. 69).

Супаго Казбий, «житель суворовского поселка», упоминается в мае 1866 г. в связи с просьбой «об увольнении его за границу в г. Трапезунд для доставления оттол жены своей, уезжавшей в июле месяце 1864 г. вместе с родственниками своими в Турцию». (ПКВ, 399).

Мансур Хаудоко-Шупако.

Еще один, едва ли не самый могущественный представитель этого рода — Хаудоко Мансур, «главный военачальник в этой провинции, из благородного и влиятельного братства Чупако». (Белл, I, 282). Белл посетил его аул на р. Псебепс 1 ноября 1837 г. В это время Мансуру было 60 лет. (Там же. С. 284).

Мансуру Хаудоко-Шупако посвящено множество сообщений из современных источников — в особенности, российских военных отчетов. В «Обозрении Восточного берега Черного моря» (середина апреля 1839 г.) Н. Н. Раевский уделил ему особое внимание: «Главою собрания (шапсуго-натухайского собрание в декабре 1838 г. — Прим. С.Х.) был Науд-Оглу-Мамсыр. Отец Мамсыра турок, мать натухайка. Яндар-Оглу, живущий в 10 верстах от Новотроицкой, был до него главою сего племени; постоянный в преданности к России, он потерял свое влияние, несмотря на богатство и знатность. Между тем Мамсыр, темного происхождения, но известный предприимчивостью, хитростью, набегам и особенно ненавистью к русским, приобрел это влияние. Племя Схупако с присягою признало его своим предводителем. Мамсыр живет в 50 верстах от Анапы, на речке Псебепсе. Он ищет за Кубанью славы и влияния, какие Шамиль приобрел в Дагестане. Мамсыр предводительствовал сборищами горцев во время прошлогодних движений отряда между Цемесом и Анапой». (Р., III, 49).

Согласно Раевскому, лидерство в многочисленном тлекотлешском роде Шупако от престарелого Мехмеда Индароко перешло к Хаудоко. Во многом, это означало и лидерские позиции среди всех натухаевцев. Согласно А. Хаю: «Все письма получают и торжественно в собраниях прочитываются Гаджи-ула Магометом из шапсухов и Гайду-Кумамсыров. Оба с большим весом в народе и непримиримые враги русским». Сведения Хая в передаче Вревского были скорректированы Ольшевским: «Мамсыр Гайдо-кор из фамилии Супало... Это человек весьма храбрый и от того пользуется большим влиянием между натухайцами». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 232. Л. 11). Упомянутый Гаджи-ула — главный кадий Шапсугии и Натухая, часто фигурирующий в записках Белла и Лонгворта Хаджи-Оли.

Топонимика и населенные пункты.

В этот обзор включено пространство от устья Кубани до Адагума, то есть Северный Натхокуадж. Приморские районы или Южный Натхокуадж обзревается в рамках главы «Черкесский лимес».

Шедиз, крайне западный отрог Главного Кавказского хребта. «Главный Кавказский хребет упирается в Черное море несколькими обрывистыми отрогами; последний из них Шедиз, прилегающий к урочищу Хохопс или малому Хохую, начинаясь у моря в 7 верстах от креп. Анапы, тянется на северо-восток на протяжении 10 верст; затем поворачивает вправо, образуя собою полукруг до перевала, называемого Пшеваулез». (Новицкий, 6).

Хакой, «обширная и плодородная равнина» между Анапой и Кубанью. (К/2, 3). В мемуарах Филипсона при описании обстоятельств возведения укрепления на р. Гостогай в 1842 г.,

говорится: «Горцы были в большом сборе. 20 Мая мы поднялись по долине этой реки, по местности, покрытой перелесками и чрезвычайно плодородной. Вообще пространство отсюда до Анапы было житницею горцев. При самой первобытной обработке земля давала огромные урожаи всякого хлеба. При рытии рва укрепления, я видел пласт чернозема в два аршина толщины. Народонаселение по долине было довольно густо и зажиточно». (Ф., 277). «Вокруг Анапы, под покровительством турок, населилось 60 аулов, состоявших единственно из тохов, или вольного сословия. Мы истребили около 50 сих аулов и большие базары, находившиеся в Цемесе и в Геленджике». (Записка Н. Н. Раевского «О политическом состоянии Восточного берега. Конец февраля 1840 г. Керчь // Р., III, 340). Из письма Серебрякова А.С. Меншикову, сентябрь 1842 г.: «Надо доложить вашей светлости, что из числа этого пространства, от Анапы до Гостогоя и Кубани против Темрюка до 50 тысяч десятин чистой и плодородой степи, где горцы, хотя и не живут, но пользуются ею как в ближайших лесах живущие, так и дальние натухайцы. Более тысячи плугов ежегодно беспрепятственно обрабатывали эту степь, и мы, до сего не обращали внимания до самого важного предмета». (АСД, 65).

Чехурай, котловина (Люлье I). Согласно Новицкому: «От Пшеваулеса берет свое начало другая (помимо Маркотха. — Прим. С.Х.) отрасль главного хребта и идет на северо-восток, образуя вместе с главным хребтом Баканское ущелье, по выходе которого к равнине отрасль эта принимает направление на север, составляя собою полукруг; к Кубани она нечувствительно понижается и, наконец, сливается с ее равнинами. От отрасли, составляющей с главным хребтом Баканское ущелье, берут свое начало новые отрасли гор, из которых Бленапс оканчивается возвышениями Актаву и Кечегий, прилежащими к Кизилташскому лиману. Пространство между Шедизем (крайне западный отрог у Анапы. — Прим. С.Х.) и Бленапсом до кр. Анапы, черкесы называют Чехурай или круглая земля». (Новицкий, 6 — 7). Чехурай действительно состоит из чЫ «земля» и хЪурай «круглый».

Хендерейские горы: «Анапа расположена на северо-восточном берегу Черного моря близ небольшой, впадающей в море речки Бугур, севернее Хендерейских гор...». (Веселовский, 27).

Сенетх, хребет, «из которого вытекают в разные стороны рр. Псебепс, Шухо, Сумай, Гастагай, Куматырь, и два Докоса». (АКАК, XII, 700: рапорт Филипсона за октябрь 1856 г.).

В 1841 г. Серебряков отмечал: «Весь восточный скат Маркотхе покрыт хорошим строевым лесом, местами достигающим до самой вершины хребта». (АСД, 15).

Пшегапсин, гора рядом с ущельем Сукко. (АСД, 54).

Циокиой, ущелье в районе Новороссийска (АКАК, X, 657).

Малый Циокиой, ущелье (АКАК, X, 664).

Муземель, перевал, через который вела дорога из форта Раевский в укрепление Гастагай. (АКАК, X, 658).

Психяг, ущелье в районе перевала Муземель, рядом с ущельем Куматыря. (АКАК, X, 658).

Теришатль, хребет вдоль ущелья Куматыря: «Ущелье Куматырь составляет теснину между крутой покатостью хребта Теришатля и возвышенностями, усеянными жилищами». (АКАК, X, 658).

А. Балкепсип, упоминается в марте 1800 г. как место переговоров черкесов с представителем османского паши в Анапе. (Короленко 1874, 120).

4 аула князя Буджука, «в 8 верстах от Каракубани», в районе р. Пшиц. (Короленко 1874, 127). 30 мая 1802 г. отряд атамана Бурсака внезапно атаковал эти аулы. Людские потери черкесов: до 200 убитых, до 300 раненых, 532 пленных, в том числе и князь Буджук с семьей. Материальные потери: рогатого скота — 1,158; овец — 1,396; коз — 2,432. Потери отряда: убитых 4, раненых — 2 старшины и 13 казаков. «Взятых в плен черкесов государь повелел не отпускать до тех пор, пока не будут возвращены из-за Кубани все наши пленные. Волей-неволей горцы начали собирать русских по своей земле, и вскоре начался обмен пленными с обеих сторон. Много, однако, осталось в горах Кавказских русских страдальцев, много и горцев осталось на русской стороне, но они содержались на всем войсковом про-

довольствии и жили безбедно. Оставшиеся неразменными пленные черкесы разобраны были казаками на свое содержание и в 1809 г. окончательно причислены к Черноморскому войску». (Там же. С. 128).

Черкесы Хачепа, «жившие по ту сторону Анапы». Упоминаются в октябре 1806 г. «В октябре того же года, распространились слухи, будто абадзехи собираются в большом числе, под предводительством натухайских владельцев Смаила Калабата и Мурадина, которые подговорили живших по ту сторону Анапы черкесов Хачепа, и на пятнадцати или более мореходных лодках, в числе 2,000 человек, замышляют вторгнуться конными и пешими к Темрюку, Копылу и далее, а на лодках подойти к селению при Бугазе и на самый Бугаз... Были ли эти слухи ложные, или черкесы отчаялись в своем успехе, но никаких враждебных действий на пределы Черномории не случилось». (Короленко 1874, 135 – 136). Тем не менее, мореходные навыки использовались черкесами в этот начальный период Кавказской войны на крайне западном фланге противостояния царским захватчикам. Так, 22 марта 1807 г. черкесы, «приблизившись ночью на лодках к Кизилташскому лиману, напали на Стеблиевское селение, откуда увели до 20 жителей». (Там же. С. 139).

Аулы по рр. Кудако, Агильтх, Гайтух, Гичитин, Зимес и Корванди, уничтоженные отрядом ген.-м. Гангеблова 9 – 10 мая 1807 г. (Короленко 1874, 141 – 142).

Несколько черкесских селений близ Бугаза, уничтоженных отрядом Борзикова 18 – 20 июня 1809 г. «Во время действий отряда за Кубанью, таманский сыскной начальник Борзиков, по распоряжению маркиза де-Траверсе, собрав небольшую казацкую флотилию, крейсеровал у берегов Кизилташского лимана и также разорил несколько черкесских селений близ Бугаза». (Короленко 1874, 149). Напомним, что Бугаз – поселение и карантинный пост на западной оконечности Кизилташского лимана и одновременно на берегу Черного моря. Дорога из укрепления Джемитейского в Бугаз шла по тонкой косе. Интересно само по себе, что черкесские поселения в районе Бугаза еще существовали в 1809 г. Маркиз де-Траверсе – командующий всеми морскими и сухопутными силами России на Черном море, в Крыму, на Тамани, на Кубани.

А. на р. Начуге, в районе Кизилташского лимана. (Короленко 1874, 156). 21 февраля 1810 г. подвергся разорению отрядом полковника Рудзевича из Анапы. Отряд состоял из 2-х батальонов егерей, 80 казаков и 4 орудий. Жители успели бежать, войска захватили до 600 овец, 33 головы рогатого скота и 46 лошадей.

2 натухайских аула владельца Сагат-Гирея Калабат-оглы. Вторая колонна из отряда Власова во главе с войсковым полковником Стороженко напала на 2 натухайских аула: «Все имущество и скот были забраны; в плен взято 44 натухайца и несколько из них убиты». Общие потери двух колонн – 2 раненых. Власов все это время стоял в резерве и также возвратился в Черноморию без потерь. Аулы, разоренные Стороженко, оказались из числа подвластных натухаевскому князю Сагат-Гирею Калабат-оглы. Он официально был признан царским кабинетом «мирным» и являлся основным сторонником мирного сближения с Россией. Последовал рескрипт Александра I на имя Ермолова (29.07.1826 г.): «Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желание приобрести для себя и подчиненных знаки военных отличий легкими трудами при разорении жилищ несчастных жертв, но непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием». (Короленко 1874, 186). Власов был отстранен от командования Черноморской кордонной линией. Это, насколько мы знаем, единственный пример наказания офицера высокого ранга за военное преступление, совершенное на Кавказе. Порицание Александром I-м действий Булгакова в Кабарде осталось без внимания местного военного руководства. Такое же порицание действий Бековича-Черкасского было прямо проигнорировано Ермоловым. Впоследствии, при зрелом Николае I и Александре II, уже не раздавались моральные оценки поступкам военных, но, напротив, распоряжения этих двух императоров прямо и недвусмысленно способствовали проведению самой жестокой политики и избранию самых жестоких мер военного подавления.

Г. и местность Тфишатль, современное название остается невыясненным. Самая высшая точка в том месте, где на «Карте черкесских берегов» отмечена гора Тфишатль, безымянная гора с высотой 293 м. На Генеральной карте Кавказского края в этом же месте нанесено название г. Незюаш. Вполне вероятно, что Тфишатль было названием местности и общества в несколько аулов, а гора называлась Незюаш. Название Тфишатль достаточно часто упоминается в документах и различных источниках периода Кавказской войны. В адыгском песенном фольклоре известно сочинение «Тфишатльские всадники». (Тфишатльские всадники. Тфыщэлэ шыухэр // Музыкальный фольклор адыгов в записях Г. М. Концевича. Составитель и главный редактор сборника Ш.С. Шу. Майкоп, 1997. С. 93 — 94).

Урочище Непохорай: 4 аула, сожженных отрядом под командованием ген.-м. Безкровного 9 августа 1828 г. (Филонов, 401). Местоположение: «урочище Непохорай, в лесу между горами, носящими название Мезычунч». Потери черкесов: убитыми и ранеными до 140 человек, лошадей 160.

А. Хан-Чокрак или Сасик, натухаевский, сожжен отрядом г.-м. Безкровного 16 сентября 1828 г. (Филонов, 407). Потери черкесов в двух аулах (Уташ и Сасик): убитых 32, раненных 70; сожжены — 250 дворов в двух аулах и 40 хуторов, хлеба до 700 и сена до 1200 стогов; захвачены войсками — 104 головы рабочего скота, 25 лошадей с сбруей.

«Большинство населения, подстрекаемого дворянами, отказалось вести с нами переговоры, но 59 аулов, расположенных на речках Сукко (Цюкай?), Мезкага, Китлемидж, Копесаг (Копесха), Востогай (у нас принято называть Гастогай), Шумай (Сюмай), Чокан (Шакон) и Псебепс, приняли присягу, обязавшись быть в мирных сношениях с нами до окончания турецкой войны и возобновить переговоры, если Анапа останется в наших руках». (Филонов, 443).

Таким образом, 59 аулов составляли меньшую часть аулов и населения Натухая в 1828 г.

Г. Птшовалес, в 28 верстах от крепости Анапы. Сюда пригласил на совещание старшин натухайцев, шапсугов и абадзехов Сеид Ахмед-паша, который высадился на черноморском берегу ниже Суджук-Кале 30 апреля 1829 г., во главе десанта из 200 — 300 турок, с двумя орудиями. (Томкеев, 147). Перевал Пшеваулес (Новицкий, 6).

Тхазюлиш, балка недалеко от Анапы. Здесь на 31 мая 1829 г. Сеид-Ахмед-паша назначил совещание с черкесскими депутатами. (Томкеев, 148).

Черкесские хутора, названия не указаны. 21.06.1829 г. во главе отряда в 1.000 человек Безкровный перешел Кубань и вступил в урочище Берко: доступ к аулу был затруднен рельефом местности, на рассвете «казаки, несмотря на упорное сопротивление, успели отбить до 2.000 баранты и сожгли черкесские пасеки, стоги хлебов, сена и несколько хуторов». (Томкеев, 196).

Гробница Колубат-бея на Адагуме. (Отношение гр. Паскевича к гр. Нессельроде, от 5 июня 1831 г., № 1102 // АКАК, VII, 903).

А., название не указывается, между Суджуком и Геленджиком. 30 июня из лагеря при устье Дооба (в Суджукской бухте) Вельяминов направил в Геленджик команду под начальством Евдокимова (будущий командующий войсками в Кубанской области в 1860 — 1864 гг.). Он должен был доставить рогожи для покрытия провианта, выгружаемого с судов. Евдокимов проявил инициативу: по дороге реквизировал стадо крупного рогатого скота и «бывший вблизи аул истреблен без сопротивления». (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 29 июня по 8 июля 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 48).

А., название не указывается, вблизи от расположения отряда при устье Дооба (?), рядом упоминается речка Шедогобз и хребет Нако. Уничтожен 11 июля колонной под начальством полковника Ольшевского: «Набравши фуража, сожгли небольшой аул вблизи находившийся». (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 8 по 19 июля 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 65).

31 октября 1836 г. Вельяминов сообщает о своем намерении истребить ряд натухайских аулов, а также о том, что этому его намерению может помешать эпидемия чумы, сообщения о которой, как он подозревает, распространяются в целях дезинформации самими черкесами:

«Если они будут опровергнуты, то стану истреблять натухайские аулы, в противном случае истребив несколько аулов давно уже оставленных, в которых заразы опасаться нельзя, возвращусь с отрядом к Ольгинскому укреплению». (Рапорт ген.-лейт. Вельяминова господину корпусному командиру, от 31 октября 1836 г. // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 112).

А. на р. Шепс, уничтожен колонной Лингена 26 сентября 1836 г., направленной для захвата фуража и последующего сожжения аула. Здесь, на р. Шепс, на расстоянии одного дневного перехода от Абинского укрепления в направлении Анапы, расположился лагерь отряд Вельяминова. Как сообщал в своем журнале Вельяминов, во время этого перехода, справа и слева от маршрута было сожжено еще 4 аула, названия которых не указываются. (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 24 сентября по 5 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 114).

2 аула, названия не указываются, в долине Адагума. Уничтожены 27 сентября 1836 г. отрядом Вельяминова на пути из Абинска в Анапу. (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 24 сентября по 5 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 115). Затем отряд двинулся влево по Баканскому ущелью и остановился на ночлег всего в 7½ версты от первого ночлега на Шепсе. Вечером этого же дня — 27 сентября — была направлена колонна под начальством полковника Ольшевского, которая сожгла 2 соседних аула и награбила фураж.

6 аулов по р. Бакан. 28 сентября уничтожены отрядом Вельяминова за время дневного перехода вверх по Бакану: за этот дневной переход, как и в предыдущий день, отряд прошел 7 версты. (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 24 сентября по 5 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 115-116).

А., название не указано, с правой стороны дороги по Бакану. Уничтожен отрядом Вельяминова 29 сентября 1836 г.: «Для занятия аула, находившегося с правой стороны от дороги, командующий войсками ходил с тремя батальонами пехоты, двумя пешими черноморскими полками, всей кавалерией и 6 орудиями артиллерии. Поставив 6 орудий перед аулом, в котором неприятель стал зажигать хлеб, и обстреляв его, послал занять аул конно-мингрельскую дружину, конно-горскую сотню и 1-й сводный конный Черноморский полк с двумя орудиями конной артиллерии, а полковнику Ольшевскому дав 4-й батальон Тенгинского пехотного полка, 3-й батальон Навагинского пехотного полка, 7-й и 10-й пешие Черноморские полки, и 3 орудия пешей артиллерии, приказал поддержать кавалерийскую атаку. Кавалерия проскакав аул заставила неприятеля оставить оный и удалиться на высоты. Вместе с тем полковник Ольшевский занял аул с пехотой. Забравши фураж и истребив аул до основания в 10 часов по полудни возвратился в лагерь». (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 24 сентября по 5 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 116).

А. Таймес, на Бакане (?). Уничтожен колонной полковника Ольшевского 30 сентября 1836 г.: «Забравши фураж и истребив до основания аул, полковник Ольшевский возвратился в лагерь к 1-му часу дня». (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 24 сентября по 5 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 116).

А., без указания названия, в 5 верстах от а. Таймес, уничтожен колонной полковника Горского 30 сентября 1836 г.: «и истребили его без малейшего сопротивления». (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 24 сентября по 5 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 117).

2 натухаевских аула, названия не указаны, 1 октября уничтожены колонной полковника Ольшевского: «Забравши фураж, истребили до основания оба аула». (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 24 сентября по 5 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 117 — 118).

2 натухаевских аула, названия не указаны, по движению отряда (по Бакану?). Уничтожены 2 октября 1836 г. отрядом Вельяминова, который рано остановился на ночлег с тем, чтобы успеть послать колонны вправо и влево от себя для уничтожения всех аулов в зоне досягаемости. Эти две колонны, возглавлявшиеся полковниками Горским и Ольшевским, успели до темна сжечь 8 аулов (6 аулов были сожжены колонной Горского, 2 аула в ущелье Псагомжук — колонной Оль-

шевского). Из ущелья Псагомжук колонна Ольшевского перешла в ущелье Пчеек: «но едва стали спускаться в оное, как вдруг запылало 6 аулов. Ветер способствовал распространению огня. Подойдя к двум ближайшим аулам, полковник Ольшевский послал две роты зажечь все, что еще не загорелось. Темнота ночи не позволяла идти к дальним аулам. Нет сомнения, что по случаю большого ветра и эти аулы сгорели до основания». (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 24 сентября по 5 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 118 – 119).

Несколько натухаевских аулов, «на долине лежащей перед горой, которая отделяет Баканское ущелье от источника р. Мескаги». В этой группе 3 октября сожжен 1 аул. (Журнал действий отряда за Кубанью. (С 24 сентября по 5 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 119).

3 аула на речке Китлемидж, уничтожены отрядом ген.-м. Фезе на рассвете 5 октября 1836 г. Колонна, направленная для уничтожения этих аулов, состояла из трех батальонов 20-й пехотной дивизии, одного пешего и одного конного полков черноморского казачьего войска, 3 орудий: «отряд сей вышел на речку Китлемидж и отойдя от лагеря верст 10, на рассвете без выстрела занял аул, в коем найдено достаточно хлеба и фуража, и немедленно после сего с незначительной перестрелкой занято еще два аула, в коих также найдено довольно хлеба и фуража. В сих аулах взят на все бывшие в отряде повозки и выюки хлеб и фураж, и все три аула сожжены». (Журнал действий отряда под командой ген.-м. Фезе. (С 5 по 10 октября 1836 г.) // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 127).

А. на речке Китлемидж ограблен отрядом ген.-м. Фезе 6 октября 1836 г., в журнале не говорится об его сожжении. «Отряд сей с рассветом без выстрела занял аул на речке Китлемидж в котором найдено достаточно хлеба и фуража и в лесу подле сего аула в овчарнях весьма много сена, где наложив на все повозки и выюки хлеб и сено, отряд возвратился в лагерь». (Журнал действий отряда под командой ген.-м. Фезе. (С 5 по 10 октября 1836 г.) // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 127).

7 аулов в ущелье Копеса. Уничтожены отрядом ген.-м. Фезе 7 октября 1836 г.: «в сей день было занято семь аулов довольно населенных, в коих очень много найдено хлеба и фуража». (Журнал действий отряда под командой ген.-м. Фезе. (С 5 по 10 октября 1836 г.) // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 128).

10 аулов в ущелье Куматирь. Уничтожены отрядом ген.-м. Фезе 9 октября 1836 г.: «Отряд сей с рассветом прибыл на речку и ущелье Куматирь, где немедленно занял 4 аула, в коих с избытком найдено для всего отряда хлеба и фуража, взято анапскими переселенцами на 50 повозок обмолоченного хлеба». Затем эти четыре аула были сожжены и отряд двинулся для сожжения других аулов «по речке и ущелью Куматирь до хребта гор, где и до спуска в ущелье Копеса занято и сожжено со всеми значительными запасами хлеба и фуража 6 больших аулов». (Журнал действий отряда под командой ген.-м. Фезе. (С 5 по 10 октября 1836 г.) // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 128 – 129). Здесь же, Фезе хвалит «за совершенное усердие» состоявшего при нем титулярного советника Люлье. (Л. 129).

7 октября, приняв запасы продуктов и снаряжения в Анапе, отряд Вельяминова двинулся в сторону Кубани и стал на ночлег, пройдя р. Гостогай. 8 октября отряд прошел версту и расположился лагерем, в котором был оставлен обоз. Войска прошли в сторону Кубани 13 ½ версты и возвратились в лагерь: «лежащие по дороге два неприятельских аула преданы огню». (Журнал действий отряда за Кубанью. (От 6 по 19 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 121 – 122).

3 аула на горе Тфишатль, уничтожены колонной ген.-м. Лингена 10 октября 1836 г. (Журнал действий отряда за Кубанью. (От 6 по 19 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 122).

9 аулов в ущелье Тасвибж, уничтожены колонной ген.-м. Лингена 10 октября 1836 г. (Журнал действий отряда за Кубанью. (От 6 по 19 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 123).

2 аула на пути из Анапы в Цемес. 11 октября 1836 г. К этому числу Вельяминов построил вагенбург «в виду зеленого мыса» (по всей видимости, ст. Зеленомыская, затем — Николаев-

ская). Здесь он оставил весьма внушительное прикрытие из двух батальонов Навагинского пехотного и Кабардинского Егерского полков, двух черноморских пеших полков, 5 орудий под началом полковника Пирятинского. Сам же Вельяминов во главе главных сил отряда направился в сторону Цемеса. Сначала отряд преодолел 10 верст по уже пройденной дороге до горы Пчоамз, отделяющей исток Мескаги от Баканского ущелья. Здесь отряд повернул направо и остановился на ночлег. Отсюда внушительная колонна под начальством полковника графа Цукато, анапского коменданта, была направлена в соседние аулы за фуражом: «Набравши фуража полковник граф Цукато зажег аул и возвратился в лагерь. Сверх того для истребления аула подле самого лагеря послан был Навагинского пехотного полка полковник Полтинин с батальоном пехоты и с одним оружием артиллерии. Он исполнил это без сопротивления». (Журнал действий отряда за Кубанью. (От 6 по 19 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 124).

12 октября отряд занял долину Цемеса. 13 октября Вельяминов возглавил движение для обозрения местности. Одновременно он направил сильную колонну под началом ген.-м. Фезе «для истребления аулов». От колонны Вельяминова был направлен на фуражировку полковник Полтинин, который «забравши фураж истребил два аула и возвратился в лагерь». «В заливе близ берега моря усмотрено две черкесских лодки, которые вытащены и сожжены». «Ген.-м. Фезе выступил с отрядом в 8 часов вверх по Цемеской долине. На пространстве более 4-х верст с левой стороны он истребил семь аулов. Захваченный же в оных фураж и зерновой хлеб забран фуражирами». (Журнал действий отряда за Кубанью. (От 6 по 19 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 125).

3 аула, в районе Суджукской бухты, «три ближайшие аула» уничтожены высланной из лагеря колонной ген.-м. Лингена 14 октября 1836 г. (Журнал действий отряда за Кубанью. (От 6 по 19 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 125).

2 аула в долине Цемеса, уничтожены под личным руководством Вельяминова 14 октября 1836 г. (Журнал действий отряда за Кубанью. (От 6 по 19 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 125).

3 аула в долине Цемеса, уничтожены под личным руководством Вельяминова 15 октября 1836 г. Из журнальной записи: «В 8 часов утра командующий войсками оставив на месте 1-й батальон Навагинского пехотного полка, 4-й батальон Кабардинского Егерского полка и 4 пешие орудия артиллерии, с остальными войсками ходил для истребления аулов по долине Цемеской. При занятии первого аула найдено было достаточное количество фуража и зернового хлеба, почему было послано за фуражирами. По прибытии их фураж и хлеб взят; аул предан огню... После того бывшие еще не в дальнем расстоянии два аула истреблены; и отряд в 6 часов пополудни возвратился в лагерь». (Журнал действий отряда за Кубанью. (От 6 по 19 октября 1836 г.). Ген.-лейт. Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 126).

В 1836 г. А.А. Вельяминов как военачальник весьма искушенный в деле истребления населенных пунктов и уничтожения системы жизнеобеспечения черкесов, делится многолетним опытом с новичком — графом Цукато, назначенным комендантом Анапы. Инструкция по истреблению аулов состоит из 40 пунктов. В пункте 26: «Если случатся два или три аула в близком один от другого расстоянии, то занимать их постепенно один после другого. Если число войск ограничено, то, не истребивши одного аула до основания, не занимать другого». В пункте 28: «Неприятельские аулы сжигать до основания, но мечети, если где случатся, сохранять в совершенной целости. Для этого ставить к ним караулы, которые обязаны также воздерживать всякого от поруганий или осквернений их. Людей убивать только по необходимости, стараясь брать живыми в плен как возможно более». (Копия с предписания господина командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории ген.-л. А. А. Вельяминова анапскому коменданту полковнику и кавалеру графу Цукато от 25 июля 1836 года, № 17 // Р., II, 284 — 285).

Геленджик, запись из дневника Симановского от 16 мая 1837 г.: «Места эти еще неизвестны, говорят, что большое население». (Симановский, 393). Имеется в виду население на юго-восток от Геленджика — долин Пшата и Вулана.

3 аула, в 30 верстах от Геленджика, на месте привала отряда Вельяминова. Запись Симановского от 17 мая: «На самом месте нашего ночлега мы сожгли три аула». (Там же. 394).

А. «из 7 саклей» на р. Мейзипс, сожжен отрядом Вельяминова 19 мая 1837 г. Из дневника Симановского: «По дороге сожгли мы аул из 7 саклей и 2 лодки, одну 6-ти, а другую 12-весельные и накопили для фуражу жита». (Там же. С. 395).

А. князя Индароко, в устье Пшата, как и окружающая его великолепная роща, истреблен отрядом Вельяминова. По всей вероятности, это был тот самый аул князя Индароко, в котором часто гостил Мариньи. Симановский предполагает, что это был княжеский аул. (Там же. С. 399 – 400).

3 аула, на пути от Пшата в Вулан. Запись Симановского от 7 июня: «По левой стороне дороги есть три небольших аула, по полям прекрасный хлеб». (Там же. С. 401).

А. Индароко, за Навагинской горой. Уничтожен колонной полковника Ольшевского 12 июня 1837 г. (Там же. С. 404).

А. Натвхаж, 1838 г., натухаевский, место встречи Андрея Хая с муллой Магометом, бывшим в 1836 г. посланником в Константинополе. (ШССТАК, 176 – 177). А. Натвхаж, упоминается в донесении А. Хая в 1838 г. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 232. Л. 30 об.).

Сефербеевская балка, в районе станицы Николаевской, название упомянуто в рапорте 1849 г. (АКАК, X, 679). «29 октября Карабатырь, скрыв большую часть своей партии в углублениях Сефер-беевской балки, выдвинул к ст. Николаевской 50 всадников, чтобы завязать с нами дело, и надеялся заманить Анапский полуэскадрон, навести его на засаду и уничтожить».

Неберджайская дорога, в феврале 1850 г., по распоряжению императора, переименована в дорогу Константиновскую. (АКАК, X, 680).

Р. Худако: «долина Худако, очень многолюдная и плодородная». (АКАК, X, 685). Здесь, в долине Худако, Мухаммед-Амин построил укрепление, которое было разрушено отрядом вице-адм. Серебрякова в октябре 1850 г. Это укрепление «состояло из палисада, замыкавшего правильный четырехугольник, около 50 сажень длиной и 40 шириной, и обнесенного снаружи рвом, который не был еще окончен. Внутри были бревенчатые строения, для помещения мечети, судилища, гарнизона и склада запасов. Под судилищем была устроена тюремная яма для содержания осужденных на заключение». (Там же).

А. Шакон, был захвачен отрядом подполковника Белого 3 февраля 1851 г., но «жители успели рассеяться по ущельям, отогнать свои стада, вывести семейства и убрать все свое имущество». Отряд повернул к зимовникам натухайцев, «где истребил огнем до 300 стогов сена». При отступлении на линию к Варениковскому укреплению, войска «разорjali и уничтожали жилища и запасы неприятеля на протяжении 15 верст». Соответственно, Шакон находился примерно в 15 верстах от Кубани. (К/1, 84).

Тхычагиз, гора и хребет между истоками Псебепса, с западной стороны, и Худако, с правой стороны. (К/2, 10).

Тхайтхль, долина между Худако и Адагумом. Из рапорта Серебрякова за октябрь 1851 г. узнаем, что в этой долине, по предложению натухайско-шапсугского духовенства, наиб уже построил новое мекхемэ, взамен того, что было разрушено в Худако. «Укрепленное судилище» было возведено «на развалинах древнего укрепления». (АКАК, X, 687).

Аулы и хутора в верховьях Худако, уничтоженные 13 декабря 1851 г. колонной майора Бибикова, высланной из отряда вице-адмирала Серебрякова. (К/2, 11).

Аулы, хутора и зимовники, уничтоженные тремя колоннами отряда Серебрякова в верхнем течении Худако 14 декабря 1851 г. (К/2, 12).

Псемигуз, ущелье и, видимо, река, «где также предполагалось сравнять с землей все аулы». Что и было сделано колонной Бибикова из отряда Серебрякова 14 декабря 1851 г. (К/2, 13). «От верховьев Псемигуза дорога привела к верховьям Гечепсина. Серебряков предположил разгромить аулы, рассеянные по долине этой реки». (Там же).

Шалкудас, гора у истоков Гечепсина. Здесь, 14 декабря 1851 г., «колонна Бибикова, спустившись с Шалкудаса, истребила по пути один большой аул». (К/2, 13).

Аулы и хутора в верхнем течении Гечепсина, уничтоженные отрядом Серебрякова 15 декабря 1851 г. (К/2, 14). Само собой разумеется: «Жители этой долины известны были всему населению береговой полосы своими хищническими набегами и потому заслуживали этой кары». Здесь же, в боковом ущелье от основного ущелья Гечепсина: «Влево от направления отряда тянулась хорошо населенная балка, но для истребления ее аулов цепи приходилось удалиться на довольно значительное расстояние от колонны, почему начальник отряда усилил ее лишней ротой. Горцы были застигнуты врасплох, и домашний скот с имуществом достались отряду». В итоге все аулы были превращены «в груды развалин». Так как решено было ограничиться разорением гнезд, лепившихся у верховьев рек, то, отложив истребление аулов по нижнему течению Гечепсина до ближайшей экспедиции, Серебряков переправился через эту реку и через реку Мекеретук, параллельную Гечепсину, по мостам, которые горцы не догадались разобрать, повернул направо и по лесистой местности продолжал наступать к двум следующим горным потокам: Малому и Большому Зеймесам, а влево, вниз по Мекеретуку, послал Вунша... Энергичный Вунш в короткий промежуток времени выжег аулы на протяжении двух верст. Главная колонна между тем занималась истреблением аулов по Малому Зеймесу».

Аул на Большом Зеймесе: здесь остановился на ночлег отряд Серебрякова с 15 на 16 декабря 1851 г.: «вокруг одного богатого аула, где найдены были в изобилии провизия и фураж». (К/2, 15).

Аулы по Большому Зеймесу, 16 декабря 1851 г. отряд Серебрякова, «двигаясь вверх по течению реки, истреблял огнем все попутные аулы. На противоположном берегу, параллельно главной колонне, шел с летучим отрядом Вунш, отмечая свой путь пожарами и разрушением». При этом, «еще до выступления из лагеря уничтожены были майором Бибиковым на протяжении версты аулы вниз по течению Большого Зеймеса». (К/2, 16).

Аулы на речке Вона: «параллельно Зеймесу сбегала с гор речка Вона». Эти аулы составляли «часть беспокойного адагумского округа, так как находились под влиянием своего 80-летнего старшины Алибея, того самого, который вместе с таким же 80-летним старцем Хамызом содействовал ниспровержению власти Магомет-Амина у ближних натухайцев и прибрежных шапсугов». (К/2, 16).

Аулы в верхней части ущелья Чхалок, «поворачивающего к баканскому ущелью». (К/2, 17). Здесь 16 декабря 1851 г. колонна Вунша (из отряда Серебрякова) «выжгла все аулы».

Аулы в ущелье Псемигуза: 16.12.1851г. «Вунш выжег все ущелье Псемигуза и вышел в Адагум прежде главных сил». (К/2, 17).

О крайне жестоком настрое Серебрякова и ряда других военачальников в 1840 – 1841 гг. писал Н. Н. Раевский, который с осуждением относился к «бесчисленным и грязным злоупотреблениям, неразлучным с разбойничьей войной, которую называют частными экспедициями или набегами». (Р., III, 391). Помимо моральных принципов, Раевский руководствовался еще и соображениями рационального плана, открыто предупреждая вышестоящее руководство, что упор на «кровапролитие» и «разорение» «отдалит время покорения Черкесского края». (Там же. С. 391). В своем последнем рапорте командиру Отдельного Кавказского корпуса Головину от 24 января 1841 г. Раевский еще раз подчеркнул: «Наследнику моему предстоит блестящее поприще, если он убедится, что набеги и опустошения вредят примирению края, и если он устоит против общего влечения к сим мнимым военным подвигам». (Р., IV, 16). О действиях Серебрякова Раевский писал: «контр-адмирал Серебряков только замышляет о разорении, истреблении, покорении горцев и об опровержении честных, благородных, бескорыстных поступков анапского коменданта». (Р., IV, 96).

Но мысли Раевского столкнулись с глухой стеной непонимания не только со стороны его подчиненных и равных ему в ранге командиров, но, прежде всего, со стороны царя Николая I и высшего руководства империи. В плане действий на 1840 г., который был представлен военному министру, предлагалось тотальное истребление аулов на южном склоне Главного Кавказского хребта, что по мысли автора должно было прекратить контрабандную торговлю: «Постепенное истребление всех непокорных аулов на расстоянии от 20 до 25 верст от моря, что

будет самой действительной мерой для прекращения контрабандной торговли». (Рапорт ген.-адъют. Граббе гр. Чернышеву, от 30 марта 1840 г., № 527 // АКАК, IX, 251).

«Вообще Г. И. благоугодно, чтобы в продолжении нынешнего лета, как на восточном берегу, так и со стороны Лабы, все усилия были употреблены, чтобы тревожить горцев в их жилищах елико возможно более и чтобы особенное было обращено внимание на истребление их посевов и запасов, исключая тех горцев, которые изъявляют искренне желание покориться». (Отношение гр. Чернышева к ген. Головину, от 12 апреля 1840 г., № 2192 // АКАК, IX, 488).

Аулы в нижнем течении Бакана: «17-го числа за час до рассвета Бибииков со своим батальоном и учебной командой выступил из лагеря для разорения аулов по устью баканского ущелья, остававшегося в 2-х верстах позади лагерного укрепления». Аулы оказались пусты и были сожжены без выстрела. (К/2, 18).

Музекич, ущелье «в близком соседстве с Новороссийском». (К/2, 18).

Сетуазе, лес между Адагумом и Абином. 13 февраля 1853 г. отряд вице-адм. Серебрякова двинулся «через лес Сетуазе к укр. Абинскому. Истребив на пути все аулы с запасами сена и хлеба, отряд 14 числа возвратился на Адагум». (АКАК, X, 692). «Окончив осмотр местности в лесу Сетуазе, начальник Черноморской береговой линии... предпринял движение в земли дальних натухайцев. Перейдя долины рр. Вени, Большого и Малого Зеймес, Мекеретука, Гечепсина и Цугозерибля, он на возвратном пути в Адагум снова пересек все эти речки в их верховьях и 19 числа возвратился в Новороссийск. Результатом этого 9-дневного похода было истребление до 700 дворов и огромных запасов продовольствия и фуража и наказание самых неприязненных нам обществ между долинами Худако и Абином». (Там же. С. 693).

Едагок, ручей, приток Коафа и аул Едагок. (АКАК, X, 628 – 629). Просека от Едагока до Коафа была устроена шириной 500 сажен.

А. Абрав, «непокойный натухайский», «приток разбойничьих партий». (АКАК, X, 629). Уничтожен на рассвете 30 октября 1853 г. отрядом полк. Крыжановского: «аул истреблен, захвачено 140 штук рогатого скота и 200 баранов».

Аулы по рр. Чокон и Чикупс, натухайские: 31 октября 1853 г. уничтожены отрядом полк. Крыжановского. Запасы хлеба и сена уничтожены, в добычу войскам досталось 140 штук рогатого скота и 400 баранов. (АКАК, X, 629). Из рапорта Капгера: «Этим кончились военные действия отряда, который с 24 октября по 11 ноября, под личным начальством ген. Завадовского, истребил значительные поселения непокорных натухайцев, проложил просеку от укр. Абинского на Адагум и тем исполнил, по мере возможности, Высочайшую волю о наказании натухайцев за измену в последнее время». (Там же. С. 630).

А. Непитляч, на р. Непитль, впадающей в Кизилташский лиман. Уничтожен отрядом полк. Бабича 14 августа 1856 г. Из журнала военных действий: «С закатом солнца отряд выступил из леса и начал переправу через гирла, соединяющие лиманы при впадении в оные р. Непитль, чтобы двинуться к аулу Непитляч, жители коего, всю прошлую зиму тревожившие 5-ю часть Черноморского кордона, считали себя в летнее время совершенно безопасными от набега на аул под прикрытием болотистой и непроходимой местности. Действительно, переправа и самое движение отряда были до того затруднительны, что кавалерия и артиллерия чрез воду и камыши едва могла пройти. После переправы отряд разделился на три части: первая часть послана была под командою подполк. Крыжановского, к аулу Непитляч, вторая, под командою есаула Барабаша, двинулась вправо от аула к кошам, а третья расположена была в разных местах для прикрытия переправы и дороги, по которой должны были возвращаться первые две части отряда. Подполк. Крыжановский и есаул Барабаш, достигнув назначенных мест в два часа пополуночи, заняли вокруг аула и коши пехотой с тем, чтобы с рассветом со всех сторон сделать нападение; но горцы, встревоженные лаем собак, начали приготавливаться к защите и потому, не ожидая рассвета, войска начали атаку. Горцы из саклей открыли сильную ружейную пальбу; окруженные со всех сторон, они дрались отчаянно, надеясь на скорую помощь из ближайшего аула. Но, несмотря на сопротивление, аул был сожжен и истреблен, жители частью перебиты, частью взяты в плен, скот и имущество разграблены... Потеря неприятеля при истреблении аула, а равно в деле

при отступлении отряда весьма значительна. В особенности неприятель пострадал много, наткнувшись на наши засады; жители аула большей частью погибли и из них взято в плен 12 душ. Отбито 95 шт. крупного рогатого скота. У нас потери не было». (Извлечение из журнала военных происшествий на Черноморской кордонной линии с 31 августа по 4 октября 1856 г., составленного, за отсутствием наказного атамана Черноморского казачьего войска, полк. Борзиковым // АКАК, XII, ч. 1, 696 – 697).

Сентух, лес. (АКАК, X, 629).

Р. Шабик, рядом с р. Коаф. (АКАК, X, 629).

А. Гешпшин, в районе станицы Крымской, упоминается в августе 1863 г., старшиной а. был Тугуз-Керзек. (АМКВ, 131).

Суворово-черкесский поселок. Основан в 1863 г. на месте бывшей станицы Суворовской, которая была упразднена в период Крымской войны. В свою очередь, эта станица была основана в 1843 г. на месте нутухайского аула Хатрамтук. Это поселение было основано группой военнослужащих бывшего Анапско-горского полуэскадрона, костяк которого образовали перешедшие на сторону русских представители нутухайской и шапсугской дворянской элиты. «Высочайшие права на землю при поселении Суворово-Черкесском были дарованы наместником на Кавказе великим князем Михаилом Николаевичем в 1867 г.». В 20-е гг. жителей Суворово-Черкесского поселка переселили в Адыгею, часть из них основала а. Нутухай, а часть расселилась по разным аулам. Последние адыгские жители Суворово-Черкесского были переселены в Адыгею в 1945 г. Тем менее, название поселка было сохранено. (Брацун Е. В. К истории адыгского населения Суворово-черкесского поселка Кубани в XIX – начале XX вв. // <http://www.slavakubani.ru/population/sociology/detail.php?ID=24791&page=2>).

Р. Жена, между Мезибом и Пшадом, в районе перевала Вардовие (АМКВ, 176).

Р. Тхаба, между Мезибом и Пшадом, в районе перевала Вардовие (АМКВ, 176). Здесь, в районе верхнего Пшада и по направлению к Текосу и Чуэпсину (Вулану) 14 – 15 октября 1863 г. колонны Адагумского отряда уничтожили ряд аулов. (Там же. С. 176 – 177).

Р. Схаштако, приток Вулана (АМКВ, 177).

Р. Нетулях, приток Вулана (АМКВ, 177). Здесь, Адагумский отряд 28 октября 1863 г. «жег аулы в верховьях Вулана и по его притокам Схаштако и Нетулях; 29-го – по Бжиду и Пешешу; 30-го – по Бжиду же и низовьям Джубы». (АМКВ, 177). 1 – 3 декабря 1863 г. из расположения Адагумского отряда в устье Шапсуго (Тенгинский пост) «отделяли ежедневно колонны для изгнания горцев, живших между Шапсуго, Неджепсуго и далее до р. Ту». (АМКВ, 181).

Большой Шапсуг

Аулы по Шебжу и Афипсу, разоренные отрядом Бурсака 4 декабря 1804 г. (Короленко 1874, 133). Количество и названия аулов не указываются. Отряд атамана Бурсака состоял из 8 конных и 5 пеших черноморских полков, батальона 12-го Егерского полка и 6 орудий. «На рассвете 4-го числа, Бурсак разделил свой отряд на четыре части и со всех сторон вломился в шапсугские владения». Разорению подверглись «попутные аулы со всякого рода запасами и имуществом»; войска захватили 1,300 голов скота и до 6,000 овец. Людские потери черкесов составили до 150 убитыми.

Аулы на р. Убин, разоренные отрядом атамана Бурсака 13 декабря 1804 г. (Короленко 1874, 134). «Бурсак разорил... шапсугские жилища, выжег запасы хлеба и сена, и захватил до 500 голов рогатого скота и до 2,000 овец». Людские потери черкесов – убитыми порядка 150 человек, погибших в результате двухдневных стычек и перестрелок. Потери отряда в ходе двух декабрьских рейдов: «убито: обер-офицер 1, казаков 57; ранено: обер-офицер 1, милиционеров из числа черкесов 2 и казаков 40 человек». (Там же. С. 134).

Аулы по рр. Иль и Зерки, уничтоженные 11 марта 1810 г. двумя колоннами – под начальством полковника Кобиняка и войскового старшины Дубоноса. (Короленко, 157). Общая численность отрядов – 12 конных и пеших черноморских полков, 2 роты 22-го Егерского полка и

6 орудий. «Гром наших пушек, свист пуль с обеих сторон, дикие крики черкесов, наше «ура!» стоны раненых и величайшая суматоха — приветствовали восходящее солнце 11 марта. Скоро все было кончено: несколько аулов истреблено; 45 черкесов взято в плен; забрано 40 лошадей, 80 голов рогатого скота, много оружия и других вещей. Убитых черкесов (большею частью пушечными выстрелами) обоего пола и разного возраста насчитывали до 500 душ».

Амтхадж, «пространство между рр. Илем и Убином, прилежащее к большой дороге, известно под названием Амтхадж. Оно примечательно по тучности своих лугов; будучи открыто на значительное расстояние изобилует пастбищами, сенокосом и пахотными полями». (Новицкий, 8).

А. шапсугского дворянина Читогажа на р. Афипис. (Короленко 1874, 178). Упоминается в январе 1822 г. как местопребывание анапского паши и место сбора шапсуго-натухайского ополчения в 3,000 воинов.

Шапсугские аулы, названия не указаны. В декабре 1823 г. Власов «разорил и сжег аулы с хлебными и санными запасами в земле шапсугов, по рр. Азыпсу, Гаплю и Кашель-Жтук». (Там же. С. 182).

Действия Власова были санкционированы Ермоловым в предписании от 15 января 1821 г.: «Не может скрыться от вас, чрез которые аулы, на противоположном берегу реки лежащие, пройдут хищнические партии; вы можете хотя один из таковых предать истреблению... Сие надобно сделать набегом, чтобы не вышло бесполезной схватки». (Предписание ген. Ермолова атаману Черноморского войска ген.-м. Власову, от 15 января 1821 г., № 3 // АКАК, VI, ч. 1, 498).

Два шапсугских аула. 24.02.1826 г. Власов двинулся за Кубань тремя колоннами. Одна из колонн, под начальством войскового полковника Табанца, на рассвете 25 февраля атаковала 2 шапсугских аула: жители частично спаслись в лес, 27 были убиты, 35 взяты в плен. «Забрав в аулах все ценное имущество и оружие горцев, и загнав весь их скот и баранту, Табанец сжег аульные постройки с запасами хлеба и сена». (Короленко 1874, 185).

Аул, название не указано, шапсугский, в 35 верстах от Кубани. (Томкеев, 152). 21 июля 1829 г. отряд под начальством ген.-м. Безкровного тремя колоннами направился к этому аулу. На рассвете 22 июля колонны достигли урочища Берко. Отсюда открывался вид на громадные пространства сенокосных лугов и пахотных полей черкесов, а «по р. Иль тянулись хутора, окруженные лесами». Аул захватить не удалось и под натиском шапсугов войска отряда двинулись обратно к Кубани. Потери черкесов составили: 62 убитых, 70 раненых, 2 захваченных в плен. При нападении и при отступлении войска сожгли 17 хуторов, 300 скирд хлеба, 500 стогов сена, «четыре богатые пасеки, более 1000 улей», было захвачено порядка 1600 голов рогатого скота. (Там же. С. 155).

18.09.1829 г. Безкровный во главе отряда в 1.500 человек при 5 орудиях двинулся в район рек Суп, Илик и Онеубат, где владения абадзехов и шапсугов смыкались и составляли смешанное население. О наступлении отряда дали знать бжедуги-хамышевцы и жители этого района успели эвакуировать свои семейства в горы. Безкровный был вынужден повернуть обратно, но «выжигал черкесские хлеба и сено, которых, как насчитывали казаки, пламя пожрало до 500 скирд и стогов, да отогнано овец до 250 штук». (Короленко 1874, 198).

Р. Дечахо, приблизительно в том районе Шапсугии, который лежал напротив ст. Елисаветинской. 30 января 1830 г. отряд Безкровного подошел к р. Дечахо, «где начинался громадный лес, простиравшийся до самых гор и наполнявший ущелье Кабаниц, по которому шла дорога к аулам». (Томкеев, 177).

Аул, название не указано, но, видимо, это тот большой аул, который обычно назывался Кабаниц. Против него был направлен удар отряда Безкровного 30 января 1830 г.: «Теснимый неприятель защищался упорно, но главный аул все-таки был занят и сожжен». (Томкеев, 177). Бой носил упорный характер и русский военачальник едва не погиб: под ним была убита лошадь, а сам он получил три ранения. Потери черкесов составили порядка 150 убитых, 200 раненых, «истреблены один большой аул и 35 хуторов, до 650 стогов хлеба и сена и захвачено 18 голов рогатого скота». (Томкеев, 178 — 179; Короленко 1874, 202 — 203).

Хаштук-гох, дорога вдоль левого берега Кубани. (Томкеев, 179).

Мазышкатх, обширный лесной массив. (Томкеев, 179). Здесь шапсуги в числе 4 — 5 тысяч «отборнейшей конницы и пехоты» дали бой отряду Эммануэля на рассвете 30 января 1830 г.

А. Горы-Кожхабль, «большой и богатый аул» на Убине, в большом лесу Мазышкатх. (Томкеев, 180). В столкновении с черкесским ополчением при Мазышкатхе войска Эммануэля выпустили 21 тысячу патронов и 111 снарядов. Потери черкесов: «22 главнейших начальника из именитых фамилий и до 160-ти почетных узденей, а прочих ранеными и убитыми до 150-ти человек; несколько хуторов сожжено и захвачено в лесу Мазышкатх 1000 голов баранты». Такой характер потерь с черкесской стороны объясняется самоубийственной лобовой атакой конницы на артиллерию: «Знатнейшие дворяне и уздени увлекали за собой конницу и яростно бросались в шашки; их наездники мешались с нашими фланкерами и стрелками и врывались даже в самый отряд». (Там же. С. 179).

А. Кастыхабль, на дистанции 8 верст от Горы-Кожхабля вверх по течению Убина, в районе переправы через Убин на верхне-анапской дороге. (Томкеев, 180). Сожжен 31 января 1830 г. отрядом Эммануэля.

А. Натыхабль, на дистанции 8 верст от Горы-Кожхабля вверх по течению Убина, в районе переправы через Убин на верхне-анапской дороге. (Томкеев, 180). Сожжен 31 января 1830 г. отрядом Эммануэля.

Р. Шкешук (Томкеев, 180). К западу от Убина в 4 верстах, сюда двинулся, преодолев переправу на Убине, отряд Эммануэля.

А. Сонашукхабль, сожжен отрядом Эммануэля «после продолжительного и упорного сопротивления» 31 января 1830 г. Расположение: к западу от Убина, примерно в 4 верстах, на речке Шкешук? (Томкеев, 181).

А. Хунахабль, сожжен отрядом Эммануэля «после продолжительного и упорного сопротивления» 31 января 1830 г. Расположение: к западу от Убина, примерно в 4 верстах, на речке Шкешук? (Томкеев, 181).

А. Ибрагима Жажлева. Место стоянки отряда Эммануэля 31.01.1830. (Томкеев, 181).

А. Агурхабль-Жамагет, «на правом возвышенном берегу р. Камылюк». Аул «принадлежал известному проповеднику, эфендию Хаджи-Нашалко-Аджи-шейху, непримиримому врагу нашему, который считался между шапсугами священной особой, чем-то вроде оракула, состоял на жалованьи у турок, постоянно проповедывал ненависть к русским и возбуждал народ... в течение 2-х часов (01.02.1830. — Прим. С.Х.) наша артиллерия громила аул ядрами и гранатами, при жаркой ружейной перестрелке с обеих сторон. Наконец, пехота наша овладела завалами в лесу, выбила оттуда неприятеля, а затем штурмом взяла аул и предала его огню вместе с мечетями и всеми житейскими запасами». (Томкеев, 181).

А. Шкалукохабль, на р. Старый Убин, сожжен отрядом Эммануэля 01.02.1830. (Томкеев, 181).

А. Тамишхабль, на р. Старый Убин, сожжен отрядом Эммануэля 01.02.1830. (Томкеев, 181).

Р. Хышмышуко. Место стоянки отряда Эммануэля 01.02.1830. (Томкеев, 181 — 182).

Р. Псыких, место переправы в брод, если двигаться по верхне-анапской дороге, находится в 4 верстах от Афипса (к востоку). (Томкеев, 182).

Р. Псымых, место переправы в брод, если двигаться по верхне-анапской дороге, находится в 4 верстах от Афипса (к востоку). (Томкеев, 182).

Брод Ергикой-Кигор через Афипс, здесь же было Федоровское укрепление, на момент движения отряда Эммануэля в феврале 1830 г., это укрепление уже не существовало. (Томкеев, 182).

Р. Хасхо, в районе р. Даго. (Томкеев, 182).

А. «известного уже 20 лет главного шапсугского разбойника и наездника Казбича» в ущелье Шебша. (Томкеев, 183). Аул был атакован 4 февраля отрядом Эммануэля. После 6-часового боя, «генерал Емануэль разорил 22 аула, в том числе аул Казбича, со всякого рода запасами и имуществом... Погром, нанесенный шапсугам, был весьма чувствительный. Кроме потери жилищ, имущества и заготовленных запасов, в боях погибло, как сообщали лазутчики, до 1600

убитыми и ранеными, в числе их много знатнейших дворян и узденей из именитых фамилий Шеретлок, Абаатов, Керзеч и Буран; в числе раненых были Казбич и брат его Баты-Гирей». (Там же. С. 184). 25 января 1822 г. в ауле шапсугского дворянина Казбича на р. Шебж побывал анапский паша Сеид-Ахмед, «для склонения его жить мирно с русскими, чего последний не хотел исполнить». (Короленко 1874, 179).

Потери отряда Эммануэля за время шапсугской экспедиции: убитыми 4 нижних чина и 1 казак, ранеными 1 обер-офицер и 28 нижних чинов и казаков, выпущено 47800 патронов и 535 снарядов. (Томкеев, 184).

Сатрук, урочище в верхнем течении Шебша, в 10 верстах от Георгие-Афипского укрепления, недалеко от впадения в Шебш Догая. Сатрук был занят Эммануэлем 24 февраля 1830 г. и войска сразу приступили к строительству здесь укрепления, получившего название Ивано-Шебское: «Урочище Сатрук представляло небольшое возвышенное плато на правом берегу р. Шебша и его притока р. Догай, которые составляли границу между шапсугскими и абадзехскими владениями». Аул Казбича в 15 верстах от устья Догая «в лесистом ущелье». От устья Догая по правому берегу Шебша тянулись «громадные леса до самого аула Казбича». «С занятием уроч. Сатрук, мы завладели почти всей плодородной равниной р. Шебша, которой пользовались для сенокоса и хлебопашества — по левую сторону реки шапсути, а по праву абадзехи; здесь же происходили постоянные сборища партий, центром которых служил аул Казбича». (Томкеев, 204).

А. на р. Азипс, уничтожен 31 декабря 1835 г. отрядом ген.-л. Малиновского, командующего войсками в Черномории: «Жители успели однако-же выйти из домов и спаслись в прилегающем к аулу лесу, но имущество их, вместе с домами и запасами хлеба и сена, было предано огню. При занятии аула горцы оставили на месте более 20 тел; с нашей стороны убито рядовых 2; ранено: обер-офицер 1, рядовых 5». На обратном пути к Кубани отряд потерял 1 казака убитым, 1 солдата пропавшим без вести, ранеными 11 солдат. (АКАК, VIII, 747 — 748). Отряд Малиновского состоял из 11 рот Навагинского пехотного полка, 2 рот Кавказского саперного батальона, 500 казаков, 8 орудий.

2 аула Перу и 2 хутора без названия, между реками Бугундыр и Абин к северу от Абинского укрепления. Из журнала, представленного при рапорте ген.-лейт. Малиновского командиру Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютанту барону Розену: «25 числа (мая 1836 г. — Прим. С.Х.) отряд выступил к Абину, и подойдя к урочищу Перу, батальон с двумя орудиями был послан для сожжения аула, лежащего в лесу урочища Перу. Аул сей сожжен без выстрела с нашей и неприятельской стороны...». (ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 17).

4 аула в долине Атакуафа: «истреблены мимоходом» 21 июня 1836 г. (Журнал действий отряда за Кубанью (с 13 по 29 июня 1836 г.). Генерал-лейтенанта Вельяминова // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 43).

Во всеподданнейшей докладной записке генерал-фельдмаршала князя варшавского Паскевича от 24 марта 1834 г. отмечалось: «Когда народы непокорные, обитающие ныне на плоскости за Кубанью, против Черномории, уйдут в отдаленные горы или будут переселены в Россию и частью истреблены войной, то места их населять черноморскими казаками. Но как сих последних мало, то принять меры добавлять их число переселенцами из малороссийских казаков... Итак мое предположение состоит в том, чтобы сначала атаковать горцев с правого и потом с левого фланга, а когда это исполнится, то подвигать линию вперед по вершинам рек, начиная всякий раз действия с правого фланга (то есть, с Закубанья. — Прим. С.Х.), где обитают народы наиболее сильные и многочисленные». (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Л. 15 — 16 об.).

9 апреля 1834 г. ген.-л. Вельяминову «сообщалось, что Императору угодно, чтобы с горцами поступали с жестокостью ген. Ермолова, но чтобы сначала непременно было предложено им покориться добровольно и действовать за нас. В случае же сопротивления, поступать уже по предписанной методе». (Цвижба Л.И. Источники взаимоотношений России и народов Северо-Западного Кавказа в XIX веке // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб.: Журнал «Звезда». С. 248).

Генерал-лейтенант А. А. Вельяминов, командующий войсками на Кавказской линии, 2 сентября 1834 г. докладывал командиру Отдельного Кавказского корпуса: «В сем втором походе действий должно ожидать значительного от шапсугов сопротивления, так по крайней мере заключаю из доходящих ко мне до сих пор сведений. Шапсуги еще и не помышляют о покорности. На сих днях я имел случай доставить к ним один экземпляр прокламации Вашего Высокопревосходительства. Через два дня к лагерной цепи нашей вывезен был одним шапсугом пакет, в котором найдена прокламация Вашего Высокопревосходительства изорванная в куски, более никакого ответа не приложено». (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Л. 144 об.).

Аулы, указанные на карте Романовского (РГВИА, 6732/2):

На реке Шокон в районе Анапы: 3 аула без названия. В секторе между Анапой, Суджукской бухтой и хребтом Маркотх: 48 аулов без названия на южном склоне до перевала Бзуодечук. В районе горы Тфишатль 2 аула без названия и крупный аул Мафауд-хабль. В ущелье Зикуюниеку: 8 аулов под общим названием Зикуюниеку. В ущелье Псаходжук 1 аул без названия. На реке Ажпок, впадающей в реку Бакан, 1 аул Хундет-хабль. На р. Гостогой 4 аула без названия. В секторе между укреплением Абинским, укреплением Александрийским, хребтом Маркотх. К югу от хребта Маркотх: 7 аулов без названия в районе самого хребта и 8 аулов без названия в районе укрепления Александрийского. На реке Атакуаф к северу от Маркотха: 1 аул Таймес. На север и, соответственно, вдоль течения Абина: Туркау-хабль, Шоо-хабль, Дерек-хабль, еще один Туркау-хабль возле укрепления Николаевского, Тамухо-хабль на р. Азиепс, впадающей в Абин, Хатоко-хабль, Неуко-хабль, Джарым-хабль, Турка, Сау-хабль, Непсоу-хабль, Созеюс-хабль, Харате-хабль, Нашекирчий, Хушт-хамушук, Пжасюес-Трам, Киох-чох, Мчайко-хабль, Саближ-хабль, Баста-хабль, Казиюх-хабль, Абат-пшехир-хабль.

В непосредственной близости от Абинского укрепления: Абин Пхачачуй, Екебзип, 6 аулов с названием Неуко, 2 аула с названием Метати, Шеретх, Хтогабль, 5 аулов с названием Тамухо, Гаур-хабль. По реке Бакан: Миаф, Таймес, 5 аулов без названия, Денчеипч, 9 аулов с названием Хушт-хабль, 4 аула Соауд, 3 аула с названием Неузийук. По речкам Шепш и Конезюк между Абином и Баканом: Архар-чалук, 11 аулов без названия, 2 аула с названием Тамух, 2 аула с названием Бгана, Хаур, Абрек, Дочукуз, Гаур, Гoble, Сеймаш-Джамбалет-хабль.

В районе бухты Геленджика: 3 аула без названия. Еще 3 аула на побережье отмечены как Оставленные аулы. В ущелье Дирсо: 11 аулов без названий.

Р. Цемба и Цембейский лес (Симановский, 390 — 391). В районе напротив Великолагерного поста. В 1837 г. через этот лес двигался отряд Вельяминова. После 5-часовой перестрелки и нескольких рукопашных схваток, которые стоили отряду 9 убитых и 128 раненых, войска преодолели этот лесной массив: «Вышедши из лесу, сожгли аул, находившийся на опушке, и пошли по дороге к Абину, перестреливаясь очень мало, ибо черкесы разъезжали лишь около своих аулов, которых здесь, по опушке, очень много. Дорогой по обеим сторонам прелестные сады, по опушке виднеются большие аулы, некоторые из них покрыты тесом, народонаселение здесь очень большое, хлеба у них прекрасные, густые, и жито вышиною более двух аршин, пшеница тоже недурна; поля их засеянные, большей частью, огорожены плетнем, дабы скот не пасся». (Симановский, 391). Из воспоминаний Н. М.: «Пять часов сряду огонь не прекращался; едва он утихал в одном месте, как усиливался в другом. Пять часов мы проходили лес, наполненный аулами, которые черкесы защищали отчаянно». (Н.М., ч. 1, 55).

Здесь же, 10 мая, Симановский пишет: «Дорогой по обеим сторонам прелестные сады, по опушке виднеются большие аулы, некоторые из них покрыты тесом, народонаселение здесь очень большое, хлеба у них прекрасные, густые, и жито вышиной более двух аршин, пшеница тоже недурна; поля их засеянные, большей частью, огорожены плетнем, дабы скот не пасся. В Абин мы прибыли очень поздно, так что совсем смеркалось, и расположились ночлегом по реке Абину». (Там же). Удивительно, что после крайне разорительной экспе-

диции 1836 г. в районе Абинского укрепления еще сохранялось значительное черкесское население.

Нако, гора и хребет.

Г. Ниузи

Г. Свинцовая, современное название г. Свинцовая (683 м). По-адыгски свинец пцашло (ТСАЯ, 351).

Г. Гуйбер, современное название г. Лысая (678 м).

Г. Нако, в составе хребта Маркотх, современное название г. Мухины Поляны (733 м) и, надо думать, рядом стоящая вершина г. Чубатая (667). Вместе они составляют единый массив, который мог восприниматься и как гора, и как хребет.

Р. Адеоахго (Хан-Гирей 1978), левый приток Абина, современное название Адегой, берет начало на перевале Кабардинский (Акимченков, 44 – 45); р. Атакуаф. (РГВИА, 6732), р. Атакауф (РГВИА, 6736),

Р. Нако (Люлье I), современное название Исток Адегой, берет начало на пер. Кабардинский и впадает в Адегой. (Акимченков, 44 – 45).

Р. Сшххабадий (Хан-Гирей 1978), правый приток Адегой; р. Шедогопс (Люлье I; РГВИА: 6732 и 6736), современное название Скобидо и может уточняться в скобках — Адельби. Согласно Новицкому, у истока р. Схабеди проходит восточный предел хребта Маркотх (Новицкий, 6).

Р. Удегей или Щель Капустная, незначительный правый приток Адегой, берет начало на горе Иорданова (669 м). (Акимченков, 44 – 45). Акимченков ошибочно идентифицирует этот тоненький приток как Шедогопс. (Там же, 24).

13 мая 1837 г. Симановский делает запись: «черкесы принуждены будут скоро с нами помириться, ибо, отрезав им сообщение от Черного моря, у них будет большой недостаток в порохе, который хотя и делают сами, но их порох без примеси другого очень слаб. Воины их также убывают значительно, убыль одного в семействе для них много значит, хлеб и аулы их очень истребляют, угоняют рогатый скот и овец, что составляет их большую промышленность, таким образом, многие семейства остаются без куса хлеба». (Симановский, 392).

Г. Вельяминова, в составе хребта Маркотх, на отчетных картах экспедиций Вельяминова 1834 – 1837 гг., четко показано, что Шедогопс берет начало у горы Вельяминова (РГВИА: 6732 и 6733). На роль горы Вельяминова подходит гора Крестовая (782 м) и еще более гора без названия, которая является высшей точкой урочища Солдатский бугор (743 м), поскольку последняя входит в состав хребта Маркотх и после преодоления перевала Бабица, от которого начинается Скобидо (Шедогопс), дорога отряда Вельяминова могла пройти рядом с этой вершиной. Взаимосвязь Скобидо с Шедогопсом и Солдатского Бугра с горой Вельяминова хорошо устанавливается на основании записок А. Марлинского, который участвовал в первой экспедиции Вельяминова через Абин и Маркотх на Геленджик в 1834 г. Сначала отряд шел по долине Абина до впадения в него Атаквафа (Адегой), затем пошел вверх по течению последнего до впадения в него «полуизсякшей речки Шадо-гопс». Затем из контекста становится ясно, что отряд двинулся вверх по Шадогопсу и подошел к перевалу горы, «прозванной солдатами Вельяминовскою». Интереснейшая деталь: «На верху ее водрузили крест, найденный в одном из аулов. Остаток забытой черкесами христианской веры, он возник предтечею победы креста над луною, вестником обновления этого края русскими». (К истории покорения Кавказа. Письмо Марлинского о Вельяминовском походе к Геленджику в 1834 году // Русский архив. 1877. № 9. Кн. 3. М., 1877. С. 107 – 109). Имеющиеся отчетные карты походов Вельяминова полностью подтверждают сведения Марлинского и предложенное сопоставление.

А. Хаджи, шапсугский, в районе Абина, местопребывание русского агента Андрея Хая в ноябре 1838 г. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 232. Л. 3 об.).

А. шапсугского старшины (узденя) подпоручика Шахан-Гирея Абатова. 1842 г., июль. Расположение: на левом берегу Большого Зеленчука. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 408).

Тфеяш, лес в районе Георгие-Афипского укрепления. (АКАК, X, 593).

Деймез, низменность в районе р. Шебж. (АКАК, X, 604).

А. Арадж, в 12 верстах от Абинского укрепления по дороге к Кубани. (АКАК, X, 637).

Хапис, ущелье в Большом Шапсуге, где наиб Шамиля Хаджи Мухаммед намеревался, согласно Серебрякову, устроить свою резиденцию. (АСД, 76).

Таджагыз, ущелье в Большом Шапсуге, упоминается в донесении Серебрякова за март 1851 г.: «Особенно затруднительно движение от Новороссийска к Адогуму через ущелья Наберджай и Таджагыз. Здесь встречаются все трудности прохода через дефиле. С обеих сторон высокие, покрытые лесом и местами обрывистые горы суживают ущелья до весьма малой ширины. Дорога идет по дну ущелий, с частыми и замедляющими движение переходами через речку». (АСД, 80).

А., название не указано, на р. Куаф, примерно в 7 верстах от Абинского укрепления, подвергся разорению отрядом подполковника Мазана, коменданта Абинского укрепления, 11 апреля 1851 г.: «Застигнутые врасплох, жители разбежались по лесу, едва успев захватить свои семейства, но оставив в наших руках скот и все свое имущество. Прежде, нежели предпринять обратное движение, казаки зажгли аул, уничтожили огнем запасы жителей и все их имущество». (К/1, 85).

Шекале, курган в 5 верстах за р. Кунипс, если двигаться от Кубани. (К/1, 92). С этого кургана шапсуги вели артиллерийский огонь. (Там же. С. 97). Из журнала Рашпиля: «У кургана Шекале шапсуги в значительных силах внезапно появились из леса и быстро понеслись на авангард и правую цепь». (Журнал ген.-л. Рашпиля о военных действиях на Черноморской кордонной линии с 3 по 17 октября 1850 г. // АКАК, X, 605).

Перу, урочище: «На половине дороги от Кунипса до Абина». (К/1, 92).

Сауп, лес, находившийся между Кунипсом и Абином, в районе урочища Перу, место упорного боя с шапсугским ополчением. (К/1, 92, 96). Шапсугской кавалерией предводительствовали «лучшие наездники их почетных дворян, которых не трудно было отличить по блестящим на них панцирям и по значкам, ни на шаг не отстававшим от них». (Там же. С. 96). Шапсуги характеризуются как «мстительное и притом очень воинственное племя». (Там же. С. 97).

Бзекотлеч, лес между реками Пшециз и Аушец (К/1, 98).

Ханы, лес, в 12 верстах от Кубани. (К/1, 100).

Чших, река и округ, 6 ноября 1851 г. упоминается старшина Гамирз-Роток Хоротль, прибывший в Абинское укрепление засвидетельствовать «свою неизменную преданность русскому правительству». (К/1, 105).

Антхир, река и округ, 6 ноября 1851 г. упоминается «почетный старшина» Магомтали Гантук, прибывший в Абинское укрепление засвидетельствовать свое стремление установить мир с русскими. (К/1, 105).

А. шапсугского дворянина Трешета Шеретлука, мирный, в 1852 г. 48 взрослых жителей. (ПКВ, 60).

Аулы в урочищах Хахунадж и Иридж, уничтоженные отрядом ген. Завадовского 24 октября 1853 г. «Завадовский предположил в продолжении этого марша истребить непокорное население, гнездящееся по течению р. Абина, доступ к которому преграждается с левого берега речки полосой леса, а с правой стороны — топкими болотами. Под прикрытием этих двух естественных защит, непокорное население было постоянно во враждебных к нам отношениях, действовало против колонн, шедших к Абину, перехватывало лазутчиков и нарочных на сообщении укрепления с Линией и служило сборным местом партиям, против нас действовавшим. Сухая осень, уничтожившая главное препятствие для следования войск — топкие болота — дала на этот раз возможность наказать враждебное р. Абина. Ген.-м. Могуков, несмотря на темноту ночи и густой камыш, прошел до рассвета более 25 верст и атаковал аулы на уроч. Хахунадж. Милиция, под начальством полк. Султан-Сагат-Гирея, и конница с ракетными командами ворвались в аулы, огороженные крепким плетнем, а немедленно вслед за ними двинулись 1-й и 2-й Черноморские батальоны и рота Ставропольского полка. Жители, застигнутые врасплох, бросив все имущество, спешили укрыться в лес и завязали перестрелку с нашими войсками. Войска, продвигаясь вверх по правому берегу Аби-

на, истребляли на пути следования огромные запасы сена и хлеба, жгли сакли и забирали все имущество непокорных. Аулы на уроч. Иридж со всеми запасами были также истреблены. (Рапорт ген.-м. Капгера кн. Н. Н. Воронцову, от 19 ноября 1853 г., № 2327 // АКАК, X, 627).

Мехкемэ на р. Хабль, упоминается в ноябре 1853 г. (АКАК, X, 641).

Мехкемэ нар. Антхырь, упоминается в ноябре 1853 г. (АКАК, X, 641).

2 шапсугских аула в урочище Магишху, уничтожены синхронным нападением двух колонн — полк. Крыжановского и капитана Клингера — высланных из отряда полковника Кухаренко с тем, чтобы «напасть на аулы, находящиеся в лесистом уроч. Магишху (где жители наиболее известны по враждебному к нам расположению, а самые аулы служат притоном всех беспокойных людей, поклявшихся истребить наших лазутчиков)». (Выписка из журнала полк. Кухаренко о военных происшествиях на Черноморской кордонной линии с 16 января по 1 февраля 1853 г. // АКАК, X, 635). Расположение Магишху: колонна двигалась вниз по течению Кубани, вдоль левого берега, от укрепления Ольгинское примерно 20 верст и затем круто повернула от реки и прошла еще примерно 6 верст. «Подойдя к аулам на версту, в 2 часа ночи с 24 на 25, кап. Клингер предварительно послал лазутчиков разузнать о положении аулов. Оказалось, что оба аула, находясь в лесу, примыкали своими плетнями к поляне, а в задней части аулов, прикрывавшихся опушкой леса, заключались дворы с барантой и скотом... Стрелять было запрещено, из опасения привлечь на место действия ближайшее население, а приказано действовать холодным оружием, чтобы по темноте ночи не нанести себе вреда... передние части без выстрела ворвались в крайние сакли... Неприятель был крайне испуган; горцы с кинжалами бросились к дверям, но здесь нашли смерть на штыках храбрых козаков... Нападение на оба аула было почти одновременно, а потому неприятель, пользуясь темнотой ночи, в паническом страхе спешил убраться в лес, не думая спасать даже своего оружия — предмет, которым горец дорожит более всего на свете. Пленных не было, потому что все попадавшиеся на встречу, как сопротивлявшиеся, были переколоты козаками... Нападение было произведено так дружно и с такой быстротой, что в полчаса все было кончено. Черкесские сакли, из толстого дерева срубленные, что в этих местах встречается весьма редко, и тщательно укрепленные дворы, в которых помещался скот, могли бы служить весьма сильной преградой для войск; но внезапность и быстрота нападения облегчили их взятие. Ветящийся разлив зарева пожара на расстоянии почти целой версты весьма способствовал к соединению обеих штурмовых колонн. Неприятель оставил на месте до 17 тел, разного рода оружие и лишился 529 штук рогатого скота». Со стороны нападавших колонн потерь не было.

Шепсугур, урочище «между бывшими укреплениями Абинским и Николаевским», упоминается в 1857 г. (АКАК, XII, 726).

Окончательное уничтожение адыгских аулов в Натухае и Шапсуге, и тотальное изгнание населения происходит в 1860-1863 гг.

У В.А. Потто содержится весьма красноречивая цитата: «Долина Хабля была одна из самых населенных частей этого края; поля ее были засеяны фруктовыми садами, а в покинутых саклях замечались следы не только довольства, но даже богатства и прихотей. Кроме огромных запасов хлеба, который жители не успели вывезти, в соседних рощах хранились целые склады воска, меда и тысячи улей, свидетельствовавших, что пчеловодство было одним из любимейших промыслов края. И все это цветущее пространство предано было огню и истреблению». (Потто В. А. История 44-го драгунского... Т. VIII. С. 55).

А. Кабаниц, по обоим берегам Иля. Уничтожен войсками Шапсугского отряда под начальством генерал-майора Рудановского в ходе 9-дневных боев — с 27 апреля по 5 мая 1860 г. «Кабаниц лежал на обоих берегах Иля, раскинувшись в густом лесу более чем на 3 версты вверх по реке, и состоял из нескольких, один возле другого расположенных аулов». (Богуславский, 320 — 322).

А. Емпсихиако, на правом берегу Иля, выше Кабаница. Уничтожен 9 мая 1860 г. войсками Шапсугского отряда под начальством ген.-м. Рудановского. (Там же. С. 322).

А., название не указано, выше а. Емпсихиако, на Иле. 11.05.1860 г. «особая колонна, под начальством подполковника Геймана производила очистку местности у передового редута и сожгла впереди лежавший аул». (Там же. С. 323).

Группа аулов на Убине, уничтоженных подразделениями Шапсугского отряда в период с 14 по 18 мая 1860 г. Отряд строил укрепление на месте бывшего а. Емпсихиако и из расположения отряда высылались «охотничьи команды в неприятельские местности для сжигания аулов». Кроме того, ген.-м. Рудановский 18 мая «выступил с отрядом для рубки леса на обоих берегах реки Убина. Горцы, пользуясь высотами правого берега, весьма густым лесом и разбросанными в нем аулами, защищали пространство, избранное для просеки; но вскоре те и другие были взяты с боя и уничтожены». (Там же. С. 323).

А. Убин, 800 дворов. Из рапорта Филипсона Барятинскому 18 мая 1860 г.: «По совершенном истреблении аула Кабаницы и вырубке леса, отряд перешел на 5 верст вверх по р. Илю и расположился на уроч. Эмпсихиако, по последнему скату гор. По вырубке окрестных кустов и мелколесья 15 мая заложено укрепление и начаты работы. В то же время часть отряда разрабатывала так называемую Купеческую или Генуэзскую дорогу по направлению к Убину. Сегодня отряд достиг р. Убина и, переправившись чрез нее, истребил несколько аулов, в том числе часть аула Убин, который имеет более 800 двор, и тянется в лесу на 8 верст. Рубка просеки на этом пространстве 9-ти верст не затруднительна, но далее между Убином и Афиписом сплошной лес простирается верст на 13. Для удобства рубки просеки и разработки дороги ген. Рудановский перейдет с большею частью отряда на Убин, остальные войска будут продолжать крепостные работы на р. Иль». (Рапорт командующего войсками Кубанской области, ген.-л. Филипсона, ген.-фельдм. Кн. Барятинскому, от 18-го мая 1860 года, № 201 // АКАК, XII, ч. 1, 852).

30 аулов, по реке Убин и на пространстве между Убином и Афиписом. Уничтожены войсками Шапсугского отряда в период с 24 мая по 1 июня. «Одновременно с усиленными работами, направленными к прямой цели — овладению плоскостью, неутомимо велась и малая война. С 24 мая по 1 июня разорено и совершенно уничтожено до 30 неприятельских аулов, течение Убина и большая часть пространства между ним и Афиписом очищены от неприятельских жилищ». (Богуславский, 324).

А., название не упоминается, был расположен в районе 4-й балки Хагезук, по Анапской дороге. Аул был укреплен жителями и 05.06.1860 г. начальник отряда решил не атаковать его, обойдя околным маршрутом. (Там же. С. 324).

«Лучшие поля Бельгии и Шотландии». Впечатление Филипсона: «12-го числа я сделал рекогносцировку к стороне долины Супс, служащей границею между абадзехами и шапсугами, а 13-го — вверх по правому берегу р. Шебш, которая в 11-ти верстах от нынешнего лагеря выходит из горной теснины на великолепную долину, сливающуюся с долиною р. Афиписа. Чтобы выразить богатство этого края, житницы шапсугов, довольно сказать, что все это пространство состоит или из засеянных полей, покрытых хлебами, обещающими баснословный урожай, или белым клевером в таком изобилии, которое можно встретить разве на лучших полях Бельгии или Шотландии». (Рапорт командующего войсками Кубанской области, ген.-л. Филипсона, ген.-фельдм. Кн. Барятинскому, от 16 июня 1860 г., № 280 // АКАК, XII, ч. 1, 854).

40 аулов в долине р. Бугундыр и его притоков, уничтоженных Адагумским отрядом в период с 7 по 9 июля 1860 г. (Корганов, 94 — 95).

Группа аулов Этогуако, количество не указано, но по контексту ясно, что их было больше двух, на левом берегу Шебша, в 3 ½ верстах от укрепления Григорьевского вверх по течению. Укрепление было заложено 22.07.1860 г., а 23.07. «не останавливая начатых работ, генерал Рудановский, с 3 ½ батальонами, дивизионом драгун и 2-мя сотнями казаков, при 4 орудиях, двинулся вверх по левому берегу р. Шебша, чтобы осветить впередилежащую местность и уничтожить ближайшие неприятельские аулы, жители которых, убирая поля в виду отряда, беспокоили наше лагерное расположение. Пройдя 3 ½ версты, колонна на рассвете подошла к аулам Этогуако, расположенным на весьма пересеченной местности, в густых садах. Выбив горцев из двух крайних аулов, отряд занял позицию на гребне глубокой балки, разделявшей аулы и доходившей до самой реки. Взятые аулы немедленно сожжены, а большие запасы только что собранного хлеба уничтожены». (Богуславский, 327).

А. Схунукояк, «имевший до 1000 сакель», на правом берегу Афиписа. Уничтожен Шапсугским отрядом под личным руководством Рудановского на рассвете 7 августа 1860 г. (Там же. С. 327).

А. Мерчан, «весьма населенный», на правой стороне Абина. На рассвете 7 августа 1860 г. окружен и атакован тремя колоннами Адагумского отряда: «в одно мгновение от рук усердных драгун аул запылал во всех концах; часть имущества была сожжена, разметана, уничтожена; другая же и большая часть досталась войскам... Хлеб, находившийся на полях, за исключением значительного запаса для драгунских и прочих лошадей, увезенного в лагерь, был также сожжен... Кроме пленных, имущества и зернового запаса у них оказалось еще 828 штук рогатого скота и четыре лошади». При приближении отряда к аулу он был обнаружен шапсугским секретом, и многие жители успели бежать. Отмечается, что только при первой атаке драгун они «изрубили 22 человека и 14 человек взяли в плен, не считая многих женщин и детей». (Корганов, 98 — 99).

16 августа войска Шапсугского отряда завершили рубку просеки вдоль Анапской дороги и открыли прямое сообщение между укреплениями Ильским и Григорьевским. «Дорога имела весьма важное стратегическое значение. — Отмечал Богуславский. — Проходя по предгорью хребта Черных гор, она пересекала несколько параллельно текущих рек (Иль, Убин, Афипис и Шешш. — Прим. С.Х.), по которым гнездились значительное число шапсугских аулов, и соединяла два опорных пункта наших военных действий в земле шапсугов; мы получили возможность иметь под постоянным наблюдением все пространство к северу от дороги до Кубани, где неприятель владел огромными пахотными и сенокосными местами». (Богуславский, 328).

17 августа начальник Шапсугского отряда ген.-м. Рудановский устроил облаву и, отрезав пути к отступлению, усилиями трех колонн «уничтожил в ущелье Афиписа 8 больших аулов с запасами только-что собранного хлеба». (Там же. С. 328).

17 аулов, в ущелье Шешша, «вместе с большими запасами хлеба» уничтожены 23.08.1860 г. тремя колоннами Шапсугского отряда. (Там же. С. 329).

А. Куракцако, в одноименном ущелье. Уничтожен в сентябре 1860 г. Шапсугским отрядом: «В то же время, начальник отряда не упускал случая наносить вред туземному населению, разоряя аулы и истребляя запасы: так, например, уничтожен большой аул Куракцако, лежавший в ущелье того же имени». (Там же. С. 330).

С 21 сентября начался ряд движений, с целью уничтожения аулов и запасов горцев в ущельи реки Афиписа». (Там же. С. 331).

2 аула, названия не указаны, на правом берегу Афиписа уничтожены колонной подполковника Черепанова 21.09.1860 г. Одновременно другая колонна уничтожила еще несколько аулов на правом берегу Афиписа. «На ночь весь отряд расположился бивуаком, найдя в изобилии во взятых аулах сено и необмолоченный хлеб». (Там же. С. 331).

8 аулов, на левом берегу Афиписа, уничтожены вместе «с большими запасами хлеба» двумя колоннами Шапсугского отряда 22.09.1860 г.

Аулы, число не указывается, в урочище Тахиако — «места, где долина реки Афиписа суживается и образует уже ущелье». Уничтожены колонной подполковника Геймана 22.09.1860 г.

23.09.1860 г. Шапсугский отряд под командованием Рудановского продолжил систематическое уничтожение аулов по Афипису и его притокам. Всего в Афиписком ущелье за три дня — с 21 по 23 сентября — было «уничтожено 38 больших аулов и множество отдельных хуторов, с громадными запасами хлеба и домашним хозяйством. Таким образом, Афипиское ущелье было совершенно очищено от населения». (Там же. С. 332).

«Весь октябрь и ноябрь месяцы прошли в работах, прерываемых движениями для уничтожения неприятельских аулов и запасов. В конце ноября отрядам главному и средне-Шапсугским и Адагумскому дан был отдых». (Там же. С. 332).

А. Кияб, на р. Азипс, в группе «огромных аулов в низовье реки». Уничтожен 11.12.1860 г. Шапсугским отрядом под начальством свиты его величества генерал-майором Святополк-Мирским, сменившим Рудановского 18.11.1860 г. Жители успели бежать: «казаки и драгуны неожиданно атаковали аул, захватили 7 лошадей, до 700 штук рогатого скота и более 1600 штук баранов. Во время стремительной атаки на аул Кияб было застигнуто там врасплох и небольшое число горцев, которые изрублены северцами. Более 1500 дворов, с запасами сена и хлеба, было уничтожено». (Корганов, 102).

«Большой шапсугский аул», у входа в ущелье Азипса, уничтожен колонной под личным началом князя Святополк-Мирского 14.12.1860 г. (Корганов, 102). Беженцы из этого аула были застигнуты в 8 верстах — в боковом от ущелья овраге: «Северцы и казаки, поддержанные тенгинцами, быстро спустились в овраг и там в разных пунктах застигли горцев врасплох. При появлении нашей кавалерии они обратились в бегство, оставив в руках ее до 200 штук рогатого скота, более 600 баранов, много имущества и разных товаров, а также трех пленных, взятых северцами, и два тела». (Там же. С. 103).

Итоги действий Адагумского и Шапсугского отрядов на протяжении 1860 г.: «совершенное очищение всей плоскости между реками Адагумом и Супсом (Супом. — Прим. С. Х.) от неприятного нам населения. На всем этом пространстве, свыше 2.000 квадратных верст, не осталось ни одного сколько-нибудь значительного аула, и не только жилища шапсугов, но и все их запасы истреблены». (Богуславский, 332).

«С наступлением весны шапсути, оттесненные зимними действиями наших войск в горы, стали вновь выселяться на плоскость. Чтобы вынудить их навсегда отказаться от Прикубанской равнины, предпринято было уничтожение их новых жилищ и посевов. С этой целью в первой половине мая войсками Адагумского отряда произведено несколько поисков на пространстве между бывшим укр. Ильским и рр. Абин, Убин и Кубань, а войска Шапсугского отряда в то же время произвели движение от р. Супс через укр. Григорьевское вниз по Афипсу. Горцы, застигнутые врасплох одновременно с разных сторон, не могли оказать значительного сопротивления нашим войскам. У неприятеля истреблены все находившиеся на пути следования наших колонн жилища и посевы, взято 24 пленными и до 1,800 шт. разного скота. Наша потеря состояла в одном убитом и 7-ми раненых нижних чинах. 20-го мая большая часть Адагумского отряда из своего лагеря на р. Абин была направлена вверх по реке для осмотра дорог к Геленджикской бухте, куда отряд и прибыл 24-го числа. Во время движения неприятель, пользуясь труднодоступною местностью, старался удерживать войска и защищал каждый овраг, каждый перелесок. Особенно упорное сопротивление шапсути оказали 22-го мая при обороне местного оврага, преграждавшего доступ к хребту Кецегур, и на следующей день — при спуске в ущелье Адерби. 26-го числа войска от бывшего Геленджикского укрепления передвинулись к укр. Кабардинскому, а 28-го числа, чрез Николаевскую просеку, возвратились в Абинский лагерь. Во время этого движения у неприятеля уничтожены все лежавшие на пути следования аулы и взято до 700 шт. разного скота, а наша потеря состояла: убитыми из 1 обер-офицера и 4-х нижних чинов; ранеными из 3-х обер-офицеров и 42-х нижних чинов». (Отчет о действиях и занятиях войск на Кавказе с весны 1861 до весны 1862 г. // АКАК, XII, ч. 1, 683).

Р. Мезекших, впадает «в Бакан между Верхнею и Нижнею Баканскими станицами», упоминается в отношении Барятинского к военному министру за октябрь 1862 г. (АКАК, XII, 1018).

Бедзепс, ущелье (ПКВ, 168).

Мишако, шапсугский аул в ущелье Бедзепса, разоренный Шибским отрядом под началом полковника Левашова 27 ноября 1862 г. (ПКВ, 168).

Камелюк, шапсугский аул, упоминается в рапорте полковника Левашова от 30 декабря 1862 г.: «большой, укрепленный завалами аул Камелюк, находящийся между рр. Убином и Афипсом». (ПКВ, 168). Левашов не отважился напасть на этот аул: «для разорения которого я жду более благоприятных обстоятельств с приближением Адагумского отряда».

Гривенский черкесский аул, в урочище Ангелинский ерик, близ Азовского моря. Основан в начале 1799 г. шапсугским тлекотлешем Али Шеретлуковым, принявшим российское подданство. (Короленко 1902, 78 — 79). В 1842 г. Гривенский аул был переименован в Гривенно-Черкесскую станицу. Но на Генеральной карте Кавказского края 1847 г. отмечен аул Гривенно-Черкесский. 7 августа 1888 г. Военный совет принял решение об упразднении станицы Гривенно-Черкесской, исключении из казачьего сословия и разоружении жителей. (Там же. С. 96). В 1892 г. черкесские станичники были переселены в черкесские аулы Екатеринодарского уезда. Истории адыгской станицы посвящено крайне интересное исследование А.К. Чемсо, основанное на многолетних архивных изысканиях. (Чемсо А.К. Гривенно-Черкесская станица. Краснодар: «Известия», 2002. 178 с.).

Абдзехия

Абдзехские аулы на Псефире и Фарсе.

23 ноября 1828 г. отряд под началом командующего войсками генерала Эммануэля «направился к р. Псефир во владения абдзехов». Сразу же: «За непокорность ближайшие два аула решено было истребить». (Филонов, 429).

В период с 24 по 28 ноября 1828 г. главный отряд стоял на Псефире и от него высылались колонны для «наказания окрестных жителей».

8 абдзехских аулов на рр. Этоко и Фарс. «25 ноября командир Навагинского пехотного полка подполковник Флиге с отрядом из 800 человек пехоты и конницы при 2-х орудиях направлен был верст за 15, на речки Этоко и Фарс, для уничтожения восьми абдзехских аулов». (Филонов, 430).

Большой абдзехский аул в верховьях Псефира, уничтоженный 26.11.1828 колонной из 400 человек пехоты и конницы под начальством майора Принца. (Филонов, 430). Согласно Потто, колонна под начальством майора Принца «истребила большой абдзехский аул, покинутый жителями, и уничтожила богатый пчельник, в котором насчитывалось не менее полутора тысячи ульев». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Вып. 3. С. 424). «Законы войны суровы, — восклицает Потто, — и там, где они прошли, ландшафт надолго сохраняет печальный вид опустошения». (Там же. С. 424).

8 абдзехских аулов по Псефиру, уничтоженных 26.11.1828 колонной майора Васмунда в составе 400 пехотинцев и 400 казаков при 2 орудиях. (Филонов, 430 — 431).

9 абдзехских и кабардинских аулов по Псефиру. 27.11.1828 колонна ген.-м. Антропова была направлена вниз по Псефиру, где истребила 9 аулов, принадлежавших абдзехам и кабардинцам. Потери колонны: 2 убитых и 2 раненых. «На обратном пути войска предали огню все принадлежавшие неприятелю стога с сеном. Независимо этой колонны, из лагеря посланы были казачьи команды для истребления всех запасов сена в окрестностях лагеря; сожжено около двух тысяч стогов». (Филонов, 431).

Хагара, «старое абдзехское укрепление» и одноименный аул, на р. Фарс. «По уничтожении горских аулов, а вместе с тем складов сена и хлеба на р. Псефире, отряд, в составе колонн г.-м. Антропова и майора Васмунда, 28 ноября выступил на р. Фарс и, сделав переход в 8 верст, расположился лагерем в трех верстах от старого абдзехского укрепления Хагара, занять которое приказано было майору Вейганду с 400 человек пехоты и конницы при 1 орудии. Чтобы достигнуть этого пункта предстояло перейти скалистый и глубокий овраг, на дне которого расположен был аул. С приближением колонны к аулу, горцы, заняв укрепление, открыли из-за каменной стены его сильный ружейный огонь. Вейганд, обстреливая стену продольными выстрелами из орудия, послал егерей в обход, но обрывы и скалы не позволили исполнить этого маневра. Тогда пехота, поддержанная орудийным огнем, двинулась на приступ и в несколько минут овладела укреплением. Горцы бросились в аул, но и там не удержались. Последнее сопротивление они оказали в лесу, за каменным завалом, который не замедлил также перейти в наши руки. Повсюду теснимые и поражаемые меткими пулями, горцы быстро бежали вверх по ущелью в лес, не успев даже подобрать нескольких тел. Потеря их была значительна, а в числе убитых оказался владелец взятого аула, абдзехский старшина. С нашей стороны ранены: один офицер и 5 рядовых 40-го егерского полка, 1 урядник Хоперского казачьего линейного полка и 1 черноморский казак. Испепелив аул, отряд отступил к лагерю». (Филонов, 431 — 432).

11 абдзехских аулов в верховьях Фарса и Межеуко, истребленные 30.11.1828 колонной ген.-м. Антропова. «Первые шесть абдзехских аулов сожжены были беспрепятственно; но при дальнейшем движении посланного им майора Принца, неприятель, засевший в аулах на речке Межеуко, оказал сопротивление, с трудом осиленное стрелками и орудийным огнем. Затем еще пять аулов было истреблено». (Филонов, С. 432 — 433).

Аулы по р. Белая и ее притокам:

У Г. В. Новицкого в 1830 г.: «Схагуаше населена несколько меньше, нежели р. Шиш». (Новицкий, 11).

А. абадзехского старшины Аджи-Тляма. 23 июня 1825 г. отряд Вельяминова становится лагерем в районе Майкопа. 16 августа Вельяминов направляется против аула абадзехского старшины Аджи-Тляма: «Это был один из главнейших покровителей беглых кабардинцев, которых большая часть и поселилась вблизи его аула. Вельяминов решил истребить этот аул со всеми его полями и угодьями, а также и поля ближайших к нему кабардинцев». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 529). По мере движения к главной цели «войска... истребляли попадавшиеся им на пути аулы беглых ногайцев и абадзехов». 18.08.1825 г. Вельяминов сжигает аул Аджи-Тляма: «запылал знаменитый в горах богатством и красотой строений аул Аджи-Тлямов». (Там же. С. 530). В этот же день, 18 августа, абадзехи атаковали часть вельяминовского отряда под начальством полковника Бековича-Черкасского: это были казаки различных полков, батальон Навагинского полка и 4 орудия. Потери русских составили убитыми — 18, ранеными — 113 нижних чинов. В этом бою получил смертельное ранение и на следующий день умер соучастник расправы над жителями карамурзинского аула — майор Дадымов, командир Кавказского казачьего полка. (Там же. С. 531). Получил ранение и командир Кубанского казачьего полка подполковник Степановский.

19 — 21 августа 1825 г. «опустошаются абадзехские земли» за Белой. 25 августа Вельяминов возвращается в «Майкопский стан, оставив позади себя, на пути следования, длинный ряд сожженных аулов и вытоптаные, опустошенные поля». (Там же. С. 532).

2 аула абадзехского старшины Аджикляша (видимо, Хаджи Тлиш) и еще 6 аулов на р. Белая, уничтоженные 5 декабря 1828 г. колонной майора Вейганда, высланной из отряда Эммануэля: «5-го декабря майор Вейганд, с отрядом из 400 человек пехоты и конницы при двух орудиях, командирован был вверх по р. Белой. Горцы устраивали по дороге засады, занимали переправы через р. Белую и всеми мерами старались держаться в своих аулах. Предав огню 8 весьма больших аулов, в том числе два, принадлежавшие известному абадзехскому старшине Аджикляшу, отряд без всякой потери возвратился в лагерь». (Филонов, 435).

40 абадзехских аулов, уничтоженных по Белой и Курджипсу отрядом Эммануэля 6-8 декабря 1828 г.: «Того же числа (6 декабря) отправлены были два отряда для уничтожения жилищ непокорных горцев. Небольшой отряд майора Принца, истребив 15 аулов и до 1000 стогов сена в шестиверстном районе вокруг лагеря, имел на возвратном пути арьергардное дело, причем казаки, бросившись в шашки, опрокинули и рассеяли толпы абадзехов. Другой отряд, в составе 400 человек пехоты, 300 казаков и двух орудий, под командой подполковника Киреева, отправлен был на р. Курджипс. В течение трех дней он сжег более 3000 стогов сена и хлеба и 25 весьма больших абадзехских аулов, укрепленных завалами, потеряв в перестрелке ранеными 11 человек». (Филонов, 435).

2 аула на Белой, уничтоженные 7 декабря 1828 г. колонной под личным руководством Эммануэля: «7 декабря Емануэль выступил с отрядом и, переправившись через р. Вондакуо, текущую по заросшему лесом глубокому оврагу, прибыл на речку Каралы, недалеко от урочища Майкоп. На марше уничтожены 2 аула и сожжено до 1000 стогов сена, сложенных по обоим берегам р. Белой, причем ранен у нас один казак». (Филонов, 436).

8 абадзехских аулов, уничтоженных 8 декабря 1828 г. колоннами Флиге и Васмунда в районе урочища Майкоп: «В этот день (7 декабря) открыто сообщение с колонной ген.-м. Турчанинова, расположившегося против устья р. Курджипс, и, кроме того, отправлен авангард на правый берег р. Белой. Перед рассветом 8-го числа майор Васмунд, с отрядом из 400 человек пехоты и конницы при одном орудии, двинутый в верховье р. Вондакуо, истребил 5 абадзехских аулов и несколько стогов сена. По возвращении Васмунда, подполковник Флиге с небольшим отрядом сжег в окрестностях лагеря 3 аула и несколько сот стогов сена и хлеба, причем потерял раненым одного казака. 9 декабря генерал Емануэль перешел у Майкопа на правый берег р. Белой, переправив пехоту на казачьих лошадях, и прибыл к устью Курджипса, где соединился с ген.-м. Турчаниновым». (Филонов, 436).

А. Берзечев (абадзехский), 1836, сентябрь. Расположение: «за р. Белой или Схагуаше в вершине тесного и неудобопроходимого ущелья» (т. е., на одном из притоков Белой). Из рапорта барона Розена: «Ген.-м. Засс, узнавши через преданных нам горцев, что в абадзехском ауле Берзечев, лежащем за р. Белою или Схагуаше в вершине тесного и неудобопроходимого ущелья, разные племена закубанцев часто собираются для враждебных против нас совещаний и что проживающий в Турции Сефер-бей и прочие внешние возмутители, возбуждающие против нас горцев, обращаются с увещаниями своими к сим сборищам, решил истребить аул Берзечев. С сею целью ген.-м. Засс, собрав в станице Тифлисской отряд из 400 чел. пехоты Навагинского полка, 800 казаков Кубанского и Кавказского линейных казачьих полков, при 2 конных орудиях, ночью 5 сентября переправясь чрез Кубань, дошел до Лабы. 6-го числа отряд скрывался в огромных лесах на правом берегу Лабы. Перейдя ночью чрез эту реку, командующий отрядом, приказав пехоте следовать за собою, с казаками же и орудиями пошел вперед и к рассвету прибыл к аулу. Оставя в резерве часть казаков, ген.-м. Засс послал командующего Кавказским казачьим полком подполк. Васмунда занять аул, расположенный между лесистыми утесами. Жители, за исключением 12 душ, попавшихся в плен, успели спастись в лесу, оставя все свое имущество, 250 овец и 110 штук разного скота. Между прочими вещами достались в добычу нашим войскам богатая турецкая одежда и другие турецкие изделия, а также значительное количество награбленной хищниками серебряной посуды европейской работы». (Рапорт барона Розена к гр. Чернышеву, от 7 октября 1836 г. // АКАК, VIII, 759 — 760). В этом документе использована очень близкая к адыгскому произношению форма Схагуаше, тогда как обычно использовалась форма Шагваша. Точно в таком виде — Схагуаше — адыгское наименование Белой дано у К. Тауша в 1830 г. (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 102. Л. 1). У Г.В. Новицкого в 1830 г. также Схгагуаше и Схагуаше (Новицкий, 7, 10). Симптоматично, что автор не допускает мысли, что посуда могла быть приобретена покупкой. Как говорится, грабь награбленное. Но важнее здесь другое: причина нападения на этот аул, как якобы связанный с Сефербеем Заном, придумана Зассом, чтобы скрыть его истинные мотивы. Абадзехский дворянин Берзек упоминается в прошении ген.-м. Султана Азамат-Гирея к Николаю I от 5 июня 1838 г. как воспитатель владетельного князя Темиргоя Джембулата Айтекова-Болотокова, одного из ведущих черкесских военачальников в период до Адрианополя: «По возвращении же моем я убедил его (Джембулата. — Прим. С.Х.) по желанию начальства переселиться к границе нашей, уверив его в том, что хотя генерал фельдмаршал князь Варшавский граф Паскевич Эриванский отбыл, но данные им письменные обещания не могут быть нарушаемы местным пограничным начальником генерал-майором Зассом, к которому он не имел по каким-то обстоятельствам доверенности. При переселении своем к границе он оставил свое имущество на то время, пока на новом месте спокойно не водворится у воспитателя своего, который по обычаям горцев весьма близок был ему, абадзехского дворянина Берзека, каковое обстоятельство было известно ближайшему начальству, но вскорости лишь только Джамболет переселился к границе, отряд наших войск под начальством генерал-майора Засса напал на упомянутого Берзека, разорил его аул, причем и взято все оставленное имущество Джамболета, в числе добыч, что было поводом явным недовольствиям, возникшим между князем Айтаковым и генерал-майором Зассом. (РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 62. Л. 2 об.). Прощение Азамат-Гирея не оставляет сомнений в том, что абадзехский дворянский род Берзек действительно существовал и был связан с владетельными князьями Темиргоя. Они и могли разрешить своим вассалам поселиться на столь важной части своего домена, каковой являлся район Майкопа. Вполне вероятно, что Берзеки (Берзег, Берзедж) были темиргоевскими орками, а большинство жителей подвластного им аула были абадзехами. В этой связи также вполне вероятным выглядит предположение о том, что и убыхские Берзеки были адыгского происхождения и выходцами из Темиргоя.

А. Исмаила Хамамыжева (абадзехский), 1836, сентябрь. Первоначальное расположение: р. Белая. По просьбе Хамамыжева — «преданного нам абадзехского старшины» — отряд Засса 09.09.1836 г. переселил его аул на Лабу. (АКАК, VIII, 760).

А. абадзехского старшины Магомета Хамамузова. 1842 г., июль. 45 мужчин и 38 женщин. Расположение: на правом берегу Кубани. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 416). По всей види-

мости, это тот самый аул, который в сентябре 1836 г. был выведен ген.-м. Зассом с Белой на Лабу.

Абадзехские аулы, 1836, ноябрь. Расположение: «лежащие по правую сторону р. Белой». Засс не смог их достичь, увязнув в грабеже скота по дороге (1,000 овец). (АКАК, VIII, 765).

А. без указания названия, 1838, апрель. Расположение: в 3 верстах за р. Белой «на дне ущелья выходящего на равнину». При появлении войск жители бежали — «найден пустым и зажжен». (АКАК, VIII, 446).

А. Али-Харцызова (Джанчатова). 1838, апрель. Расположение: на р. Белой или сразу за ней. Указан как разоренный на момент рапорта. А. Али-харцизов на правом берегу Пшехи указан на карте маршрута действия отряда Козловского в 1858 г. (АКАК, IX, 446; РГВИА, 6772).

А. Дог-хабль (абадзехский), 1841. Расположение: за р. Белой в 22 верстах по прямой линии от просеки, «что близ мирного а. Бароней». Уничтожен 26.01.1841 г. отрядом ген.-л. Засса, начальника правого фланга кавказской линии. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 267. Л. 16).

А. Догуж-хабль (абадзехский), рядом с хатукаевским аулом Бароней; уничтожен 26.01.1841 г. отрядом Засса. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 267. Л. 16).

2 аула Дженгет-хабль, 1856. Название указывает на дворянский абадзехский род Джанчатовых. Расположение: просяные поля этих двух аулов под общим названием Дженгет-хабль находились по правую сторону р. Белой в 14 верстах вверх по течению от укрепления Белореченского. Соответственно, сами аулы, видимо, находились напротив полей с левой стороны реки. Участь: пока целы (на июль 1856 г.); экспедиция, собранная полковником Геннингом для захвата джанчатовцев во время их нахождения на полях, переориентировалась на два бжедугских аула. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1090. Л. 12).

А. Берзек-хабль, 1858. 40 дворов. Расположение: ущелье р. Белой. (АКАК, XII, ч. 1, 794). В 1864 г. на «Карте верхней...» отмечено сразу три берзековских аула — Берзек Нагой, Берзек Хусейн и Берзек-хабль — между рр. Майкоп и Чхафизепс. На более ранних картах а. М. Берзекова отмечен в этом же районе. Абадзехский старшина Нагай Берзек упоминается в рапорте Евдокимова от 28.11.1851 г. в связи с обозрением Маюкопского ущелья. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 910. Л. 5 об.).

А. Берзек-Тугуж, 1858. 25 дворов. Расположение: р. Дачуко-Этх. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Кошто-хабль, 1858. 30 дворов. Расположение: ущелье р. Белой. (АКАК, XII, 794).

А. Унроко-Богадырь, 1858. 40 дворов. Расположение: ущелье р. Белой. (АКАК, XII, ч. 1, 794). Возможно, что это тот же аул, что и Богадырь-хабль, 1858. Расположение: левый берег р. Белая, чуть ниже по течению от места впадения в Белую р. Курджипс. (РГВИА, 6772).

А. Берсеев, 1858. 25 дворов. Расположение: р. Дачуко-Этх. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Дичи-хабль, на половине пути от Белой к Курджипсу на дистанции ст. Егерухаевской (Тульской). (РГВИА, 6772).

А. Пишуонекой, правый берег Белой, на месте ст. Белореченской. На момент экспедиции Козловского уже был разрушен: Р. Пишуонекой. (РГВИА, 6772).

А. на левом берегу Белой выше ущелья Топогуап, примерно напротив будущей станицы Егерухаевской. Сожжен 26 января 1859 г. самими жителями при приближении Майкопского отряда. (Дроздов, 401).

А. на правом берегу Белой, выше станицы Егерухаевской (Тульской). Сожжен Майкопским отрядом ген.-м. Преображенского 26 января 1859 г. (Дроздов, 402).

А. Анзорова, 1859 г. Название указывает на фамилию первостепенных кабардинских дворян-тлекотлешей Анзор. Расположение: левый берег Белой, напротив а. Хапач-хабль. Майкопский отряд расположился в этом ауле на ночлег, но об его сожжении Дроздов не сообщает. (Дроздов, 402).

А. Хапач-хабль, 1859. По всей видимости, принадлежал абадзехам Хапач. Расположение: правый берег Белой, напротив а. Анзорова. Уничтожен Майкопским отрядом ген.-м. Преображенского 27 января 1859 г. (Дроздов, 403). Но в январе 1860 г. упоминается а. Хапачева на Белой, в 2 верстах выше устья Фюнтера. (АКАК, XII, 831).

Р. Шедубга, левый приток Белой. Из рапорта Филипсона от 21 января 1860 г.: «...я имел честь донести в. с., что направил действующий отряд из Хамкеты через землю абадзехов, махошевцев и егерукаевцев в Майкоп. Отсюда отряд двинулся по долине Курджипса, разработал перевал, отделяющий эту долину от долины р. Белой (это, по всей видимости, перевал Пшако, см. РГВИА, 6772) и продолжал медленное движение по сей последней долине, разрабатывая дороги и прорубая просеки. Долина Белой не представляет важных затруднений для военных движений, но она вся заросла дикими плодовыми деревьями, достигающими огромной величины, и терновником. Все это образует сплошной сад на расстоянии 35-ти верст. От устья р. Шедубга начинаются абадзехские аулы и чем выше, тем более сгущается народонаселение. 14-го января отряд расположился между четырьмя аулами, на левом берегу Белой, в 4-х верс. выше устья р. Фюнтер. (Рапорт командующего войсками Правого Крыла Кавказской Линии, ген.-л. Филипсона, ген.-фельдм. кн. Барятинскому, от 21-го января 1860 г. Майкоп // АКАК, XII, 830).

Р. Фюнфт (АКАК, XII, 654: отношение Барятинского), р. Фюнтер (АКАК, XII, 830: рапорт Филипсона). К 7 марта 1862 г. войска прорубили просеку шириной от 600 до 1000 сажен и протяженностью от устья Фюнтера до устья Мошоко, вдоль левого берега Белой. (АКАК, XII, 685). Современное название — Фюнть, правый приток Белой. Длина реки — 19 км.

Каменный мост, урочище на р. Белой. Из лагеря, который находился в 4 верстах выше устья Фюнтера, Филипсон во главе 5-ти батальонов пехоты и 2-х сотен казаков сделал экскурсию к Каменному мосту и обратно. Он был явно дезинформирован абадзехами, когда писал, что за Хаджохом (у него: Кожох) нет ни населения, ни удобных дорог и, что Белая на всей дистанции от Хаджоха течет в теснине. Тогда как, на самом деле, через несколько километров после Хаджоха вновь начиналась обширная долина общества Дахо с удобными дорогами и большим населением. «16-го числа я сделал это движение и вечером того же дня возвратился к остальному отряду. На протяжении 10-ти верст дорога проходит через несколько абадзехских аулов; сначала она недурна, но переходит через две глубокие балки (Кожох), покрытые лесом и образованные из отвесных каменных скал высотой до 500 фут. Проезд через эти балки для артиллерии совершенно невозможен, а разработка дороги потребовала бы огромных трудов, потому что дорогу пришлось бы высекать в скале. Самое урочище Каменный мост замечательно только как удивительная геологическая редкость. Контрфорс Черных гор, тянущийся под острым углом к Главному хребту на расстоянии нескольких сот верст, возвышается над уроч. Каменный мост. Когда-то этот кряж треснул от действия подземной силы и в эту трещину устремилась р. Белая. На гребне контрфорса эта трещина имеет до 350 саж., у Каменного моста — не менее 75 саж. глубины. Горцы называют это место *топкие*, т. е. два шага. Действительная же ширина трещины не более двух сажен; через нее переброшен грубой работы деревянный мост, а внизу почти водопадом стремится р. Белая. На левой стороне Белой, на небольшой поляне, обставленной амфитеатром лесистых гор, находится одно из двух мехкемэ абадзехов. Это квадрат, имеющий бока в 40 сажен и обнесенный деревянным частоколом; внутри его мечеть, три жилые сакли и яма, в которой содержится человек 30 горцев за разные преступления. Как военная позиция, урочище Каменный мост не имеет никакого значения. Для постройки там укрепления нет места; окрестные высоты командуют им на полружейного выстрела; далее вверх по р. Белой нет и не может быть аробных дорог; несколько пеших тропинок и одна конная ведут за контрфорс, на южной стороне которого по горным теснинам, спадающим с левой стороны в Белую и Пшехе, лепятся шесть небольших аулов Хамышкой. Другого населения в долине Белой нет, равно как нет и никакой дороги, которая бы вела через Главный хребет по этому ущелью, так как верхняя часть Белой течет в такой же трещине, как и близ Каменного моста. Хамышкеевские аулы имеют аробное сообщение с долиной р. Пшехе, которая берет начало тоже из горы Фишт, откуда вытекает и Белая. По р. Пшехе идет конная тропа чрез горы в землю Убыхов. Лесная полоса вообще в этом крае только на несколько верст не достигает хребта, но на высоте устья Фюнтера леса во многих местах истреблены значительным населением, которое издревле стусуилось по долинам Белой, Курджипса, Пшехе, Пшиша и Псекупса. Впрочем, строевого леса в этих местах совсем

нет, долины и балки покрыты плодовыми деревьями (самое слово Майкоп значит яблонева балка), а по горам растет малорослый дуб и терновник». (АКАК, XII, 830 — 831).

А. Бзуно-хабль. Из рапорта Филипсона от 21.01.1860: «Место для укрепления выбрал я против аула Бзунохабль и близ аула Хапачева, в 2-х верс. выше устья р. Фюнтера. Оно будет от Майкопа в 33-х верс. и, следовательно, на случай враждебного переворота в крае, должно иметь самостоятельный гарнизон, а на середине этого расстояния нужно промежуточное укрепление». (АКАК, XII, 831).

А. Хавапх-хабль, 1862. Расположение: на речке Фене, левом притоке р. Белой. На карте отмечен как Р.А., что означает «разоренный аул» либо «развалины аула». По всей видимости, а. Хавапх-хабль был уничтожен в период с 20.02. по 08.03.62 г. (РГВИА, 6780).

20 или 30 аулов в долине Дахо. Расположение: р. Дах — правый приток Белой. «До того времени (апреля 1862 г. — Прим. С.Х.) почему-то существовало мнение, что выше Каменного моста нет населения, а, если и есть, то весьма дикое и бедное. (Превосходное подтверждение штампа о невозможности занятия земледелием в горах. — Прим. С.Х.). Долина Дахо — одно из самых роскошных и плодородных мест предгорий западного Кавказа: здесь войска встретили огромное население, разбросанное в 20 или 30 аулах, в которых насчитывалось от 800 до 1000 сакель». Даховская долина была занята 26-30 апреля 1862 г., население изгнано, а аулы сожжены. (Богуславский, 344).

«Большой аул» (абадзехский) в долине р. Гуфабго (современное и искаженное название — Руфабго), левом притоке Белой, впадающем чуть выше пос. Каменноостровский. Уничтожен Даховским отрядом полковника Геймана 18 июля 1862 г. (Зиссерман, 409).

20 аулов по р. Ауко и ее притокам. Уничтожены Даховским отрядом под начальством Геймана 20 ноября 1862 г. (Зиссерман, 413).

Р. Сюг в Хамышкойейской долине, пост Сюгский при устье этой реки. (АМКВ, 174).

Пселяпшиш, урочище в верхнем течении Белой, в районе горы Фишт. (АМКВ, 180).

«Убыхская дорога» на перевал, «поднимающийся вверх по Дзыши на гору Фишта». (АМКВ, 180).

Г. Фюште (КЧКО)

Аулы по Курджипсу и его притокам:

А. Сала-Ахмет. Расположение: нижняя часть Курджипса — Курджипское ущелье началось возле его устья (впадения в Белую): «довольно узкое при входе в него, идет дальше постепенно расширяясь и верстах в пятнадцати представляет уже довольно большую равнину, перерезываемую частыми изгибами реки того же названия». Участь: сожжен отрядом генерала Козловского 10.12.1857 г. (В., 252 — 256). По всей видимости, это тот же аул, который на карте 1858 г. назван Салахмет-Патукаев, локализованный около 2 км выше по течению от а. Эркова, левый берег Курджипса: Раз. А. Салахмет-Патукаев. (РГВИА, 6772).

А. на правом берегу Курджипса; 11.01.58 г. уничтожен майкопским отрядом ген.-л. Козловского. (В., 268).

А. Куденетова, левый берег Курджипса, в 2-2,5 км выше а. Даур-хабль, уничтожен майкопским отрядом 12.01.58 г. (В., 271). Раз. А. Куденетова. (РГВИА, 6772). Куденетовы — кабардинские тлекотлеши.

А. Дух-Хабль, левый берег Курджипса, жители сами подожгли свой аул при подходе отряда Козловского 13.01.58 г. (В., 275 — 276). Раз. А. Дух-хабль. (РГВИА, 6772).

А. Мушавастей Кычекурт, левый берег р. Курджипс, чуть выше устья.

А. Пшижева, левый берег р. Курджипс, примерно в 2-2,5 км от устья Курджипса, выше впадения левого притока р. Аукка. Раз. А. Пшижева (РГВИА, 6772).

А. Эркова, около 0,5 км выше а. Пшижева, левый берег Курджипса. Раз. А. Эркова. (РГВИА, 6772).

А. Мушавастей, в 3-4 км от а. Мушавастей Кычекурт и примерно на таком же расстоянии от а. Салахмет-Патукаева. Мушавастей отмечен как более крупный, чем а. Мушавастей Кычекурт. (РГВИА, 6772).

А. без названия в 2 км к югу от а. Мушавастей. (РГВИА, 6772).

- А. Даур-хабль 1-й, состоящий из череды маленьких аулов, левый берег Курджипса, в 5-5,5 км выше от а. Салахмет-Патукаева. Раз. А. Даур-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Хатько-хабль, левый берег Курджипса в 2 км выше впадения Бжина. Раз. А. Хатько-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Хаджи-мулла-хабль, правый берег Курджипса напротив а. Хатько-хабль, Раз. А. Хаджи-мулла-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Шагуш-хабль, правый берег Курджипса в 1 км выше а. Хаджи-мулла-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Маратуко-хабль, по обоим берегам речки, левого притока р. Бжин. (РГВИА, 6772).
- А. Мозоко-хабль, по обоим берегам р. Бжин. (РГВИА, 6772).
- А. Маратуко-хабль 2-й, левый берег р. Эток, у впадения ее в р. Бжин с левой стороны. (РГВИА, 6772).
- А. Бей-Мурза-хабль, по обоим берегам р. Эток в 0,5 км выше а. Маратуко-хабль 2-го. (РГВИА, 6772).
- А. Ауль-хабль, в Ауль закономерно усматривается Ауль — адыг. Аульэ, одна из многочисленных абадзехских фамилий, левый берег Этока в 0,5 км выше а. Бей-Мурза-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Эфенди-Сейтов, р. Тхац между Курджипсом и Пшехой. (РГВИА, 6772).
- А. Эфенди Дагитано, между Курджипсом и Пшехой. (РГВИА, 6772).
- А. Хатуко-хабль, по обоим берегам р. Бжин в 1,5 км выше а. Мозоко-хабль, состоял из цепи маленьких аулов. (РГВИА, 6772).
- А. Курююко-ламжей, по обоим берегам устья р. Колихаш, левого притока р. Бжин в 0,5 км выше а. Хатуко-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Даур-хабль 2-й, левый берег р. Бжин, в 1 км выше а. Хатуко-хабль, состоял из цепи маленьких аулов. (РГВИА, 6772).
- А. Аульхо-хабль, в названии Аульхо также закономерно усматривается попытка транскрибировать абадзехскую фамилию Ауль — Аульэ. Расположение: левый берег р. Бжин в 0,3 км выше а. Даур-хабль 2. (РГВИА, 6772).
- А. Бженаш-хабль, левый берег р. Бжин и с правой стороны его маленького притока, в 0,3 км выше а. Аульхо-хабль (Ауль-хабль 2). Бженаш-хабль состоял из цепи маленьких аулов. (РГВИА, 6772).
- А. Маратуко-хабль 3-й, по обоим берегам р. Осшаго-Тхац, около 1,5 км на юг от а. Бженаш-хабль, состоял из цепи маленьких аулов. (РГВИА, 6772).
- А. Джеба-хабль, по обоим берегам р. Тхац, в 1 км ниже а. Маратуко-хабль 3-го. (РГВИА, 6772).
- А. Кругоко-хабль, напротив верховья р. Бжин, по правому притоку р. Джи. (РГВИА, 6772).
- А. Машнаго-хабль, левый берег р. Джи в 0,5 км от а. Кругоко-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Тлышаго-хабль, по левой стороне устья левого притока р. Джи, в 0,3 км от а. Машнаго-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Зиби-хабль, по правую сторону р. Джи в 0,5 км от реки и в 0,25 км от р. Хамуш-куток. (РГВИА, 6772).
- А. Хотко-хабль, левый берег р. Хамуш-куток в 0,25 км от а. Зиби-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Аpezоко-хабль, состоял из цепи маленьких аулов. Расположение: по обоим берегам р. Хамуш-куток, в 0,7 км ниже а. Хотко-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Аурсанов, левый берег Курджипса выше а. Шагуш-хабль. (РГВИА, 6772).
- А. Тахустан, правый берег р. Курджипс, выше устья его притока Хокодза, сожжен отрядом ген.-м. Тихоцкого 3 июня 1862 г. (Богуславский, 346).
- А. Куашев, р. Курджипс, выше а. Тахустан, сожжен 3.06.62 г. отрядом Тихоцкого. (Богуславский, 346).
- А. Дзепшев, р. Курджипс, выше а. Куашева, сожжен отрядом Тихоцкого 3.06.62 г. В 3-х аулах — Дзепшев, Куашев и Тахустан — в общей сложности до 300 дворов. (Богуславский, 346).
- А. Хаджи-Касаева, правый берег Курджипса, ниже впадения Хокодза, сожжен отрядом Тихоцкого 3.06.62 г. (Богуславский, 346).

тивление засевавших в нем горцев, был взят и сожжен». (Богуславский, 348 — 349; Введенский, 169 — 170).

А. Тлашо-хабль, левый берег Пшехи, чуть севернее а. Дженгит-хабль; уничтожен колонной полковника Офрейна 9 августа 1862 г. (Введенский, 170; Богуславский, 348 — 349).

А. Лагумжи-хабль, в 3-5 верстах вверх от устья Пшеходза (от ст. Пшехской) по левому берегу Пшехи; но не на реке, а на некотором расстоянии от нее; уничтожен Пшехским отрядом под командованием ген.-м. Преображенского 22 сентября 1862 г. (Введенский, 173; Богуславский, 350).

Аул рядом с Лагумжи-хаблем (Богуславский, 350).

Длинная цепь аулов в долине Бженефкуб, начинающейся в 6 верстах вверх по течению Пшехи, левый берег. Уничтожены отрядом ген.-м. Преображенского 30.09.62. (Введенский, 173).

А. Пшикуй-хабль, 1862. Расположение: левый берег Пшехи, примерно в 7 верстах от станицы Пшехской. Уничтожен отрядом ген.-м. Преображенского 30.09.62 г.; при этом, «по пути были разорены и преданы огню неприятельские хутора и аулы с собранными в них запасами хлеба и сена». (Введенский, 175; Богуславский, 350).

Цепь аулов, тянувшихся параллельно левому берегу Пшехи в 22-24 верстах от ст. Пшехской вверх по течению. Уничтожены 01.10.62 авангардом колонны Преображенского. (Введенский, 175).

А. Эсхак-эфенди Соолохова, 1862. У Введенского: а. Исаак-Шуулухов. Расположение: в 18 верстах от станицы Кубанской вверх по левому берегу Пшехи. Уничтожен колонной Преображенского 01.10.62 г. (Введенский, 175; Богуславский, 350).

«Большой аул Ахметук-хабль», 1862. Расположение: левый берег Пшехи, напротив будущей станицы Кубанской. Уничтожен Пшехским отрядом в присутствии графа Евдокимова 04.10.62 г. (Богуславский, 350).

Группа аулов, уничтоженных 06.10.62 колонной подполковника Краузе. Расположение: правый берег Пшехи, напротив а. Эсхака Шоолохова (Гейнс 1866/1, 19).

Группа аулов, уничтоженных 06.10.62 колонной подполковника Шестакова. Расположение: левый берег Пшехи, выше а. Эсхака Шоолохова (Гейнс 1866/1, 19).

Группа аулов, уничтоженных 7-8.10.62 колонной ген.-м. Преображенского. Расположение: правый берег Пшехи от дистанции а. Эсхака Шоолохова до правого притока Пшехи р. Тыжжи. (Гейнс 1866/1, 19 — 20).

А. Пшипи-хабль, 1862. Расположение: в 6 верстах от станицы Пшехской вверх по левому берегу Пшехи, рядом с а. Пшикуй-хаблем. Уничтожен 04.11.62 г. Пшехским отрядом. (Гейнс 1866/1, 18).

А. Худако, 1862. Расположение: правый берег Пшехи, ниже устья Тыжжи. Уничтожен Пшехским отрядом 4-9.11.62 г. (Гейнс 1866/1, 21).

«Огромный аул эфенди Багова, укрепленный завалами», 1862. расположение: правый берег Пшехи, чуть выше а. Худако. Уничтожен Пшехским отрядом 4-9.11. 62 г. (Гейнс 1866/1, 20).

А. Магомет-Амина, 1862. Расположение: левый берег Пшехи напротив поста Аминовский и, видимо, выше устья Дынь-Шекодза. Уничтожен отрядом принца Альберта 5 ноября 1862 г. (Потто В.А. История 44-го... VIII, 122).

А. Наджуко-хабль, 1862. Расположение: правый берег Пшехи, напротив Магомет-Аминовского аула. Уничтожен отрядом принца Альберта, согласно Потто, 5 ноября 1862 г. (Потто В.А. История 44-го... VIII, 122), согласно журналу военных действий — 8 ноября. (АКАК, XII, 1021).

А. Шагауджа-хабль или Шагуже-хабль, 1862. Согласно журналу военных действий, 5 ноября «Даховский отряд, пройдя 11 верст вверх по течению р. Тхаца, достиг аула Шагуже-хабль». (АКАК, XII, 1021).

Хоиако, правый приток Пшехи, исток которого находится напротив истока Тхаца, левого притока Курджипса. 7 ноября 1862 г. с верхнего Тхаца отряд принца Прусского перешел на Хоиако. (АКАК, XII, 1021).

Множество аулов в долине между Пшехой и водораздельным хребтом, отделяющим ее от Курджипса. Уничтожены отрядом принца Альберта 5-7 ноября 1862 г. (Потто В.А. История 44-го... VIII, 122; Хагандоков, 101-102).

А. Хаджи-Магомета Кхешова, упоминается 8 ноября 1862 г. в районе военных действий Даховского отряда под командованием прусского принца Альберта. (АКАК, XII, 1021).

А. Базыр-Бей 1-й (у Богуславского Басыр-Бей), 1862. Расположение: у входа в ущелье Шебжа, правого притока Пшехи (на одной дистанции с постом Тубинский). Уничтожен 13.11.62 колонной под началом Преображенского. (Гейнс 1866/1, 23; Богуславский, 352).

«Огромное количество аулов» в ущельях Шебжа, Аммы, Псефиржа, Панако и их притокам, уничтоженных Пшехским отрядом с 15 по 28 ноября 1862 г. (Гейнс 1866/1, 25; Богуславский, 352).

А. Куано-хабль, 1862. Расположение: правый берег Аммы, левого притока Шебжа, в 3 верстах от устья Аммы. Уничтожен Пшехским отрядом 20.11.62 г. (Гейнс 1866/1, 26).

«Огромный аул Мартуко-хабль, который более походил на обширное село, чем на горский аул». Мартуко очевидно указывает на абадзехский род Меретуко. Расположение: правый берег р. Шекоц (так у Гейнса, а у Введенского Пшеходзь), правого притока Пшехи, впадающего в нее в районе станицы Пшехской. Уничтожен колонной полковника Офрейна 09.12.62 г. (Гейнс 1866/1, 35).

Аулы по рекам Пшеходзь (Шекоц) и Четук, левому притоку Пшеходзя. Уничтожены колонной полковника Офрейна в период с 4 по 11 декабря 1862 г. (Гейнс 1866/1, 35 – 36).

А. Масако-хабль, 1862. Расположение: на реке Пшеходзь. Уничтожен Пшехским отрядом 15.12.62 г. (Гейнс 1866/1, 39).

А. Хут-хабль. Расположение: район Пшехи. Уничтожен 16 декабря 1862 г. командой, высланной из ст. Пшехской. (Богуславский, 352).

А. Басыр-Бей-хабль 2-й, 1862. Расположение: на реке Даргай, рядом с Пшехским постом, ниже по течению от станицы Пшехской. Уничтожен Пшехским отрядом 24.12.62 г. (Гейнс 1866/1, 42; Богуславский, 352).

А. Шазано-хабль, 1862. Расположение: на реке Даргай, рядом с Пшехским постом, ниже по течению от станицы Пшехской. Уничтожен Пшехским отрядом 24.12.62 г. (Гейнс 1866/1, 42).

А. Хатер-хабль. Расположение: в верхнем течении р. Даргай, между Пшехой и Пшишем. Уничтожен Пшехским отрядом 27.12.62 г. (Богуславский, 352).

А. Умохом-хабль. Расположение: р. Шекодзь. Уничтожен Пшехским отрядом, 27-29 декабря 1862 г. (Богуславский, 352).

«Довольно большой аул» на левом берегу р. Урус-Нако, протекающей примерно в 3 верстах к западу от станицы Пшехской, параллельно Пшехе. Уничтожен Пшехским отрядом 28.12.62 г. (Гейнс 1866/1, 44).

Еще ряд аулов по обоим берегам Урус-Нако на протяжении 7-8 верст вверх и вниз по течению от большого аула (см. предыдущий пункт). Уничтожены Пшехским отрядом 28.12.62 г. (Гейнс 1866/1, 45).

А. Батыр-хабль, 1863. Расположение: в верхнем течении р. Даргай, между Пшехой и Пшишем. Уничтожен Пшехским отрядом 17-18.01.1863 г. (Гейнс 1866/1, 53; Богуславский, 352).

А. Абда-хабль. Название указывает на фамилию Абидовых (Абыдэ). В таком случае, этот аул мы можем обозначить как Абидо-хабль 1-й, тогда как Абидо-хабль 2-й был уничтожен позднее на р. Пшиш (см. ниже). Расположение: р. Туха, левый приток Пшехи. Захвачен и разорен колонной полковника Офрейна 26.01.63 г. (Богуславский, 356).

А. Нахако-хабль, 1863. Расположение: долина р. Амбош, по всей видимости, правого притока Тухи (у Гейнса – Тхуха), которая, в свою очередь, является левым притоком Пшехи. Здесь же указана р. Нахако. Уничтожен Пшехским отрядом 26.01.63 г. (Гейнс 1866/1, 55 – 56).

Еще ряд аулов в долине р. Амбош, 1863. Уничтожены Пшехским отрядом 26.01.63 г. (Гейнс 1866/1, 55 – 56).

А. Аусь, 1863. Расположение: правый берег Пшехи, на месте станицы Самурской. Уничтожен Даховским отрядом полковника Геймана 24 марта 1863 г. (Зиссерман, 418; Потто В.А. История 44-го... VIII, 128).

А. Пшенаш, 1863. Расположение: как и а. Аусь, на месте станицы Самурской. Уничтожен Даховским отрядом полковника Геймана 24 марта 1863 г. (Зиссерман, 418; Потто В.А. История 44-го... VIII, 128).

А. Хатуко, 1863. Расположение: р. Шупс в районе верховой Пшехи. Уничтожен Даховским отрядом полковника Геймана 12 апреля 1863 г. (Зиссерман, 419).

А. Маротук, 1863. Это уже 3-й аул Меретуко-хабль. Расположение: правый берег Пшехи в ее верхнем течении, выше станицы Самурской и а. Хатуко. Уничтожен Даховским отрядом полковника Геймана 26 апреля 1863 г. (Зиссерман, 419).

А. Нагумко-хабль, 1863. Расположение: левый берег Дынь-Шекодза (в четырех с лишним верстах от устья), левого притока Пшехи, впадающего в нее выше Тухи (Тхухи). Уничтожен Пшехским отрядом 27.04.63 г. (Богуславский, 362).

Еще 3 аула по левому берегу Дынь-Шекодза, рядом с а. Нагумко-хабль, 1863. Уничтожены Пшехским отрядом 27.04.63 г. (Богуславский, 362).

Аулы в районе речки Феэкс. Расположение: 19 верст вниз по течению Пшехи от ст. Апшеронской. Уничтожены Пшехским отрядом 27 апреля 1863 г. (Богуславский, 362).

А. Цей-хабль, 1863. Расположение: левый берег Тухи в 6 верстах от устья. 15.05.63 г. колонна Пшехского отряда из 7 батальонов под начальством ген.-м. Зотова расположилась лагерем при а. Цей-Хабль, но об его уничтожении не сообщается. (Гейнс 1884, 497; Богуславский, 363).

Десятки аулов по обоим берегам Тухи, уничтоженные Пшехским отрядом 26.05.63 г. (Гейнс 1884, 499; Богуславский, 364).

Аулы по р. Цица, правому притоку Пшехи. Уничтожены Даховским отрядом в сентябре 1863 г. (Зиссерман, 424). На 15.02.64 г. отмечены Пшехским отрядом как уже разрушенные. (Гейнс 1866/4, 240).

Аулы по Пшехе ниже Тубинской теснины: уничтожены Даховским отрядом 8 и 9 января 1864 г. (С. Д., 115).

Аулы общества Тубы, по Пшехе, выше Тубинской теснины. Уничтожены Даховским отрядом во главе с Гейманом 10.01.64 г. (С.Д., 116 – 117).

Аулы на р. Куша (Куши) и на р. Циши: уничтожены Даховским отрядом во главе с Гейманом 11.01.64 г. (С.Д., 117).

Аулы на р. Гогопс, левом притоке Пшехи. Входили в состав тубинского абадзехского общества. Уничтожены Пшехским отрядом 1-2 апреля 1864 г. (Гейнс 1866/4, 258 – 259).

Аулы по р. Пшиш и его притокам:

У Г. В. Новицкого о Пшише: «Речка эта у абадзехов самая населенная». (Новицкий, 10).

Аулы Джамбора, Аслан-мурзы и Цап-Дедека. 05.02.1824 г. Власов во главе отряда из 850 человек пехоты, 200 конных казаков и 2 орудий на рассвете атаковал аулы Джамбора, Аслан-мурзы и Цап-Дедека на р. Тихенька (Пшиш): «В минуту все запылало; страшная суматоха поднялась в аулах; испуганные неожиданным нападением горцы метались во все стороны, гибли в огне, и в бушевавших при аулах горных потоках, или падали под оружием русских. Разорив жилища врагов, Власов, без всякой потери, взял в плен 143 черкеса, захватил 700 голов рогатого скота, до 1.000 овец, до 100 лошадей и, кроме того, много ценного имущества было захвачено при разорении аулов». (Короленко 1874, 182).

В 1825 г., как пишет Короленко, «грозная рука Власова карала злодеев в самых неприступных тущобах». Отряды «бороздили по за-Кубанскому краю, истребляя аулы враждебных горцев и запасы их. В пылавших селениях черкесы гибли сотнями или от огня, или от оружия ожесточенных казаков; нередко женщины и дети, спасаясь от грозившей смерти, толпами попадались к нам в плен, или даже, предпочитая смерть плену, бросались в бурные горные реки. Кроме множества взятых в плен черкесов, большею частью в землях шапсугского и абадзехского племен, войска наши захватывали ценное имущество горцев, а стада их целыми тысячами угонялись в Черноморию. Это была едва ли не самая отрадная пора на Черноморской кордонной линии». (Короленко 1874, 183).

Аулы на р. Пшиш, 1836. Расположение: 2 абадзехских аула в месте выхода р. Пшиш на плоскость в 50 верстах от устья Пшиша, т.е. от Кубани. И еще несколько аулов (точное их число

не указывается) в этом же районе. Уничтожены 25.01.1836 г. отрядом ген.-м. Засса вместе со значительной частью населения, не успевшего бежать. (АКАК, VIII, 756).

Абадзехский а. Хожхабль, 1836. Расположение: на левой стороне р. Пшиша, на плоскости, т.е. «окружен непроходимыми болотами, особенно со стороны р. Белой». 16.09.1836 г. уничтожен отрядом Засса, жители, за исключением 15 чел. пленных, успели бежать. (АКАК, VIII, 760).

А. Кошхо-хабль, 1841. В источниках часто упоминается урочище Кошхо: так называлось место по правому берегу Пшиша в районе т. н. Анапской дороги, проходившей от Белой через Пшиш к Псекупсу по линии предгорий. (Богуславский, 350, 351, 363). Кошхо-хабль уничтожен отрядом Засса 26.01.1841 г. Урочище Кошхо составляло удобный оборонительный рубеж и закономерно, что новая кордонная линия, созданная в октябре 1862 года была устроена по линии: Кошхо — Пшехская — Ханская. Таким образом, река Пшиз, охарактеризованная у Засса как топкая и за нее укрылись жители Кошхо, Дога и Догужа, это и есть Пшиш: подходит для такого отождествления и расстояние в 22 (и более) версты по прямой от Белой, и указание на болотистость местности по Пшишу у Богуславского. Эти отождествления полезны еще и в том плане, что лишний раз подтверждают сведения Засса о предпринятой им акции: дело в том, что в 1-м своем рапорте он не указал ни названий уничтоженных им аулов, ни их точное расположение. Детальная информация появляется в его ответе на запрос командующего войсками на Кавказской линии и Черномории ген.-лейт. Граббе, требовавшего разъяснить, какие и где аулы были уничтожены, «ибо государь император обыкновенно следит на карте за движениями войск на Кавказе». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 267. Л. 16).

Аулы по левому берегу Пшиша, уничтоженные отрядом ген.-л. Козловского 23 октября 1853 г. (АКАК, X, 630). Отряд Козловского, собранный в укреплении Белореченском, состоял из 6 $\frac{1}{4}$ батальонов, 20 сотен, 18 орудий и 300 милиционеров. По всей видимости, речь идет о группе абадзехских аулов в нижнем течении Пшиша, в непосредственной близости от бжедугских аулов.

Аулы, «а равно и заготовления, сделанные жителями на зиму» по Пшишу, уничтоженные 24 октября 1853 г. отрядом генерала от кавалерии Завадовского, командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории. На обратном пути к Ольгинскому укреплению Завадовский скончался. (АКАК, X, 338).

Твишебские аулы, 1862. Расположение: правый берег р. Пшиш, ниже поста Кошхо-Дечук (в качестве ориентира см. карту Е. Д. Фелицына). Пост Кошхо-Дечук был построен в месте впадения р. Кошхо-Дечук в Пшиш. Эти аулы упоминаются в районе наступления колонны Пшехского отряда под командованием ген.-м. Преображенского 11.10.1862 г., но не сообщается об их уничтожении. (Введенский, 182 — 183).

А. Шегухако-хабль, 1862. Расположение: на р. Этерток, правом притоке Пшиша. Уничтожен Пшехским отрядом 31.12.62 г. (Гейнс 1866/1, 46).

А. Эдик-хабль, 1862. Название указывает на принадлежность абадзехскому дворянскому роду Едыг (Едыдж). Расположение: на р. Этерток, правом притоке Пшиша. Участь: уничтожен Пшехским отрядом 31.12.62 г. (Гейнс 1866/1, 46 — 47).

А. Хадыжи, 1863. Расположение: правый берег Пшиша; помимо а. Хадыжи упоминается урочище Хадыжи. По всей видимости, это то самое место, где было основано укрепление Хадыжи в 1863 г., тогда как станица Хадыжинская была основана в 1864 г. на левом берегу Пшиша и существенно выше по течению. Уничтожен в первых числах июня 1863 г. Пшехским отрядом под начальством полковника Виберга. (Богуславский, 364),

Аулы в районе а. Хадыжи. Уничтожены в первых числах июня 1863 г. одновременно с а. Хадыжи Пшехским отрядом полковника Виберга. (Богуславский, 364).

А. Абидо-хабль 2-й, 1863. Расположение: правый берег Пшиша, в 22 верстах ниже впадения в Пшиш р. Хадыжи. На месте Абидо-хабля была основана станица Тверская. Уничтожен 07.06.63 г. колонной полковника Виберга. (Гейнс 1884, 506 — 509).

Аулы напротив станицы Пшишской, на левом берегу Пшиша. Уничтожены Пшехским отрядом 16.06.63 г. (Гейнс 1866/2, 239).

А. Шауш-хабль, 1863. Расположение: правый берег Пшиша, выше станицы Пшишской. Отмечен как «бывший» на момент движения Пшехского отряда 22.06.63 г. (Гейнс 1884, 509).

Аулы вверх по Пшишу от укрепления Хадыжи. Часть: уничтожены Даховским отрядом под начальством полковника Геймана 01.10.63 г. (Гейнс 1866/3, 25).

Аулы в устье р. Мальгошеп, левого притока Пшиша. Уничтожены 07.10.63 г. по личному распоряжению графа Евдокимова (Гейнс 1866/3, 30).

«Значительное количество аулов» по левому берегу Пшиша, 1863 г. Пшехский отряд проходит мимо этих аулов 07.10.63 г., так как они получили отсрочку до 01.02.64 г., после чего должны были выселиться сами либо неизбежно подвергнуться уничтожению (Гейнс 1866/3, 31).

«Множество аулов» в долине р. Сеже, правого притока Пшиша: уничтожены Пшехским отрядом 28.11.63 г. (Гейнс 1866/3, 40).

«Большой аул» Хуаже-хабль, 1863. Расположение: у слияния Большого и Малого Сеже. Уничтожен 29.11.63 г. (Гейнс 1866/3, 41).

Аулы по р. Большой Сеже: уничтожены 29.11.63 г. Пшехским отрядом (Гейнс 1866/3, 41).

Аулы по правому берегу Пшиша и левому берегу Чукца-Пер: Пшехский отряд вступил в этот район 30.11.63 г.: «Там, вдали, виднелись отары овец, стада рогатого скота; кое-где выглядывали аулы. Все это было явными обличителями невыселившегося народонаселения. Началась военная облава: кавказский гренадерский, 19-й, а потом и ширванский стрелковые батальоны были спущены вниз и, образовав одну общую длинную цепь, охватили все изгибы гор и трещин. Постепенно подвигаясь вперед, они наткнулись, совершенно неожиданно, на целые семейства женщин и детей, которые расположились среди своего имущества, сваленного в кучи. Спасаясь от колонны даховского отряда, который шел вверх по Пшишу, они попали в руки другой. Несколько мужчин бросились защищаться, и, конечно, одни легли на месте, другие были взяты в плен. Один убитый, один смертельно, а два легко раненые составляли нашу потерю. Конвоируя огромное количество пленных и большие стада, весь отряд спустился по промоине маленькой речки Хапс в долину реки Пшиша, где и расположился на левом берегу реки, в виду лагеря даховского отряда, который во все это время шел вверх по Пшишу и тоже набрал множество пленных. Непривлекательна была картина той части лагеря, где были расположены пленные: три небольших костра едва обогревали окоченелые их члены. Сырой воздух, мокрая земля, легкое платье женщин невольно возбуждали сочувствие в положении захваченных горцев. Этим трем группам все, за очень малым исключением, помогали чем могли: хлеб, масло, чай приносили со всех сторон. Не говоря об офицерах, у которых такой взгляд и сочувствие к несчастным есть прямое требование нравственного развития, следует с полным уважением упомянуть и о солдатах, которые очень охотно таскали для пленных дрова, делились с ними своими сухарями; даже некоторые давали им деньги, уделяя из своих ограниченных достатков». (Гейнс 1866/3, 42 – 43).

«Целый ряд аулов» на левом берегу Пшиша напротив станицы Тверской и поста Схалюкский, ниже устья Воцепси: временно не тронуты 15-16.12.63 г. проходящим мимо Пшехским отрядом из-за предоставленной до 1 февраля отсрочки. (Гейнс 1866/3, 49).

Группа аулов по р. Цыце: упоминаются при движении отряда 15.01.64 г., аулы не трогают, поскольку у жителей этого района было еще две недели на сборы. Солдаты стихийно разбирают дома на дрова, еще при живущих в них горцах. (Гейнс 1866/4, 217 – 219).

«Огромный а. Калмыко-хабль, который состоял из целой цепи больших и малых аулов, тянувшихся вдоль реки Марте. С 10 по 16 февраля (1864 г.) отряд наш простоял в этом месте. Каждый вечер позиция окаймлялась горящими аулами». (Гейнс 1866/4, 222).

Р. Жепсыж или Жыпсыж, приток Пшиша в его верхнем течении. (АМКВ, 179; ПКВ, 216).

Чхепс, «небольшой приток Пшиша» (ПКВ, 216).

Шебси, приток Пшиша (ПКВ, 216).

Р. Воцепси, левый приток Пшиша (Гейнс 1866/3, 49); Оцепсып (АМКВ, 186).

Р. Жипс, левый приток Пшиша. (АМКВ, 186).

Мельгошип, «урочище в 14 верстах от перевала в долину р. Туапсе». (ПКВ, 225).

Р. Шетчкара, приток Пшиша. (АМКВ, 179).

Р. Скальдук, приток Пшиша. (АМКВ, 179). Источник отмечает слияние Шетчкара и Скальдука с Пшишем на 10-й версте вверх от Хадыжей.

Гыш-Якуб, котловина на южном склоне, упоминается в связи с совместным набегом Пшехского и Даховского отрядов в ущелье р. Чилипси, притока Туапсе, 7 — 8 ноября 1863 г., «где разбит сбор убыхов, и 17-го числа Даховский отряд уничтожил горские жилища в котловине Гыш-Якуб». (АМКВ, 183).

Аулы по р. Псекупс и его притокам:

Мехкемэ на Псекупсе, упоминается в мае 1853 г. (АКАК, X, 639).

А. Хасай-хабль. Расположение: левый берег Псекупса. Упоминается в связи с проездом 01.03.63 г. великого князя Михаила Николаевича через земли закубанской Черкесии; войска подготовили ему переправу в районе а. Хасай-Хабль. (Богуславский, 357).

Множество аулов между Пшишем и Псекупсом, уничтоженных войсками в период с 15 января по 29 февраля 1864 г. «Страна между Пшишем и Псекупсом представляла слегка всхолмленную местность, перерезанную бесчисленным множеством горных ручьев и речонок. По качеству своему грунт земли мог равняться с черноземом. Конечно, не удивительно после этого, что все балки, где едва только протекали струйки воды, были застроены сплошными линиями аулов. Мы в первый раз встретили следы такого огромного населения. Грустно было горцам оставлять эти места. Случалось видеть, что огонь уже охватывал сотни аулов, а в следующих едва только начинали выбираться для выселения или на Лабу, или в «Стамбул». Ни одна пуля не была послана в защиту чудных мест: до такой степени горцы были проникнуты убеждением в необходимости беспрекословного переселения». (Гейнс 1866/4, 222).

«Версты за 2 до Псекупса, куда впадает Хатыпс, мы встретили обширную, круглую долину; окружающие ее скаты были усеяны аулами»: уничтожены 22 — 26.02.64 г. (Гейнс 1866/4, 224 — 225). «Как видно, в этих местах абадзехам было уже тесно жить: все площадки между кустами на горах и вся нижняя плоскость были освобождены от всех построек и хорошо обделаны для посевов. Скучность покосных мест заставляла их кормить свой скот в зимнее время сухим дубняком и соломою, что подтверждали и заготовленные в лесах целые стоги дубовых сучьев и отсутствие сенных запасов».

Аулы в долине р. Шенепси к югу от хребта Шенепси, параллельного хребту Котх. (Гейнс 1866/4, 226).

Тфиако, ущелье в долине Псекупса. (АМКВ, 185).

Псефаб (КЧКО) или Горячие воды.

Котх или Хотх, хребет. Горы Хотх (КЧКО). Р. Хотх с притоками: Аджой, Псеяко, Тугуж, Боку, Верхний Пхафитль, Нижний Пхафитль, Воцепсы (ПКВ, 215).

Притоки Псекупса: Хатыпс, Псытль, Чутханашхо, Пшенашук, Шеблюнако, Шебеюк, Псышугоко, Шуджеяко, Джанбечиако, Удагажук, Шепсытль, Чебси, Беледжяко, Кохепс, Псиф, Очако, Хоцепс, Шепапси, Вутыпс. (ПКВ, 215 — 216).

Аулы на р. Суп:

Аулы на р. Суп, абадзехские и бжедугские, уничтоженные на рассвете 17 февраля 1810 г. отрядом Бурсака. «Застигнутые врасплох горцы защищались отчаянно, а те из них, которые не успели вооружиться, спасались вброд через речку и разлившийся версты на четыре лиман. Ожесточенные казаки рубили врагов несмотря ни на пол, ни на возраст. В пылавших аулах Бурсаку удалось спасти 14 мужчин и 24 женщины. Все имущество неприятелей, уцелевшее от огня, и состоявшее, большею частью, в медной посуде, турецких тканях, бумажном холсте и т. п., было забрано нашими войсками; рогатого скота они захватили до 3,000 голов, овец более 3,000 и до сотни лошадей, и много разного оружия... Вся добыча роздана была войскам, а из оружия богатый лук, со стрелами в колчане, и отличное ружье Бурсак отослал в Одессу, в подарок Дюк де-Ришелье». (Короленко 1874, 156).

Аулы на р. Суп, абадзехские. Подверглись разорению отрядом Бурсака 12 — 17 сентября 1810 г. (Короленко 1874, 158).

Абадзехские аулы, названия не указаны. 22.11.1823 г. атаман Власов «собрал все льготные части казаков до 2.500 человек, затем двинулся с отрядом в горы, и, пройдя по рр. Цах, Супп и Илик, истребил несколько абадзехских аулов, захватил много скота и отбил у горцев медную пушку». (Короленко 1874, 182).

Царык, урочище в западной части Абадзехии, в 35 верстах от Кубани. Сюда был сделан рейд под начальством ген.-м. Безкровного 18 — 19 сентября 1829 г. «Путь пролегал сперва через земли хамышеевцев, а затем, уже в 30 — 35 верстах от Кубани, начинались аулы абадзехов, числом до 6 тысяч дворов, разбросанных отдельными хуторами по рр. Псекупсу, Пшишу, Илику, Онеубиту и другим». В урочище Царык отряд Безкровного оказался в окружении густых масс абадзехов и был вынужден ретироваться, удовольствовавшись захватом 259 голов скота, сожжения 200 скирд хлеба и около 380 стогов сена. Один абадзех был захвачен в плен. (Томкеев, 165).

Аулы на р. Догай, 1835, март. Расположение: на р. Догай, посередине между рр. Шебш и Суп, в 14 верстах от Афипского укрепления. Уничтожены отрядом ген.-л. Малиновского: «Несколько аулов были заняты и со всем бывшим в оных имуществом преданы огню. В одном из оных захвачены в плен две женщины с двумя детьми и взято до 100 штук разного скота». На обратном пути отряд «был вдруг со всех сторон атакован превосходными силами спешившихся шапсугов, натухайцев и частью абадзехов, всего гораздо более тысячи человек. Неприятель, несмотря на удачное действие артиллерии и значительную потерю, с ожесточением неоднократно бросался на стрелков и резервы в шашки, и кровавый рукопашный бой возобновлялся беспрестанно и не прежде кончился, как отряд вышел из леса на равнину. Отчаянная храбрость черкес была оспариваема русскими штыками и поверхность всегда оставалась на стороне нашей». Потери черкесов, «по вернейшим сведениям», более 70 убитыми и ранеными. Потери отряда: «убито нижних чинов 10, ранено: обер-офицеров 4, нижних чинов 53 и черкес 2 чел.». (АКАК, VIII, 752 — 753).

Хопсыл, долина, прилегающая к р. Догай (ПКВ, 169).

Пхагнаабч, урочище в районе Дмитриевского укрепления и р. Догай. (ПКВ, 169).

Ханмезский лес, в долине Догай (ПКВ, 170).

Реки Адыгако и Пачуко, притоки Шебша. (АМКВ, 177).

Недзюко-хабль, общество, «всегда неприязненное нам и составляющее гнездо беспокойных хаджиретов». (Журнал ген.-л. Рашпиля о военных действиях на Черноморской кордонной линии с 3 по 17 октября 1850 г. // АКАК, X, 603).

А. Недзюко-хабль, 1862. Расположение: ущелье р. Суп. 29.12.1862 г. уничтожен Шебшским отрядом под начальством полковника Левашова. «Супское ущелье образует собой долину около версты шириной, правый берег р. Супа крутой и чистый на полверсты, а далее лес и р. Иллич с большим населением, левый берег отлогий и чистый на ружейный выстрел, а потом начинается сплошной лес, вдоль которого расположен был более чем на версту богатый аул Недзюко-Хабль, имевший более 500 домов и огромные запасы сена и хлеба, даже лавки с турецкими товарами». (ПКВ, 170). Левашов выделил для уничтожения Недзюко-хабля колонну из двух батальонов во главе с майором Федосеевым: «Горцы, видя уничтожение десятками лет нажитого ими достояния, защищали аул с отчаянием, встречая войска залпами, и нужно было выгонять их из одного двора в другой, когда была уничтожена половина аула, показался 2-й эшелон, но я должен был возвратиться его опять к завалу, приказав занять примыкающий к правому берегу лес, в который стремились горцы, конные и пешие, значительными толпами с р. Иллич. Имея этот эшелон, едва успел занять свою позицию, как у него завязалась жаркая перестрелка, а между тем истребление аула подходило к концу, и я торопил войска к скорейшему выходу из ущелья, левая цепь, следуя по лесу, захватила аул Шетоутако и также зажгла его». Подводя итог, Левашов сообщает: «истреблены два богатых аула, более 600 домов со всем имуществом и запасами хлеба и сена, смело можно сказать, огромными». (ПКВ, 170 — 171).

А. Шетаутако, 1862 г. Расположение: на р. Шетаутако, левом притоке Супа. 29.12.1862 г. уничтожен Шебшским отрядом под начальством полковника Левашова. «В ночь с 28 на

29 декабря произведен набег в ущелье р. Суп, для уничтожения двух больших аулов: Надюко-Хабль и Шетаутако, расположенных в означенном ущельи: первый на р. Суп, а последний на левом притоке Супа — Шетаутако. Для сего составлены были две колонны: 1-я под командой начальника отряда из 3-х батальонов и 1 сотни; 2-я — из 1 батальона и 2 конных орудий. На рассвете обе колонны подошли ко входу в Супское ущелье. По сигнальному выстрелу, обе колонны двинулись в Супское ущелье. Первая, следуя вниз по реке, овладела с боя аулами Надюко-Хабль и Шетаутако и, уничтожив, как эти аулы, так и ближайшие хутора, со всеми находившимися в них запасами хлеба и сена, спустилась к выходу из ущелья». Потери отряда составили 16 раненых нижних чинов. Горцы оставили в руках неприятеля 3 тела и 1 мальчик попал в плен. Отряд захватил также 120 голов скота и, как еще раз подчеркивается в рапорте, «уничтожил огромные запасы хлеба и сена». (Журналы военных действий и занятий войск в Кубанской области, составленный по сведениям, полученным от частных начальников, с 5 по 12 января 1863 г. // ЦГИАГ. Ф.416. Оп. 3. Д. 1177. Л. 1 — 2).

А. дворянина Магмета Селат Чериок Эдиге; в 1852 г. фигурирует как мирный; 160 жителей. (ПКВ, 61).

А. Азухабль, 1863 г., «соседственный к бжедугам абадзехский аул». (ПКВ, 231).

Р. Вачак, в районе хребта Цеэтх. (АМКВ, 177). Здесь, в районе упомянутых речек и хребта Цеэтх, специально сформированный Джубский отряд, выступивший из Григорьевского укрепления вверх по Шебшу, 18 сентября 1863 г. «сделал движение по этим рекам для уничтожения существовавших там аулов». (АМКВ, 177). Затем отряд занимался постройкой Тхаммахинского и Шебского постов, строительством моста через Шебш и расчисткой дороги вниз по Шебшу: «Между этими работами одновременно составлялись легкие колонны, которые обследовали ближайшие местности по вершинам Шебша и его притокам, уничтожив все открытые аулы со всеми находившимися в них запасами разного рода». (АМКВ, 177). 24 сентября Джубский отряд занял устье Джубы, а 25 октября «двумя отдельными колоннами уничтожены аулы между низовьями Джуба и Шапсуго». (АМКВ, 178). 31 октября колонной Джубского отряда были уничтожены последние «туземные поселения», оставшиеся в вершинах Шебша. (АМКВ, 182). 1 — 4 декабря Джубский отряд «прошел несколькими колоннами от устья Дефана по вершинам и средним течениям названных рек (Шапсуго и Неджепсухо), уничтожая население, после чего, поднявшись вверх по Шапсуго и перевалившись в бассейн Псекупса, очистил от туземцев левый берег этой реки». (АМКВ, 182).

Абадзехские аулы, эмигрировавшие в Турцию в 1888 — 1890 гг.

Абадзехский аул Хаджимуко-хабль или Хаджимуковский, на правом берегу Фарса, по ведомости 1886 г. в нем числилось 3556 человек. 30 июля 1888 г. «государь император высочайше соизволил переселение жителей Хаджимуковского аула Кубанской области в пределы Турции». (ТПКВА, 261). В октябре 1888 г. последовало уведомление начальника Кубанской области штабу Кавказского военного округа об отправлении из Новороссийска в Самсун двумя пароходными рейсами 3333 человек — горцев аула Хаджимуковского. (Там же. С. 271). Впоследствии здесь была водворена станица Дондуковская.

В ноябре 1889 г. последовало «высочайшее повеление о переселении в Турцию шести аулам»: Натырбаевскому, Унароковскому, Бенокскому, Бгуашехабльскому, Бжедугскому и Ходзскому. Переселение жителей этих аулов в Турцию планировали завершить к 15 сентября 1890 г. (Там же. С. 282 — 283). Данное «высочайшее повеление» от 7 ноября 1889 г. позволяло переселение в Турцию 24.000 человек — жителей черкесских аулов Кубанской области. Но турецкое правительство заблокировало столь масштабное переселение и ограничило квоту 9100 человеками. (Там же. С. 286). Квота была превышена и переселилось 9320 человек. (Там же. С. 305). Помимо вышеназванных аулов, значительное число переселенцев — 150 человек — добавилось из аула Адамиевского. После переселения в Турцию этих шести аулов часть населения еще оставалась на родине и в 1892 г. был составлен список этих лиц с указанием, в каких аулах они «временно проживают» и с примечанием о том, что все они «подлежат выселению туда», т. е., в Турцию. Всего таких семей оказалось 108. (Там же. С. 306 — 313).

Абадзехский аул Унароко-хабль или Унароковский, на левом берегу р. Чохрак (Чехрак), значительное поселение, сформированное властями из числа горцев, принявших российское подданство. Располагало 4250 десятинами, насчитывало 201 двор, 202 дома, 1121 человек (1882 г.), почти все жители — 1044 человека — в 1890 г. переселились в Турцию. Впоследствии здесь было водворено русское село Унароковское.

Абадзехо-махошевский аул Нетырбей или Натырбовский, на левом берегу Лабы, переселилось 1362 человека. Впоследствии здесь было водворено русское село Натырбово.

Фелицын Е. Д. Карта Кубанской области, 1882 г., фрагмент:
Хаджимуко-х., Куджир-Хакуч-х., Унароко-х., Нетырбей

Абадзехский аул Джанкято-хабль, на правом берегу р. Белой, 5071 десятина, 180 дворов, 256 домов, 963 человека (1882 г.), переселилось 981 (1890 г.). Впоследствии здесь были водворены два русских села — Великое и Вечное.

Абадзехский аул Бгуаше-хабль, на правом берегу р. Белой, 5796 десятин, 270 дворов, 420 домов, 1460 человек (1882 г.), переселилось 1180. Впоследствии здесь было водворено русское село Белое. (Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года. №№ 5125, 5249, 5294, 5341, 5343, 5355; ТПКВА, 305).

Таким образом, в 1888 — 1890 гг. более девяти тысяч черкесов были вынуждены отправиться на чужбину и, таким образом, с карты Кубанской области исчезло 6 аулов: Хаджимуко-хабль, Беноко-хабль (кабардинский), Бгуаше-хабль, Джанкято-хабль, Унароко-хабль, Натырбей.

Фелицын Е. Д. Карта Кубанской области, 1882 г., фрагмент: Бгуаше-х., Бжедуг-х., Джанкято-х.

Бжедугия

А. владетельного князя Хамышея Батыр-Гирея Хаджимукова, на правом берегу Кубани, на том самом месте, где потом, с 1793 г., начали строить Екатеринодар. (Короленко 1902, 74).

А. султана Магмет-Пака, упоминается 4 июля 1800 г. в связи с набегом бжедугского князя Явбук-бея на черноморцев, приступивших к вырубке леса в Головатом куте. В ответ последовал рейд черноморцев, разоривших а. Магмет-Пака, являвшегося, согласно Короленко, «единомышленником» Явбук-бея. (Короленко 1874, 123). Вероятно, под титулом султан здесь надо понимать бжедугского дворянина-хануко гирейского происхождения либо бжедугского же тлекотлеша.

18 аулов, уничтоженных отрядом Бурсака 19 — 20 июня 1809 г. Отряд состоял из 122 офицеров, 110 сотенных есаулов (урядников), 4,500 казаков, батальона 22-го Егерского полка, 6 орудий. Маршрут пролегал от Александровского поста на Кубани к р. Псекупс, затем к речкам Шедук и Мате. «На пути Бурсак сжег несколько аулов, принадлежавших Бат-мурзе, неоднократно клявшемуся в преданности России и постоянно изменявшему. Жители аулов удались в горы и леса... Всего в эту экспедицию атаман разорил восемнадцать аулов, многие хутора, пасеки и другие заведения, истребил запасы хлеба, сена и других предметов; словом, разорил весь край, потеряв убитыми 12 человек, ранеными человек... У черкесов же, по верным сведениям, было убитых более 300 и ранено 520 человек, большею частью от действия нашей артиллерии». (Короленко 1874, 148 — 149).

А. черкесского владельца Дударука, расположенный в виду Екатеринодара. (Короленко 1874, 179). Здесь в конце января 1822 г. находился анапский паша Сеид-Ахмед.

10 января 1824 г. состоялась карательная экспедиция под начальством Кацырева против бжедугов. Население пыталось скрыться: «Но большая часть все-таки была окружена — и из всего огромного обоза только сто пятьдесят человек стариков, женщин и детей было захвачено в плен; все остальное, пытавшееся сопротивляться, было перебито или потоплено... Император Александр, узнав об экспедиции, остался весьма недоволен кровавым эпизодом на переправе. Кацыреву объявлен был выговор, но Ермолов энергично отстаивал его...». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 487). У Радожицкого расправа на переправе описана таким образом: «...большая часть сидевших на арбах женщин с малолетними побрасались в воду, где многие были перебиты и потоплены, захвачено в плен только 30 душ и 300 скотин». Одновременно часть отряда ударила по аулу бжедугского владельца Берсленя Гаджи: в соседнем лесу роты захватили 110 душ и 300 скотин». «В этом набеге с нашей стороны убито два казака, ранен капитан Поленов и два рядовых. Черкесы, кроме взятых в плен 143 душ, потеряли погибшими в речке и в лесу значительное число». (Радожицкий, 52 — 55).

Два аула хамышейского-бжедугского князя Нагай-Чирея. Разорены Власовым в феврале 1824 г. (Короленко 1874, 183).

Кейтезах, урочище в ближайшем Закубанье, недалеко от укрепления Мостовое Алексеевское. (АКАК, VIII, 732). 2 марта 1832 г. отряд ген.-м. Берхмана, собравшись на левом берегу у укрепления Мостовое Алексеевское, «следовал по левой стороне Кубани вверх по оной до уроч. Кейтезах, в 4-х верстах впереди аула кн. Алхазова». Поскольку здесь к отряду присоединилась милиция из мирных бжедугских аулов во главе с хамышейским князем Алхазом и керкенейским князем Мамед-Гиреем, то мы можем быть уверены, что урочище Кейтезах находилось примерно на стыке владений шапсугов и хамышеевцев.

А. хамышеевского князя, прапорщика Шеретлука, в ближайшем от Екатеринодара Закубанье, здесь, в доме князя, остановился 14 ноября 1838 г. Андрей Хай (ШССТАК, 176).

Хатовсукин, хутор на правой стороне Кубани (ШССТАК, 177)

А. черченеевского князя, прапорщика Эльбездука Андара (ШССТАК, 178).

А. Бейслана Пшебыко (ШССТАК, 179). Здесь поселился в начале 1839 г. русский агент Андрей Хай.

А. князя Пшемафа Кончукова (ШССТАК, 366).

А. владетельного дворянина Магмета Шеумененоко (энемские Шумануко). 1840 г., март. Расположение: напротив станицы Кавказской, на левом берегу Кубани. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 232. Л. 53-53 об.).

А. первостепенного бжедугского узденя Заурбека Пшеманукова. 1842 г., июль. 191 мужчины и 174 женщины. Расположение: «на левом берегу Кубани выше станицы Казанской 3 ½ версты». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414).

А. подпоручика князя Мисоста Хаджемукова, в апреле 1850 г. переселился на правый берег Кубани из-за конфликта с большинством бжедугского населения, принявшего сторону наиба Шамиля Мухаммед-Эмина. (Записка ген.-л. Рашпиля ген.-л. Завадовскому о ходе дел за Кубанью, 2 июля 1850 г. — Ессентуки // АКАК, X, 600).

А. прапорщика Бейслана Улоова, в апреле 1850 г. переселился на правый берег Кубани из-за конфликта с большинством бжедугского населения, принявшего сторону наиба Шамиля Мухаммед-Эмина. (АКАК, X, 600).

А. прапорщика Глаустена Инармиса, в апреле 1850 г. переселился на правый берег Кубани из-за конфликта с большинством бжедугского населения, принявшего сторону наиба Шамиля Мухаммед-Эмина. (АКАК, X, 600).

А. лейб-гвардии ротмистра Султана-Сагат-Гирея, на правом берегу Кубани. (АКАК, X, 600).

А. прапорщика Алкаса Бжегако, упоминается в июле 1850 г. как готовый к переселению на правый берег Кубани: «Аул прап. Алкаса Бжегако, прикрытый мостовым Алексеевским укреплением, также стал в положение совершенной готовности перейти к нам, и вследствие того все скотоводство сего аула переведено на нашу сторону». (АКАК, X, 600). Бжегакой упо-

минается в рапорте Рашпиля от 17.11.1851 г., поскольку жители этого аула известили шапсугское собрание о движении русского отряда. (ПКВ, 54). В 1852 г. в Бжегокае проживало 685 человек, а владельцами аула были прапорщики Алкас и Аслан-Гирей Бжегако. (ПКВ, 63). Из отношения ген.-адъют. Барятинского к военному министру за сентябрь 1859 г. узнаем об очень интересном обстоятельстве: бжедугская знать, изгнанная из своих аулов, в значительном числе проживала в ауле Бжегокай, что ставило общество этого аула в конфронтационное положение по отношению ко всей Бжедугии: «В апреле месяце старшины бжедухов, избранные от обществ низших сословий народа, находящихся в открытом разрыве со своими князьями и дворянами, явились к и. д. наказного атамана Черноморского казачьего войска с изъявлением готовности принести покорность нашему правительству. Им было объявлено, что, пока они не присягнут все поголовно и не выдадут аманатов по нашему назначению, то не будут с ними начаты никакие переговоры. Ответ этот был передан старшинами народу, которого сборы и совещания продолжались потом до половины мая. 15 числа явилась к ген.-м. Кусакову депутация от всех бжедуховских племен: хамышейского, черченейского, адемийского и батукайского, от каждого аула по одному, в числе 38 человек и объявили, что народ покоряется правительству безусловно. В тот же день прибыл к ген. Кусакову доверенный от князей и дворян, живущих отдельно от народа, в ауле Бжегокай, с объявлением, что они также готовы последовать примеру низших сословий... 4) Объявлено бжедухам, что на их земле не будет позволено селиться ни жителям Бжегокаевского аула, ни князьям, ни дворянам до того времени, пока они сами не согласятся между собой по этому предмету, и назначены для них границы с востока на запад от р. Белой до поста Хомутовского и на юг до земли абадзехов. Вместе с тем воспрещено и бжедухам принимать на их земли выходцев из гор и вообще непокорных, а также табуны и скот их без разрешения командующего войсками правого крыла». (АКАК, XII, 824 — 826). Из этого сообщения можно сделать вывод, что Бжедугия состояла из 39 аулов и что аул Бжегокай находился не на том месте, где он располагается ныне, а немногим ниже по течению Кубани.

Энем, «самый многолюдный и богатый из всех хамышевских аулов». (К/1, 107). В июле 1850 г. Рашпиль сообщал: «Общество Хамышейского аула Энем, управляемого прап. Наурузом Шуманого, также прислало депутатов с раскаянием за данную Мухаммед-Эмину присягу и с изъявлением своей преданности к нам». (АКАК, X, 601). Через год лояльность жителей Энема вновь необходимо было обеспечивать угрозой расправы. Из рапорта Рашпиля: «В последнем донесении моем по делу Хамышейского народа, от 24-го ноября, № 262, я имел честь сообщить вам о встретившейся необходимости двинуть немедленно войска наши за Кубань. Эта необходимость произошла вследствие представления самих князей и дворян хамышейских, оправдывавших медленность и нерешительность своего народа тем, что только один аул Энем явно противится присяге, выдаче аманатов, поведение же его в этом случае имеет большое влияние на все бжедуховские аулы, хотя и питающие миролюбивое расположение, но готовые подражать его примеру. По характеру действий горцев, всегда готовых следовать примеру не только одного аула, но даже отдельных лиц, если только они имеют целью вражду к русским, я вполне сознавал справедливость объяснения князей и дворян и лучшим средством выйти из нерешительного положения счел — немедленно двинуть отряд за Кубань, прямо на Энем, с тем, чтобы, в случае сопротивления его присяге, сжечь или истребить до основания этот аул, всегда нам враждебный. Но вместе с тем, имея в виду, что если при самом начале приведения под власть Е. И. В. целого народа начать истребление и разорение жителей, то подобные действия оставят в умах народа весьма невыгодное для нас впечатление, а следовательно, и тайное нерасположение к новому правительству. Чтобы уладить это дело средствами более миролюбивыми, имеющими в глазах самих хамышейцев вид справедливости и законности, я объявил князьям и дворянам, что буду ожидать решения всех аулов 23-го и 24-го чисел, а 25-го весь аул Энем должен прибыть в мостовое Алексеевское укрепление, где будет собран отряд, и если к вечеру 25-го числа не присягнут энемцы, то с рассветом другого дня я иду к аулу и непременно сожгу его. Утром 25-го числа прибыли энемцы и привезли с собою аманатов: одного из дворянской фамилии Шумануко, а другого, как они говорят,

сына почетнейшего тлокотля (простого свободного черкеса); но, хорошо зная положение дел черкесских, вам, вероятно, известно, что энемцы недавно изгнали от себя фамилию Шумануко, которая постоянно владела этим аулом, следовательно, ни в каком случае дворянин этой фамилии не мог служить залогом верности Энема. Между тем, присланный от вас л.-гв.-ротм. Султан-Сагат-Гирей обнаружил, что другой аманат был сын не почетного тлокотля, как говорили энемцы, но крестьянина, недавно выкупившегося на волю, и точно также как и Шумануко плохо обеспечивал нам присягу этого аула. Дальнейшие переговоры не повели ни к чему, и я на другой день, в 6 часов утра, двинул к аулу собранный отряд, состоявший из 9-ти рот, 3-х сотен и 8-ми орудий. Не доходя версты две до аула, на уроч. Терияшх, встретили нас 24 чел. почетнейших жителей Энема с изъявлением готовности от имени целого аула присягнуть и выдать аманатов из фамилий, какую им укажут. Находя возможным без кровопролития исполнить предписание ваше, я принял от этих лиц присягу и аманата из фамилий Диде — самой почетнейшей в Энеме, но с тем, чтобы тотчас хозяева домов целого аула вышли к отряду и приняли присягу. Через час требование это было исполнено и еще 40 чел. энемцев присягнули». (Рапорт ген. — л. Рашпиля ген.-л. Завадовскому, от 4 декабря 1851 г. // АКАК, X, 608 — 609).

В 1852 г. владельцем Энема указан дворянин Татлустен Шумануков. Численность взросло-го населения обоих полов — 400 человек. (ПКВ, 58).

Впоследствии Энем был дважды подвергнут разгрому и сожжению. Начальник штаба Черноморского казачьего войска ген.-м. Кусаков сообщал: «Находившийся при р. Супсе, недалеко от гор. Екатеринодара, хамышевский аул Энем был истреблен нами 19 декабря 1856 г. После истребления этого аула со всеми его укреплениями в зимнее время, должно было полагать, что жители оного удалятся дальше; но они, дорожа местностью, весьма удобной для скотоводства и хлебопашества, не хотели оставить этого места, хотя сначала и предполагали удалиться в горы к абадзехам. При этом они были упрощены жителями соседних аулов не оставлять этого места, а поэтому сии последние весь скот первых содержали во всю зиму своими средствами, дали им для довольствия и на посев хлеба до нового урожая и, собравшись все, нарубили леса, построили новые жилища, укрепили аул по-прежнему и давали от себя по очереди караульных. Дабы наказать еще энемцев и вынудить их удалиться в горы, исправляющий временно должность наказного атамана, окружной начальник Екатеринодарского военного округа Черноморского казачьего войска полк. Борзиков, пользуясь переменой с кордонной линии пеших батальонов, поступивших в Адагумский отряд, 26 сентября, составив отряд из 8 рот пехоты, 6-го, 7-го и 9-го батальонов, 763 чел. казаков льготных частей, 6 станков ракетной команды в пешем составе, 375 чел. конницы и 6 орудий, переправился за Кубань в двух местах: пехота и ракетные станки у Михайловской предместной башни, под командой командира 5-го конного полка подполк. Могукурова, а конница и артиллерия с полк. Борзиковым — у Хомутовского поста. Пехота, шедшая болотами, залитыми водой почти на 6 верст, не выйдя еще из болот, в 3½ часа ночи была открыта не караульными, как после дознано, а черкесами, ездившими из энемского аула на воровство в соседний аул, которые, возвращаясь по возвышенности, услышали шум идущей пехоты и выстрелами дали знать в аул. Но жители, зная почти непроходимые болота, не вполне поверили и, чтобы удостовериться, послали конную партию объехать болота. Два человека этой партии, не заметив пластунов, шедших впереди колонны, въехали в средину их и были вместе с лошадьми убиты, остальные ускакали в аул, в котором тогда поднялась тревога. Жители поспешно удалились в лес с своими семействами и скотоводством, оставив в жилищах большую часть имущества. Когда пехота подошла к аулу, черкесы производили сильный ружейный огонь. Полк. Борзиков, бывший в то время с артиллерией и конницей в 4-х верстах от аула, поспешил присоединиться к пехоте. Очистив аул картечью, он послал три роты 9-го батальона в верхнюю часть аула, под начальством полк. Головинского, а две роты 7-го и одну 6-го батальонов — в нижнюю часть его, под командою подполк. Могукурова. Роты эти, прикрываемые с возвышенности артиллерией и ракетами, прорубили в трех местах тройные укрепленные связями плетни и ворвались в аул. Горцы встретили их сильным ружейным огнем, но казаки, вытеснив их за реку, истребили

все постройки, хлеб и сено в стогах, разное имущество и соль. Когда весь аул был в пламени, полк Борзиков, вызвав из аула войска и подкрепив их еще частью пехоты, приказал уничтожить на всем протяжении аула огорожу, в три ряда сделанную. После сего отряд, захватив в ауле 53 шт. рогатого скота, в 12 час. дня отступил от пепелища бывшего аула и двинулся ближайшей дорогой к Хомутовскому посту и по дороге, между речками Супсом и Афипсом, истребил еще более 100 стогов сена. Как только началось отступление отряда, жители Энема, усиленные прибывшими из окрестных аулов горцами, с ожесточением преследовали отряд почти до самой Кубани. 27-го числа вечером отряд прибыл к Кубани и, переправившись через оную, отправлен по своим местам. Потеря наша в этом деле состоит из 15 раненых нижних чинов. Полк Борзиков свидетельствует, что в деле этом войска наши дрались отлично, много было отдельных подвигов, заслуживающих поощрения, в особенности пластуны заслуживают похвалы. Лазутчики говорят, что жители Энема имеют намерение удалиться с этого места на р. Деш, в 35 верстах от Кубани. В деле этом выпущено артиллерийских зарядов 393, боевых ракет 76, патронов: штуцерных 14,446, ударной системы 36,932 и линейного калибра 18,819, кавалерийских ружейных 1,633 и пистолетных 185». (Журнал начальника штаба Черноморского казачьего войска, ген.-м. Кусакова 1-го, о военных происшествиях на Черноморской кордонной линии с 12 по 19 октября 1857 г. // АКАК, XII, 755 — 756).

Малый Энем, хамышеевский а., владельцы прапорщик Науруз и дворянин Магмет Шумануковы, количество жителей в 1852 г. 107 человек. (ПКВ, 58).

Натасо, в 1852 г. владельцами а. были прапорщик Науруз и дворянин Магомет Жужануковы, «число душ обоего пола» 103. (ПКВ, 63). Не является ли этот Натасо Малым Энемом, поскольку имена владельцев и их социальный статус, а также численность населения аулов совпадают? А фамилия Жужануковы вполне могла быть прочтена или записана неверно — на самом деле, это были Шумануковы.

Воркокуадж, район в хамышейской Бжедугии. В состав Воркокуаджа, согласно Рашпилю, входили такие аулы как Энем, Тохтамукай, Кушмезукай, Шагандукай, Бжегокай и Иналмезук. (Рапорт ген. — л. Рашпиля... // АКАК, X, 609).

Аулы округа Пшичеу: Тугурукай, Хату-хабль, Лакшукай, Сентези, Хатлукай, Пшегатлукай.

2 аула Хаджи-хабль прапорщика князя Джанклыша Хаджимуко. (АКАК, X, 609). В 1852 г. число взрослых жителей 210 человек. (ПКВ, 59).

А. Крымчерио-хабль князя Инжара Крымчериоко. В 1852 г. число взрослых жителей — 64 человека. (ПКВ, 58).

А. Крымчерио-хабль, хамышеевский, владелец князь Едич Крымчериоко. (АКАК, X, 609). В 1852 г. число взрослых жителей — 32 человека. (ПКВ, 59).

Териашх, урочище в 2 верстах от Энема. (К/1, 108).

Пшичеу, местность или округ в хамышеевской части Бжедугии. (К/1, 109). В 1851 г. к Пшичеу относилось 13 аулов. (Там же. С. 110).

Шеледж, урочище в местности Пшичеу. (К/1, 109).

Хатухабль, «сильнейший из аулов» округа Пшичеу. (КС, XIX, 109). «Угроза эта и приготовление к атаке аула имели свое действие. В означенный срок аманат из дворянской фамилий Хатуко был привезен и жители вышли к присяге». (АКАК, X, 609). В 1852 г. владельцем аула указан дворянин Селим Черий Хатуг, число взрослых — 80 человек. (ПКВ, 58).

Шенжи, аул в округе Пшичеу. (К/1, 109). «Версты за полторы от Хату-хабля, у леса Терейшхан, дожидались жители аула Шенжи, где они, числом 54 чел., приняли присягу и выдали аманата из дворянской фамилии Кусох». (АКАК, X, 609). В 1852 г. владельцем аула указан дворянин Таркан Кусок, число взрослого населения — 232 человека. (ПКВ, 58).

Тарханохабль, аул в округе Пшичеу. (К/1, 110). В 1852 г. владельцем Тарханохабля указан князь Кочежук Тарканов. Численность взрослого населения аула — 60 человек. (ПКВ, 58).

Псеух, урочище возле аула Тарханохабля. (АКАК, X, 609).

Р. Туапч, «болотистый рукав р. Тихой, текущий параллельно Кубани и впадающий в р. Псекупс». Тихая — название, которое в этот период русские канцеляристы пытались внедрить вместо названия Пшиш. (АКАК, X, 637).

Тлостанхабль, хамышеевский аул, владелец Султан Салат-Гирей, в ноябре 1852 г. «число душ обоего пола» 172. (ПКВ, 57, 63).

Сальтук, хамышеевский а., владелец подпоручик Мисост Гаджемуков, в ноябре 1852 г. «число душ обоего пола» 177. (ПКВ, 58, 63).

Гаджегабль или Хаджихабль, хамышеевский а., владелец прапорщик Бейслан Улоок, в ноябре 1852 г. «число душ обоего пола» 150. (ПКВ, 58).

Козет, хамышеевский а., владелец подпоручик Тлеустен Инармыс, в ноябре 1852 г. «число душ обоего пола» 75. (ПКВ, 63).

Тохтомукай, хамышеевский а., владелец дворянин Бейслан Тохтомукай, в 1852 г. число жителей 230 человек. (ПКВ, 58).

Кушмезукай, хамышеевский а., владелец дворянин Пшемаф Кучмазук, в 1852 г. число взрослых — 20 человек. (ПКВ, 58).

Шагандукай, хамышеевский а., владелец дворянин Гусейн Шагандоков, в 1852 г. число взрослых — 32 человека. (ПКВ, 58).

Тугурукай, хамышеевский а., владелец Гаджи Гатузук Тугурут, в 1852 г. число взрослых — 72 человека. (ПКВ, 58).

Лакшукай, хамышеевский а., владелец дворянин Бейтлукстен Лакшук, в 1852 г. число взрослых — 88 человек. (ПКВ, 58).

Сентези, хамышеевский а., владелец дворянин Абадзезжих Сентезий, в 1852 г. число взрослых — 20 человек. (ПКВ, 58).

А. Пшегатлукай, хамышеевский, на левом берегу Псекупса, в его нижнем течении. (АКАК, X, 639). В 1852 г. владельцем аула указан дворянин Пшемаф Пшештлук. Численность — 250 человек. (ПКВ, 59).

Мармукай, хамышеевский а., владелец не указан, в 1852 г. число взрослых жителей — 4 человека. (ПКВ, 59).

Черченеевские аулы:

А. дворянина Заурбека Берзеча, в 1852 г. 60 жителей. (ПКВ, 59).

А. Шабанохабль, на левом берегу Кубани, напротив Малолагерного поста. (К/1, 112). В 1852 г. владелец — прапорщик Магомчерий Ахеджаков; насчитывалось 298 жителей. (ПКВ, 59).

Вочепши, аул на Псекупсе: 12 декабря 1851 г. «получено было известие, что аул Вочепши, на реке Псекупсе, один из многолюднейших и сильнейших черченеевских аулов, о присяге и слышать не хочет, рассчитывая на помощь Магомет-Амина, который с небольшим скопищем стоял в 4-х верстах от него». (К/1, 113). Вочепши стал ареной боя 25 мая 1853 г. между отрядом и черкесским ополчением во главе с наибом Мухаммед-Амином. Конно-ракетные команды «с первых двух залпов зажгли аул». (АКАК, X, 639). В 1852 г. указывается владелец — дворянин Восмен Вочепши; 444 взрослых жителя. (ПКВ, 59).

Аул Ахеджакова, на р. Пчаш, «в самом центре черченеевского владения». (К/1, 116).

Джеджехабль, аул в черченеевской части Бжедугии. В декабре 1851 г. упоминается владелец князь Татлюстан Джеджок. (К/1, 116). В 1852 г. владелец по-прежнему князь Татлюстен Джеджок; 204 взрослых жителей. (ПКВ, 60).

Псегуб, аул в черченеевской части Бжедугии, находился у истоков р. Мате, на границе с абадзехами. (К/1, 117). «Аул этот, заключавший в себе более 300 дымов, защищенный с одной стороны крутыми обрывами Мате, тремя остальными примыкавший к непроходимому лесу, уходившему в землю абадзехов, считался черченеевцами неприступным». Был уничтожен на рассвете 16 декабря 1851 г. отрядом ген.-л. Рашпиля: «Утром над самым богатым и многолюдным аулом черченеевского племени взвились громадные столбы дыма; сакли, скирды хлеба, заготовленные за несколько лет огромные запасы хлеба — все было истреблено огнем». (Там же. С. 118). Жители, к счастью, успели бежать.

Гобукай, аул в черченеевской части Бжедугии. (К/1, 116). В 1852 г. упоминается владелец дворянин Хокуз-Али Чесебий; 172 взрослых жителя. (ПКВ, 59).

- А. Цице-Гобукай, в 1852 г. владелец уздень Алкас Чесебий; 153 взрослых жителя. (ПКВ, 60).
- А. Тетерегабль, в 1852 г. владелец дворянин Джамбулат Чисебий; 124 взрослых жителя. (ПКВ, 59).
- А. Псегуб, 1851. Расположение: р. Пчас или р. Марта, на территории черченейской Бжедугии. Участь: уничтожен отрядом ген.-л. Рашпиля 13-19 декабря 1851 г. (Кавказ, 1852, № 5, 19 января).
- А. Нивжукай-Хабль, 1863. Расположение: на р. Пчас (видимо, на левом берегу). (Богуславский, 358).
- А. Понежукай, в 1852 г. владелец князь Татлустен Эльбуздок; 368 взрослых жителей. (ПКВ, 60).
- А. Берзечегабль, в 1852 г. владелец дворянин Пшекух Берзеч; 210 взрослых жителей. (ПКВ, 60).
- Аулы Кончукогабль и Анчокуадж, в 1852 г. владетель князь Пшемаф Кончуков; 720 жителей. (ПКВ, 60).
- А. Кончукогабль, в 1852 г. владелец князь Мишеост Кончуков; 88 взрослых жителей. (ПКВ, 60).
- А. Шаганчериегабль, владелец князь Абадзежий Шаганчериок; в 1852 г. насчитывалось 184 взрослых жителя. (ПКВ, 59).
- А. Шаганчериегабль 2-й, владелец не указан, 52 взрослых жителя. (ПКВ, 59).
- А. Тауй, владелец дворянин Богос Тауй, в 1852 г. насчитывалось 108 взрослых жителей. (ПКВ, 59).
- А. Нечерези, в 1852 г. владелец дворянин Шапсут Бесмок; 88 взрослых жителей. (ПКВ, 59).
- А. Нешукай, в 1852 г. владельцы дворяне Магмет и Шурух Нешуковы; 240 взрослых жителей. (ПКВ, 59).
- А. Асакалай 1-й, в 1852 г. владелец дворянин Асланчерий Асакалок; 108 взрослых жителей. (ПКВ, 59).
- А. Асакалай 2-й, в 1852 г. владелец дворянин Пшемаф Асакалок; 200 взрослых жителей. (ПКВ, 59).
- А. Емзукай, в 1852 г. владелец дворянин Кремчерий Афанук; 248 взрослых жителей. (ПКВ, 59).
- А. Ессеногабль, в 1852 г. владелец дворянин Пшемаф Чесебий; 72 взрослых жителя. (ПКВ, 59).
- А. князя Аладжука Ахеджакова, в 1852 г. 184 взрослых жителя. (ПКВ, 60).
- А. Пшекуй-Габль, в 1852 г. владелец князь Бичмерз Ахеджаков; 72 взрослых жителя. (ПКВ, 60).
- А. Казанчукай, в 1852 г. владелец дворянин Абадзеж Казанок; 188 взрослых жителей. (ПКВ, 60).
- А. Едипсукай 1-й, в 1852 г. владетель дворянин Магомчерий Баток; 164 взрослых жителя. (ПКВ, 60).
- А. Едипсукай 2-й, в 1852 г. владетель дворянин Тульпар Батоков; 168 взрослых жителей. (ПКВ, 60).
- В мае 1853 г. «жители хамышейских аулов: Энем, Теремрукай, Шенжи, находящиеся на границе с шапсугами, оставили свои аулы и из первых двух большая часть переселилась при настоятельных требованиях полк. Крыжановского в прикубанские аулы, а из последнего только пять семей переселились на Кубань; все-же остальные жители этих аулов отправились к абадзехам». (АКАК, X, 638).
- А. Лабокуой, 1856. По всей видимости, бжедугский аул Габукай. Расположение: в 13 верстах от укрепления Белореченского на левом берегу р. Пшиш. (Ориентир в виде укрепления Белореченского не следует путать с более поздней станицей Белореченской, основанной выше по течению, см. карту Фелицына). Уничтожен вместе с жителями (43 человека) отрядом полковника Геннинга в конце июля 1856 г. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1090. Л. 12 об. — 13 об., 18).

А. Татар-хабль, 1856. Расположение: в 13 верстах от укр. Белореченского на запад или северо-запад, на территории Бжедугии; в $\frac{3}{4}$ версты от а. Лабокуой-Габукай; в обоих аулах более 100 дворов. Уничтожен отрядом полковника Геннинга в конце июля 1856 г. одновременно с а. Лабокуой; в Татар-хабле погибло 68 человек. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1090. Л. 12 об., 14, 17 об., 26).

3 аула Кончукохабль. Из приказа Барятинского: «23 февраля ген.-м. Дебу совершил, по распоряжению командующего войсками Правого крыла Кавказской линии, быстрый и удачный набег в пределы непокорного Бжедуховского общества, фанатически преданного Магомет-Амину. Войска прошли в полутора суток 70 верст, прокладывая дорогу по болотам, разорили три богатые аула Кончуко-Хабль, захватили 23 чел. пленных, 350 шт. рогатого скота и все имущество этих селений. На возвратном пути нападения горцев были отбиты с значительным для них уроном. Потеря с нашей стороны состоит в 3-х убитых и 31 раненом. За этот удачный и смелый набег благодарю все участвовавшие в нем войска. (Приказ ген.-адъют. кн. Барятинского по Отдельному Кавказскому корпусу, от 20-го марта 1857 г. // АКАК, XII, 724).

44 аула в Бжедугии, упоминаются в январе 1859 г. Из отчета ген.-фельд. Барятинского: «... со стороны Черноморья был сосредоточен в январе отряд, под начальством ген. Бабича, и двинут против непокорных бжедухов, занимающих самую средину Правого крыла, между абадзехами и шапсугами. Ген. Бабич прорубил просеку в лесах, прикрывающих жилища бжедухов и, вторгнувшись в земли этого племени, взял с бою и истребил один за другим 44 укрепленных аула. Население бжедухов осталось на снегу, посреди своих погоревших деревень, без крова и пищи, в стране, открытой просекой постоянным вторжениям с нашей стороны. Они поняли невозможность отстаивать против нас занимаемые ими места». (Отчет ген.-фельд. кн. Барятинского за 1857 — 1859 гг. // АКАК, XII, 1285).

Ченып, урочище с правой стороны Псекупса. (АКАК, X, 638).

Ачгыз, урочище в долине Псекупса, между ним и р. Марта. (АКАК, X, 638).

Кесханук, урочище в долине р. Марта. (АКАК, X, 638).

А. Бжедуг-хабль, на правом берегу р. Белой. В 1882 г. насчитывал: 5483 десятины, 180 дворов, 360 домов, 1204 человека. В 1890 г. из этого аула в Турцию переселилось почти все его население — 1028. Осталось 106 человек. Аул сохранил свое название, но превратился в полиэтничное поселение. (ТПКВА, 305).

Хатукай

Раджицкий описал погром в 1824 г. хатукаевского аула на Белой. Кацырев направил тысячу казаков под начальством Дадымова: «без выстрела с пиками бросились в аул и там кололи всех встречающихся. Между тем, большая часть жителей спаслась; в плен перегнали только 50 душ и взяли 150 скотин». Войска захватили еще 1,000 овец и пытались переправить их через реку, но их уносило течением. (Раджицкий, 71 — 73). Хатукаевцы в числе 200 человек пытались преследовать отряд на его обратном пути и при этом потеряли убитыми узденей Алхаса Петисова, Заурбека Борока (видимо, Борона — прим. С.Х.), Гаджи-Али Хотука и других.

А. Сельтон иккоадь, принадлежащий княжескому роду Ххатикко-р, на р. Лаба (Хан-Гирей 1978, 184).

А. Ххапай, принадлежащий дворянскому роду Ххапсепше-р, расположенный в Черченейском владении в Бжедугии. (Хан-Гирей 1978, 184).

А. Еутих-ххабль, принадлежащий дворянскому роду Еутихе-р, на р. Шххаккоаше (Хан-Гирей 1978, 185).

А. Брьд-ххабль, принадлежащий дворянскому роду Брьде-р, на р. Шххаккоаше (Хан-Гирей 1978, 185).

А. Чназр-ххабль, принадлежащий дворянскому роду Чназр-хе, на р. Шххаккоаше (Хан-Гирей 1978, 185).

А. Незжь-ххабль, принадлежащий дворянскому роду Незжь-р, на р. Пшишь (Хан-Гирей 1978, 185).

А. Тльшххаккоай, принадлежащий дворянскому роду Тльшххакко-р, на р. Пшишь (Хан-Гирей 1978, 185).

А. Цхгош-ххабль, принадлежащий дворянскому роду Цхгошхе-р, на р. Пшишь (Хан-Гирей 1978, 185).

А. Чутха-кум, указан в 1838 г. на «Карте черкесских берегов» в нижнем течении Лабы, на ее левом берегу. Название Чутха-кум, как разъяснил автору этой работы А.К. Бузаров, принадлежал хатукаевскому тлекотлешскому роду Чутхакумовых. У Хан-Гирея эта фамилия представлена в форме Вв-тххакушекко-р, аул Вв-тххакушекком иккоадь на Пшише. (Хан-Гирей 2009, 157). Как отмечает А.К. Бузаров, в адыгском фольклоре сохранились песни-плачи об уничтожении рус. войсками хатукаевского аула на берегу Белой (в местности Буйволиная поляна или балка) и героической гибели при его защите Камболета Чутхакумова: «ЦутхьякГумэкъо Къамболэт игъыбз» и «Цужъкъуапэ игъыбз», в которых явно обнаруживаются параллели с сюжетом об истреблении осенью 1854 г. аула Джан-Клычева, подробно и восторженно описанном Евдокимовым, см. ниже. Со смертью в нач. 1990-х гг. Кадыра Анзауровича и Кочаса Кадыровича Чутхакумовыгъх эта фамилия пресеклась по мужской линии.

А. Бароней, располагался, по всей видимости, с правой стороны р. Белой. И, судя по отчету Засса, в 3-4 часах езды от Кубани, т. к. выступив в ночь на 26.01. из ст. Воронежской, он уже около 24.00 был в районе переправы — просеки у а. Бароней. Указан как мирный и пока, на январь 1841, не тронут. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 267. Л. 7 об., 16). Этот же аул: «владельческого князя всех хатукаевских народов» Дженчирея Керканукова. 1842 г., июль. 223 мужчины и 219 женщин. Расположение: на левом берегу Кубани, напротив креп. Усть-Лабинской. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.). У Хан-Гирея Борен-ххабль на Шххаккоаше, принадлежащий дворянам Борене-р. (Хан-Гирей 2009, 157).

А. хатукаевского узденя Камбулета Токмук. 1842 г., июль. 45 мужчин и 40 женщин. Расположение: «на левом берегу Лабы». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414).

А. хатукаевского первостепенного узденя Шангирея Сабоева. 1842 г., июль. 102 мужчины и 97 женщин. Расположение: «на речке Псинафе в 4 верстах от впадения ее в Кубань». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414). У Хан-Гирея: а. Собай, принадлежавший дворянам Собеешпе-р, на р. Шххаккоаше. (Хан-Гирей 2009, 157).

А. хатукаевского узденя Небогуй Эдикова. 1842 г., июль. 61 мужчина и 54 женщины. Расположение: «на реке Псинафе в 5 верстах от Кубани». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414).

А. первостепенного хатукаевского узденя гвардии штаб-ротмистра Магомед-Гирея Петисова. 1842 г., июль. 249 мужчин и 218 женщин. Расположение: «на левом берегу Кубани выше станицы Кавказской в 6 верстах». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414). У Хан-Гирея: а. Педсий, принадлежавший дворянам Педисе-р, на Кубани. (Хан-Гирей 2009, 157).

А. первостепенного хатукаевского узденя Аслан-Гирея Пшимпий (видимо, Тлипий. — прим. С.Х.). 1842 г., июль. 20 мужчин и 19 женщин. Расположение: «на левом берегу Кубани выше станицы Казанской в 9 верстах». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414).

А. Добрак, 1851. Расположение: лагерь отряда, «сбранного для возведения укрепления на правом берегу р. Белой ... у бывшего аула Добрака». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 890. Л. 32). У Хан-Гирея: а. Дебракий, принадлежащий дворянам Дебракк-кко-р, на Кубани. (Хан-Гирей 2009, 157). Как отмечает А.К. Бузаров, фамилия первостепенных узденей Дебраковых пресеклась.

А. «владельческого князя всех хатукаевских народов» Дженчирея (Джанчерия) Керканукова. 1842 г., июль. 223 мужчины и 219 женщин. Расположение: на левом берегу Кубани, напротив креп. Усть-Лабинской. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.). У Хан-Гирея: Дянчерие иккоадь на Лабе (Хан-Гирей 2009, 156).

В 1851 г. хатукаевцы под предводительством князя Джан-Гирея Керканукова были вынуждены сначала переселиться на территорию, контролируемую наибом Мухаммадом-Амином, а вскоре возвратиться на старое место жительства. В изложении Добровольского-Евдокимова эти перемещения происходили следующим образом: «В числе изменивших нам мирных закубанских племен были и хатюкаевцы, жившие в углу образуемом слиянием рр. Лабы и Кубани; правителем над ними был Джангирей Керкануков. Преданность хатюкаевцев ничем

не отличалась от преданности других племен, именованных «мирными»; они точно также служили проводниками партий и отдельных разбойников, пробирающихся в наши пределы и скрывали их от преследования; при удобном же случае и сами были не прочь воспользоваться казачьим добром. В первых числах апреля 1851 г., 300 всадников явились к Джангирею и объявили ему, что Магомет-Амин хочет переселить его за р. Белую. Без всякого сопротивления все хатюкаевцы, а их было до 1000 семей, были выселены. Джангирей дал знать об этом в Усть-Лабу, командиру ставропольского полка, и объяснил свой уход тем, что он был взят силой. В это время р. Лаба была в разливе; помочь Джангирею было трудно, а потому его предоставили на произвол судьбы. Этим дело и покончилось, к удовольствию всей нижне-лабинской линии, которая вслед за удалением этих «мирных» соседей стала совершенно безопасной, и казаки уже не боялись ни за женщин, ни за детей, ни за скот, выходящий из станицы. В июне 1851 г. Джангирей предложил командующему войсками генералу Заводовскому снова стать под владычество русского правительства и, в доказательство своей верности, хотел тотчас же перейти в наши пределы, прося помочь ему вооруженной силой. Генерал Заводовский, по своей крайней доброте, согласился снова принять этого изменника и послал ему на помощь колонну под командою полковника Пулло (командира Ставропольского егерского полка). Реку Белую перешли без всяких приключений. Под конвоем наших войск, хатюкаевцы направились к реке Лаббе, чтобы поселиться на указанных местах по реке Чамлыку или Кубани, по ту сторону Лабы. Но, дойдя до места своих прежних жилищ, Джангирей остановил свою орду и объявил, что дальше не пойдет. Подобная выходка заслуживала немедленного ареста, но полковник Пулло поступил обратно и стал уговаривать его. Джангирей не удовлетворился этим, а недовольным, обиженным тоном возражал, что он возвратился искать у русских не притеснений, а покровительства. Пулло был настолько слаб, что на такую дерзость ответил не силой, а обратился за приказаниями к генералу Заводовскому, который, по свойственному ему добродушию, согласился на требования Джангирея, вопреки воле главнокомандующего, желавшего, чтобы между рр. Лабой и Белой не было ни одного мирного черкеса». (Д.-Е., 315).

В октябре 1854 г. начальник Правого фланга ген.-м. Евдокимов лично возглавил отряд, уничтоживший хатюкаевский аул Джан-Клычева (Керкануков, двоюродный брат Джанчерия): «Верстах в 30 от укрепления Белоречинского вниз по течению реки Белой начинаются аулы изменивших нам гатукаевцев. Важнейший из них по населению Джан-Клычева, расположенный в круглом изгибе реки, опоясанный со всех сторон большим лесом, укреплен с единственного входа в два ряда высокими плетневыми завалами и для сообщения сделаны в каждом одни ворота. Здесь, по неприступности места, поселилась большая часть гатукаевцев после принесения ими присяги Магомет-Амину в 1854 году и отсюда постоянно производилось хищничество в ближайших станицах Кубанской и Лабинской линии. Здесь же в настоящем случае съезжалась часть горцев соседних обществ для условленного сбора. Чтобы истреблением упомянутого аула навести страх на прочие, к нему направился я с отрядом.

Для избежания значительной потери при атаке столь укрепленного места, надлежало искать средств исполнить нападение внезапно; а потому для избежания встречи с неприятельскими караулами, отряд сделал движение следующим образом: 17-го числа войска выступили из станицы Тенгинской днем по направлению к укреплению Белореченскому и на посту Гиаге остановились на ночлег. С полдня пошел дождь, продолжавшийся во всю ночь. 18-го числа пасмурная погода способствовала взять направление между Лабой и Белой, и войска, незамеченные неприятелем, пройдя около 15 верст без дороги остановились на ночь в глубокой балке. 19-го поднявшись до рассвета, отряд успел дойти к реке Белой и, укрывшись в большом лесу, переправился утром на левый ее берег в 5 верстах выше аула.

Убеждение горцев, как сообщили лазутчики, что за выходом отсель войск в Грузию и Крым у нас не осталось средств для нападения на их аулы было столь велико, что караулов не было видно даже близ самого аула, а потому я и счел за лучшее повременить нападением до полудня.

С этой целью я назначил командиру 1-й бригады Кавказского Линейного казачьего войска полковнику Попондопулло 10 сотен казаков, всю милицию, 1-й и 3-й батальоны Ставропольского Егерского полка, при 4 конных и 4 пеших орудиях и 4 конных ракетных станках, при-

казав ему следовать впереди отряда шагом покуда появление русских войск останется незамеченным; при первой же тревоге быстро устремиться на аул и атаковать решительно до прибытия пехоты спешенными казаками. Остальным войскам приказано следовать за этой колонной со всем обозом в некотором расстоянии.

В таком порядке я тронулся к аулу в 12 часов дня и только в 2-х или 2 ½ верстах от оною раздалась выстрелы и крик испуганных жителей, находившихся в окрестности аула на полях. Тогда конница колонны полковника Попадопулло устремилась полной рысью к аулу, пехота следовала за ней бегом. Первые 5 сотен под командой подполковника Балугинского соскочили с лошадей у самых ворот завалов, и столь смело и решительно перескочили через обои завалы, что успели отхватить 3 человек караульных спешивших скрыться в лес, убили их и отворив ворота устремились к аулу, но овладев крайними саклями левой его стороны, были остановлены сильным перекрестным огнем вооружившихся жителей, которые желая дать время выбежать в лес своим семействам, бросились навстречу казакам с невыразимым самоотвержением; но попытка была напрасна — подоспевшая пехота под командой полковника Казлянинова уже достигла аула и, охватив его с правой стороны, принудила горцев спасаться в лес под ударами штыков и казачьих шашек. Менее чем в ½ часа весь аул, усеянный трупами неприятеля, со всем имуществом и запасами находился в наших руках при весьма незначительной потере, если бы не был тут убит командующий 1-м батальоном Ставропольского Егерского полка майор Герцыг, обещавший службе отличного во всех отношениях офицера.

Прибыв к аулу и усмотрев, что огромный лес, окаймляющий его со всех сторон, доставляет горцам все удобства для нанесения нам сильного вреда, я приказал полковнику Попадопулло отвести немедленно всю конницу на поляну к реке Данжю и стараться не допускать к месту .jз стремившихся со всех сторон жителей значительного окрестного народонаселения; а командиру Ставропольского Егерского полка полковнику Моренцу зажечь аул и вывести стоявшую в нем пехоту на общую позицию, занятую остальными войсками под начальством полковника Генинга. Лишь только горцы, оправившиеся в лесу от впечатления первоначального страха, увидели в пламени свои жилища, как завязалась вновь жаркая перестрелка. В порывах отчаянной храбрости, они неоднократно бросались толпами на отступавшие части нашей пехоты и не успевая нигде расстроить порядка стройного ее движения, падали жертвой губительного огня артиллерии и пехоты. Вскоре весь аул Джан-Клычева превратился в одно общее пламя, и войска вышли на открытую местность, где неприятель вскоре совершенно прекратил перестрелку.

Потеря его в этом деле весьма значительна: взято в плен 3, убито и ранено до 200 человек, в том числе значительное число гатукаевских и темиргоевских дворян; из сих последних между убитыми найдены владелец аула Атажуко-Джан-Клычев, два брата Ханкошевы, Батчерей Догужиев, Шуген и сын гатукаевского ефендия. В числе раненых гатукаевский князь Индар Киркенов, владетельные дворяне: Аджигой Тлекечуко Бароне Догужиев и гатукаевский народный ефендий Шумаф, Каплан Гиреев, который был главным двигателем измены гатукаевцев. Все имущество и до 500 голов разного скота досталось в добычу войскам.

С нашей стороны потери следующие: убито: штаб-офицер — 1 (майор Герцыг), обер-офицер — 1, нижних чинов — 7, лошадей — 26. Ранено: обер-офицеров — 3, нижних чинов — 45, лошадей — 17.

20 октября отряд оставался на той же позиции для истребления значительных запасов хлеба и сена, заготовленных окрестным народонаселением. Для сего рано утром 20 числа колонна из 5 рот пехоты, 4 сотен конницы, 2 пеших и 2 конных орудий при 8 станках пешей ракетной команды, направлена была под начальством полковника Генинга к реке Белой, где в нескольких местах находились чрезвычайно значительные склады хлебных скирдов, свеженных с полей и небольшой аул Ханыче-Хабль, оставленный жителями за приближением отряда. Запасы эти и аул сожжены при незначительной и безвредной для нас перестрелке. Около 10 часов утра колонна эта, исполнив свое назначение, возвращалась на позицию, а потому в то же время выслана на левый берег реки Данжю, другая под начальством полковника Казлянинова из 4 рот пехоты, 10 сотен конницы, 4 конных и 2 пеших орудий. Сей последней

назначено было предать огню все сена и запасы хлеба, находившиеся в упомянутом направлении. Полковник Казлянинов, исполнив поручение, возвратился к вечеру на позицию — так же без всякой с нашей стороны потери.

21 числа оставалось еще истребить запасы, уцелевшие в тылу отряда по обоим берегам реки Данжу. И вдоль реки Белой. Для сего рано утром весь отряд снялся с позиции и отделив от себя в обе стороны конные колонны под командой полковников Попондопулло и Генинга, двинулся в этом же порядке по направлению к укреплению Белоречинскому, истребляя огнем на пространстве около 10 верст огромные запасы сена. Неприятель несколько раз покушался отстаивать свои запасы, но удачное действие артиллерии не допустило его к нанесению нам и малейшего вреда...

Таким образом, в этот кратковременный поход уничтожены земледельческие труды почти всего народонаселения, живущего в низовьях реки Белой и следовательно, кроме чувствительного ущерба в хозяйстве, отняты способы не только содержать в близком к нам соседстве значительные неприятельские партии, чрезвычайно опасные для наших станиц; но и самые жители поставлены в необходимость удалиться частью в дальние аулы, для прокормления оставшегося скота; сверх того, страх, распространившийся по аулам вследствие удачного истребления главного из них, и падение неукротимых в хищничестве наездников, не может не оставить благоприятных результатов для спокойствия низовых станиц Кубанской и Лабинской линии. Во время движения отряда сделана подробная съемка мало знакомой нам еще местности». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 244. Л. 96 — 104 об.).

Короткий отчет о разорении этого аула помещен в сборнике ПКВ (стр. 69 — 70): «... 19 октября, переправившись с отрядом через р. Белую, я напал и уничтожил гатукаевский аул Джон Клычева. Жителей я нашел в совершенной беспечности, так что весь скот и все до чиста имущество аула досталось в наши руки. Жители, которые не успели спастись в лесных трупобах, перебиты».

А. прапорщика князя Яндарзе Керканукова, в 1852 г. насчитывалось 1050 жителей. (ПКВ, 60).

А. князя Пшемафа Керканукова, в 1852 г. насчитывалось 800 жителей. (ПКВ, 60).

А. князя Хатаузука Керканукова, в 1852 г. 650 жителей. (ПКВ, 60).

Каспажо, курган, рядом с хатукаевским аулом Джан-Клычева. (Ф. 38. Оп. 7. Д. 244. Л. 104 об.).

Грук, лес, рядом с хатукаевским аулом Джан-Клычева. (Ф. 38. Оп. 7. Д. 244. Л. 96 — 104 об.).

Майкоп

История основания и объяснение топонима

О топониме Майкоп.

Река Майкоп (вар. Майкопка) является относительно небольшим правым притоком р. Белая. Майкоп впадает в Белую примерно в 2 км выше по течению от окраины поселка Тульский. Протяженность Майкопа порядка 5 км, река течет по ущелью с обрывистыми стенами, в одном месте низвергается с 10-метровой высоты.

Точное адыгское звучание гидронима Майкоп — Мыекъопэ. Со временем, в XX веке, утвердилось произношение Мыекъуапэ, по всей видимости, под влиянием собственно адыгских филологов.

Мые-къо-пэ переводится «Яблоневого балки устье»: мые «яблоня», къо «балка» или «долина», пэ «устье».

По этой же словообразовательной модели образованы такие гидронимы как Псезуапэ, Лоупэ, Буупэ и многие др. Помимо этого, гидроним Мыекъопэ стал обозначать местность, урочище. Затем это название закрепилось за целым районом вдоль правого течения Белой. Это явление также стоит в типичном ряду адыгских топонимов: Лабапэ — «устье реки Лаба», Афипсип — устье реки Афипс, Уляп — «устье реки Уль», и т. п.

В названиях небольших рек в Черкесии очень часто название балки или ущелья переносилось на реку и наоборот. Точно также названия нижней части реки с формантом «устье» переносилось на все название реки.

А. К. Бузаров, очень внимательный и пунктуальный исследователь ранней истории города Майкопа, отмечает в своей статье, что Мыекъуапэ в пер. с адыг. — «Устье [реки] яблоневого балки». (Бузаров, 92, 96).

Истолкование слова Майкоп как яблоневого балки сделано в рапорте генерал-лейтенанта Г. И. Филипсона, командующего войсками Правого фланга в период основания укрепления Майкоп: «Впрочем, строевого леса в этих местах совсем нет, долины и балки покрыты плодовыми деревьями (самое слово Майкоп значит яблоневая балка), а по горам растет малорослый дуб и терновник». (АКАК, XII, 831).

Что позволяет нам с такой уверенностью констатировать, что под Майкопским ущельем понималось не только и не столько собственно ущелье р. Майкоп, но и значительная дистанция течения р. Белой?

Вот, к примеру, характерное высказывание ген.-м. Вольфа за февраль 1857 г.: «Утвердившись на Лабинской линии, можно уже без опасения сделать решительный шаг вперед возведением значительного укрепления на р. Белой, у соединения Майкопского и Курджипского ущельев, где обитает главное и богатейшее население абадзехов». (ПКВ, 80). Ясно, что Майкопское ущелье никак не соединяется с Курджипским, если только под Майкопским ущельем не понимать ущелье р. Белой. Но термин ущелье здесь также неуместен, поскольку и Белая, начиная от Каменного моста, и Курджипс текут по равнине. Но какие-то участки в непосредственной близости от их слияния походят на горные, поскольку окружены лесистыми холмами. Так, в самом городе Майкопе, у городского парка, Белая течет действительно по глубокому, хоть и широкому, ущелью.

В 1860 г. А. — Д. Г.* в обзоре «Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии» помещает Майкопское укрепление в Майкопское ущелье. (А. — Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник. СПб., 1860. Т. XI. № 1. С. 280). Надо отметить, что этот автор обладал тонким знанием описываемого региона.

[*Анучин Дмитрий Гаврилович, 1833 — 1900, сенатор, генерал от инфантерии, военный писатель; по окончании Императорской военной академии (1855), был назначен в отдельный Кавказский корпус; переведен в 1857 г. в Генеральный штаб, а в 1860 г. был назначен правителем канцелярии департамента Генерального штаба].

Река Майкоп, как это ни неожиданно в столь полноводном регионе как Закубанье, последний крупный приток Белой с правой стороны, начиная от истока. Соответственно, если двигаться по более доступной для движения войск правой стороне реки от ее устья вверх по течению, то, как раз Майкопское ущелье и текущая по нему река Майкоп составляли весьма важный географический ориентир и барьер, начиная от которого движение резко затруднялось горно-лесистой местностью и частыми правыми притоками.

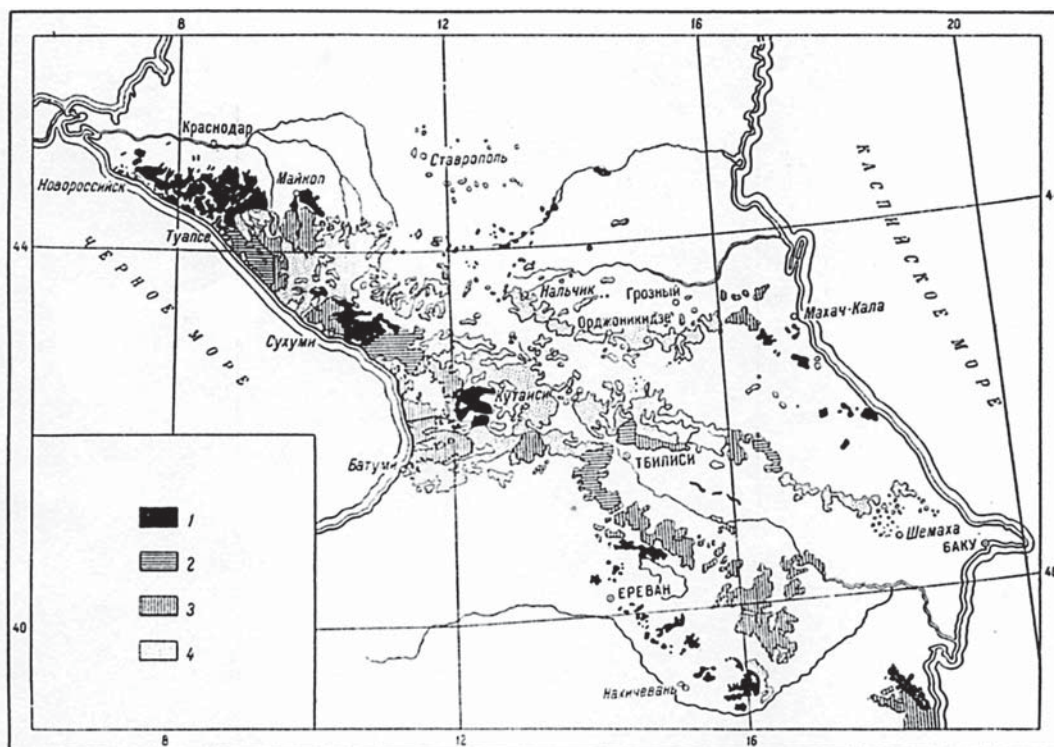
В адыгской топонимической традиции, как это убедительно показала Н. Емыкова, название Майкоп закреплено за гораздо более обширной территорией — практически, за всей средней дистанцией течения реки Белая. Это адыгское понимание топонима Майкоп было усвоено и русскими военными начальниками и канцеляристами.

Н. Емыкова отмечает в этой связи: «название Мыекъуапэ обозначало не только то место, где речка Миеко впадала в Белую, но и всю долину реки Белой, прилегающую к устью, начиная с Хаджоха до станицы Ханской. Всю эту долину адыги называли общим именем Мыекъопэ кIэй (Майкопская долина), а сокращенно Мыекъуапэ (Миекуапэ). По этой причине военное укрепление, построенное в 1858 г. на территории Майкопской долины, было названо ее именем». (Емыкова, 5).

Закономерность такого названия как «яблоневая долина». Состав леса в долине Белой в середине XIX в.

Вопрос о плодовых деревьях природного и культурного происхождения в лесных массивах вдоль Белой важен как сам по себе, так и в плане объяснения названия Майкоп.

В январе 1860 г. ген.-л. Г.И. Филипсон отмечал: «Долина Белой не представляет важных затруднений для военных движений, но она вся заросла дикими плодовыми деревьями, достигающими огромной величины, и терновником. Все это образует сплошной сад на расстоянии 35 верст». (АКАК, XII, 830). При этом, Филипсон имел в виду течение Белой от укрепления

Распространение диких плодовых растений на Кавказе. Составил Н.П. Кобранов.

1 – области с преобладанием плодовых деревьев и кустарников; 2 – области, весьма богатые плодовыми деревьями и кустарниками; 3 – области, богатые плодовыми деревьями и кустарниками; 4 – области, сравнительно бедные плодовыми деревьями и кустарниками.

Майкопа до Каменного моста, включая такие боковые ущелья как Шундук, Майкоп, Чхафизепс, Фюнтф и др.

Джироламо Ацци, крупный итальянский эколог, автор исследования «Климат пшеницы», писал Николаю Вавилову после посещения Майкопской станции Всесоюзного института растениеводства: «О, Майкоп! Должен поздравить Вас с Вашим великолепным созданием. Я действительно почувствовал себя в центре происхождения фруктовых деревьев». (Цит. по: Синская Е.Н. Воспоминания о Н.И. Вавилове. Киев: Наукова думка, 1991. С. 84).

В 1930 г., когда сотрудник Вавилова Е.Н. Синская прибыла в долину реки Шундук, левого притока Белой, она застала следующую картину: «Заросли дикорастущих плодовых занимали тогда обширные пространства. В одном месте на территории станции (будущей станции ВИР. — Прим. С.Х.) был высокоствольный грушевый лес, тенистый, со стройными прямыми стволами. Интересно было смотреть на редкий образчик прекрасного, старого естественного насаждения дикой груши, которые теперь в окрестностях станции исчезли». (Там же. С. 79).

Именно Северо-Западный Кавказ признан крупнейшими специалистами как один из важнейших в масштабах Евразии центров доместикации яблони, груши, сливы, черешни, каштана, некоторых других плодовых. «Об изумительном богатстве старых черкесских садов, — писал И.В. Мичурин, — мне известно давно. Дикие заросли плодово-ягодных растений Адыгеи представляют собой ценнейший исходный материал для селекционеров Кавказа». (Цит. по: Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К. Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. Майкоп, 2001. С. 64).

Взглянем на карту распространения дикорастущих видов яблони, груши и некоторых других плодовых Кавказа, которую приводит Н.И. Вавилов: наибольшее скопление лесосадов именно на территории бывшей Черкесии по обеим сторонам хребта. (Вавилов Н.И. Дикие родичи плодовых деревьев азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев // Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Л., 1967. С. 229).

Согласно этой карте, район Майкопа и среднего течения Белой отчасти является «областью с преобладанием плодовых деревьев и кустарников», а отчасти же — «областью, богатой плодовыми деревьями и кустарниками».

В среднем течении Белой с притоками Шунтук, Курджипс, Чхафизепс, Майкоп, в середине XX в., то есть уже через 70 — 80 лет после изгнания адыгов, отмечены такие черкесские сорта яблоны: агуемий (розмарин черкесский), псибашхамий (синап черкесский сладкий), мыцебы (черкесское кислое), другие сорта. (Тхагушев Н.А. Адыгейские (черкесские) сады. Майкоп, 1956. Карта 1).

Н.В. Невзоров отмечает, что «грушевые леса Северо-Западного Кавказа являются самыми крупными в мире... Их площадь в предгорьях Северо-Западного Кавказа составляет от 2 — 4 га до 400 — 1000 га. Например, в районе станицы Рязанской имеются грушевые массивы размером более 1000 га. Урожай груш в крае в отдельные годы может достигать 150 тыс. тонн». (Невзоров Н.В. Леса Краснодарского края. Краснодар, 1951. С. 16). Учитывая, что эти данные 1950 г., мы можем быть уверены в том, что эти показатели в условиях исторической Черкесии были значительно выше. Вопрос о груше в данном контексте интересен для нас тем, что в лесах Северо-Западного Кавказа груше всегда сопутствует яблоня. Академик П.М. Жуковский отмечал: «Яблоня восточная, кавказская, *Malus orientalis*... Единственный дикорастущий на Кавказе вид яблони, чрезвычайно полиморфный... Как правило, сопутствует на Кавказе грушевым лесам. Вид этот несомненно был основным компонентом в генезисе культурной домашней яблони. Некоторые культурные сорта яблони на Кавказе представляют собой одомашненные и измененные прививкой лучшие формы из дикорастущих *Malus orientalis*...». (Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. М., 1950. С. 295).

В начале XX в. экономист Л.В. Македонов при обозрении хозяйства станиц нагорной полосы Кубанской области, в том числе и Майкопского отдела, отмечал: «Жители рассказывают, как «азиаты» разводили постоянно сады: «уж без того он и в лес не пойдет, чтобы прищепы с собой не захватить... Так и не видя, как сад разведет». Но, удивляясь быстрому разведению садов горцами, казак и не подумает последовать их примеру. Пренебрежение к изучению горской культуры доходило до того, что только в самое последнее время, даже учеными-садоводами, после долгого ряда неудачных опытов с садоводством в нагорной полосе, принят, наконец, горский способ прививок». (Македонов Л.В. В горах Кубанского края. Быт и хозяйство жителей нагорной полосы Кубанской области. Воронеж, 1908. С. 77 — 78).

Письменная фиксация топонима Майкоп сделана в русских военных документах задолго до основания укрепления.

Закономерно, что первые упоминания данного топонима сделаны в таких формах, которые точнее передают адыгское произношение. Так, в целом ряде русских военных отчетов говорится о Меакопе, Маякопе и Маюкупе.

В 1829 г. Маякоп фигурирует как важный географический ориентир в приказе Эммануэля подполковнику Пулло: «если абадзехи не прибегнут к вам с покорностью, ближайшие аулы около Маякопа и по ту сторону р. Белой, до самого устья реки Финк (совр. Фюнтв, в XIX в. обычно Фюнтф, правый приток Белой, впадает чуть ниже станицы Абадзехской. — Прим. С.Х.), вы предадите огню». (Голицын, 294).

В 1839 г. форма Майкоп фигурирует в рапорте генерал-адъютанта Граббе, который подчеркивает стратегическое значение Майкопского ущелья в планах завоевания Черкесии. (АКАК, IX, 406).

Барон Сталь, весьма осведомленный автор, пользовавшийся сведениями черкесского эрудита Умара Берсея, использует написание Меакопа, подчеркивая, что здесь неоднократно проходили народные собрания. (Сталь, 156, 171).

В рапорте Евдокимова Завадовскому от 28 ноября 1851 г. читаем: «Честь имею донести Вашему Превосходительству, что войска, сосредоточенные мною в укр. Белореченском для обозрения Маюкопского ущелья, совершив поход вверх по р. Белой до впадения в оную речки Чундук (Шундук; заметим, что не р. Майкоп является ориентиром, хотя впадает в Белую с правой стороны, вдоль которой и шли войска, а левый приток Шундук — Прим. С.Х.), возвра-

тились через земли эгерухаевцев и махошевцев, и сего числа переправились через р. Лабу в станице Лабинской. На всем пути, пройденном войсками, не было встречено неприязненных действий со стороны туземцев, кроме попытки абадзехских старшин Гаджи Касая и Берзек Нагая с незначительной партией своих приверженцев к возмущению против русских, собравшихся в Маюкопском ущелье абадзех; никто однако же за ними не последовал». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 910. Л. 5 — 5 об.).

В следующем отчете Евдокимова, от 9 декабря 1851 г., упоминается народный совет у Маюкупа и совещания в доме старшины Хаджимуко в Майкопском ущелье. (АКАК, X, 609 — 612).

Основание города Майкопа связано с одноименным военным укреплением периода Кавказской войны, возведение которого было начато в мае 1857 г. (Город Майкоп в прошлом и настоящем. Майкоп: «Культурный Кавказ», 1911. С. 5). В отзыве военного министра от 10 марта 1858 г., сообщается о соизволении государя императора «вновь возведенную штабквартиру Кубанского пехотного полка именовать «Майкоп». (АКАК, XII, 766).

Укрепление было основано на территории Темиргоевского княжества, которое на протяжении многих столетий управлялось княжеской династией Болотоковых. Население княжества состояло из нескольких адыгских субэтнических групп — темиргоевцев, егерухаевцев, абадзехов, адамиевцев, мамхеговцев и др. Течение реки Белой являлось границей, которая отделяла княжество от бжедугских княжеских владений и крупного адыгского субэтноса абадзехов.

Поэтому в этнографическом смысле на протяжении первой половины XIX в. район Майкопа находился на территории, условно, Нижней Абадзехии. Об отсутствии четкой границы между темиргоевцами и абадзехами писал в 1812 г. подполковник Буцковский. (РГВИА. Ф. 414. Д. 300. Л. 85 об.). Селения, в которых проживали князья Болотоковы, до 1862 г. располагались на правом берегу р. Белая (адыг. Шхагуащэ), в 6 верстах от Ханского окопа вниз по течению. Переселены 4 марта 1862 г. на Лабу в целях освободить место для будущей станицы Белореченской. (Потто В.А. История 44-го... VIII, 79).

Особенностью расположения Майкопского укрепления было то немаловажное обстоятельство, что на левом берегу Белой начинались земли Абадзехии, одной из наиболее многочисленных и мощных в военном отношении адыгских областей. В 1852 г. барон К. Ф. Сталь подтверждает, что «население абадзехов большое и долины их речек битком набиты народом». (Сталь, 155). На военной карте 1858 г. в долине Курджипса и его левых притоков зафиксировано 33 аула. (РГВИА, 6772).

Необходимо иметь в виду, что неоднократные массивные удары по району Майкопа были нанесены задолго до основания крепости. В июне-августе 1825 г. район Майкопа стал целью для отряда генерала А. А. Вельяминова, который уничтожил ряд адыгских аулов, вырубил лес на правом берегу Белой, возвел временные укрепления, но впоследствии был вынужден отступить на Кубань.

В 1829 г. отряд генерала Эммануэля нанес очередной удар по району Майкопа в рамках масштабной карательной экспедиции, в ходе которой на пространстве от Малого Зеленчука до Курджипса были уничтожены 210 аулов. (Сталь, 164). Затем район Майкопа становился местом боев в 30-50-е гг. XIX в. Поэтому вполне закономерной выглядит ситуация, при которой мы не обнаруживаем значительного адыгского населения прямо на месте Майкопа непосредственно перед строительством здесь укрепления в 1857 г.

В декабре 1859 г. абадзехи в полном составе под предводительством наиба Шамиля Магомед-Амина сложили оружие и признали русское подданство. (Записки М.Я. Ольшевского. Кавказ с 1854 по 1866 г. Ч. V. Гл. III // Русская старина. Т. 84. Кн. IX. СПб., 1895. Сентябрь. С. 106 — 107; Письмо князя Барятинского императору Александру II о сдаче Магомет-Амина // ПКВ, 87). Юридически этот факт был оформлен письменным договором сторон. Соглашение было далеко неравноправным, оно именовалось «признанием покорности» и являлось таковым по сути. Согласно этому документу, российская сторона также брала на себя некоторые обязательства — в частности, она согласилась разместить в Майкопском укреплении своего представителя-администратора, в ведении которого должны были находиться все абадзехские селения. (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 460. Л. 3 — 4 об.).

Таким образом, это соглашение 1859 г. фактически предоставляло абадзехам автономный статус, а будущий город Майкоп делало их административным центром. К сожалению, тщательно соблюдавшие условия своей покорности абадзехи к осени 1861 г. были поставлены перед жестоким выбором — освободить свои вековые земли или возобновить борьбу. Война разгорелась в этом районе Черкесии с новой силой в декабре 1861 г. и завершилась полным уничтожением Абадзехии. Из более чем 150 абадзехских населенных пунктов на пространстве от правых притоков Белой до левых притоков Псекупса не сохранился ни один аул. Крохотные остатки абадзехского населения были переведены на поселение на равнину и в первые годы после Кавказской войны составляли 6 аулов. Затем большая часть из них была вынуждена также отправиться в Турцию, а часть была собрана в одно селение — Хакурунохабль, ныне районный центр РА.

22 марта 1862 г. в укрепленной штаб-квартире было введено комендантское управление во главе с полковником Ф.Ф. Дубягой. При Майкопском укреплении постепенно образовалось поселение, которое в источниках этого периода называется Майкопской слободкой. К концу 60-х гг. XIX в. численность населения Майкопской слободки достигла 8 тысяч человек. С самого начала гражданское население Майкопа отличалось полиэтничным составом. Слободским старостой был избран купеческий старшина нахичеванский (ростовский) армянин Г.Н. Шапошников, который от имени слобожан ходатайствовал перед вышестоящими военными и гражданскими властями о преобразовании поселения в город.

Высочайшим указом «О преобразовании административных учреждений в Кубанской и Терской областях» от 30 декабря 1869 г. Майкоп был переименован в город и стал центром одновременно образованного Майкопского уезда.

24 декабря 1870 г. наместник Кавказский утвердил Положение о городе Майкопе и упрощенном общественном городском управлении. 4 апреля (по новому стилю — 16 апреля) 1871 г. состоялось «открытие города Майкопа» — официальные торжества, посвященные фактическому обретению Майкопом статуса города. Первым городским старостой стал Г.Н. Шапошников. (Бузаров, 97).

С самых первых лет своего существования город Майкоп стал центром притяжения общественной и культурной жизни адыгов. В Майкопе была основана Майкопская горская школа (смотритель М. Раков) и Майкопский горский словесный суд (эфенди Х. Шовгенов). (Бузаров, 97).

Представляется весьма важным заметить, что все дореволюционные городские головы или «мэры» Майкопа считали датой основания города именно 4 апреля 1871 г. В 1911 г. трижды занимавший этот пост Д. И. Зинковецкий издал юбилейную — к 40-летию основания г. Майкопа — брошюру. (Город Майкоп в прошлом и настоящем. С. 8, 15).

Этот краткий исторический обзор предпринят для того, чтобы современное население — многонациональный народ Адыгеи — имел возможность разобраться в отнюдь не простой истории региона, в котором он живет в обстановке мира и взаимопонимания.

В современных условиях, когда дата основания города Майкопа стала предметом острой общественной дискуссии, при частом озвучивании идеологически окрашенных псевдоисторических положений, было бы правильным возвратиться к дате 1871 г., что должно снять этот вопрос и не акцентировать внимание населения на кровавых событиях Кавказской войны.

Всякий раз, когда определенным образом настроенные политические деятели предлагают праздновать день основания города Майкопа от даты заложения военного укрепления, а само такое празднование проходит без единого упоминания о трагических страницах истории адыгского народа, мы вправе одернуть этих новоявленных «державников» и напомнить им, что наши народы, в первую очередь русский и адыгский народы, прошли длительный исторический путь не для того, чтобы в наши дни один народ восхвалялся за счет унижения национальной памяти другого народа.

Темиргой

В январе 1837 г. сообщается о переселении по распоряжению царской администрации на левобережье нижней Лабы 27 мирных темиргоевских аулов. (АКАК, VIII, 648). Интересно, что Хан-Гирей перечисляет также 28-29 темиргоевских аулов с названиями, фамилиями владельцев и локализацией по рекам. (Хан-Гирей 1978, 179 – 181).

А. князя Бейзрука Болотокова, старшего князя Темиргоя, примерно в 10 верстах от Кубани. Здесь стал лагерем отряд подполковника Еремеева, насчитывавший 1,150 человек, направленный атаманом Бурсаком для защиты группы мирных князей во главе с Бейзруком. (Короленко 1874, 143). Темиргоевско-ногайско-русское войско выступило против абадзехов и 19 октября 1807 г. при первом же столкновении, которое произошло на равнине за р. Белой, глава коалиции князь Бейзрук был убит наповал во время опрометчивого преследования отступавшего противника. Оказалось, что абадзехи искусно применили обманное отступление и навели темиргоевскую кавалерию на густые массы своей пехоты. После гибели Бейзрука его вассалы и союзники стали расходиться, что вынудило ретироваться и русский отряд. У Хан-Гирея — Байзрокко-иккоадь на р. Шххокоаше (Белая). (Хан-Гирей 2009, 153). А. Безрукай, 1858. 45 дворов. Расположение: р. Уль. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Ахметуков, «верстах в трех от Кубани». (Короленко 1874, 144). У Хан-Гирея: а. Аххметкко-иккоадь, расположенный «на возвышенных местах Шьккбзжапе», принадлежавший адамиевским дворянам Дагужиевым. (Хан-Гирей 2009, 153).

Мишхион, темиргоевский аул. 4 февраля 1824 г. Кацырев «не оставил в нем камня на камне. Та же участь постигла и другой, соседний аул. Потери горцев были огромны, 250 человек из них взяты в плен, скота отбито более 2000 голов». (Потто В.А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 488).

Безыманный аул. 08.03.1824 г. Кацырев сжигает аул на левом берегу Белой, жители успели бежать в лес. (Там же. С. 491).

А. темиргоевского князя Хеаoley Айтекова-Болотокова. 19 мая 1828 г. отряд Эммануэля после продолжительного и крайне ожесточенного боя сжигает этот аул. (Потто В. А. Кавказская война... Т. 5. Вып. 3. С. 350). Потто отмечает, что подчиненные Эммануэлю войска не сумели нанести темиргоевцам военного поражения. Несколько раз войска пятились, атаки захлебывались и командующий был вынужден дать отбой. Позднее фельдмаршал Паскевич в своем донесении царю дал отрицательную оценку действиям Эммануэля.

Егерухаевский аул на р. Сераль, сожжен 1 декабря 1828 г. отрядом пехоты и кавалерии из числа войск генерала Антропова: «Неприятель защищался в домах и в завалах, пока спешившиеся казаки майора Фирсова, с помощью егерей, не выбили его, потеряв во время атаки четырех человек убитыми и столько же ранеными. В тот же день колонны Антропова и Васмунда встали лагерем на р. Хунтх. Отсюда, на рассвете 2 декабря, были направлены два отряда по 800 человек в каждом, под начальством Флиге и Васмунда, которые истребили 6 аулов». (Филонов, 434).

А. темиргоевского узденя Султанкула Баламахова. 93 мужчины и 115 женщин. Количество домов — 30. Число проживающих в ауле узденей — 15. Расположение: правый берег Лабы в 15 верстах от устья. (РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 99).

А. князя Мисоуста, 1832, ноябрь. Расположение: на р. Лабе, «где был аул князя Мисоуста», т. е. был переселен. (АКАК, VIII, 735). По всей видимости, это аул темиргоевского князя Мисоста Болотокова. У Хан-Гирея: Мсостие на р. Шххокоаше (Хан-Гирей 2009, 153).

А. Чамок-хабль, темиргоевский, в нижнем течении Лабы, с левой стороны. (КЧБ 1838).

А. «владельца темиргоевцев князя поручика Шарлетука Болотокова». 1838 г. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1132. Л. 99).

Согласно «Ведомости о народонаселении покорных азиатцев, состоящих на Правом фланге Кавказской линии» (14 мая 1852 г.), «темиргоевского племени владения князей Болотуковых в 3-х аулах» — всего 774 души обоего пола. Это данные по ведомству главного пристава Закубан-

ских народов и в этом же документе отдельно, уже по ведомству пристава Тахтамышевских аулов, указан аул Каирбека и Асламбека Болотоковых с весьма внушительным числом жителей — 1194 души обоого пола. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 825. Л. 38 — 39 а.). Два аула «темиргоевского племени князей Каирбека и Асланбека Болотуковых», «вышедших из гор в подданство русского правительства»; в 1852 г. насчитывалось 994 жителя. (ПКВ, 57).

А. темиргоевского узденя Дженгета Пшизова. 1842 г., июль. 48 мужчин и 35 женщин. Расположение: «против Прочноокопского форштата». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.).

А. узденей Умара и Али Пшизовых. 1852 г. Жителей аула — 440 душ обоого пола. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 825. Л. 38 — 39 а.).

Закубанский армянский аул (адыг. Ермэлхьабл). 1842 г., июль. Черкесогайское население: мужчин 730, женщин 603. «Крестьяне или холопы» черкесогаев: мужчин 277, женщин 270. Расположение: «на р. Урупе близ Георгиевского укрепления». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 416). На территории Черкесии черкесогайское население, в основном, было сконцентрировано на территории Темиргоевского княжества в таких аулах, как Адыхой, Гяур-хабль, Егерухай и Зути. Армянский священник из Моздока Иоанн Хозров в 30-е гг. XIX в. прибыл в Темиргой, где крестил черкесогаев из 277 домов, рассеянных по 13 аулам. (Аракелян Г. С. Черкесогаи. (Историко-этнографическое исследование) // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984. С. 30). 25 марта 1839 г. генерал-майор Засс составил проект управления «мирными закубанскими горцами», в котором предлагал поселить армян «на левом берегу р. Кубани против Прочного Окопа. Число их ныне — 761 душа муж. пола». (Об управлении мирными закубанскими горцами. Рапорт генерал-майора Засса командиру войсками на Кавказской линии и в Черномории, господину генерал-лейтенанту и кавалеру Граббе // Бесленей — мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья. С. 93-95). Барон Сталь в 1852 г. отмечал: «Против Прочноокопской крепости, на левом берегу Кубани, находится армянский аул Гяур-хабль, водворенный генералом Зассом, из всех армян живших рассеяно в горах. Число дворов аула 520, мужского пола 2367 душ, женского — 2633 душ, а всего более 5000 душ обоого пола... Армяне имеют у себя много крестьян, вымененных у черкес. Эти крестьяне часто делают побеги в горы». (Сталь, 79).

А. Темрюкай, адамиевский, на левом берегу р. Белой (район Майкопа-Белореченска, т. к. аул располагался на «высокой горе» притом, что брод, через который перешли войска был на равнине в 3-х верстах ниже а. Темрюкай, а до брода войска двигались из станицы Некрасовской (на нижней Лабее) 55 верст. Уничтожен вместе с населением (50 убитых), 36 взято в плен отрядом полковника Рихтера, начальником правого фланга кавказской линии 3 февраля 1845 г. (Ржевуский, 420 — 422). У Хан-Гирея: Теймрккоай на р. Шххокоаше. (Хан-Гирей 2009, 153). Согласно Хан-Гирею, это аул состоял под управлением адамиевских дворян Дагужиевых (Декузиекко-р) и располагался на возвышенных местах, называемых Шьккбзжапе.

А. адамиевского узденя Петроша Кобрак. 1842 г., июль. 90 мужчин и 76 женщин. Расположение: «при устье реки Псинафы против станицы Воронежской от Кубани в 4 верстах». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.).

Гобукай, «адемийского племени», в 1852 г. владельцы дворяне Боронук и Шумаф Декузий; 302 взрослых жителя. (ПКВ, 60).

А. Пхеней-Хаджи-Эфенди, 1845. Расположение: рядом с а. Темрюкай. Участь: уничтожен 03.02.45 г. отрядом Рихтера; участь жителей, по всей видимости, та же, что и в Темрюкае. (Ржевуский, 420 — 422).

Аулы по левой стороне р. Белой в районе уничтоженных аулов Темрюкай и Пхеней-Хаджи-Эфенди, 1845. Отмечается, что «Темрюкай был расположен в центре самого многолюдного населения». (Ржевуский, 422).

А. князя Айтеча Болотука, в 1852 г. насчитывалось 220 жителей. (ПКВ, 61).

Темиргоевские аулы, 1856, июль. Расположение: верхнее течение р. Калармес, «где прежде были темиргоевские аулы». Упоминаются также два памятника князей Болотуковых, не доходя 12 верст до укрепления Белореченского (отряд возвращался из района Калармесских высот). (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 1090. Л. 2).

А. Аджугуй-хабль, 1858. 35 дворов. Расположение: левый приток Фарса р. Фешт. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Кетериж-хабль, 1858. 45 дворов. Расположение: левый приток Фарса р. Фешт. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Хан-хабль, 1858. 30 дворов. Расположение: левый приток Фарса р. Фешт. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Сибякий, 1858. 75 дворов. Расположение: левый приток Фарса р. Фешт. (АКАК, XII, ч. 1, 794). У Хан-Гирея: Сибечий на р. Серале, под управлением первостатейных дворян темиргоевского владения Тльдчедчекко-р (Хан-Гирей 2009, 154).

А. Джарокай I, 1858. 80 дворов. Расположение: р. Несепс. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Джарокай II, 1858. 45 дворов. Расположение: р. Айрюм. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Алкас-хабль, 1858. 80 дворов. Расположение: р. Сераль. (АКАК, XII, ч. 1, 794). У Хан-Гирея: Алххеском-иккоадь под управлением первостатейных дворян темиргоевского владения Тльдчедчекко-р (Хан-Гирей 2009, 153).

А. Барокай, 1858. 30 дворов. Расположение: правый приток р. Уль. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Асан-Шухой, егерухаевский, 1858. 40 дворов. Расположение: р. Уль. (АКАК, XII, ч. 1, 794). В 1850 г. начальник правого фланга ген.-м. Евдокимов сделал набег на этот аул: «имел жаркую перестрелку, при чем было до двухсот человек раненых и убитых» в составе отряда. В ночь с 26 на 27 ноября 1858 г. Асан-Шухой был уничтожен майкопским отрядом. (Дроздов, 395).

А. темиргоевского князя Шумафа Айтекова. 130 мужчин и 170 женщин. Количество домов — 50. Число проживающих в ауле узденей — 20. Расположение: правый берег Лабы в 25 верстах от устья, «на том месте, где прежде жили». (РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 99).

А. Хачемзей, 1858. 80 дворов. Расположение: правый приток р. Белой в Майкопском ущелье. (АКАК, XII, ч. 1, 794). В 1864 г. Хачемзей указан чуть к востоку от станицы Егерухаевской (Тульской). (Кубань 1864).

А. Канукай, 1858. 60 дворов. Расположение: левый приток Фарса р. Фешт. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. Кошто-хабль, 1858. 30 дворов. Расположение: ущелье р. Белой. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

2 аула темиргоевских князей Болотоковых, 1862. Расположение: правый берег Белой, в 6 верстах от Ханского окопа. Переселены 04.03.62 г. на Лабу в целях освободить место для будущей станицы Белореченской. (Потто В.А. История 44-го... VIII, 79).

А. Кой-хабль 1-й, 1862. Расположение: р. Фарс, выше ст. Царской. Уничтожен даховским отрядом под начальством Геймана 9 февраля 1862 г. (Зиссерман, 402).

А. Кой-хабль 2-й, 1862. Расположение: р. Ауко. Уничтожен даховским отрядом под начальством Геймана 14 ноября 1862 г. (Зиссерман, 413).

Иним, «брошенный аул темиргоевский» на левом берегу Кубани, рядом с а. Султановским, упоминается осенью 1862 г. Здесь укрывалась группа примерно из 10 черкесов во главе с егерухаевцем Берзеком Караудовым, которая поздним вечером 19 сентября 1862 г. переправилась через Кубань и захватила в плен ген.-м. Кухаренко, который с небольшим сопровождением направлялся из станицы Казанской в Ставрополь. (АКАК, XII, ч. 1, 1023).

А. Ислак-Берцов, 1862. Расположение: р. Фарс, выше а. Кой-хабль, выше горы Куаш и ниже урочища Унакос. Уничтожен даховским отрядом под начальством Геймана 9 февраля 1862 г. (Зиссерман, 402).

61 аул по рр. Фарс и Псефир, уничтоженные отрядом из 5 батальонов, сформированным в станице Царской, в период с 12 по 19 марта 1862 г. (АКАК, XII, 685). Егерухаевские аулы по рр. Кхотль, Феш, Серало и «вообще на пространстве между Белой и Фарсом», в период с 21 по 27 марта 1862 г. (АКАК, XII, 685). «В последние три дня отрядом был подробно осмотрен лес Тхачок, покрывающий все пространство от хребта Камелюкотх почти до Абадзехской линии, но присутствия жителей не замечено. Таким образом, с 10 по 27 марта усилиями названных колонн все пространство между рр. Лабой и Белой было совершенно очищено». (АКАК, XII, 685). «В течение 17 дней нашими войсками совершенно очищено от непокорного населения все пространство между Лабой и Белой» (Зиссерман, 402). Богуславский пишет об

изгнании, по меньшей мере, 40-тысячного населения между Псефиром и Белой на протяжении февраля-марта 1862 г.: «Двинутыми со всех сторон отрядами, в течение одного месяца, пространство на 60 верст в длину и ширину очищено от жителей, которые принуждены были уйти за Белую и скитаться между абадзехами, до выселения вместе с ними в Турцию». (Богуславский, 340).

Пши-го-гачече (с такой разрядкой дефисами это название содержится в рапорте Филипсона), лес между Майкопом и ст. Лабинской; в январе 1860 г. Филипсон предполагал проложить через этот лесной массив просеку «в землю егерукаевцев», что должно было «открыть прямое и удобное сообщение Майкопа с ст. Лабинской 20 верстами короче настоящего». Кроме того, эта просека через Пшигогачече должна была в скором времени отделить то открытое пространство, на которое командование планировало переселить егерухаевцев, махочевцев, темиргоевцев и кабардинцев, от «огромного лесного пространства, где до сих пор гнездились их аулы». (АКАК, XII, 831).

Р. Несебс, приток р. Серале, рядом с тем местом, где была основана ст. Кужорская. (АКАК, XII, 934).

Р. Феш, приток р. Серале, рядом с тем местом, где была основана ст. Кужорская. (АКАК, XII, 934).

Тхачок, лес между Белой и хребтом Камелюкотх. (АКАК, XII, 685).

Унакас, урочище в верховьях р. Фарс. (АКАК, XII, 685).

Куджир-Хакуч-хабль, значительное поселение хакучинцев, переселенных властями после окончания военных действий на территорию нижнего течения р. Фарс, в Майкопском уезде. Поселение располагало 2122 десятинами земли, 68 дворами и 115 домами. «Жители этого аула, — отмечает Фелицын в 1885 г., — в полном составе переселились в Черноморский округ, оставили свои дворы и жилые постройки. Населенные места, находившиеся в ведении Куджир-хакуч-хаблевского аульного правления перешли в ведение Хаджимукохаблевского правления». (Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года. Составлены действительным членом Кубанского областного статистического комитета, есаулом Е.Д. Фелицыным. Тифлис, 1885. № 5189). Впоследствии здесь было водворено село Сергиевское.

Ногайские аулы.

7 аулов на рр. Большой и Малый Зеленчук. Владельцы — князья Тугановы, Ураковы, Мансуровы. Захвачены и сожжены отрядом под начальством А.А. Вельяминова в конце июня 1823 г. 1467 пленных: меньшая их часть была направлена на казенные работы в Георгиевск; большая — старики, женщины и дети — розданы по станицам и селам. (Потто В. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 472). Согласно Радожицкому, участнику этого погрома, в плен было захвачено «всего стариков, баб и ребят 1569 человек». (Радожицкий, 23 — 24).

3 аула на Лабе. Владелец — князь Эдиге Мансуров. Окружены и уничтожены 30 сентября 1823 г. отрядом А.А. Вельяминова. Как отмечает Потто, «из жителей не спаслось почти ни одного: 300 человек были вырезаны, 566 душ захвачены в плен». (Там же. С. 476). Как писал об этом погроме в своем дневнике Радожицкий: «...пехота Ширванского батальона, ворвавшись в аул, все истребляла, с ожесточением, побила разного пола и возраста до трехсот душ и взято в плен 542; с нашей стороны ранено шесть и убит казачий сотник Старожилов. В добычу взято скота до трех тысяч голов. Кончив эту потеху, отряд стоял на Лабе дней шесть». (Радожицкий, 38 — 41).

А. князя ген.-м. Султана Азамат-Гирея. 1842 г., июль. 61 мужчина и 56 женщин. Расположение: «на р. Обазинке против Нижне-Абазинского поста от Кубани 9 верст». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 410).

А. князей Султана Шагама и Девлет-Гирея. 1842 г., июль. 51 мужчина и 61 женщина. Расположение: «на левом берегу Кубани против Усть-Тахтамышевского поста в 6 верстах от Баталпашинской станицы». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 410).

А. князя Султана Салимат-Гирея. 1842 г., июль. 100 мужчин и 98 женщин. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 410).

А. князя Султана Казы-Гирея. 1842 г., июль. 108 мужчин и 96 женщин. Расположение: «на правом берегу Лабы ниже бывшего Каладжинского укрепления в 10 верстах». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 410).

А. князя Султана Каплан-Гирея. 1842 г., июль. 65 мужчин и 57 женщин. Расположение: «на левом берегу Лабы против впадения р. Чамлык». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 410 об.).

А. князя Султана Крым-Гирея. 1842 г., июль. 53 мужчины и 28 женщин. Расположение: «на р. Псинафе выше Петроша аула $\frac{1}{4}$ версты». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 410 об.).

А. князя Тембулата Карамурзина. 1842 г., июль. 239 мужчин и 222 женщины. Расположение: «на левом берегу Кубани против Татарского поста от Барсуковской станицы в 9 верстах». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 411). В 1847 г. а. Карамурзина отмечен почти напротив Барсуковской, чуть выше по течению. (Кавказский край 1847). И там же отмечен а. Джамбулата Карамурзина, между ст. Барсуковской и постом Татарским.

А. князя Магомет-Гирея Карамурзина. 1842 г., июль. 50 мужчин и 48 женщин. Расположение: «повыше Надзорного поста в $1\frac{1}{2}$ версты». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 411).

А. князя Калагирея Карамурзина. 1842 г., июль. 56 мужчин и 63 женщины. Расположение: «против Надзорного поста». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 411).

А. узденя Беслана Урихова. 1830 г. 117 мужчин и 137 женщин. Количество домов — 45. Число проживающих в ауле узденей — 20. Расположение: правый берег Лабы в 20 верстах от устья. (РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 99).

А. Усть-Джегутинский. Правый берег Джегуты, немногим выше устья и ниже по течению от а. Балты Ахлова. (Кавказский край 1847).

А. Ахмет Мансур, правый берег Малого Зеленчука, чуть ниже а. Карабатыра Гаджи. (Кавказский край 1847).

А. Эдика Мансурова, правый берег Малого Зеленчука, чуть ниже а. Ахмета Мансура. (Кавказский край 1847).

А. Шабаз Мансурова, левый берег Малого Зеленчука, немногим ниже а. Эдика Мансурова. (Кавказский край 1847).

А. Кази Суншева, левый берег Малого Зеленчука, немногим ниже а. Шабаз Мансурова. (Кавказский край 1847).

А. Алакая Мансурова, правый берег Малого Зеленчука, немногим выше устья. (Кавказский край 1847).

Два аула князей Мансуровых на левом берегу Кубани, немногим ниже впадения Малого Зеленчука. (Кавказский край 1847).

А. Чуреков, правый берег Подкумка, между ст. Чурековской и Георгиевском. (Кавказский край 1847).

Махошевские аулы.

Махошевские аулы, названия не указаны. 18.10.1824 г. Вельяминов перешел на Ходзь. «Кацырев, между тем, сделал отсюда новый набег на махошевцев, но нашел аулы пустыми и захватил только 24 человека пленных и до 700 штук рогатого скота. Главным же результатом этого набега было то, что махошевцы и бесленеевцы прислали аманатов. От абадзехов потребовали также заложников, но те отказались. Вельяминов до времени оставил их в покое, удовлетвовавшись отгоном у них до трех тысяч голов скота. (Потто В. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 506).

08.09.1828 г. Антропов наносит удар по махошевцам, занятым уборкой хлеба: до 70 убитых «из знатных махошевских узденей», 42 пленный, «захвачено 40 лошадей, 270 штук рогатого скота и 4500 штук овец». (Филонов, 404 — 405).

29.11.1828 г. 2-я колонна Турчанинова истребила «5 махошевских аулов на Фарсе и притоках его, так как махошевцы решительно отказались от всех предложений, сделанных им Турчаниновым, а по приближении войск задерживали их сильным огнем, пока не были опрокинуты казаками». (Филонов, 439).

А. Тлабугай, за Лабой, на равнине. 19.02.34 г. уничтожен, вместе с частью жителей, отрядом полковника Засса. (АКАК, VIII, 741 — 742). Часть жителей, по всей видимости, успела спастись, так как ровно через 10 лет махошевский аул с таким же названием вновь подвергается разорению.

7 махошевских аулов, 1837, январь. Расположение: нижняя Лаба, левобережье. Переселены в этот район Зассом; мирные. (АКАК, VIII, 648).

А. Тлабугай, 1844. Расположение: за Лабой, в 45 верстах от укрепления Мохошевского; на оконечности «длинного леса»; подступы к аулу затруднялись реками Чехрак и Фарс, т.е. можно примерно локализовать а. Тлабугай на правой стороне р. Фарс. Уничтожен вместе со многими жителями 24 марта 1844 г. отрядом полковника Рихтера. (АКАК, X, 367-368; Юров, 157-373). Опять-таки, часть тлабугаевцев спаслась, так как в 1858 г. зафиксированы три небольших аула (195 дворов) с этим названием.

Тлебгай I, 1858. 70 дворов. Расположение: на левой стороне Фарса по р. Кетль. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Тлебгай II, 1858. 60 дворов. Расположение: на левой стороне Фарса по р. Кетль. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Тлебгай III, 1858. 65 дворов. Расположение: на левой стороне Фарса по р. Кетль. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

А. князя Пшимафа Нетребе, 1858. 60 дворов. Расположение: р. Фарс. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Созорукай I, 1858. 30 дворов. Расположение: р. Фарс. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Созорукай II, 1858. 45 дворов. Расположение: р. Фарс. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Созорукай III, 1858. 30 дворов. Расположение: правая сторона р. Фарс. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Машозий, 1858. 70 дворов. Расположение: правая сторона р. Фарс. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Мамиж-хабль, 1858. 40 дворов. Расположение: правая сторона р. Фарс. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Жуда-хабль, 1858. 30 дворов. Расположение: правая сторона р. Фарс. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Чужь-хабль, 1858. 45 дворов. Расположение: на левой стороне Фарса по р. Кетль. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

Дагукой, 1858. 50 дворов. Расположение: на левой стороне Фарса по р. Кетль. (АКАК, XII, ч. 1, 794).

9 махошевских аулов, «расположенных на рр. Фарс и Псефир», уничтожены кодонной из 7 батальонов, одной сотни казаков и 4 орудий в период с 10 по 12 марта 1862 г. (АКАК, XII, 685).

Бесленей

Два бесленеевских аула, названия не указаны. 15.05.1824 г. Кацырев сжег два больших бесленеевских аула в верховьях Тегеней, население успело бежать. (Потто В. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 492 – 493).

29.08.1824 г. Кацырев «пустил войска топтать и истреблять на расстоянии нескольких верст обширные поля, засеянные просом. Бесленеевцы с горестью видели уничтожение последних средств своего существования, не имея возможности воспрепятствовать ему по своей малочисленности». (Там же. С. 500).

А. Атажукина, бесленеевский. 1828 г., ноябрь. Верхнее течение р. Чамлык. Колонна ген.-м. Антропова, при которой находился командующий войсками Кавказской линии ген. Эммануэль, застала аул уже пустым, захвачено 2 человека: «сей аул и другие соседственные с хлебом и сеном, в них бывшими, преданы огню». (АКАК, VII, 881).

16 ноября 1828 г. 1-я колонна генерала Антропова (из отряда Эммануэля) расположилась лагерем на Б. Лабе при урочище Экепцоко, против горы Ахмет: «Владельцы и старшины бесленеевских аулов, собравшись там, встретили Емануэля с просьбой о пощаде, соглашаясь принять присягу на верноподданство, выдать аманатов, возвратить всех русских пленных и все похищенное ими в наших пределах». (Филонов, 425). 18 ноября бесленеевские князья «от имени 630 домов своих подвластных, приведены были к присяге, выдали аманатов и обещали заплатить все нанесенные ими нам убытки и возвратить пленных». (Там же. С. 426 – 427).

18 ноября подразделения 1-й колонны истребили аулы Торкана Тазартукова, бесленеевского тлекотлеша, отказавшегося присягать: было «приказано осмотреть окрестные леса и захватить скрывающихся в них жителей». (Филонов, 427).

20 ноября войска 1-й колонны стали лагерем на левом берегу Малой Лабы у бесленеевского аула Соношако: «В этот день еще несколько бесленеевских князей, в том числе и Торкан Тозартуков, приведены к присяге. Убедившись в бесполезности своего упорства, Тозартуков, почти разоренный и боявшийся дальнейшего преследования, спешил явиться с покорностью». (Филонов, 427 – 428).

21 ноября 1-я колонна выступила через р. Ходзь к аулу бесленеевского князя Айтека Каноква, лежавшему в верховье речки Гашхетуко: «Айтек Конуков, владевший как этим аулом, так и другим, расположенным в верховье р. Гупса, явился с покорностью, присягнул, выдал в аманаты родного брата своего и обещал выполнить все условия, принятые бесленеевцами. Примеру его последовали и другие князья, прибывшие с верховьев р. Гупса». (Филонов, 428).

А. бесленеевского князя Айтека Каноква, 1833 г., ноябрь. Расположение: на р. Лабе до впадения в нее р. Чамлык. Участь: уничтожен вместе с жителями. (АКАК, VIII, 737). Впоследствии из числа подвластных старшему бесленеевскому князю подданных был составлен новый княжеский аул. В 1839 г. а. Айтека Каноква отмечен в 25 км от устья Ходзя на правом берегу этой реки, но не прямо на берегу, а примерно в 0,7 км (между аулом и Ходзем протекает ручей, впадающий в другой ручей, впадающий в Ходзь). (Подробная... 1839). В декабре 1828 г. а. Айтека Каноква зафиксирован в верхнем течении р. Готхешуко, притока Ходзя. 2-й аул Айтека Каноква в это же время отмечен на вершине р. Губс. (АКАК, VII, 881 – 882).

А. Каз-Гирея, 1834, январь. Расположение: левый берег Лабы, 16 дворов. (АКАК, VIII, 740).

9 покорившихся бесленеевских аулов, 1834, февраль. В 1835 г. были переселены Зассом на среднюю Лабу, в район Арджинского укрепления, где они продолжают находиться и в январе 1837 г. В 1845 г. эти аулы продолжают занимать этот район и отказываются поддержать наиба Шамяля Сельмен-эфенди. (АКАК, VIII, 648, 741; Ржевуский, 424).

Бесленеевский а. Хаджи-хавль, 1838, апрель. Расположение: р. Лаба. Перемещен по приказу Засса на Кубань. (АКАК, IX, 447).

Шалаховские аулы, 1841, ноябрь; по меньше мере, 2 аула. Расположение: на Лабе. (АКАК, IX, 420).

А. бесленеевского старшины (узденя) Арсланука Эзукова. 1842 г., июль. 115 мужчин и 93 женщины. Расположение: «на правом берегу Лабы близ уничтоженного Полодунникова укрепления». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412 об.).

А. бесленеевского старшины (узденя) Магомета Эльдарова. 1842 г., июль. 39 мужчин и 63 женщины. Расположение: «на правом берегу Большой Лабы». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412 об.).

А. бесленеевского старшины (узденя) Магомета Эльбуздукова. 1842 г., июль. 140 мужчин и 122 женщины. Расположение: «на правом берегу Большой Лабы». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевского князя Джембулата Шалохова. 1842 г., июль. 48 мужчин и 39 женщин. Расположение: «на правом берегу Большой Лабы». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевского князя Арсланбека Шалохова. 1842 г., июль. 124 мужчины и 118 женщин. Расположение: «на правом берегу Большой Лабы». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевского старшины (узденя) Аджи Магомет Бижева. 1842 г., июль. 107 мужчин и 103 женщины. Расположение: «на правом берегу Большой Лабы». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевского старшины (узденя) Мусы Тлахандукова (Тлахадукова). 1842 г., июль. 88 мужчин и 88 женщин. Расположение: «на левом берегу Большой Лабы». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевских князей Батыр-Гирея Шалохова и Батыр-Гирея Конукова (Каноква). 1842 г., июль. 118 мужчин и 106 женщин. Расположение: «на левом берегу речки Окар вверх по Чамлыку». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевского старшины (узденя) Пшимафа Тармавова. 1842 г., июль. 59 мужчин и 52 женщины. Расположение: «на правом берегу Большой Лабы». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевского старшины (узденя) Савазрука Маршанова. 1842 г., июль. 102 мужчины и 93 женщины. Расположение: «на Малом Тегине». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевских узденей Крым-Гирея и прапорщика Докшукова. 1842 г., июль. 219 мужчин и 213 женщин. Расположение: «на речке Малых Тегеней». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевского старшины (узденя) Довлетука Багужова. 1842 г., июль. 99 мужчин и 82 женщины. Расположение: «на речке Шанушкуако в 8 верстах от Урупа». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевского старшины (узденя) Магомета Такшукова. 1842 г., июль. 76 мужчин и 64 женщины. Расположение: «близ Малых Тегеней на речке Шеджия или Шанушкуако». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413).

А. бесленеевского старшины (узденя) Пшимафа Атажукова. 1842 г., июль. 78 мужчин и 69 женщин. Расположение: «на речке Шанушкуако, впадающей в Малые Тегени». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.).

А. бесленеевского старшины (узденя) Адимея Тазартукова. 1842 г., июль. 138 мужчин и 133 женщины. Расположение: «на р. Псажияко, в 8 верстах от Урупа». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.). «Старое жительство Адимея Азартокова» указано в переписке 1831 г. «на реке Урупе». (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42. Л. 95).

А. бесленеевского старшины (узденя) Арсламбека Тазартукова. 1842 г., июль. 123 мужчины и 118 женщин. Расположение: «на реке Урупе». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.).

А. бесленеевского старшины (узденя) Исмаила Такшукова. 1842 г., июль. 135 мужчин и 131 женщина. Расположение: «на речке Большой Тегинь». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.).

А. бесленеевского старшины (узденя) Нарчук Хаджи. 1842 г., июль. 63 мужчины и 57 женщин. Расположение: «на речке Фарсе». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.).

А. бесленеевского старшины (узденя) прапорщика Мамка Шугурова. 1842 г., июль. 33 мужчины и 31 женщина. Расположение: «на левом берегу Кубани против Надзорного поста». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 413 об.).

А. Девлетуко Пшеканокова, 1843, февраль. Расположение: правобережье Лабы. (АКАК, IX, 888).

А. бесленеевского тлекотлеша Анзаура Тазартукова, 1844, июнь. Расположение: верхнее течение р. Уруп, откуда переведен на среднее течение Урупа. (АКАК, IX, 891).

А. бесленеевского князя Джембота Канокова, 1858. Расположение: р. Гизиньчша, левый приток Ходзя. (АКАК, XII, ч. 1, 793).

А. бесленеевского тлекотлеша Татлостена Тлаходукова, 1858. Расположение: на р. Гизиньчша. (АКАК, XII, ч. 1, 793).

А. бесленеевского уорка Шоношокай (вероятно, Санашокова), 1858. Расположение: р. Гурмай. (АКАК, XII, ч. 1, 793).

А. бесленеевского уорка Тлекеча Анажокова, 1858. Расположение: р. Гурмай. (АКАК, XII, ч. 1, 793).

Аулы бесленеевских тлекотлешей, братьев Тазартуковых (по всей видимости, 2 аула). Расположение: на месте бывшего Ахмет-Горского укрепления (правый берег Лабы; видимо, там, где сейчас ст. Ахметовская). По всей видимости, перемещены на Ходзь. Т. к. речь идет об аулах братьев Тазартуковых, а всего о 3-х аулах (вместе с аулом князя Сидова), подлежащих переселению; то у каждого из братьев было по аулу. Одного из братьев звали Абаза. В приказе ген.-л. Филипсона, командующего войсками, 1-м пунктом значится: «Немедленно собрать отряд, окружить эти аулы и снести их до основания; арестовать князей Тазартуковых и Сидова, ...». 3-й пункт: «Остальным же жителям приказать поселиться: Тазартуковцам к их одноплеменникам бесленеевцам на р. Ходзь и башильбаевцам на Малый Зеленчук, в пределах Тахтамышевского приставства» (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 126. Л. 4 об.).

А. бесленеевского тлекотлеша Абата Тазартукова, 1858. 22 двора, жители «беглые кабардинцы». Расположение: на Урупе, выше урупской теснины. (АКАК, XII, ч. 1, 793).

А. бесленеевского князя Адиль-Гирея Канокова, 1860. Расположение: в 1858 г. локализован на р. Гизиньчша, левом притоке Ходзя. (АКАК, XII, ч. 1, 793). В рапорте полковника Лихути-

на, начальника Мало-Лабинской линии, сообщается, что «действительно часть бесленеевцев и беглых кабардинцев, рвавшихся отправиться в отпуск в Турцию и потому распродавших все свое имущество и не засеявших хлебы, - по совету Магомет-Амина не хотят более идти в Турцию в настоящем году, — что весьма не выгодно для нас собственно потому что бесленеевцы и беглые кабардинцы составляли самую крепкую защиту и оплот абадзехов со стороны верховьев рек Ходзи и Белой. Впрочем я надеюсь, что все-таки пойдут в Турцию. Аулы князя Адиль-Гирея Канокова, Хаджи Мусурокова, Джереслана Тлаходукова и некоторые другие, и я употреблю все старание чтобы они шли в отпуск; но князь Джамбот Каноков и аулы старшин, узденей его, останутся...». (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 127. Л. 230 — 230 об.).

А. бесленеевского орка Хаджи Мусурокова, 1860. Расположение: Ходзь или Белая. (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 127. Л. 230).

А. бесленеевского тлекотлеша Джереслана (Арслан-Гирея) Тлаходукова, 1860. Расположение: в 1858 г. локализован приблизительно на реках Гизиньчша и Гурмай (АКАК, XII, ч. 1, 793). Филипсон полковнику Лихутину (15.08.60 г.): «употребить все Ваше влияние и силу красноречивых убеждений, чтобы бесленеевцы не слушали недоброжелательных увещаний с целью отклонить их от первоначального их намерения (переселиться в Турцию. — Прим. С.Х.)» (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 127. Л. 214 об., 230).

Абазинские аулы

А. Тамбукаевых. 1809 г., на левом берегу Кубани (Лавров 1955, 27).

А. Махоковский, 1820 г., за Кубанью (Лавров 1955, 27).

А. Бабуковский. Население, в основном, абазины и кабардинцы. Расположение: 1774 г. — на р. Малка, ниже устья р. Кичмалка; 1790 г. — возле г. Георгиевска. С 1822 г. жители села Бабуково были зачислены в казаки. В 1861 г. их исключили из казачьего сословия и расселили по абазинским и кабардинским аулам. А. Бабуковский в 1847 г. отмечен на Подкумке, выше по течению от Георгиевска (Кавказский край 1847). Истории этого населенного пункта посвящено исследование А.Б. Мамхегова: Материалы к истории и генеалогии бабуковцев: (Извлечения из архивных фондов: 1829 — 1862 гг.) / Сост. А.Б. Мамхегов. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2006. 116 с.

А. Трамковский, разорен до основания в 1818 г. по приказу А. П. Ермолова (АКАК, VI, ч. 2, 466). «Ночью войска окружили аул со всех сторон и, приказав жителям выбираться вон, зажали его с четырех углов; имущество, оставшееся в саклях, было разграблено; стада и табуны взяты на удовлетворение жителей Кавказской линии». (Утверждение русского владычества... Т. III. Ч. 2. С. 23). После разорения, Ермолов писал кабардинцам: «На этот раз ограничиваюсь этим; на будущее же время не дам никакой пощады уличенным разбойникам: деревни их будут истреблены; имущество взято, жены и дети вырезаны». (Там же).

Три аула князей Клычевых и Дударуковых. 19.06.1824 г. — погром, учиненный отрядом Кацырева в 3-х больших абазинских аулах на Малом Зеленчуке, принадлежавших князьям Клычевым и Дударуковым. «Но прежде чем напасть на них, Кацырев принял меры к тому, чтобы усыпить их бдительность, и лучший лазутчик его князь Данбек-Лов отправился с этой целью в землю соотечественников. Лов ездил по аулам, куначил и бражничал там, уверяя всех и каждого, что Кацырев собирается идти к абадзехам, а об них и не думает». Войска ворвались в аулы, и «скоро в них бурно уже шумели и ходили волны пламени... началось поголовное истребление... Двести трупов разбросаны были по оврагам и лесным тропинкам; триста семьдесят пленных, согнанных в кучу, стояли под конвоем, оглашая воздух воплями. В числе убитых лежали тела: карачаевского старшины Кубиева и молодого сына известного кабардинского князя Магомета Атажукина. Оба владельца аулов, Клычев и князь Мамсир Дударуков, также пали в битве... Потери горцев в действительности были гораздо значительнее, чем даже казались по первому взгляду. Многие из жителей, не отысканные вовсе, сделались жертвой случайных обстоятельств, многие потонули впри спешной переправе через реку;

особенно много гибло детей, которых спасти было некому». (Потто В. А. Кавказская война... Т. 2. Вып. III. С. 493 — 496).

Аулы тапантовского князя Дударукова. 28.07.1824 г. Кацырев сжигает аулы Дударукова на Большом Зеленчуке, жители успели бежать, войскам досталось 700 голов рогатого скота и 5 тысяч овец. (Там же. С. 498).

Аулы тапантовского князя Джантемирова. 06.08.1824 г. Кацырев громит аулы Джантемирова: «Пятого августа, ночью, войска перешли Каменный Мост, затем утесистое ущелье и к свету шестого числа были в абазинских аулах Джантемирова, обоз беглецов «был окружен, и все, что оказало сопротивление, погибло, а тридцать девять душ отдались в плен». (Там же. С. 498).

Абазинские аулы, названия не указаны. 07.08.1824 г. войска Кацырева в Верховьях Зеленчука «сожгли несколько брошенных аулов и вытоптали поля, принадлежавшие джантемировцам». (Там же. С. 498).

Абазинские аулы, названия не указаны. 25.10.1824 г. Кацырев вновь попытался захватить врасплох абазинские аулы, но на этот раз бдительность неприятеля оказалась чрезвычайной, и движение отряда немедленно было открыто; сигнальные выстрелы один за другим поднимали жителей, и где ни появлялся Кацырев, он находил лишь пустые, безжизненные аулы... Нужно, однако, сказать, что самое присутствие за Кубанью отряда Вельяминова наносило черкесам весьма ощутимый вред уже тем, что семьи их, вынужденные в глубокую ненастную осень скитаться без приюта по горам и лесам, гибли если не от русских пуль, то от болезней и голода». (Там же. С. 506).

2 аула тапантовских князей Атажуко Бибердова и Ногай Лоова «участвовавших вместе с прочими в разорении селения Незлобного». В сентябре 1828 г., по приказу Эммануэля, из Баталпашинской на Теберду выступил отряд майора Канивальского: жители аулов успели бежать в леса, войска захватили 8 человек, в перестрелке погибло 20 жителей и в их числе князь Ногай Лоов, войска забрали 243 головы рогатого скота. (Филонов, 405).

Кизылбековский аул Кумнило. 1830 г., февраль. Расположение: на р. Андрюк в 50 верстах от укр. Каладжинского. Участь: сожжен отрядом ген.-м. Антропова 11 января 1830 г., большинство жителей успели скрыться в лесу, в плен было уведено 5 женщин и 2 шестилетних ребенка. (АКАК, VII, 884-885).

А. баракаевского узденя Гунчукова. 110 мужчин и 145 женщин. Количество домов — 45. Число проживающих в ауле узденей — 20. Расположение: правый берег Лабы в 3-х верстах от устья, «против Некрасовского укрепления». (РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 99).

А. тапантовского князя Береслана Лоова, 1831 г., июнь. Расположение: в верховьях Зеленчуков. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42. Л. 106).

А. тапантовского князя Алимурзы Лоова, 1831 г., декабрь. Расположение: в истоках речек Теберды и Карданах (Кардоник). Участь: сожжен, жители успели бежать. (АКАК, VIII, 730). Аул Алимурзы Лоова был уничтожен в декабре 1831 г., а в июне этого же года Алимурза Лоов фигурирует в рапортах местного начальства как «мирный владелец», уведомляющий командование о замыслах горцев. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42. Л. 74 — 74 об.). По всей видимости, именно этот аул отмечен как Р. Лоов (то есть, разрушенный аул Лоова) на правом берегу р. Короданык (Кардоник), которая является правым притоком Малого Зеленчука. (Подробная... 1839).

3 аула тапантовских князей Атажуко Бибердова, Кучука Кичева, Аслан-Гирея Кичева. 1831, декабрь. «В истоках Малого Зеленчука и на речке Мурахе». 20.11.1831 г. генерал-майор Фролов во главе трех отрядов общим числом 1269 пехотинцев, 1016 конных казаков, при 6 орудиях нанес удар по 3 абазинским аулам — князей Атажуко Бибердова, Кучука и Аслан-Гирея Кичевых. 150 мужчин «поколотых штыками», «до 50-ти женщин и детей, погибших от действия артиллерии», 381 человек захвачен в плен, 1186 голов рогатого скота и большая часть имущества досталась в добычу войскам. (АКАК, VIII, 729-730). Разрушенный аул Кичева отмечен на р. Маруха примерно в 21 км вверх от ее устья (т. е., от впадения в Малый Зеленчук). (Подробная... 1839).

2 аула башильбаевских князей Сидова и Игебокова. 1833, декабрь. Аулы подверглись сожжению, но население спаслось. В 1839 г. а. Дударука Эгиботова (Эгибокова) указан на левой стороне левого притока Кефара (Кяфара) примерно в 9 км от впадения его в Кефар. (Подробная... 1839). Левым притоком Кяфара является р. Бижгон. По всей видимости, это тот же аул, который указан в ведомости 1842 г. как а. старшины Урус Кильда Эгибокова. 181 мужчина, 172 женщины; «полверсты ниже Эльтухова аула», который находился «на речке Бежгон, впадающей в Большой Зеленчук, от креп. Хумары в 40 верстах».

Кизилбековский а., за Лабой, через скалы, тянущиеся более 5 верст, на равнине; уничтожен отрядом Засса 27 марта 1834 г., большинство жителей спаслось. (АКАК, VIII, 742 – 743).

А. тапантовского князя Арсланбека Дударукова, 1834, май. Расположение: напротив (через Кубань) ст. Баталпашинской, т. е. на месте современного абазинского аула Псыж. Отмечен, как вновь поселенный (АКАК, VIII, 743 – 744). В 1842 г. этот аул упомянут в ведомости мирных закубанских аулов как аул князей Биарслана и прапорщика Арсланбека Дударуковых и Атужуко Бебердова: 384 мужчины и 289 женщин; «против Баталпашинской станицы в одном ауле». (Ведомость о числе закубанских мирных аулов. 24 июня 1842 г. // РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412).

А. тамовского князя Заурумова, 1834, ноябрь. Расположение: в районе Ахмед-горы; уничтожен, вместе с жителями, Зассом. (АКАК, VIII, 746).

2 баракаевских аула, 1834, в 15 верстах от Гупса; уничтожены в июне 1834 г. отрядом полковника Засса, а часть населения (56 чел.) уведена в плен. (АКАК, VIII, 745).

А. Баговский, 1835, на р. Ходзь в 52 верстах вверх по течению от устья; razoren Зассом 17.02.35 г., жители спаслись. (АКАК, VIII, 749).

А. Гурмай, 1836, в верхнем течении Ходзя, в 55 верстах от укр. Вознесенского; 08.07.36 г. уничтожен, вместе с частью жителей, отрядом Засса; 42 чел. уведены в плен. (АКАК, VIII, 758).

Тамовский аул, 1837, январь, правый берег р. Лаба, в 48 верстах вверх по Лабе от Арджинского укрепления. По состоянию на этот период отмечен как мирный и выдавший аманатов. Этот Тамовский а. либо тот же, что был уничтожен в ноябре 1834 г. Зассом, либо любой другой из принадлежащих тамовцам. Истребленный Тамовский аул располагался в районе Ахмед-горы, а об этом мирном ауле сообщается, что выше него переход конных партий «совершенно невозможен» — в этом заключалась его стратегическая важность. (АКАК, VIII, 648, 746; IX, 399).

Шахгиреевские аулы, 1837, декабрь. Расположение: верховья Малой Лабы; «сожжены и разграблены» отрядом Засса 16.11.1837. (АКАК, VIII, 769).

А. башильбаевского князя Мамат-Гирея Сидова, 1837 г., в верховьях Урупа. Этот же аул фигурирует в ведомости закубанских мирных аулов 1842 г. как а. старшины Магомат-Гирея Сеидова в 1,5 версты ниже по течению Бижгона от а. Эльтухова. 43 мужчины и 32 женщины. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412).

Разрушенный а. Боберда (Бибердова). 1839 г., на р. Кяфар, примерно в 8 км от его устья (Подробная... 1839). См. выше о разрушенном а. Атажуко Бибердова в верховьях Малого Зеленчука, 1831 г. Неясно, об одном и том же ауле идет речь или нет.

Разрушенный а. Ахмет Эфенди на правом берегу Кяфара, в 5,25 км вверх по течению от а. Боберда.

А. тапантовского князя Эдыка Лоова, 1839 г., переселился с Кумы на правую сторону Кубани (Данилова, 26).

А. тапантовского князя Саралыпа Лоова, 1839 г., переселился с Кумы на правую сторону Кубани (Данилова, 26). Аулы князей Лоовых, без указания имен, но вплотную друг к другу, отмечены на правом берегу Кубани, чуть ниже поста Учкульского, но выше устья Джегуты и, соответственно, укр. Усть-Джегутинского (Кавказский край 1847).

А. Ерошты. 1839 г. Расположение: левый берег М. Зеленчука, в 3,6 км вверх по течению от а. Мисоста Наурзова (Подробная карта Кавказского края). По всей видимости, это тот же аул, который указан в ведомости 1842 г. в числе кабардинских аулов: а. старшины Джерашт Аджиева с населением в 102 мужчины и 105 женщин «в вершинах Малого Зеленчука» (РГВИА.

Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.). Разрушенный а. Ерошты, помимо вышеупомянутого, отмечен по обоим берегам р. Кашиут в 19 км от впадения этой реки в Кардоник. Таким образом, под искаженным наименованием Кашиут имелся ввиду Аксаут, а этот второй а. с названием Ерошты располагался примерно там, где сейчас находится село Хасаут-Греческое (Подробная... 1839).

А. тапантовского князя Кучука Кячева, 1840 г., 180 кячевцев. (Данилова, 25).

А. тапантовского князя Девлет-Гирея Бибердова, 1840 г., 105 бибердовцев (Данилова, 25).

А. тапантовского князя Калагирея Лоова, 30 — начало 40 гг. XIX в. остался на Куме (Данилова, 26).

А. башильбаевского старшины Габаса Дыдыбова. 1842, июнь. Расположение: левый берег Бижгона, в 2 верстах ниже по течению от а. Эльтухова. 38 мужчин и 30 женщин (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412 об.).

А. башильбаевского старшины Пшимаф Бзагова. 1842 г., июнь. Расположение: левый берег р. Бижгон «в смежности с аулом Дыдыбовым». 38 мужчин и 34 женщины. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412 об.).

А. «тамовского поколения» старшины Темрюка Зурумова. 1842 г., июнь. 358 мужчин и 330 женщин. Расположение: «на Малой Лабе» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412 об.).

А. тапантовского князя Якуба Лоова в верхнем течении Малого Зеленчука. 1842 г., июнь. 110 мужчин и 74 женщины (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.). В 1842 г. он перемещается на Теберду (Данилова, 26). В 1847 г. аул Якуба Лоова отмечен на левом берегу Теберды в ее нижнем течении. (Кавказский край 1847).

А. князя Лоова, 1842, июнь. Расположение: на правом берегу р. Кумы выше Бекешевской станицы в 3 верстах. Население: 126 мужчин и 92 женщины (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412). В 1847 г. а. Лоов отмечен на левом берегу Кумы, немногим выше ст. Бекешевской (Кавказский край 1847). По всей видимости, речь идет об этом же ауле в декабре 1857 г. Расположение: на р. Куме, близ поста ст. Бекешевской: 78 дворов, 530 муж. и 489 жен. (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 20 об.).

А. Магомет-Гирея Лоова, 1842 г. Расположение: на правом берегу Теберды в 20 верстах от крепости Хумара, 110 мужчин и 94 женщины (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412).

А. старшины Пшимафа Эльтухова. Расположение: «на речке Бежгон, впадающей в Большой Зеленчук, от креп. Хумары в 40 верстах». Население: 78 мужчин и 71 женщина. Указан в ведомости закубанских мирных аулов 1842 г. в разделе «Абазинцы Башильбаевского поколения». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412).

А. башильбаевского старшины Саралыка Колбердиева (Камардова). 1842, июнь. 88 мужчин и 81 женщина. Расположение: р. Бижгон, в 1 версте вниз по течению от а. Эльтухова.

Ногайский а. Тохтамышевский, часть жителей которого составляли абазинцы-бибердовцы. Расположение: правый берег р. Абазинки, ниже поста Верхне-Абазинского (Данилова, 25; Кавказский край 1847).

А. Трамва, правый берег М. Зеленчука, чуть ниже а. кн. Касаева (Кавказский край 1847).

А. Месеркой, правый берег М. Зеленчука, чуть ниже а. Трамва (Кавказский край 1847).

А. Бибердова, левый берег Кубани, напротив поста Усть-Тахтамышевского (Кавказский край 1847).

А. Калмыка Трамва. Расположение: р. Малка, до 1848 г. (Данилова, 26).

А. Шолоха Трамва. Расположение: р. Малка, до 1848 г. (Данилова, 26).

А. Харпыса Трамва. Расположение: р. Малка, до 1848 г. (Данилова, 26).

А. Умара Трамва. Расположение: р. Малка, до 1848 г. (Данилова, 26).

Кизилбековский а. Мистиркой, 1854, декабрь. Расположение: правый берег р. Сампристы, притока р. Андрюк; уничтожен отрядом ген.-м. Евдокимова (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652. Л. 4 об., 15).

Кизилбековский а. Докшука Догужиева, 1854, декабрь. Расположение: верхнее течение р. Андрюк; уничтожен отрядом ген.-м. Евдокимова 29 декабря 1854 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652. Л. 11 об., 15). А. Докжей Докшукова, 1858. Жители — кизилбековцы. Расположение: левая сторона Большой Лабы по течению Андрюка (АКАК, XII, 793).

Кизилбековский а. Жако, 1854, декабрь; рядом с уничтоженным а. Мистиркой, по правой стороне р. Сампристы; скорее всего, уцелел: 1) на карте, приложенной к журналу военных действий, он помечен без буквы Р. — «разоренный»; 2) сам Евдокимов подытоживает, что «уничтожено до основания два аула на той же съемке показанные, большое число хуторов, ...». Эти два уничтоженных аула — Мистиркой и Догужиев (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652. Л. 13 об., 15).

Кизилбековский а. Эфенди Тока, 1854, декабрь. Расположение: выше аулов Мистиркой и Жако по течению Андрюка. По всей видимости, в ходе зимней экспедиции 1854-55 гг. ген.-м. Евдокимова этот аул не пострадал (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652. Л. 15).

Кизилбековский а. Чагильда, 1854, декабрь. Расположение: рядом и чуть выше а. Эфенди Тока по левой стороне Андрюка. По всей видимости, в ходе зимней экспедиции 1854-55 гг. ген.-м. Евдокимова этот аул не пострадал (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652. Л. 15).

Кизилбековский а. Сашалык, 1854, декабрь. Расположение: верховья р. Андрюк, правый берег. По всей видимости, в ходе зимней экспедиции ген.-м. Евдокимова (1854-55 гг.) этот аул не пострадал (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652. Л. 15).

Кизилбековский а. Бесхачук, 1854, декабрь. Расположение: верховья р. Андрюк, правый берег; чуть выше а. Сашалык. По всей видимости, в ходе зимней экспедиции ген.-м. Евдокимова (1854-55 гг.) этот аул не пострадал (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652. Л. 15).

3 хутора абазин-кизильбеков, 1854, декабрь. Расположение: правый склон горы Мыфоргут; сожжены отрядом ген.-м. Евдокимова 29.12.1854 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652. Л. 4).

11 хуторов абазин-кизильбеков и, вероятно, бесленеевцев, 1854, декабрь. Расположение: правая сторона Андрюка; сожжены отрядом ген.-м. Евдокимова 29.12.1854 г. (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6652. Л. 7 об.-8).

А. тапантовского князя Дударукова. Расположение: между Кубанью и Подкумком (Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 3 об.: Октябрь 1856 г.)

А. Трамова, 1856, октябрь. Расположение: «между Кубанью и Подкумком, около станиц Бекешевской и Боргустанской»; на р. Куме близ поста Открытного; имеет 58 дворов, 388 мужчин и 321 женщина (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 3 об., 20 об.). В 1818 г. а. Трамова находился в 7 верстах от кр. Константиногорской. (АКАК, VII, 866).

А. тапантовского князя Джантемирова. 1856, октябрь. Расположение: на р. Куме, рядом с а. Цымпова и близ поста Открытного (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 3 об., 20 об.).

А. Абукова, 1856, октябрь. Расположение: на р. Подкумке, близ ст. Боргустанской; 65 дворов, муж. 503, жен. 453 (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 3 об.).

А. Хаджи-Умара Трамова, 1856, декабрь. Расположение: на Малой Лабе, близ Шахгиреевского ущелья; в ауле 25 дворов (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 406. Л. 5, 12 об.).

А. Бекмурзы Трамова, 1857. Расположение: в Кабарде, на правом берегу Малки, выше Известнобродского карантина; 20 дворов (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 406. Л. 5).

А. Лоовский, 1857, декабрь. Расположение: на правой стороне Кубани в 1,5 версты ниже впадения р. Учкуль; имеет 2 мечети, 172 двора, муж. п. 828 и жен. 770 душ (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 19 об.).

А. Султановский, князей Клычевых, 1857, декабрь. Расположение: левый берег Кубани; в районе аулов Бибердовского и Дударуковского (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 20).

А. Цымпова, 1857, декабрь. Расположение: близ поста Открытного на р. Куме, рядом с а. Жентемирова; численность указана для двух аулов — Цымпова и Жентемирова — 75 дворов: 744 муж. и 481 жен. (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 20 об.).

А. башильбаевского князя Сидова, 1858. Расположение: на левой стороне Большой Лабы (АКАК, XII, 793).

А. башильбаевского дворянина Худакирова, 1858. Расположение: на левой стороне Большой Лабы (АКАК, XII, 793).

А. башильбаевского дворянина Исмаилова, 1858. Расположение: на левой стороне Большой Лабы (АКАК, XII, 793).

А. башильбаевского амыстаду Жеткерова, 1858. Расположение: на правой стороне Большой Лабы, ниже Тамовского ущелья (АКАК, XII, 793).

А. тамовского князя Солимана Заурумова, 1858. Расположение: Тамовское ущелье (АКАК, XII, 793).

А. тамовского князя Джентемира Заурумова, 1858. Расположение: Тамовское ущелье (АКАК, XII, 793).

А. Сагат-Гирея, 1858. Жители — кизилбековцы. Расположение: левая сторона Большой Лабы по течению Андрюка (АКАК, XII, 793). По всей видимости, тот же аул, что и указанный в ведомости 1842 г. а. «казыльбековского поколения» старшины Салат-Гирея Казыльбекова. 278 мужчин и 257 женщин. Расположение: на речке Бжечоки между Большой и Малой Лабой от Калажа 80 верст» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412 об.).

А. Султана Аканч, 1858. Жители — кизилбековцы. Расположение: левая сторона Большой Лабы по течению Андрюка (АКАК, XII, 793).

А. Сиралып Казбекова, 1858. Жители — кизилбековцы. Расположение: левая сторона Большой Лабы по течению Андрюка (АКАК, XII, 793).

А. Самалха, 1858. Жители — кизилбековцы. Расположение: левая сторона Большой Лабы по течению Андрюка (АКАК, XII, 793). Вполне вероятно, что это тот самый аул, который в ведомости 1842 г. указан как аул «казыльбековского поколения» старшины Дженбулата Казыльбекова. 40 мужчин и 35 женщин. Расположение: «на речке Самолке между Большой и Малой Лабой» (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 412 об.).

А. Магомета Кубатова, 1858. Жители — шахгиреевцы. Расположение: Малая Лаба у выхода ее из Шахгиреевского ущелья (АКАК, XII, 793).

А. эфенди Шаторова, 1858. Жители — шахгиреевцы. Расположение: Малая Лаба у выхода ее из Шахгиреевского ущелья (АКАК, XII, 793).

А. Кель Мурзиева, 1858. Жители — шахгиреевцы. Расположение: Малая Лаба у выхода ее из Шахгиреевского ущелья (АКАК, XII, 793).

А. Цекшнеева, 1858. Жители — шахгиреевцы. Расположение: Малая Лаба у выхода ее из Шахгиреевского ущелья (АКАК, XII, 793).

Два или три аула медовеевцев, общей численностью 50 дворов, 1858. Расположение: левые притоки Малой Лабы, выше указанных выше шахгиреевских аулов (АКАК, XII, 793).

А. Магомета Багошева, 1858. Жители — баговцы. Расположение: левая сторона верхнего течения Ходзя, 60 дворов (АКАК, XII, 793).

Баговский а., название не указано, 1858. Расположение: левая сторона верхнего течения Ходзя (АКАК, XII, 793).

Верхний аул Барока Лахова, баракаевского старшины, 1858. 35 дворов. Расположение: верхнее течение р. Гупс (АКАК, XII, 794).

Средний аул Барока Лахова, баракаевского старшины, 1858. 40 дворов. Расположение: верхнее течение р. Гупс (АКАК, XII, 794).

А. баракаевского старшины Бзекезова, 1858. 25 дворов. Расположение: верхнее течение р. Гупс (АКАК, XII, 794).

Башильбаевский а. Комбордова (правильно: Камардова). Расположение: р. Теберда, затем переселен на М. Зеленчук, по всей видимости, в 1858 г. (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 17 об.).

А. башильбаевского князя Сидова. В июле-августе 1860 г. переведен на р. Малый Зеленчук и перед тем, судя по приказу, был подвергнут разорению (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 126).

А. Ногоя Лоова, 1860, сентябрь. Расположение: Кума; правый берег Кубани. В полном составе аул Н. Лоова собрался переселяться в Турцию; вместе с жителями а. Джанхота Лоова в списке (л. 104-119 об.) значится 1089 человек (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 127. Л. 104-119 об.).

А. Джанхота Лоова, 1860, сентябрь, на Куме, потом на правом берегу Кубани (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 127).

Кабардинские аулы в Западной Черкесии

В данном сборнике мы не стали приводить список кабардинских аулов в самой Кабарде, поскольку в существующей литературе эта работа уже проделана неоднократно. Рекомендуем исчерпывающий список аулов и владельцев в издании:

Материалы Я. М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX в. / Составитель Х.М. Думанов. Нальчик: «Эльбрус», 1986. Особенно, в этом плане, важна «Ведомость исчисления кабардинского народа, принадлежащего к фамилиям Бекмурзиной и Кайтукиной в Большой Кабарде, произведена по приказанию начальства князьями поручиком Джамботом Кучуковым, Биясленем Хамурзиным и секретарем суда капитаном Шардановым. (С. 8 – 264).

Весьма ценная коллекция документальных, нарративных и картографических источников опубликована в издании:

Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XIX веков / Предисловие и составление Х.М. Думанова. Нальчик, 1992. 271 с.

На этом фоне совершенно необходимой задачей является формирование, на основе документов и исторических описаний, полного списка кабардинских аулов, вынужденных в 1804 – 1825 гг. переселиться в западные районы Черкесии.

События в Кабарде, приведшие к массовому переселению и бегству населения в Западную Черкесию. 1804 – 1822 гг.

После утверждения военной власти над Кабардой, правительство Екатерины II стало предпринимать шаги, направленные на достижение административного контроля. В 1791 г. был выдвинут проект учреждения в Кабарде так называемых родовых судов: «Необходимость учреждения судов особенно вызывалась тем, что вся судебная власть начала переходить в руки мулл, первых злейших и опаснейших врагов России, стремившихся всеми силами мусульманского фанатизма ослабить упрочение русской власти в Кабарде». (Грабовский, 176).

В 1791 г. царизм продолжил наращивать военное присутствие в регионе Кабарды. С этой целью было заложено укрепление на Куме, а также редут Воровсколеский на Кубани. 28 февраля 1792 г. последовало «Высочайшее повеление» на заселение укрепленной линии между Кабардой и Черкесией шестью полками Донского казачьего войска. Это распоряжение вызвало явное неповиновение со стороны донских казаков, граничащее с мятежом. В результате, быстрая колонизация бывших западных районов Кабарды между реками Малка и Кубань не произошла.

Одновременно, 28 апреля 1792 г., последовала личная инструкция Екатерины II начальнику войск на Кавказе Гудовичу о том, какие меры надлежит использовать для окончательного покорения Кабарды. Императрица отмечала, что «не единой силой оружия предлежит побеждать народы в неприступных горах живущие, и имеющие в оных надежные от войск наших убежище; но паче правосудием и справедливостью нужно приобретать их к себе доверенность». (Там же. С. 174). Далее содержится указание «всячески ласкать и привлекать...» и даже наблюдать за тем, чтобы войска и начальники военные не чинили своевольт в отношении горцев, «отогнанием табунов, хищением и тому подобным образом».

Отправной точкой длительного конфликта стало учреждение в 1793 г. в Большой и Малой Кабардах, по распоряжению Екатерины II, Родового расправочного суда: «Родовые суды и расправы». В Большой Кабарде два Родовых суда и две Родовых расправы; в Малой Кабарде — один Родовой суд и одна Родовая расправа. Над ними стоял «Верхний пограничный суд» в Моздоке, в ведение которого были переданы все наиболее важные дела политического и уголовного характера.

Одновременно было запрещено кабардинцам «отлучаться за границы России без дозволения главного воинского начальника в крае». Запрещалось созывать общественные собрания, что стало началом конца кабардинских политических институтов. Кроме того, воспрещалось собираться знатной молодежи «для промыслов удалства».

Т.Х. Алоев отмечает, что на протяжении 30 лет, с 1763 по 1793 гг. в Кабарде существовали переселенческие настроения. Тем не менее кабардинский социум сохранял устойчивость и «миграционные всплески затухали, так и не находя реализации». (Алоев Т.Х. Исторические

предпосылки возникновения миграционного движения в Кабарде во второй половине XVIII века // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик, 2006. С. 255).

«В 1793 году, — отмечает Алоев, — Россия перешла к качественно новой стадии завоевания Кабарды. К опробованным методам захвата территории и подавления сопротивления прибавилось стремление контролировать внутреннюю жизнь в незавоеванной части Кабарды посредством родовых судов и расправ. Только тогда, в ходе борьбы против введения оккупационного режима на подконтрольных политической элите страны территориях, кабардинское общество вплотную столкнулось с дилеммой: оставаться на своих местах и потерять свободу или же переселиться в закубанскую часть Кабарды и сохранить независимость. Именно с этим периодом, когда кабардинцы вели борьбу за упразднение навязанных Российской империей родовых судов и расправ и замену их шариатским судом, получившую в историографии название шариатского движения, связан первый этап миграции кабардинцев в Закубанье». (Там же. С. 255 — 256).

Итак, суть конфликта между кабардинцами и царским режимом состояла в стремлении первых сохранить внутреннюю автономию и традиционные социальные и политические институты, тогда как кавказская администрация всеми силами старалась навязать Кабарде военно-колонизальное управление. Первым шагом в установлении прямого административного и полицейского контроля над, казалось бы, давно покорным народом, стало внедрение так называемых Родовых судов и расправ, призванных осуществлять не только судебную, но и административную власть. Процесс навязывания этого института, являвшегося инструментом к полной отмене местного самоуправления, растянулся на тридцать лет и сопровождался чередой конфликтов.

Первая вынужденная эмиграция населения Кабарды в Западную Черкессию произошла после жестоких погромов, учиненных Глазенапом в 1804-1805 гг.

В 1803 г. началась затяжная и масштабная эпидемия чумы, охватившая центральные районы Кавказа. Распространение эпидемии началось из Грузии. На протяжении 1804-1807 гг. чума опустошила большую часть селений Кабарды и Балкарии. Чума возобновлялась ежегодно вплоть до 1813 г. Э. В. Бриммер, участник военных действий в Кабарде в 1822 г., писал: «Сильное племя кабардинцев, которое в прежние времена могло выставить в поле под начальством своего вали до 25 тысяч конных, хорошо вооруженных воинов, ныне, после того как чума 9 лет, с 1804 по 1813 год, ела этот народ, все еще имело довольно сильное народонаселение на плоскости, жившее там в больших аулах». (Бриммер, 81).

Офицер генштаба князь Шаховский считал потери кабардинцев от чумы настолько ужасающими, что они грозили полным уничтожением и вымиранием: «Кабардинцы были одним из сильнейших народов Кавказа, управлялись всегда князьями, которые одновременно завоевали осетинские племена: Карачай, Урусси, Чегем, Хулам, Безингии и Малкар, и пользовались от них данью; но в начале XIX века появилась чума и, свирепствуя 14 лет сряду, истребила более пяти шестых оною, а поход ген. Ермолова в 1822 году разорил и рассеял почти всю Кабарду, так что в настоящее время осталось их не более 10 тысяч душ, почему и влияние кабардинцев на осетинские племена весьма ослабло». (Рапорт шт.-к. кн. Шаховского барону Розену, от 24 ноября 1834 г., № 42 // АКАК, VIII, 635 — 636).

В апреле 1804 г. последовала прокламация главнокомандующего на Кавказе генерал-лейтенанта князя Цицианова к кабардинским владельцам с требованием немедленно приступить к выборам судей. Это знаменитое по своей злобе послание Цицианова кабардинцам от 4 апреля 1804 г. демонстрирует крайнюю степень раздражения от ловкого саботажа внешне покорного населения. (Письмо кн. Цицианова почтенным князьям, узденям и эфендиям Большой и Малой Кабарды, от 4 апреля 1804 г., № 156 // АКАК, II, 954). В случае не избрания судей к 28 апреля Цицианов приказал генерал-лейтенанту Глазенапу «строго наказать кабардинцев». Кабардинское общество категорически не желало установления над ним чужеродных институтов. Как сообщает источник, кабардинцы «остервенились» и решились на открытую военную конфронтацию.

Авторы труда «Утверждение русского владычества на Кавказе» отмечают стремление командования посеять страх в населении Кабарды: «Поручая Глазенапу производство экспедиции над кабардинцами, главнокомандующий, высказывал при этом уверенность, что войска, и в особенности казаки, будут удержаны от «войны, производимой по введенной системе

более против скота, нежели людей» — «Нужно дать страх, говорил Цицианов, — а не причинение убытка. Первое есть дело непобедимого российского войска и ему принадлежит; последнее — свойственно хищникам и азиатским народам, ищущим не славы, а добычи».

«Выступив из станицы Прохладной, Глазенап 3-го мая переправился через Малку, дошел, не встречая нигде неприятеля, до реки Баксана, отправил отсюда прокламацию кабардинскому народу и в ожидании ответа на нее расположился биваком на правом берегу реки в широкой горной долине. 9-го мая, в Николин день, после обедни в походной церкви, Глазенап со всеми офицерами завтракал у известного на линии своими подвигами есаула Золотарева. Люди отряда обедали. Лошади паслись на тучном лугу. Вдруг с казачьих пикетов грянул выстрел, и со стороны гор показалась туча пыли, которая неслась прямо на бивак, — то была полторатысячная партия кабардинских панцырников. Ударили тревогу. Пехота стала в ружье, а пока драгуны ловили носившихся по лугу лошадей, навстречу кабардинцам выслали 350 казаков под начальством майора Лучкина.

«Боевое поле, — говорит очевидец, — превратилось в арену, на которой состязались лучшие в мире наездники — линейные казаки и кабардинцы. С обеих сторон появились убитые и раненые. Скоро провезли есаула Золотарева, еще за час перед тем так радушно угощавшего у себя офицеров. Два казака поддерживали его на седле. Он был прострелен пулей в грудь на вылет и в ту же ночь умер. Глазенап двинул на помощь Лучкину 200 казаков Савельева, а вслед затем три эскадрона нижегородских и один эскадрон таганрогских драгун с мушкетерской ротой. На стороне русской конницы были все преимущества: стройные эскадроны на свежих и добрых конях горели желанием врубиться в толпы неприятеля; самая местность, ровная и гладкая, как скатерть, подмывала на бешеную скачку. Офицеры, находившиеся в голове колонны, кричали: «в атаку, в атаку!» К сожалению, начальник кавалерии генерал-майор Леццано, первый раз бывший в огне, так растерялся, что к общему изумлению командовал: «стой» и начал строить каре. Дело принимало дурной оборот. Верная и полная победа могла обратиться в жестокое поражение. К счастью, в это время подоспели егеря Лихачева, дружным ударом которых кабардинцы были сначала отброшены, а вслед за тем обращены в бегство». (Утверждение... Т. III. Ч. 1. С. 56 — 57).

Глазенап продвинулся на 15 верст вперед и расположился лагерем на левом берегу реки Чегема «при скопище княжеских кабардинских погребальных каменных башен».

14 мая отряд под командованием Глазенапа направился в Чегемское ущелье. Здесь были сожжены 12 аулов, принадлежавших лидеру мятежников Адиль-Гирею и его старшим вассалам Куденетовым. В бою получил тяжелое ранение сын Адиль-Гирея Ислам и был убит «сын бунтовщика Куденета» Мисост. (Рапорт ген.-л. Глазенапа кн. Цицианову, от 18 мая 1804 г., № 171. Лагерь при р. Чегеме // АКАК, II, 941-942). О характере боестолкновений приводится такая информация: «У кабардинцев в засадах были всегда приготовлены новые толпы для подкрепления аулов, а противу флангов выпускались конные отряды панцирников. Более 3 часов прошло в беспрестанном побоище, покамест успели вытеснить их с знатным уроном и прогнать к вершинам ущелий»; «продолжалось же оное от 11 часов утра и до 6 вечера». В другом рапорте приводится весьма важная информация о том, что на стороне кабардинцев сражались горцы: «дрались в ущельях с 11,000 отчаянно сражавшимися кабардинцами, чегемцами, балкарцами, карачаевцами и осетинцами, выбитыми из 12 окопанных аулов». (АКАК, II, 940).

Авторы «Утверждения...» о походе 14 мая: «Пройдя от переправы (через Чегем. — Прим. С.Х.) верст шесть, по местности совершенно ровной, отряд подошел ко входу в лесистые ущелья, из которых выбивались Чегем, три Шалухи, и еще несколько горных речек. По берегам их расположено было до двенадцати кабардинских аулов, тщательно приведенных в оборонительное положение: улицы были перекопаны рвами и забаррикадированы арбами, наполненными камнями; в крепких саклях и в кустах соседних склонов засели стрелки с ружьями и луками. Впереди рассыпались уздени, предводительствуя большими толпами «конными и пешими из черни». Главные силы находились как бы в резерве в глубине ущелий. Всего собралось против нашего отряда до 11-ти тысяч кабардинцев, чеченцев, карачаевцев, осетин и прочих окрестных горских племен. (Утверждение... С. 58 — 59).

Глазенап сообщает, что «что из кабардинских князей многие остались к нам приверженными: полк. Рослам-бек Мисостов и подпол. Кучук Жанхотов, также ротмистр Темир Булат

были со мной в сражении, а полк. Атажуко Хамурзин и Девлет Мурза Хасаев оставались в вагенбурге с прочими некоторыми князьями».

Тяжелое поражение, пережитое в мае, не помешало кабардинцам уже в июне вооруженным путем препятствовать русским войскам в Осетии. Как пишет Грабовский, «громadne скопища кабардинцев напали на русский отряд, посланный для содействия осетинам-дигорцам, изъявившим тогда согласие переселиться на линию. Русский отряд, ввиду значительных сил неприятеля, принужден был отступить назад». (Грабовский, 184). Одновременно кабардинцы поставили под угрозу сообщение между крепостью Константиногорской и укреплением Кисловодским.

«Чтобы наказать кабардинцев за все эти враждебные проявления, генерал Глазенап снова вступил с сильным отрядом в Кабарду, но привести свое намерение в исполнение не успел, так как в то же время большая часть кабардинских владельцев, под предводительством Росланбека Мисостова, собрав громадные толпы кубанцев, вторглась внутрь линии и вывела оттуда за Кубань всех абазинцев с их имуществом. Кроме того, ворвавшийся на линию неприятель окружил все военные посты от Прочного Окопа до Константиногорска, прекратив таким образом всякое сообщение по линии». (Там же).

Глазенап довольствовался тем, что обязал словесно не примкнувших еще к восстанию кабардинцев воздержаться от враждебных действий и, сделав заявление, что он согласен с требованием кабардинцев упразднить родовые суды и расправы, поспешно отступил в Георгиевск. Оттуда он направил 6 рот под командой генерал-майора Лихачева на Кубань, в район урочища Белая Мечеть: «Хотя генерал Лихачев и настиг абазинцев и ногайцев, уходивших за Кубань, принудил их возвратиться на прежние места их жительства, и затем совершил экспедицию за Кубань, но результаты этой экспедиции были вообще неудачны. Эта неудача приободрила кабардинцев и они, в сообществе с закубанцами, усилили свои враждебные действия против русских». (Там же. С. 185).

Августом 1804 г. датируется записка видного выдвигенца на русской службе полковника Измаил-бея Атажукина (родного старшего брата Адиль-Гирея Атажукина), адресованная высшему руководству. В ней главным образом подчеркиваются две причины кабардинских мятежей: 1) аннексия значительного фонда кабардинских земель: «отняли у них земли, не излишние, но такие, в которых терпят они большую нужду, как для земледелия, так и для пастьбы стад своих»; 2) грубое вмешательство во внутренние дела Кабарды, нацеленное на полную дезинтеграцию кабардинского общества: «принятием у нас беглых от них внутреннее их замешательство поощряются и подвластные им народы остаются в неповиновении, и что суд и расправа не производятся согласно их нравам и обычаям». (Атажукин Измаил-бей. Записка о беспорядках на Кавказской линии и о способах прекратить оные // АКАК, II, 957-958). Приближенный к правительству и даже царскому двору кабардинский князь, лично командированный Александром на Кавказ, подчеркивал все главные причины мятежного состояния своих соплеменников и более того предлагал те же меры, что и его младший брат, предводительствовавший восстанием.

Расправа, учиненная Глазенапом над кабардинцами и чегемцами, оказала гнетущее впечатление на абазин и ногайцев, которые в июне-июле 1804 г. дружно потянулись за Кубань. По подсчетам ген.-м. Султана Менгли-Гирея на османскую территорию эмигрировало 900 семейств абазин и 54 аула ногайцев. (Рапорт ген.-л. Глазенапа кн. Цицианову, от 1 августа 1804 г., № 308. Георгиевск // АКАК, II, 942). Таким образом, сами действия военного руководства подтолкнули население региона к тому шагу, к которому его призывал Адиль-Гирей Атажукин.

В августе 1804 г. была предпринята экспедиция в Кабарду ген.-м. Мейера, который «наказал кабардинцев тем, что отбил у них часть стад и сжег их пасеки». (Грабовский, 185). В сентябре последовали ответные действия шеститысячного ополчения кабардинцев под руководством Росланбека Мисостова. Кабардинцы подступили к Георгиевску, но были отражены генералом Мейером.

3 декабря 1804 г. Глазенап вторгся в Закубань двумя отрядами по 3 тысячи человек в каждом. Вторым отрядом командовал ген.-л. Лихачев. Отряды двигались вверх по течению Зеленчуков в направлении предгорий, чтобы не дать скрыться аулам ногайцев. Затем силы соединились на Урупе и к 6 декабря дошли до Большой Лабы. «Движение это, — пишут авторы

«Утверждения...», — сопровождалось полным разорением пройденной страны: аулы разрушались, запасы хлеба сжигались, скот отгонялся и ногайские кочевья водворялись обратно на правый берег Кубани». (Утверждение... Т. III. Ч. 1. С. 69).

14 декабря бесленеевцы дали присягу в том, что более не будут тревожить границу и возвратят всех пленных. 8 января 1805 г. Глазенап возвратился в Баталпашинск «в глубоком убеждении, что кончательно усмирил и подчинил нам соседние племена закубанских горцев». В донесении он с большой наивностью заявлял: «надеюсь и истинно беру смелость заверить, что часть границы, начиная от земель Черноморского войска, по реке Кубани до самого хребта кавказских гор будет покойна на многие годы, и народ закубанский, чувствуя меру мести, оказанную им за наглости, долго не помыслит поколебать себя и тем нарушить блаженство своей родины, которое они долго не поправят, а через то граница Кавказа будет наслаждаться спокойствием». (Там же. С. 69 — 70).

1804 г. стал, по замечанию Грабовского, «едва ли не самым тяжелым годом в борьбе России с Кавказом». Это явное преувеличение или, лучше сказать, неправильно сформулированное замечание. Масштабных военных столкновений — таких, какие потом многократно происходили в 30 — 50-е гг. — в этом году не было. Но вполне правильно было бы признать, что 1804 г. являлся весьма тяжелым в осуществлении жесткого военного контроля над, казалось, уже прочно завоеванными землями.

В феврале 1805 г. последовала настоящая отповедь на записку Измаил-бея со стороны князя Цицианова. Он отверг все пункты Измаил-бея и возмущение кабардинцев полностью свел к действию внешних сил: «российскому правлению по столь давнему с кабардинцами обращению должно быть ведомо, что не на сих причинах основывается их общее восстание, а всегда на подстреканиях турецкого двора, а ныне и персидского мнимого шаха». (Донесение кн. Цицианова гр. Кочубею, от 28 февраля 1805 г., № 126 // АКАК, II, 960-961).

В ночь на 9 марта 1805 г. Глазенап переходит Малку и приступает к своей второй масштабной карательной экспедиции против населения Кабарды. Н.Ф. Грабовский уделяет ей крайне мало внимания, ограничившись ремаркой: «конечным результатом этой экспедиции было сожжение 80 непокорных аулов». (Грабовский, 186). Б.К. Мальбахов подчеркивает, что «все военные действия, имевшие место во время мартовской экспедиции 1805 г., происходили по долине Баксана». (Мальбахов Б.К. Кабарда в период от Петра I до Ермолова (1722-1825). Нальчик, 1998. С. 160).

Развернутое описание мартовской экспедиции 1805 г., данное авторами «Утверждения...», в весьма существенной степени уступает детальности того описания, которое содержится в этом труде о событиях 1804 г. Согласно авторам «Утверждения...», в марте 1805 г. войска Глазенапа уничтожали аулы: «Глазенап простоял на Кыз-Буруне до середины марта, ежедневно предпринимая экспедиции для разорения окрестных неприятельских аулов и отгона табунов». Количество аулов и их названия не приводятся, но делается такой вывод: «Громадные потери, понесенные кабардинцами за это время как в людях, так и в имуществе, вынудили их, наконец, покориться. Главные вожаки ушли за Кубань, остальные же князья и народ принесли присягу на верность и выдали аманатов». (Утверждение... С. 72). По всей видимости, под 80-ю сожженными аулами Грабовский имел в виду общий итог двух экспедиций Глазенапа в 1804-1805 гг.

Пристав Кабарды ген.-м. Дельпоццо 14 мая 1805 г. настоятельно рекомендует Цицианову устроить укрепление у Каменного моста на Кубани, где пролегал наиболее удобная дорога из Кабарды в западные районы Черкесии. Ясно, что Дельпоццо не готов признать, что подчиненное ему население бежит от его управления по своей воле. Он перекладывает ответственность на закубанцев, которые якобы «угнали с нашей стороны ногайцев и абазинцев». Ранее в докладной записке самого Глазенапа говорилось об «уходе абазинцев и ногайцев». Дельпоццо говорит о том, что после построения укрепления на Кубани «Кабарда вся будет совершенно как в крепости, в руках наших, поелику для сообщения с закубанцами нет других средств кабардинцам иметь коммуникации». Дорога через Карачай характеризуется как очень трудная, преодолимая только верхом и не во всякое время года. Дельпоццо отмечает, что кабардинцы выполняют требования его только под угрозой карательных мер и «оньы только тем и отзываются, что оставят все свои жилища и места и уйдут за Кубань». (Рапорт ген.-м. Дельпоццо кн. Цицианову, от 14 мая 1805 г., № 102. Ст. Прохладная // АКАК, II, 966 — 967).

В это же время появляется первый список «беглых кабардинцев», исходящий от Дельпоццо (июнь 1805 г.). Пристав совершил инспекционную поездку в направлении Кубани и на обратном пути остановился в Воровсколеской станице. Здесь он вызвал «кабардинского почетного узденя Могукова», проживающего на верхнем течении Кумы, который сообщил ему о группе кабардинских узденей, возвратившихся из-за Кубани. Оказывается, что в 1804 г. они ушли за Кубань вместе с Рослаббеком Мисостовым, а теперь, в июне 1805 г., возвратились обратно. В числе возвратившихся были уздени Хаундуковы (Хахандуковы), которые с 60 семьями поселились у узденя Могукова по вершине Кумы. При этом отмечается, что еще 40 семей подвластных Хахандуковых остались за Кубанью. Точно также 8 семей узденей Агубековых поселились у Могукова. К ним хотели присоединиться еще 12 семей, но Рослаббек Мисостов запретил им присоединиться к Агубековым и поселил их на Эшкаконе. Уздени Шереметовы, подвластные Рослаббека Мисостова, в числе 10 семей поселились возле аулов Джантемировых. Часть их осталась за Кубанью. 25 семей узденей Цымповых, принадлежащих Адиль-Гирею Атажукину возвратились к прежнему месту жительства, рядом с аулами Джантемировых. Здесь же осели уздени Рослаббека Мазлов и Кляншев с 20 дворами. «Всех в прошлом году бежавших за Кубанью, — отмечает Дельпоццо, — считается 275 семей; из оных вышедших на нашу сторону 115, а еще осталось за Кубанью 160». Большую часть оставшихся составили уздени Маргушевы «со всеми своими подвластными более 100 дворов, на большом Зеленчуке». (Рапорт ген.-м. Дельпоццо кн. Цицианову, от 6 июня 1805 г., № 138. Ст. Прохладная // АКАК, II, 967 – 969).

Обращает на себя внимание, что большая часть возвратившихся беглецов состояла из абазин, проживавших в районе Кумы и Подкумка. Общая численность бежавшего за Кубань в 1804 г. абазинского населения указывается Дельпоццо в семьях — 275 семей. Это весьма существенно отличается от того показателя, который был указан в донесении Глазенапа (900 семей). Далее Дельпоццо подчеркивает стратегическое значение Кисловодского укрепления, лежащего на армянском пути из Кабарды в Закубанье. Пристав отмечает также, что все бежавшие в 1804 г. проживали «впереди Кисловодской крепости» и что среди беглецов «почти нет никого изнутри Кабарды».

Лидером переселения 1804 г. стал не столько Адиль-Гирей Атажукин, сколько его двоюродный брат полковник Рослаббек Мисостов, который во время похода Глазенапа находился при нем и даже, согласно отчету командующего, участвовал в сражении с восставшими кабардинцами. Теперь же он фигурировал в группе «отщепенцев» вместе с кузеном Адиль-Гиреем Темрюковым-Атажукиным и своим младшим братом Атажуко Мисостовым-Атажукиным. Их старший брат и старший представитель фамилии полковник Измаил-бей Темрюков-Атажукин пыгался уговорить их сложить оружие. Встреча Атажукиных произошла в «Жентемировых кабаках», но после встречи Измаил-бей прибыл к Дельпоццо в Константиногорск без братьев и сообщил, что ему не удалось убедить их дать присягу и вновь подчиниться русскому правлению. Провал миссии Измаил-бея вызвал сильное раздражение пристава, писавшего «что в сей фамилии почти нет ни одного постоянного и умного (кроме ветреных, легкомысленных, молодых и глупых) как из владельцев, так и узденей, которые б могли удержать все касающиеся до их блага порядки человека». О самом полковнике: «он в своей фамилии без всякого уважения и не может ничего сделать к лучшему, а посему и не осталось теперь более как из Атажуковой, так и Мисостовой фамилии никого, кто бы мог их привести в единогласие».

Предложение Дельпоццо основать укрепление у Каменного моста быстро получило одобрение Цицианова, который, впрочем, заметил, что «крепость сия могла большую сделать им преграду, ибо поставленный в оную батальон или 3 эскадрона конницы не в состоянии будут удержать столь великого неприятеля, ежели бы кабардинцы затеяли бежать за Кубань». (Предложение кн. Цицианова ген.-м. Дельпоццо, от 17 июня 1805 г., № 413 // АКАК, II, 971). Таким образом, командование рассматривало вариант с полным исходом кабардинцев из Кабарды.

Получив одобрение главнокомандующего, Дельпоццо составляет пространный рапорт, в котором перечисляет 11 пунктов, описывающих вред, приносимый коммуникацией кабардинцев и закубанцев целям военного командования в регионе. Затем, окончательно уверовав в эффективность нового укрепления у Каменного моста, Дельпоццо восклицает: «Удивительно, что начальство здешнее не имело на все сии предметы внимания своего с начала занятия

Кубани, назад тому лет 12, которые можно б было занять и давно все сии народы, живущие с правой стороны Кубани, привесть не только в успокоение и повиновение, но даже в порабощение». (Рапорт ген.-м. Дельпоццо кн. Цицианову, от 25 июня 1805 г., № 180. Ст. Прохладная // АКАК, II, 971-977). Это замечание Дельпоццо свидетельствует о стремлении не просто контролировать, но поработить завоеванное население. Население очень хорошо прочувствовало это на своей спине и голосовало ногами. В рапорте Дельпоццо говорится о том, что «абазинцы в прошлом году уже третий, а ногайцы первый раз бежали за Кубань». (АКАК, II, 973).

В описании закубанских народов коллежского асессора Потемкина, составленном в 1803 г., отмечается, что полковник Росламбек Мисостов воспитывался у абадзехов. (РГВИА. Ф. 414. Д. 434. Л. 99 об.). Этот же источник отмечает, что у абадзехов был воспитан полковник Атажука Хамурзин, «а теперь на воспитании сын подполковника Кучука [Джанхотова]». Получается, что ведущие представители кабардинской элиты воспитывались в Абадзехии. Поскольку и территориально, и политически Абадзехия была дистанцирована от Большой Кабарды, мы не можем в данном случае говорить о вассальной зависимости абадзехских дворян-аталыков. Но столь целенаправленное воспитание своих отпрысков у сильнейшего западнодыгского племени также не могло носить случайного характера. По всей видимости, за этими фактами стоит заключение военно-политического союза Абадзехии и Большой Кабарды. Закономерно, что бывшие воспитанники находили приют и поддержку среди абадзехов.

Потемкин отмечал родственные отношения братьев Каноковых, бесленеевских князей, с валием Большой Кабарды Атажуко Хамурзиным: «племянники по женскому колену полковнику Атажуке Хамурзину, имеют с ними родство и другие кабардинские владельцы». (Там же. Л. 97 об.). Клапрот отмечал, что братья Казилбек, Бекмурза, Росланбек и Мурзабек Каноковы приходятся двоюродными братьями Атажуке Хамурзину. (Клапрот, 236).

Весьма важно, что Махошевское княжество под управлением Богарсуковых имело тесные связи с Большой Кабардой. «Их князья, — писал Клапрот, — происходят из фамилии Бахарсука; наиболее знатного из них зовут Хопач, который известен благодаря своим грабегам на русской границе. Он находится в тесной дружбе с кабардинским князем и начальником Кучуком, но с Рослан-беком из дома Мисост (в данном случае Мисост обозначает не более, чем отчество, а «дом» Росланбека Мисостова — Атажукинский. Прим. С.Х.) он разошелся, так как этот последний был женат на сестре Хопача, которая имела от него двух детей, а потом бросил ее, после чего она взяла себе второго мужа». (Там же. С. 237 — 238).

В конце августа 1805 г. Дельпоццо выражает свое крайнее недовольство поведением Измаил-бея Атажукина. До Дельпоццо доводили слухи о том, что полковник в частных разговорах с владельцами высказывал уверенность в том, что русские уберут с линии некоторые укрепления и поселения. (Рапорт ген.-м. Дельпоццо кн. Цицианову, от 27 августа 1805 года, № 291. Ст. Прохладная // АКАК, II, 977 — 980).

В сентябре 1806 г. Гудович подчеркивал тяжелое положение кабардинцев: «Справедливо, кабардинцы теперь разорены, много их деревень во время обуздания сожжено, черного народу много чумой померло». (Всеподданнейший рапорт гр. Гудовича, от 20 сентября 1806 г. // АКАК, III, 625 — 626).

Мятеж в Кабарде продолжался весь 1806 год. Невозможность добиться избрания судей в Родовые суды и расправы вынудила Цицианова пойти на компромисс и согласиться на восстановление шариатского судопроизводства. Тем не менее, так называемые духовные (шариатские) суды-мехкеме были подчинены Верхнему Моздокскому Пограничному суду. Шариатские суды заработали после «прекращения в Кабарде заразы» в 1807 г.

В марте 1807 г. Гудовичу докладывают о намерении Росламбека Мисостова вместе с бесленеевцами совершить нападение на линию. (АКАК, III, 627 — 628). В это время началась русско-турецкая война и для отражения готовившегося рейда во главе с Мисостовым у командования были весьма внушительные ресурсы. Готовность была объявлена сразу по трем драгунским полкам: Борисоглебскому, Таганрогскому и Владимирскому, «так как ближайшим к границе по Кубани». Анапский паша, в ожидании подкреплений из Турции, рекомендовал черкесам пока воздерживаться от военных операций. (АКАК, III, 628). Численность бесленеевского ополчения оценивалась в 5 тысяч всадников. (АКАК, III, 628 — 629).

В марте 1807 г. анапский паша обратился с воззванием к черкесам и ногайцам поддержать султана в войне против России. Его представители посетили владетельного князя Темиргоя Безруко Болотокова, который отозвался тем, что поддержит пашу только тогда, когда увидит его во главе большого войска. Затем анапский чиновник в сопровождении кабардинского узденя Докшуко Ашабова, находившегося по своим делам у Болотоковых, направился в Кабарду с письмом и поручениями к ряду лиц в Кабарде — эфенди Исхаку, обладавшего значительным влиянием на народ, владельцам Адиль-Гирею Атажукину, Каспулату Кильчукину, Пшемахо Наврузову, Атажуке Атажукину. (АКАК, III, 651 — 652). Интересно, что Адиль-Гирей Атажукин в это время находится в Кабарде и не скрывается. Обращения паши были подкреплены значительными денежными пособиями, но реакция и в Темиргое, и в Кабарде была сдержанной и осмотрительной.

7 ноября 1807 г. черкесская конница прорвала линию и разорила крупное село Каменнобродское и окрестные хутора на Егорлыке: «Черкесами убито ревизских мужеска пола 72, женска 27, сверх коих, рожденных после ревизии мужеска пола 11, женска 12, оказалось там же убитых 14 и наконец черкесами в плен взятых ревизских мужеска пола 37, женска 130; после ревизии рожденных мужеских пола 101, женска 84, а всего убитых и в плен взятых 488 душ». (АКАК, IV, 884).

В ноябре 1807 г. русскому командованию стало известно о смерти Адиль-Гирея Атажукина и Исхака-эфендия в Теберде, «от заразной болезни». (АКАК, III, 657). Преемником Адиль-Гирея во влиянии на знать и народ стал Каспулат Кильчукин.

В июне 1809 г. генерал Торماسов сообщает о желании Росламбека Мисостова получить прощение от российского начальства и позволение возвратиться на жительство в Кабарду. (АКАК, IV, 845 — 846). Показательная деталь этого сообщения состоит в том, что Росламбек Мисостов приехал сам из Закубанья в Кабарду и какое-то время находился в своих владениях без опасения быть схваченным.

В 1809 г. происходила переписка грузинского царевича Александра и Селим-паши, наместника Ахалцыхского пашалыка, с кабардинскими владельцами и чеченскими старшинами. В числе наиболее мятежно настроенных владельцев Большой Кабарды Дельпоццо называет «всегда противных нашей стороне» Росламбека Бесланова, Атажуко Атажукина, Али Карамурзина и Батоко Джембулатова. (АКАК, IV, 851 — 852). Это одно из первых упоминаний будущих лидеров «беглых кабардинцев» в Закубанье Али Карамурзина и Росламбека (Арсланбека) Бесланова.

Эти владельцы дали обещание выступить на поддержку Александра с некоторым числом своих узденей. (АКАК, IV, 854 — 856). В целом, Кабарду охватил патриотический подъем и на общем собрании князей и дворян было решено переселиться в горы и после этого начать военные действия против России. На собрании в роли турецкого посланника присутствовал некий авторитетный эфендий из Закубанья. Он был доставлен в Кабарду владельцами Касаем Гетагажеевым и Али Карамурзиным. Это сообщение показывает нам весьма высокий уровень коммуникаций кабардинской элиты с закубанскими владельцами и турецким командованием в регионе. Кроме того, источник отмечает прибытие «из Мекки некоторых кабардинцев, которые разгласили в Кабарде, что в Константинополе и других городах ежедневно отправляется в мечетях молебствие с пушечной пальбой о победах, турками над российскими войсками выигранных».

Победа русских войск, захвативших Анапу, как отмечал Торماسов, сблизила до того враждовавших темиргойцев и абадзехов: «два закубанских сильнейших народа». (АКАК, IV, 822 — 823). Как только наметился абадзехо-темиргойский альянс, так сразу обозначилась серьезная военная угроза для русских поселений линии.

В ноябре 1809 г. Росламбек Мисостов все еще в Кабарде — «находится в своем доме» и более того занимает выжидательную позицию по отношению к турецким планам мобилизации кабардинцев. (Отношение ген. Тормасова к гр. Румянцеву, от 17 ноября 1809 г., № 122 // АКАК, IV, 886). Остужает горячие головы и старший владелец Бекмурзиной фамилии Кучук Джанхотов.

Помимо Турции кабардинский ресурс активно пыталось задействовать иранское правительство, не смилившееся с потерей своих доминионов на Южном Кавказе. Наиболее последовательным сторонником получения помощи от Ирана был в этот период Каспулат Кильчукин. С фирманами от Баба-хана и от Александра Кильчукин ездил в Западную Черкессию. Дельпоццо, ошеломленный разворачивающейся у него под носом картиной геополитических союзов, «предписал стараться поймать и если представится случай каким-нибудь образом выманить из Кабарды» Каспулата Кильчукина.

В декабре 1809 г. Дельпоццо признается в неспособности арестовать Кильчукина: «Кабардинского владельца Каспулата Кильчукина, всегда постоянного и непримиримого врага российскому правительству, выманить из Кабарды и поймать я не нахожу никакой удобности и первое потому, что по вызову ни под каким предлогом он сам не приедет и более на здешнюю сторону; на противной же стороне, где с ним по малой мере бывает человек до 30 узденей и других владельцев, к захвачению его будет важная потеря в людях наших и все нет надежды его поймать, и второе, подкупить других на то также будет бесполезно, поелику на владельца столь знаменитого в Кабарде, на которого вся нация имеет влияние, никто доверенности не заслуживает и тогда утрата суммы на подкупление будет безнадежным и потеря оным напрасно побуждением. В 1794 году ген.-фельд. гр. Гудовичем, будучи в самой Кабарде с сильным отрядом войск, сколько ни употреблено было разных способов к поимке его, но однако же ничего к успеху оного не подействовало». (АКАК, IV, 856).

Эти отчеты о событиях 1809 г. в Кабарде представляют нам полную сил феодальную республику, энергично сопротивляющуюся экспансии противника и строящую масштабные военно-политические союзы. На самом деле ситуация была плачевной, поскольку военные действия, карательные экспедиции и чума довели народ до черты уничтожения. В июле 1809 г. генерал от инфантерии Булгаков пишет генералу Тормасову о кабардинцах, как о «погибшем народе кабардинском». (АКАК, IV, 847). В следующем рапорте за 17 июля подчеркивается: «Крайность народа кабардинского действительно обращает внимание и, как кажется, возобновить верноподданнические их обязанности весьма возможно». (Там же. С. 849).

При столь тяжелом демографическом положении кабардинцы не унывали и даже проводили дерзкие набеговые рейды. В начале декабря 1809 г. они разоряют до основания станицу Приближную на Малке.

Более того, весной 1810 г. активность кабардинцев в их действиях против линии возрастает. В апреле в Кабарду вступает во главе значительного отряда генерал С.А. Булгаков. Ожесточенные сражения происходят в верховьях рек Баксана, Шалушки, Чегема и Нальчика. Дельпоццо спешит на соединение с Булгаковым во главе другого отряда, но не поспевает к военным действиям. Зато принимает самое деятельное участие в расправе над многократно разоренной страной. Вдвоем они уничтожают около 200 населенных пунктов. Булгаков хвалился сим подвигом перед начальством: «кабардинский народ доселе никогда такой чувствительной не имел потери, и никогда еще войска не доходили туда, где ныне чинили поиски, и что они потеряли много имущества, которое сожжено с двумястами селений». (Цит по: Дзамихов К.Ф. Адыги: борьба и изгнание. Нальчик, 2005. С. 26).

Характер действий войск под начальством Булгакова в Кабарде обратил на себя внимание императора Александра. Он был неприятно шокирован степенью жестокости и безжалостности своего военачальника. Он указывал командующему войсками генералу А.П. Тормасову, что генерал Булгаков «употреблением непомерных жестокостей и бесчеловечия превзошел границы своей обязанности». Военный министр Барклай де Толли так же негативно отзывался о деятельности Булгакова: «Если верить известиям, то экспедиции против кабардинцев и закубанцев состояли в совершенном разграблении и сожжении их жилищ; жестокие сии действия, доводя тех народов до отчаяния, возбуждали только к нам ненависти их, и вообще обращение его со соседственными сими народами более служит к отвращению их от нас, нежели к установлению в том краю спокойствия». (Там же. С. 26).

Тем не менее метод Булгакова получил повсеместное распространение и был рекомендован ведущими царскими генералами в качестве наиболее эффективной стратегии борь-

бы против горцев Западной Черкесии после Адрианополя. Моральных оценок немотивированной жестокости мы уже почти не наблюдаем в переписке 30-60-х годов XIX в. Напротив, всячески подчеркивается необходимость уничтожения селений, посевов и скота горцев, поощряются зимние экспедиции, когда тотальное уничтожение системы жизнеобеспечения ставит противника на грань голодной смерти, что, в свою очередь, по мысли стратегов должно было ускорить капитуляцию адыгов.

«1810 годом, — отмечает Грабовский, — завершилась в Кабарде эпоха открытых восстаний против русского правительства». (Грабовский, 186).

В 1811 г. в Кабарду был направлен сенатор Вердеревский. Его миссия состояла в том, чтобы успокоить кабардинских владельцев, уверить их в расположенности к ним императора. Приободренная сочувствием к ним со стороны императора в 1811 г. депутация кабардинских владельцев и узденей (в составе Хаджи Бейзаруко Хамурзина, Кучука Касаева, Шалоха Ахлова, Темрюко Казанчева, Гетаеша Куденетова, Мисоста Анзорова) направилась в Санкт-Петербург, где «изъявляет верноподданническую покорность», просит возвратить им хотя бы часть земель, изъятых при основании линии, а также облегчить для населения Кабарды доступ к соляным озерам.

20 января 1812 г. Александр I направил обращение («высочайшую грамоту») владельцам и народу Кабарды. Александр I подтвердил общий тон и содержание грамоты, дарованной Екатериной II 17 августа 1771 г.; разрешил меновую торговлю, доступ к соляным источникам. Насчет бывших кабардинских земель, аннексированных при основании укрепленной линии, император дал согласие рассмотреть вопрос и сообщал кабардинцам, что он затребовал информацию от начальника Кавказской линии о «пустопорожних землях» по левую сторону Малки. Весьма важным нововведением этой грамоты стало пожелание государя сформировать из числа лучших кабардинских фамилий гвардейское подразделение в 100 всадников, «вооруженных по обыкновению вашему». (Там же. С. 187 – 189).

Предполагалось, что состав кабардинского отряда при императорской гвардии будет обновляться каждые три или пять лет. Таким путем должен был заработать действенный кооптационный инструмент, привлекающий симпатии кабардинской элиты на сторону России. После длительного периода скрытой и явной конфронтации кабардинцы оказались не готовы к восприятию этого многообещающего для подданных империи предложения. В основном, это предложение было воспринято, как завуалированное стремление удерживать представителей ведущих фамилий в заложниках. После значительных людских потерь, вызванных военной конфронтацией с империей и затяжной эпидемией чумы, кабардинцы посчитали для себя изъявление особой монаршей милости достаточно тяжелой повинностью. В итоге, на данном историческом этапе они саботировали эту инициативу царского правительства.

Помимо карательных действий в Кабарде, в 1810 г. Булгаков нанес удар и по Западной Черкесии. О его действиях на этом направлении пишут авторы-составители 3-го тома «Утверждения русского владычества...»: «21 января 1810 г. Булгаков с сильным отрядом перешел Кубань и в течение двух месяцев громил черкесские земли, разоряя аулы и отгоняя скот. Горцы пытались было в начале противодействовать нашим войскам, но разбитые 26 января у махосевских аулов, 9 февраля при штурме майкопских укреплений и, наконец, 13 февраля на р. Курджиписе, рассеялись и скрылись в малодоступные верховья своих ущелий». (Утверждение... С. 94).

В мемуарах И.Т. Радожицкого приводится важная информация, касающаяся действий Булгакова в Закубанье: «Из всех ген. Булгаков, особенно, славился между горцами своей личной храбростью, и столько был самолюбив в этом отношении, что другого, подобного ему храбреца майора Бакунина с отрядом 900 егерей предал в Майкопском ущелье за Кубанью многочисленной толпе черкесов, которые его истребили». (РГВИА. Ф. 482. Д. 135. С. 19).

Действия против Западной Черкесии были санкционированы герцогом де Ришелье, который в июне 1810 г. писал Тормасову: «я предположил произвести экспедицию против закубанских жителей к уничтожению некоторой части варварского сего народа за их непрерывные набеги на границу нашу и к совершенному удержанию на будущее время от подобного

хищничества». (Отношение дюка де-Ришелье к ген. Тормасову, от 18 июня 1810 г., Одесса // АКАК, IV, 887).

В 1816 г. главнокомандующим на Кавказе был назначен А.П. Ермолов. В литературе утвердилось мнение об особенной жестокости Ермолова в отношении горцев. Генерал действительно был весьма жестким администратором колониальной поры, но надо заметить, что в этом отношении он не превосходил некоторых своих предшественников, но заметно уступал ряду своих преемников.

В 1818 г. по приказу Ермолова войска разорили до основания Трамовский аул. Это была акция устрашения, демонстрирующая решительность нового командующего. (Письмо ген. Ермолова к подполк. кн. Кучуку Джанхотову, от 11 июня 1818 г. // АКАК, VI, ч. 2, 466). Авторы «Утверждения...» отмечают, что Ермолов пощадил жителей аула и довольствовался его разграблением и сожжением: «Ночью войска окружили аул со всех сторон и, приказав жителям выбираться вон, зажгли его с четырех углов; имущество, оставшееся в саклях, было разграблено; стада и табуны взяты на удовлетворение жителей Кавказской линии». (Утверждение... Т. III. Ч. 2. С. 23). После разорения, Ермолов писал кабардинцам: «На этот раз ограничиваюсь этим; на будущее же время не дам никакой пощады уличенным разбойникам: деревни их будут истреблены; имущество взято, жены и дети вырезаны». (Там же). Жители разоренного аула засобирались в Закубанье, на что сразу же поступило строгое предупреждение Ермолова. (Письмо ген. Ермолова к подполк., кн. Кучуку Джанхотову, от 14 августа 1818 г. // АКАК, VI, ч. 2, 466 – 467).

В 1818 г., уже после разорения Трамовского аула, «гуманный, мягкий Дельпоццо», как характеризует его Потто, «не поцеремонился прибегнуть к тайному убийству». Чтобы предотвратить уход князя Эдика Айдемирова в Чечню, он поручил «расторопному казачьему пятидесятнику», имевшему репутацию скупщика краденых лошадей, вызвать на встречу Айдемирова и, если тот приедет с небольшим эскортом, то убить его и его спутников. Так и случилось, князь прибыл с одним человеком и обоих убили: «Поручение это исполнено. Айдемир приехал только с одним человеком — и оба были убиты, а тела их брошены в воду. Кабардинцы знают, что он пропал, но не знают каким образом». (Потто В. Кавказская... Т. 2. Вып. III. С. 399-400). Интересно, что в 1904 г. в соответствующей главе «Утверждения...» Потто изъясил этот эпизод либо он был устранен цензурой.

В 1821 г. Ермолов потребовал, чтобы все из кабардинцев, «обитавших в горах, выселились на плоскость». События 1821 – 1822 гг. осмысливались Потто как «Покорение Кабарды» (глава XXIV второго тома).

15 декабря 1821 г. отряд под начальством генерала Сталя нанес удар по трем абазинским аулам на Куме, принадлежавшим узденям: Махукову, Хахандукову и Бибердову. Как отмечает Потто: «Все, что захвачено вне домов, было изрублено, все, что успело бежать и скрыться в домах, было забрано в плен. Добычей казаков было до тысячи голов лошадей и рогатого скота и 149 человек пленных». (Там же. С. 411). На обратном пути отряд Сталя был атакован кабардинской конницей во главе с князем Арсланбеком Биарслановым. Атака была отбита, но обошлась отряду в 14 человек убитыми и ранеными.

Судьба пленных абазин была незавидной: «Ермолов приказал отобрать из пленных всех годных к службе и сдать в солдаты, менее годных отправить на крепостные работы, а жен и детей выменять на русских пленных; тех же, которые останутся за разменом, раздать помещикам и казакам в услужение».

После этого рейда Сталя был сформирован сводный отряд для действий в Кабарде под начальством полковника Кацырева. Его первой мишенью стали Боруковские аулы, принадлежавшие узденям самого вали — Кучука Джанхотова. Приказ об их разорении был дан Ермоловым: «их непременно надлежит разогнать и разорить». (Предписание ген. Ермолова ген.-м. Сталю, от 28 ноября 1821 г., № 212 // АКАК, VI, ч. 2, 468 – 469). Кучука он характеризует при этом исключительно негативно, как ничтожного старца, неспособного обуздать своих подданных. В другом предписании Ермолов противоречит сам себе, говоря о том, что надежным владельцам следует разрешить поселиться на плоскости без выдачи аманатов и в

качестве примера приводит Кучука. С прочих же — неблагонадежных — он приказал брать заложников. В число неблагонадежных попали при этом уздени Кучука Анзоровы. (АКАК, VI, ч. 2, 470).

Затем Кацырев кружит по Кабарде, держит в оцеплении аулы важнейших владельцев, часть аулов подвергает разорению, происходят частые, но не масштабные боестолкновения. Все эти действия хорошо и детально описаны Потто в указанной главе второго тома.

1 января 1822 г. из Закубанья на помощь жителям Кабарды пришел отряд черкесов в 500 всадников во главе с князьями Атажуко Магометовым, Хамурзой Джамбулатовым и Карачаем Казиевым. Под прикрытием этого отряда около 250 семейств из аулов Жентемирова и Трамова ушли за Кубань со всем своим имуществом. 4 февраля 1822 г. часть этого черкесского отряда столкнулась с сотней казаков, собравшихся с различных постов, и опрокинула ее. Потери казаков составили порядка 25 человек убитыми.

17 февраля это пятисотенное ополчение черкесов еще находилось в сборе и отошло в верхнее течение Большого Зеленчука. Сюда к ним прибывали князья из ветвей Мисостовых и Атажукиных, решая как им переселиться за Кубань со своими подвластными.

19 февраля отряд Кацырева за р. Гунделен «истребил аул со всеми хуторами узденя Жансоха». 20 февраля были уничтожены, «после жаркого дела», два аула, принадлежавшие Мисостовым и Атажукиным. Потери Кацырева при этом составили: 1 офицер и 20 нижних чинов убитыми и ранеными. (Потто В. Кавказская... Т. 2. Вып. III. С. 417).

11 марта отряд Кацырева двинулся в горы. В связи с этим наступлением упоминается Таусултан Атажукин, направлявшийся во главе 50 всадников на линию. Он разослал своих людей предупредить жителей о наступлении русских. Кацырев отдал приказ отгонять стада кабардинцев и горцев. Этим действиям всюду удачно воспрепятствовали собравшиеся силы кавказцев. «Тем не менее, — отмечает Потто, — в течение семи дней, при непрерывной перестрелке, пять больших аулов, не считая отдельных хуторов, кошей и кутанов, были истреблены до основания. Между ними аул владельцев Касаевых защищался так упорно, что раздраженные солдаты Кабардинского полка перекололи в нем всех, не успевших скрыться, — и мужчин, и женщин». (Там же. С. 417).

Этим жестоким карательным действиям Кацырева сопутствовали грозные прокламации Ермолова.

В течение марта 1822 г. вышло на плоскость 14 больших аулов кабардинцев, в которых насчитывалось порядка 945 домов. Здесь, «по печальному недоразумению», поневоле доверившиеся властям кабардинцы «были разбиты и ограблены самими же русскими». На совершенно не ожидавших нападения переселенцев налетел отряд штабс-капитана Токаревского из Елизаветинского редута и отряд мирных чеченцев под начальством капитана Чернова. Офицеры получили строгий, но ничего не значащий выговор Вельяминова.

Большая часть кабардинцев оставалась в нагорных секторах Кабарды. Действиями кабардинского сопротивления руководили Асланбек Бесленов (Арсланбек Биарсланов) и Джамбулат Атажукин. Кабардинцев всячески поддерживали закубанские черкесы. Потто сообщает о прибытии в Кабарду закубанских кадиев: на общем собрании было решено добиваться от властей разрешения остаться в горах либо добиться этого вооруженным сопротивлением. (Там же. С. 419).

Чтобы окончательно сломить кабардинское сопротивление Кацырев совершил еще две экспедиции. 25 марта он вошел в Чегемское ущелье и истребил аулы Тамбиева, а 2 апреля двинулся на речку Нальчик и занял аулы Шаупцова и Кондорова. (Там же). После этих репрессалий кабардинцы пошли на переговоры, но таковые не состоялись из-за категорического требования Кацырева выдать ему в качестве заложников шесть князей и старшего кадия.

4 апреля Кацырев стремительно подошел к аулу Каспулата Канчукова, в котором находились кабардинские лидеры, занял и истребил его после горячей перестрелки. (Там же. С. 420). На рассвете 18 апреля одно из подразделений Кацырева ворвалось в аул Аджи Тамбиева на р. Кешпек. Здесь, как пишет Потто, человек 20 кабардинцев заняли оборону в каменной сакле. Они отказались сдаться и вели меткий огонь. На помощь осаждающим вызвали

две роты Ширванского полка: «Кацырев велел взять саклю штыками. Озлобленные ширванцы ринулись на приступ. Храбрый капитан Красовский первый вскочил в выбитую дверь и первый пал на пороге ее, сраженный пулей, еще несколько солдат было ранено, но остальные ворвались и истребили всех без пощады. 18 трупов, вытащенных из сакли, были так обезображены, что бывшие в отряде мирные кабардинцы не могли узнать ни одного из них». (Там же. С. 421).

Этим эпизодом, заключает Потто, закончились самостоятельные действия кацыревского отряда. Далее в дело вступил сам Ермолов. В мае 1822 г. Ермолов возглавил операции сразу трех отрядов: первый под его личным руководством, второй — генерала Сталя, третий — полковника Победнова. Происходили незначительные стычки с восставшими, «в ущелье Черек сожжено несколько селений, в Нальчике отбит табун лошадей и отара овец в четыре тысячи голов, в Чегеме истреблен сильный аул». (Там же. С. 422).

Согласно Бриммеру, в июне 1822 г. войска захватили в Чегемском ущелье 304 лошади, около 500 голов рогатого скота и 12800 баранов. (Бриммер, 89).

Затем войска вступили в ущелье Баксана, движение вверх по течению которого было сопряжено с «беспримерными трудностями». В самом узком месте Баксанского ущелья, на правом берегу, кабардинцы устроили завал. Ермолов направил батальон Ширванского полка на приступ, а подразделения Сталя, двигавшиеся по левой стороне, должны были подняться выше Мисостова аула, и затем выйти в тыл кабардинцам. Так и произошло. Кроме того, войскам удалось поднять несколько орудий на доминирующие над завалом высоты и под действием артиллерийского огня восставшие отступили.

24 июня 1822 г. войска А.П. Ермолова в Баксанском ущелье заняли и сожгли укрепленный аул Таусултана Урусбиева, князя урусбиевского, подразделения карачаевцев. (Там же. С. 98, 104). Решающего сражения, которого так желал Ермолов не произошло. Восставшие ушли в Карачай и далее в Закубанье. На Каменном мосту их пытался перехватить отряд Вельяминова, но опоздал — силы кабардинцев уже обрели спасение на формально османской территории.

Экспедиция Ермолова завершилась 24 июля. Таким образом, Кабарда была окончательно покорена. Основные карательные операции были осуществлены перед непосредственным командованием Ермолова — его выдвинутым Кацыревым. Ермолов лишь прошел по уже сломленной территории, население которой определилось с выбором — остаться и признать все требования властей или уйти к своим соплеменникам в Закубанье.

1822 год стал рубежным в истории Кабарды. Прямо посреди ее земель были воздвигнуты укрепления, призванные изолировать кабардинское население от горной и даже предгорной части территории Кабарды. Это укрепления на речках Черек, Нальчик, Чегем, Баксан и верхнем течении Малки.

26 июня 1822 г. Ермолов обратился к кабардинцам с прокламацией. После обвинений в «гнусной измене», «нарушении клятвы», «воровстве» и «убийствах», главнокомандующий соизволяет: 1) «сохранить свободное отправление веры и прежних обычаев»; 2) «принять выселившихся из гор владельцев и узденей в прежнем их достоинстве и звании», что было своего рода амнистией, поскольку более ранние требования Ермолова на сей счет игнорировались; 3) «возвращать рабов, которые бежали от своих владельцев по переселении уже их из гор»; 4) «желающих принять христианский закон я не могу отклонять от одного, но отнюдь не допущу приглашать к тому обольщениями», что в случае осуществления стало бы весьма полезным для урегулирования русско-кабардинских отношений. У тех, кто его слушается, Ермолов обещал отобрать подданных и землю.

Кабардинцы оказались зажаты в узкой полосе между Малкой и линией укреплений. Более того, кабардинские земли были в огромной степени урезаны с западной стороны. Ермолов аннексировал все пространство между верхними течениями Малки и Кубани. Здесь также были устроены укрепления и посты.

В начале своего отчета Ермолов пишет, что предпринял «обозрение Кабарды от Владикавказа до верхней Кубани». По плану Ермолова, «новая линия должна окружить собой кабардин-

скую землю, малое коей население оградил я несколько теснейшими против прежнего пределами и между реками Малкой и Кубанью оставил пространство, которое впоследствии должно быть занято русскими селениями или преимущественно линейными козаками, теперь весьма невыгодно расположенными. Большая часть пространства новой линии обнимать будет места, где изобильные леса доставят средства заменить выгодными жилищами теперешние бедные хижины солдат». (АКАК, VI, ч. I, 508-509). «Таким образом, — продолжает Ермолов, — прервутся вредные связи кабардинцев с закубанскими народами, которые всегда возмущая их, нередко даже давали им помощь. Войска наши расположатся в выгоднейших и для сохранения здоровья солдат удобных местах, а заключаемые внутри линии кабардинцы, обязанные защищать от набегов хищников свои земли, в непродолжительном времени доставят способы большую часть войск наших обратить к охранению линии по Кубани простирающейся».

В наши дни уже невозможно себе представить, что на данной территории находились «изобильные леса». Аннексия западно-кабардинских земель разорвала единое черкесское пространство и отдала в два раза сократившуюся территорию Кабарды от Западной Черкесии. Обращаем внимание на фразеологию Ермолова. Вместо адекватного отражения в словах факта аннексии, то есть захвата или отбора чужой земельной собственности, он излагает: «оградил я несколько теснейшими против прежнего пределами». Лишение целого народа его вековой родины теряется в еще более завуалированной формулировке: «между реками Малкой и Кубанью оставил пространство, которое впоследствии должно быть занято русскими селениями». Само собой разумеется, что Ермолов ни словом не обмолвился перед вышестоящим начальством, что отобранная им территория принадлежала кабардинским владельцам и что на ней проживало кабардинское и абазинское население: он предпочел представить свое незаконное действие как легкое и необременительное стеснение ставшего немногочисленным кабардинского населения.

Устроение линии через Кабарду утвердил в сентябре 1822 г. Александр I. (Высочайшее повеление ген. Ермолову, от 3 сентября 1822 г., Вена // АКАК, VI, ч. 2, 459).

Таким образом, Большая Кабарда превратилась в урезанный со всех сторон анклав, представляющий самое большее 1/3 от тех владений, которыми она располагала в XVIII в., в период до русско-турецкого договора в Кючук-Кайнарджи (1774 г.).

И.В. Шаховский, адъютант командующего Отдельного Кавказского корпуса, в 1834 г. занимался составлением карты Центрального Кавказа — Кабарды, включая горские общества, и Сванетии. Он составил детальное топографическое описание собственно кабардинских земель, площадь которых, без учета территорий горских обществ, составила 16200 квадратных верст. При этом он отметил: «Из сего должно исключить землю, отошедшую под селение линейных казаков, примерно в 8500 квадратные версты». (Шаховский И.В. Путешествие в Сванетию и Кабарду // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. Нальчик: «Эль-Фа», 2001. С. 168). Как видим, из той территории, которой располагали кабардинцы в 1822 г., было аннексировано более 52 % земель.

Таким образом, в одночасье абазины-тапанта оказались полностью лишенными своих исконных земель. Некоторой их части позволили поселиться у самой Кубани среди ногайских аулов. Но эта мера рассматривалась начальством как временная и после Крымской войны абазинское население нескольких аулов по правому берегу Кубани было выселено за Кубань в нижние течения Зеленчуков. Основная масса тапантовцев в 1822 г. была вынуждена искать убежище у своих родственников башильбаевцев-шкаравцев на территории верхних течений Большого и Малого Зеленчуков и их притоков.

1822 г. стал годом массового исхода кабардинцев и абазин. Более 15 тысяч человек ушло в Западную Черкесию и поселилось среди абазин и бесленеевцев по верхним течениям притоков Кубани.

Благодаря Хан-Гирею, мы располагаем большим списком (очевидно, неисчерпывающим) кабардинских аулов, переселившихся в Западную Черкесию. Приведем этот список:

«Таблица, показывающая число и названия аулов, из Кабарды переселившихся к закубанским черкесам во время беспоконийств, происходивших в Кабарде в 1821 и 1822 годах.

Собственно князьям принадлежащих

1. Бейсинкком иккоадь
2. Кайсин-ххабль
3. Кайсин-ххабль (другой)
4. Азжькерие-ххабль
5. Хамрзие

(Аулы 1-5 помечены фигурной скобкой с примечанием: Князья, которым принадлежат эти аулы, происходят от Дянботова рода)

6. Исламие
7. Кесей-ххабль
8. Керемрзее

(Аулы 6-8 помечены фигурной скобкой с примечанием: Князья, владеющие этими аулами, происходят от Мсостова рода)

9. Хатохшоккоае (Принадлежит князю, который происходит от Хотожокковой фамилии)
Принадлежащие дворянам

10. Анзарие	22. Хгутчежь-ххабль
11. Канбечкоае	23. Теу-ххабль
12. Тохшоккоае	24. Куидестие
13. Бейккоаде	25. Дауткоае
14. Дяноккоае	26. Инальзжие-ххабль
15. Эхохх-ххабль	27. Адеее-ххабль
16. Ввкке-ххабль	28. Кандетрие
17. Елькебание	29. Шьишь-ххабль
18. Бехерсее	30. Шеопщее
19. Махоккоае	31. Конбсе-ххабль
20. Лостенеккее	32. Ккезаншие
21. Тенасшь-ххабль	

(Аулы 10-32 отмечены как принадлежащие к уделу Дянботие)

33. Кубатт-ххабль	42. Хапетчае
34. Джерешти	43. Нартзжь-ххабль
35. Ллескерие	44. Ерку-ххабль
36. Дчезжокоае	45. Льюие-ххабль
37. Тзжь-ххабль	46. Пшьмехоккое
38. Ашебее	47. Бзжиххокоае
39. Кетей-ххабль	48. Ельтарие
40. Дейр-ххабль	49. Кундестие
41. Кетезжь-ххабль	50. Мархгушее

(Аулы 33-50 отмечены как принадлежащие к уделу Мсостие)

51. Хутатхе	57. Бабкое
52. Каншауе	58. Пшьтуское
53. Шодеи-ххабль	59. Бехг-ххабль
54. Шахгумие	60. Шид-ххабль
55. Тумсние	61. Тохтемшие
56. Хахгундекоае	62. Берзекен-ххабль

(Аулы 51 – 62 отмечены как принадлежащие к уделу Ххатохшеккоае)». (Хан-Гирей 1978, 169 – 170).

А. князя Али Карамурзина (№ 8 в списке Хан-Гирея), из ветви Мисостовых, восходящей к Мисосту Казыевичу, вали Кабарды в 60-70-е гг. XVII в. С именем Али Карамурзина и его аулом связано одно из наиболее известных и одновременно трагических событий эпохи Кавказской войны.

1 апреля 1825 г. Вельяминов во главе 3 батальонов пехоты и 2 линейных казачьих полков, при 18 орудиях вступает в Черкесию. 4 апреля от основного отряда отделился отряд под командованием полковника Бековича-Черкасского и направился на аул Карамурзина. «Заря чуть брезжилась, аул крепко спал и был захвачен совершенно врасплох... В плен было взято только сто тридцать девять душ, все остальное население погубило или в бою, или в пламени. Линейцы собрали и похоронили пятьсот семьдесят трупов, но по свидетельству самих кабардинцев одних убитых между ними было более тысячи человек». (Потто В. Кавказская... Т. 2. Вып. 3. С. 555 – 556).

Карта Северо-Западного Кавказа времен Ермолова 1816-1826 гг. Фрагмент, показывающий расположение Карамурзинского аула. Рядом аул Кучука Аджигириева. См.: Утверждение... Т. III. Ч. 1. Приложение

В рукописи Радожицкого этот погром описан следующим образом: «Князь Бекович собрал казаков и сказал им выразительно: «Ребята, кто сделает хорошо свое дело, тот будет награжден, а грабителей я расстреляю!». [Дальнейшее описание говорит только о грабеже и ни слова о недовольстве им со стороны Бековича. Поэтому, речь шла о том, что никто не должен увлекаться грабежом до того, как поражен противник. — Прим. С. Х.]. Тотчас послал он сотню казаков влево мимо леса, полсотни вправо от берега, а сам с 200 спустился в аул; причем велел без крика колоть вооруженных, отнюдь не стреляя из ружей. Однако часть казаков завела перестрелку, а другая бросилась в сакли за добычей; тогда он задним велел стрелять в передних, а для отклонения грабежа приказал зажигать аул со всех сторон. Майор Дадымов с своим Кавказским полком наиболее содействовал успеху всех распоряжений князя; он пронесся через весь аул с одного конца на другой, казаки его кололи всех встречавшихся, а сам

он налетел на князя Али-Кара-Мирзу, которого знал. Полураздетый князь выстрелил по нему мимо, тогда Дадымов вскричал ему по-черкесски: «Теперь ты мой!» и пистолетным выстрелом положил его на месте: пуля прошла ниже правого глаза взатылок насквозь. Все кабардинцы выскочили из саклей полураздетые и встречали верную смерть потому, что в торопях не знали как защититься, между тем казаки их нещадно кололи. Жена Али-Кара-Мирзы вышла держа в руках мешок с семьюстами червонцами; казаки выхватили у нее золото и за это оставили в живых. Другая женщина, жена убитого узденя, бросила четыреста червонцев в курное место, и сама, ставши тут, зажгла все вокруг себя и сгорела вместе с золотом. После того в разных местах между пеплом сгоревших саклей находили слитки золота и серебра. На месте погребено было 570 тел и найдено в разных местах до 100 тел, выкинутых водой из реки. Из всего аула спаслось только 139 душ обоего пола; погибло значительных узденей 10 (здесь не четко: может быть, 18. — Прим. С. Х.) и более известных до 50. У нас ранены только два казака. Много богатства досталось в жертву пламени, но и казаки довольно поживились деньгами, оружием и всяким имуществом. Лошадей отбито 665, рогатой скотины 530, и овец 2300. Никогда не бывало столь удачного набега с такими незначительными силами и с такой малой потерей... Замечательно, что такое ужасное истребление нанес кабардинцам их же соплеменник кабардинский князь Бекович Черкасский из колена Джембулатова рода; у черкесов он известен под именем Тембота, или Темир-Булата». (Радожицкий, 184-186).

После разгрома Карамурзинского аула на место трагедии примчались 300 кабардинцев из аулов Джембулата Кайтукина и Кучука Аджигиреева, «но было уже поздно — князь Бекович успел миновать страшную теснину и был в безопасности». (Утверждение... Т. III. Ч. 2. С. 195).

О масштабах избиения, устроенного Бековичем в Карамурзинском ауле, в ноябре 1825 г. писал Вельяминов: «Сверх того должно еще считать, что в прошедшую весну половина беглых кабардинцев истреблена». (Из архива князей Бековичей-Черкасских... С. 41). После этого, по мнению Вельяминова, закубанцы (вероятно, командующий имел в виду кабардинцев и бесленеевцев) совокупно не смогут выставить более 1.500 доброконных и хорошо экипированных воинов.

В другой своей работе, написанной в соавторстве с Н. С. Аносовым и В. И. Томкеевым, Потто вводит в оборот воспоминания черкесов об этой трагедии, записанные А. А. Прорецлавским в Ульском ауле со слов Хадри Шоцгенова и Султана Шахин-Гирея:

«Еще накануне вечером, когда совершенно стемнело, в аул Карамурзина прискакал незнакомый всадник, весь закутанный башлыком и буркой. Он тихо постучал в оконце княжеской сакли, и, вызвав самого Карамурзина, отвел его в сторону. «Я служу русским, — сказал он, — но судьба детей и женщин твоего аула внушила мне жалость. Спасайте семьи. Сегодня или завтра нагрянут русские — их ведет Вельяминов». Заметив на лице князя раздумье, он прибавил: «Поступай как знаешь. Я предупредил тебя и теперь еду к русским. — «Скажи, как твое имя? — спросил Карамурзин. «Я бесленеевский уздень Крым-Гирей Довшоков, отвечал незнакомец, и, ударив коня плетью, скрылся из виду.

Карамурзин тотчас собрал на совет стариков, но его никто не послушал. «Сколько раз, — говорили они, — нас поднимали ночью, заставляли бежать и всегда напрасно; ни Вельяминов, ни Коцарев никогда не доходили до нас. Мы живем позади бесленеевцев, которые не пропустят русских, да и русские не пройдут мимо, чтобы их не ограбить; следовательно, уйти всегда будет время». Карамурзин уступил эти доводам. «Хорошо, — сказал он, — я останусь с вами. Но если меня сегодня убьют, то передайте всем, что Крым-Гирей Давшоков предупреждал вас». (Утверждение... Т. III. Ч. 2. С. 191 — 192). Затем Давшоков действительно возвратился к отряду Вельяминова и сообщил, что аул Карамурзина пуст. Согласно рапорту самого Вельяминова, на который ссылается Потто, командующий не поверил докладу своего лазутчика: «Известие это показалось мне странным; я усомнился в нем, потому что войска шли по ночам и весьма скрытно; правда, хотя и за всем тем движение их могло быть как-нибудь замечено или открыто посредством армян, торгующих на меновых дворах, но намерение мое напасть на аул Али Карамурзина никак не могло быть известным, ибо множество других аулов имели столько же причин опасаться нашего нападения. Я решился идти далее с тем, что если не

удастся напасть на аул, то по крайней мере, заставить его совсем уйти к абадзехам, где кабардинцы находятся в весьма стесненном положении». Затем Потто с соавторами соединяет данные рапорта Вельяминова с теми рассказами, которые были записаны в Ульском ауле: «В это время к Вельяминову подъехал другой лазутчик Шавгуров и шепнул ему на ухо: «Не верь Давшокову: он изменник и лжет. Я сейчас поеду сам и узнаю правду; никто не мог предупредить Карамурзина». К вечеру он вернулся и сообщил, что аул стоит на месте».

Давшокова арестовали, а Вельяминов двинул к аулу всех линейных казаков под начальством князя Бековича-Черкасского, «приказав ему как можно скорее обложить аул и держать его в блокаде до прибытия пехоты». (Там же. С. 192 – 193). Давшоков был казнен Вельяминовым, но и верные псы рыжего генерала – лазутчики Шавгуров и Астемиров – были убиты кабардинцами. С первым расправился Магомет-Аш Атажукин, со вторым – Кучук Аджигиреев. (Там же. С. 197 – 198). При этом, Потто с соавторами отмечают, что Магомет-Аш Атажукин и Кучук Аджигиреев являлись племянниками Али Карамурзина. (Там же. С. 197).

Роман Борисович Гуль, белоэмигрантский писатель, приводит в своих мемуарах весьма и весьма показательный эпизод, связанный с отношением потомка Федора Бековича-Черкасского к теме кабардинского сопротивления в годы Кавказской войны: «Великий князь Михаил Александрович был блестящим наездником. (Великий князь Михаил Александрович являлся младшим сыном Александра III. – Прим. С. Х.). В понимании коня великому князю мало было равных. В Гатчине великий князь не раз скакал на скачках. Но самым большим удовольствием его высочества было оседлать своего кабардинца и совершенно одному скакать по полям и лесам... Любя музыку, великий князь сам немного сочинял. Особенно любил он народную восточную музыку. И в Виннице при нем был знаменитый зурнач Зубиев, который подолгу играл ему кавказские заунывные напевы. Однажды на фронте в Австрии, в Тулстуместе, когда Дикая дивизия стояла в резерве в лесу, всадники-кабардинцы пели свои национальные песни. Присутствовавший тут же, сам кабардинец, помощник командира Татарского полка князь Бекович-Черкасский приказал пение прекратить. Но великий князь удивленно обратился к нему:

Почему вы прекратили пение, князь?

Мне кажется, что для европейского уха оно простоужасно.

– Нет, нет, – запротестовал Михаил Александрович, – напротив, это прекрасные напевы. Я в них чувствую что-то древнее, похожее на индусское, пусть поют...

И он не только продолжал слушать, но даже попросил князя Бековича перевести ему слова песен, чтобы записать их.

– Я могу перевести, – ответил князь, – но это песни про национального кабардинского героя князя Кучук-Аджигиреева, сражавшегося в 1830 году против русских.

Михаил Александрович засмеялся и настоял на переводе песен». (Гуль Р. Б. Я унес Россию. Апология русской эмиграции // [http.: www.pseudology.org/Gul/Part_02_07.htm](http://www.pseudology.org/Gul/Part_02_07.htm)).

А. кабардинского князя Кучука Аджигиреева. 13 ноября 1828 г. 2-я колонна ген.-м. Турчанинова (из сводного отряда командующего войсками Кавказской линии Эммануэля) вступила в оставленные жителями аулы беглых кабардинцев на верхнем Урупе. В этот же день 3-я колонна полковника Луковкина внезапно атаковала аулы Кучука Аджигиреева, расположенные у истоков Лабы, на р. Купис и «совершенно истребила оный»: «с неприятельской стороны убито 16 человек и взято в плен 125 душ обоюбого пола». (АКАК, VII, 881). В плен был захвачен, согласно Потто, грудной сын князя. (Потто В. Кавказская... Т. 5. Вып. 3. С. 425). Кабардинцы опомнились и стали теснить колонну, что вынудило ее искать спасение в отступлении к Кубани через укрепление Св. Георгия. 15 ноября 2-я колонна достигла «разоренного аула беглого кабардинского князя Кучука Аджи-Гиреева», на р. Кунч, правом притоке Б. Лабы. Покидая аул, Турчанинов отдал приказ сжечь его. (Там же. С. 437).

Аулы Атажукина. 14 ноября 1828 г., на рассвете, 1-я колонна Антропова прибыла к аулам Атажукина, «но жители, предупредоленные о движении наших войск, скрыв свои семейства и имущество в лесу, встретили казаков выстрелами. Перестрелка продолжалась часа два, причем у нас один казак убит и один ранен; у неприятеля взято 2 человека в плен и отбито 250 штук рогатого скота и несколько лошадей». (Филонов, 424).

А. тлекотлеша Джамбора Кандаурова. 14 ноября пехота 1-й колонны «в одиннадцатом часу утра прибыла к аулу Джамбора Кандаурова, лежавшему в верховьях р. Алдоргалтук, впадающей в Б. Тегень, где отряд и расположился лагерем». (Там же. С. 424).

19-22 ноября отряд Ушакова, высланный из лагеря 2-й колонны Турчанинова, сжег кабардинские аулы в верхнем течении Урупа. (Там же. С. 437 – 438).

А. князя Мурзабека-Хаджи Хамурзина, в верхнем течении Урупа. 24 ноября колонна Турчанинова застала аул пустым: жители успели не только спастись сами, но и увезли все, что только можно было увезти. Половина запасов хлеба еще оставалась в окрестностях аула. Войска сожгли аул, что, согласно Потто, было ничтожной потерей для населения. (Потто В. Кавказская... Т. 5. Вып. 3. С. 420 – 421). Разгрому аулов кабардинских князей уделялось особенное внимание и о таковых эпизодах доносили императору. В отчетном рапорте Паскевича царю от 7 декабря 1828 г. сообщается о рейде Турчанинова на аул беглых кабардинцев кн. Хаджи-Мурзабека Хамурзина в верхнем течении Урупа, оказавшийся оставленным жителями. (Всепопданнейший рапорт гр. Паскевича, от 7 декабря 1828 г. // АКАК, VII, 881). Здесь же сообщается о том, что удалось захватить аул князя Кучука Хаджи-Гирея, находившийся на речке Куписе в вершинах Лабы.

27 ноября направляясь на Псефир, Турчанинов стал лагерем на р. Каптоу: «найденный же там аул беглых кабардинцев сожжен». (Там же. С. 439).

29 ноября высланный из лагеря отряд подполковника Флиге (400 пехотинцев и 600 всадников) на рассвете «истребил огромный аул беглых кабардинцев», а при обратном следовании сжег более тысячи стогов сена. (Там же. С. 432).

А. князя Хаджамбота Хамурзина (12 семей, 40 человек) фигурирует в списке за 20 марта 1829 г. в числе лиц, присягнувших российскому императору. (РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 26).

А. князя Джембулата Атажукина, 1835, январь. Расположение: выше а. Исмаила Касаева по Кубани; у А. В. Казакова отмечено, что Д. Атажукин жил своим аулом на р. Теберде и погиб в 1846 г. В 1839 г. аул Джембулата отмечен на правом берегу Теберды в 11 км от ее устья. (Подробная... 1839). Ведомость 1842 г. фиксирует а. поручика князя Джембулата Атажукина на правом берегу Теберды от укр. Хумаринского в 13 верстах с населением в 155 мужчин и 119 женщин. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 415). Генеральная карта Кавказа 1847 г. подтверждает пребывание Атажукинского аула на Теберде. В октябре 1856 г. а. Атажукина, как и а. Касаева, отмечен в группе «тебердинцев» — кабардинских и абазинских аулов, располагавшихся на Теберде: «3) Тебердинцы. Тебердинцы поселились в верхней части Кубани в четырех аулах кои суть: Атажукина, Хохондукова, князя Касаева и Комбордова». И далее: «Начальник центра Кавказской линии находит возможным, первые два аула выселить в Большую Кабарду, дабы очистить несколько верхнюю Кубань от туземцев, а остальные два оставить на теперешних местах, предоставив им пользоваться землями по Маринскому и Хумаринскому ущельям, ныне незанятыми, и по правой стороне Кубани вверх до карачаевских земель». В 1858 г. все четыре аула были перемещены на М. Зеленчук, где в советский период а. Атажукинский получил название Зеюко; Хахандуковский — Алибердуковский; Касаевский — Хабез. (АКАК, VIII, 747, 757; Казаков, 55; РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 4; Народы Карачаево-Черкесии. Историко-этнографические очерки. Ставрополь, 1957. С. 61).

Аул князя Исмаила Касаева, известный как Касай-хабль и впоследствии как Хабез, переселившись в Восточное Закубанье самостоятельно в рамках движения кабардинского сопротивления, сначала самостоятельно перемещался по территории Восточного Закубанья, а затем, когда Измаил Касаев принял российское подданство, еще несколько раз менял дислокацию по распоряжениям военной администрации. В рапорте штабс-капитана князя Шаховского барону Розену от 24 января 1835 года аул Касаева фиксируется на левом берегу Кубани. (АКАК, VIII, 747). Ф.Ф. Торнау застаёт аул Касаева в том же 1835 году на реке Большой Тегень и указывает, что он только что переселен на это место по распоряжению кавказского начальства. (Торнау 1999, 222). В апреле 1836 года Касаев со своими подвластными проживает на реке Малый Зеленчук. (АКАК, VIII, 757). В 1839 г. аул Исмаила Касаева отмечен на правом берегу Малого Зеленчука в 10,5 км выше устья Карданаха (Кардоника). (Подробная... 1839). В ведомости мир-

ных закубанских аулов 1842 г. а. Исмаила Касаева указан на М. Зеленчуке в 0,5 версты вниз от а. Аджи Кубатова и насчитывал 288 мужчин и 122 женщины. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.). Исмаил Касаев умер в 1843 г. В 1847 г. а. Касаева зафиксирован на правой стороне М. Зеленчука. (Кавказский край 1847). В 1856 г. мы застаем аул Касаева на левом берегу Кубани в группе из еще трех кабардинских аулов, которые в официальной переписке фигурируют под названием «тебердинцев». (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 4). Истории Касаевского аула посвящено весьма обстоятельное исследование М.А. Даурова: Хабез. Семейная энциклопедия. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. 340 с.

А. тлекотлеша Анзорова. В 1834 г. Засс наносит удар по кабардинцам. С полуторатысячным отрядом он напал на Анзоровский аул, «населенный абреками». «Самый аул Анзорова, — описывает нападение Щербина, — находился в неприступной и хорошо защищенной местности. Поэтому, прежде чем русские обложили аул, горцы успели угнать скот и отправить семьи в ближайший лес. Абреки встретили приступ русских войск, но не могли удержать аула за собой и бежали, оставивши на месте неубранными 9 тел. Казаки забрали часть черкесского имущества, оставшегося в саклях, и сожгли аул, потерявши двух человек убитыми и двух ранеными». (Щербина, 407).

А. уорка Ибрагима Докшукова, 1835, октябрь. Расположение: за р. Лаба. Уничтожен Зассом 31.10.1835: 59 пленных и 37 погибших. (АКАК, VIII, 755 — 756).

А. «беглых кабардинцев», 1836, февраль. Расположение: на р. Псефир «в ущелье неприступном и окруженном со всех сторон лесом». 27.02.1836 уничтожен, с частью жителей отрядом ген.-м. Засса. (АКАК, VIII, 756 — 757).

А. уорка Ахмеда Хаджи Хахандукова. 1842 г., июнь. 81 мужчина и 52 женщины. Расположение: «между Большим и Малым Зеленчуками на р. Арслана Джилга». (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 415). В ведомости лиц, принесших присягу в 1828 г., фигурирует «кабардинский уздень живущий у башилбаевцев Аджи Хахандуков с подвластными». Под покровительством Хаджи Хахандукова было 40 семей или 193 человека. (РГВИА. Ф. 846. Д. 6244. Л. 24 об.). 31.08.1828 г. начальник правого фланга генерал Антропов выступил из Прочного Окопа и нанес удар по жителям аула Хахандуковых, находившихся на уборке хлеба между Урупом и Большим Зеленчуком: «Поля башилбаевцев были истреблены огнем, и казаки вернулись назад, приведя семьдесят семь пленных и целый транспорт арб, приготовленный жителями для перевозки хлеба». (Потто В. Кавказская... Т. 5. Вып. 3. С. 384). Был убит «почетнейший старшина» Хаджи Хахандуков, 77 человек были захвачены в плен, в добычу отряду досталось около 200 голов рабочего скота. В переписке 1831 г. упоминается как аул Хохондока Аджиева на Зеленчуке, ниже по течению от Каменного моста. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42. Л. 80). В октябре 1856 г. а. Хахандуковский фигурирует в группе тебердинских аулов. В декабре 1857 г. последовало распоряжение командующего войсками правого крыла: «Переселить Тебердинские аулы с настоящих мест их жительства на Зеленчуки под ближайший надзор пристава и кордонного начальства, так как они вредят спокойствию Кисловодского кордона». (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 390. Л. 4, 17 об.).

А. князя Месауста Наврузова. 1842 г., июнь. 47 мужчин и 30 женщин. Расположение: Малый Зеленчук. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.). Очевидно, что этот аул указан как а. Мисоста Наурзова в 1839 г. Расположение: левый берег Малого Зеленчука в 10,5 км ниже по течению от впадения Кардоника. Примерно напротив современного Жако. (Подробная... 1839).

А. князя Аджигирея Атажукина. 1842 г., июнь. 49 мужчин и 24 женщины. Расположение: вниз по М. Зеленчуку от а. Мисоста Наврузова 0,5 версты. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.).

А. князя Докшук Карамурзина. 1842 г., июнь. 90 мужчин и 80 женщин. Расположение: в 0,5 версты от а. Аджигирея Атажукина. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.). 27 декабря 1833 г. отряд подполковника Канивальского разграбил баран-коши Докшуко Карамурзина, убив 15 человек и захватив 1.000 овец. (Щербина, с. 404).

А. князя Атажук Атажукина. 1842 г., июнь. 52 мужчины и 49 женщин. Расположение: рядом с а. Докшук Карамурзина. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.).

А. «кабардинского старшины» Аджи Кубатова. 1842 г., июнь. 101 мужчина и 78 женщин. Расположение: на М. Зеленчуке. (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 86. Л. 414 об.). Старшиной в данной ведомо-

сти назван уздень 1-й степени Аджи Али Кубатов, фигурирующий в «Именном списке азиатцам, состоящим в ведении главного пристава закубанских народов, имеющим представляться к его сиятельству господину военному министру» (23 июля 1842 г.). (Там же. Л. 402).

А. князя Магомета Атажукина. 1842 г., июнь. 60 мужчин и 43 женщины. Расположение: вниз по М. Зеленчуку, от а. Исмаила Касаева в 2 верстах. (Там же. Л. 414 об.).

А. «кабардинского старшины» (уорка) Магомета Думанова. 1842 г., июнь. 69 мужчин и 58 женщин. Расположение: «в смежности с Магометом Атажукиным». (Там же. Л. 415).

А. «кабардинского старшины» (уорка) Бекмурзы Бабукова. 1842 г., июнь. 117 мужчин и 62 женщины. Расположение: «в вершине речки Урупа». (Там же. Л. 415).

А. князя Адилгирея Хамурзина. 1842 г., июнь. 25 мужчин и 27 женщин. Расположение: на Урупе в 1/2 версты ниже Тембулата Кайтукина». (Там же. Л. 415). При этом, ведомость не упоминает а. Тембулата Кайтукина, что, по всей видимости, объяснимо его немирным статусом. В ноябре 1828 г. в верхнем течении Урупа упомянут а. Хаджи Мурзабека Хамурзина. (АКАК, VII, 881).

А. «кабардинского старшины» (уорка) Соламак Аджи Трамова. 1842 г., июнь. 45 мужчин и 37 женщин. Расположение: «на Урупе ниже Хамурзина». (Там же. Л. 415).

А. «кабардинского старшины» (уорка) Барока Чужукова. 1842 г., июнь. 105 мужчин и 74 женщины. Расположение: «на Урупе от аула Трамова ниже двумя верстами». (Там же. Л. 415).

А. тлекотлеша Магомета Анзорова. 1842 г., июнь. 110 мужчин и 78 женщин. Расположение: «на левом берегу Кубани». (Там же. Л. 415).

А. князя Береслана, 1858. Выходцы из Большой Кабарды. Расположение: в ущелье Большого Зеленчука между станицами Сторожевой и Исправной, у Большевского поста. 1858 г. (АКАК, XII, ч. 1, 793). По всей вероятности, это тот же аул, который указан, как «разоренный аул Росламбека Берисланова на Урупе», в документе 1831 г. (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 42. Л. 70).

А. князя Кайтукина, 1858. Расположение: в ущелье Большого Зеленчука между станицами Сторожевой и Исправной, у Большевского поста. (АКАК, XII, ч. 1, 793).

А. тлекотлеша Каташева, 1858. Расположение: в ущелье Большого Зеленчука между станицами Сторожевой и Исправной, у Большевского поста. (АКАК, XII, ч. 1, 793).

А. тлекотлеша Анзорова, 1858. 30 дворов. Расположение: левый приток Фарса р. Фешт. (АКАК, XII, ч. 1, 794). Этот же или еще один Анзоровский аул указан на р. Белой в 1859 г. — Майкопский отряд, согласно воспоминаниям Дроздова, расположился в нем на ночлег. (Дроздов, 402).

А. уорка Кинандук Шугенова, 1858. 500 дворов. Расположение: верхнее течение Фарса, ниже аула Д.-Г. Куденетова. (АКАК, XII, ч. 1, 793).

Пять или шесть аулов кабардинцев, при небольшом числе абадзехов, проживающих с ними совместно, 1858. Расположение: верхнее течение Фарса, ниже аула Д.-Г. Куденетова. (АКАК, XII, ч. 1, 793).

А. тлекотлеша Девлет-Гирея Куденетова, 1858. Расположение: верхнее течение Фарса. (АКАК, XII, ч. 1, 793). В одном из русских источников 1854 г. становится известно о деятельности «беглого кабардинского узденя» Девлет-Гирея Куденетова, «находившегося в продолжение настоящего года в виде чиновника особых поручений при Сафар-бее Занове». Это в высшей степени интересное сообщение, которое показывает нам высокую степень консолидации черкесского сопротивления. Обычно, сведения об участии кабардинских хаджретов в черкесском сопротивлении связаны с регионом Абадзехии. Но, как выясняется, видные представители хаджретской общины могли действовать и на крайнем западе Черкесии. (ШССТАК, 367-368). 18 октября 1855 г. 34 горца под предводительством Каплана Эсизова и Девлет-Гирея Куденетова переправилась через Кубань у Преградного моста и направилась к Ставрополю. В районе села Константиновского они захватили группу поселенцев и беспрепятственно вернулись в Закубанье: «из трех казачьих команд, посланных в погоню за черкесами, ни одна не нашла следов их». (Щербина, 485). В песне «Приход русских», опубликованной в 1898 г. Паго Тамбиевым, есть такая строчка: «Долкерей ты (абстрактно русский. — Прим. С.Х.) сделал мирным гражданином». Сам П. Тамбиев считал это упоминанием о Девлет-Гирее Куденетове: «Долкери один из Куденетовых, пользовавшийся, как воинственный человек, большой популярностью». (Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 25. Тифлис, 1898. С. 67).

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Прежние разграничительные линии между Бу и Хамишем полностью стерты, так как вплоть до Гагры все жители приняли имя «адыге» и объединяются отныне под этим большим национальным именем».

Джеймс Белл. Дневник пребывания в Черкесии, 1837 год.

РАЗДЕЛ I. «Страна зихов, именуемых черкесами»

1. Гийом де Лиль, Ансельми Бандури. Византийская империя по данным трактата Константина Порфирогенета (середина X в.). Амстердам, 1742. Banduri, Anselmo Maria (1675–1743), Lisle, Guillaume de (1675–1726). Imperii Orientalis et Circumjacentium Regionum, sub Constantino Porphyrogenito et ejus praedecessoribus descriptio // Atlas nouveau, contenant toutes les parties su Monde, ou sont exactement remarquees les empires, monarchies, royaumes, etats, republicques, &c. Par Guillaume de l'Isle. A Amsterdam, 1742. P. 109

2. Портлан Петра Весконте, 1318 г. Фрагмент. Petrus Vessconte d'Janua fecit istas tabulas anno Dom. M. ccc. XVIII. Внизу листа следующая информация: Факсимиле карты Черного моря Петра Весконте 1318 г. Литография Г. Ульриха. Гравер Ильин. Одесса. № 61.
http://papacoma.narod.ru/maps/portolan_vesconte_1318.htm

3. Тосканелли, Паоло. Карта мира, 1457 г. Фрагмент.
<http://beroma.users.photofile.ru/photo/beroma/96077139/112009213.jpg>

4. Джованни Антонио да Варезе, прозванный Ванозино (Giovanni Antonio Varesino da Varese). Карта мира. 1573. Капрарола, Палаццо Фарнезе. (Mappamondo del Palazzo Farnese, Caprarola).
http://www.futouring.com/web/filas/biblioteca-gigapixel?fedora_item=turismoCulturale: 332

6. Верразано, Иероним. Карта Средиземного и Черного морей и северо-восточной части Атлантического океана. 1524 г., фрагмент. Hieronymus Verrazano. Carte de la Mer Méditerranée, de la Mer Noire et de l'Océan Atlantique nord-est. 1524 // <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b5901149j.r/>

РАЗДЕЛ II. Черкесское пространство на европейских географических картах XVI – XVIII вв.

7. Дженкинсон, Энтони (Jenkinson, Anthony). Оригинал лондонского издания 1562 г. Фрагмент. Картуш: «Новая усовершенствованная (карта) России, Московии и Тартарии. Описание автора Антонио Дженкинсоно Англо. Издание Клементы Адамо и Николао Рейнальдо Лондиненс. В 1562-м году нашей эры».

Библиотека университета Вроцлава. Nova Absolutaque Russiae Moscoviae et Tartariae descriptio. Digitale Bibliothek der Universität Wrocław. [http://www.bibliotekacyfrowa.pl/dlibra/pubindex?startint=490&attId=\\${stringAtt}&dirids=62](http://www.bibliotekacyfrowa.pl/dlibra/pubindex?startint=490&attId=${stringAtt}&dirids=62)

8. Мир, 1693 г. Carte générale de toutes les costes du monde et les pays nouvellement découverts, 1693. http://4put.ru/pics/s_5_3/max_19805/

Крымское ханство вместе с вассальной Черкесией представляло собой крупную евроазиатскую державу, занимавшую пространство Северного Причерноморья и Северного Кавказа – от Молдавии на западе до Каспийского моря и Дагестана на востоке.

PONTI EUXINI
 CUM REGIONIBUS VERSUS
 Septentrionem et Orientem
 ADJACENTIBUS NOVA TABULA
 A Joan. Chardin. Mill. ad Loca
 Instituta.

AMAZONES
REGIO COTATENA

ANATOLIA dicitur

PARS ASIÆ

Constantinople

Mare de Marmora

Sinape

Podolia

Podolia

Podolia

Podolia

Podolia

Podolia

Podolia

Podolia

Podolia

9. Шарден, Ж. Понт Эвксинский с областями, прилегающими к нему с севера и востока. 1672 г. Joan Chardin. Pontus Euxinus cum Regionibus versus Septentrionem et Orientem. Adjacentibus Nova Tabula. Ao: 1672.

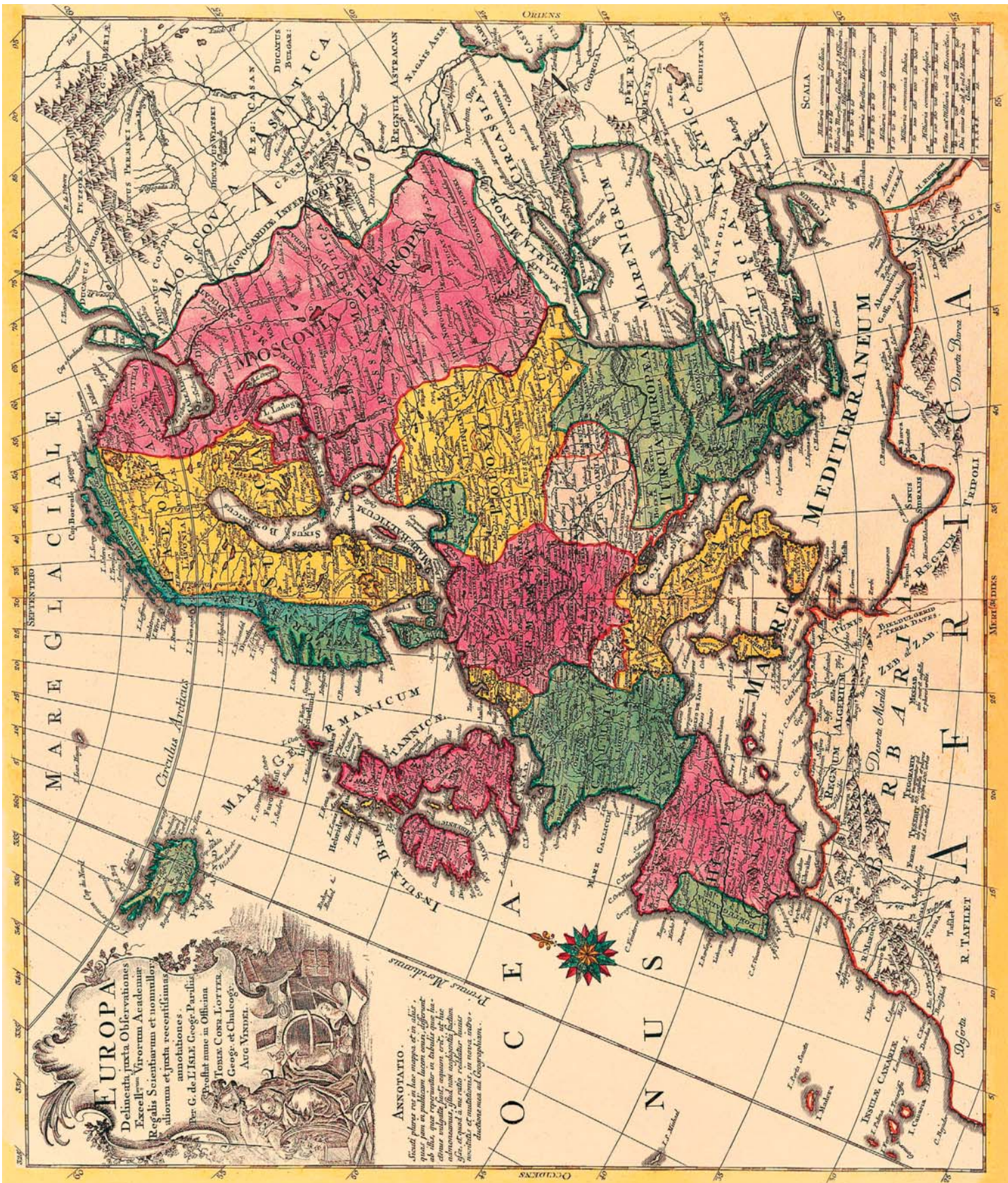
http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/8/83/Jean_Chardin%2C_Anthony_De_Winter_Ponti_euxini_cum_regionibus_versus_sptentrionem_et_orientem_adjacentibus_nova_tabula_1672.jpg

10. Вит, Фредерик де. Турецкая империя. Амстердам, 1675. Turcium Imperium. - Amstelodami: apud F. de Wit: [1675]. 1 л.: грав., раскраш.; 43x53 (49x58) см. Российская Национальная библиотека. (Санкт-Петербург). Отдел картографии. 0-Аз 2/5.

11. Коронелли, Винченцо, фрагмент карты Европы, 1680 г. Bibliothèque nationale de France.

13. Лиль, Гийом де. Европа. См.: http://4put.ru/pics/s_5_6/мак_933/

14. Молл, Херманн. Турецкая империя в Европе, Азии и Африке, 1714.

См.: Проект «Исламское наследие» Гарвардского университета.

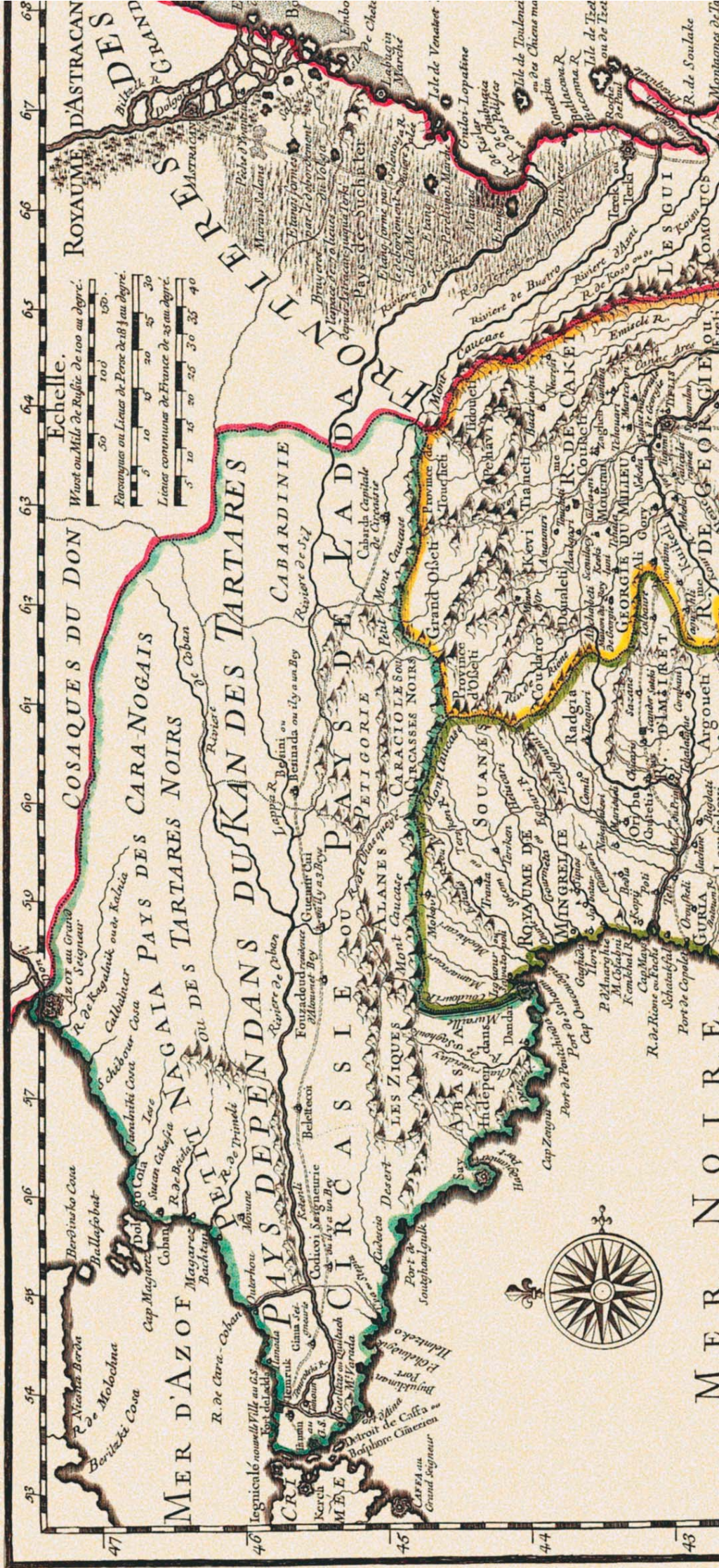
<http://ocp.hul.harvard.edu/ihp/maps.html>

Автор карты посчитал весьма важной следующую информацию: «Черкесы – воинственный народ, который не имеет укрепленных поселений, но доверяется своему оружию, а во время опасности отступает в горы»

15. Сеттер, Матеус. Новая карта Азовского моря, называемого Забакским и Меотским заливом. 1730 г. Nova Mappa Geographica Maris Assoviensis vel de Zabache et Paludis Maeotidis, accurate aeri incisa et in luce[m] edita per Mattheaum Seutter. Библиотека Вроцлавского университета. Хелемтзекко или Хелемтцекеро – Геленджикская бухта.

<http://www.bibliotekacyfrowa.pl/dlibra/docmetadata?id=43233&from=pubindex&dirids=62&lp=511>

16. Лилль, Гийом де. Карта стран, лежащих вокруг Каспийского моря. 1723 г. <http://www.davidrumsey.com/luna/servlet/detail/RUMSEY~8~1~2906~300042>.

17. Карта Кабарды, начатая месье де Фрауендорфом в 1755 г. Начерчена заново, исправлена и добавлена Ш. Галларом де Зодрэ, французским кавалерийским офицером из свиты маркиза де Боссе, полномочного представителя Франции при русском дворе. Посвящается монсеньеру де Шуазелю, герцогу и пэру Франции, министру и государственному секретарю. Петербург. 1 октября 1766 г.

В правом верхнем углу первоначальный титул:

«Генеральная карта стран, заключенных между Черным, Азовским и Каспийским морями, с частями империй России, Турции и Персии; Большой и Малой Кабардами, с течениями рек Терек, Сунжа и Кубань; народами грузинами, осетинами, лезгинами и др. Составлена бригадиром и комендантом в крепости Кизляр в 1755 г.» («*Carte générale des païs renfermés entre la Mer Noire, celle d'Azof et la mer Caspienne, on y trouve une partie des Empires de Russie, de Turquie et de Perse, la grande et petite Kabardie, le cours des Fleuves Terek, Juncha et Kuban, les nations des Grusiniens, des Asetiens, Signanis Ledsingsis & c. Par Mr de Frawendorff, brigadier et commandant dans la forteresse de Kislar en 1755; progettée, dessinée et augmentée par Chs Gaillard de Saudray en 1766*»).

Здесь же, еще раз указано: «Начерчена заново, исправлена и добавлена Ш. Галларом де Зодрэ в 1766 г.».

См.: Bibliothèque nationale de France. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b59627930/f1.item>

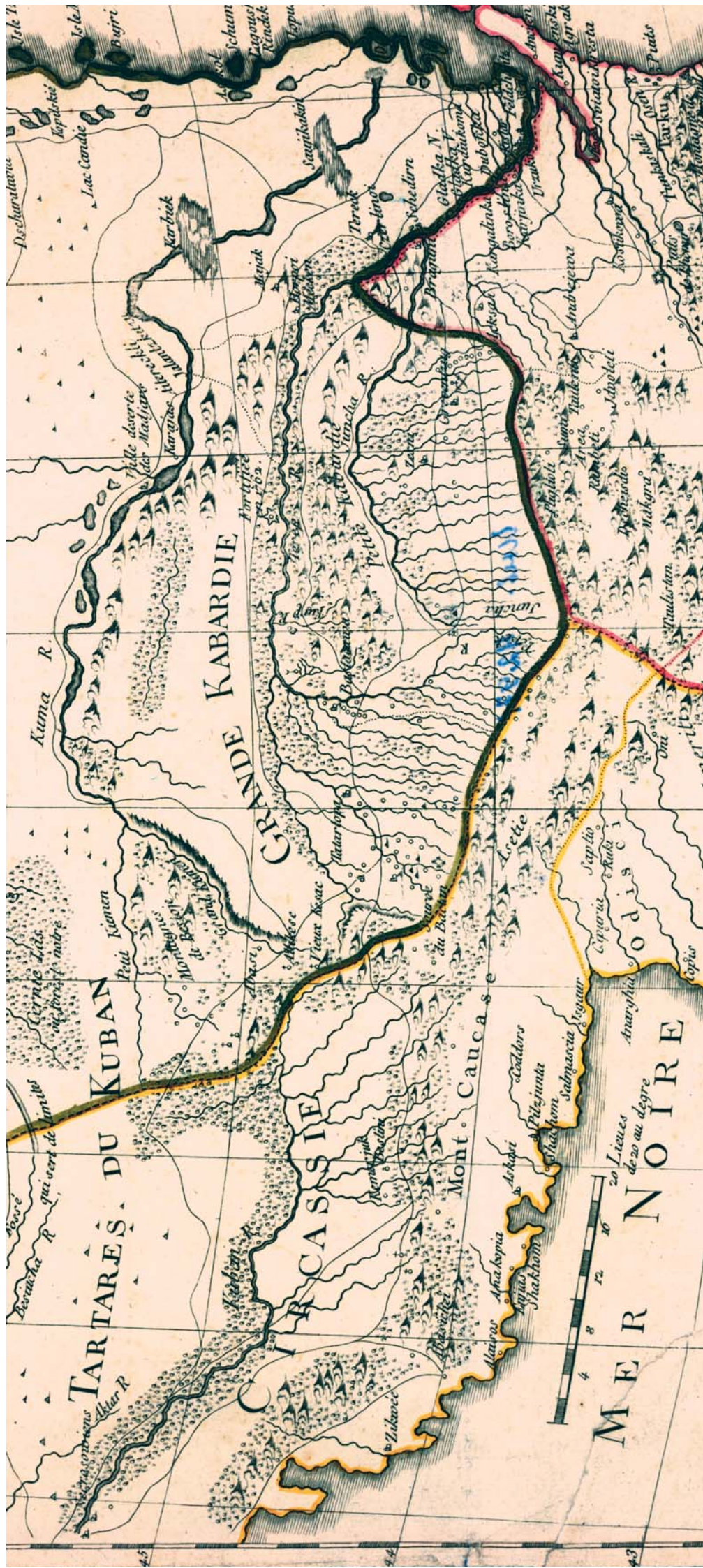
Эта новая редакция карты Фрауендорфа была составлена во французском посольстве в С.-Петербурге специально для министра иностранных дел Франции с тем, чтобы показать ему пределы Кабарды, признанной по условиям Белградского трактата 1739 г. между Россией и Турцией независимой страной. Первоисточник также был составлен в этот же период и его автором являлся российский военный администратор в регионе Северного Кавказа – комендант Кизляра генерал-майор И. Л. фон Фрауендорф. Целый ряд документов, исходящих от него и посвященных политической обстановке в Кабарде, содержится во втором томе КРО. (См.: Кабардино-русские отношения. Т. II. М., 1957. С. 181–204).

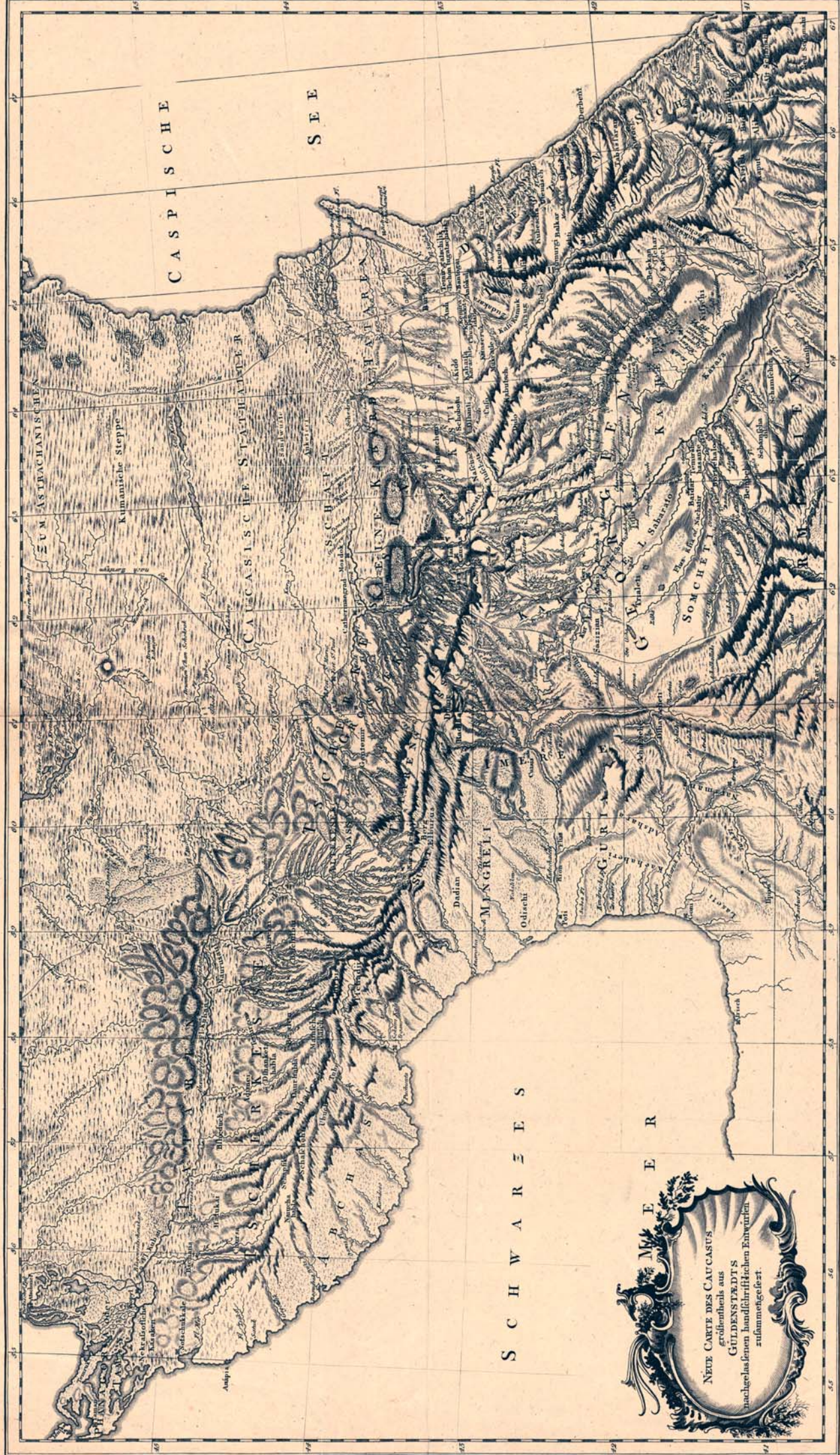
20. Р. Кулкушин – Куркужин; Шанбулатов – владение князей Джанбулатовых или Жамботовых, то есть Жамботей

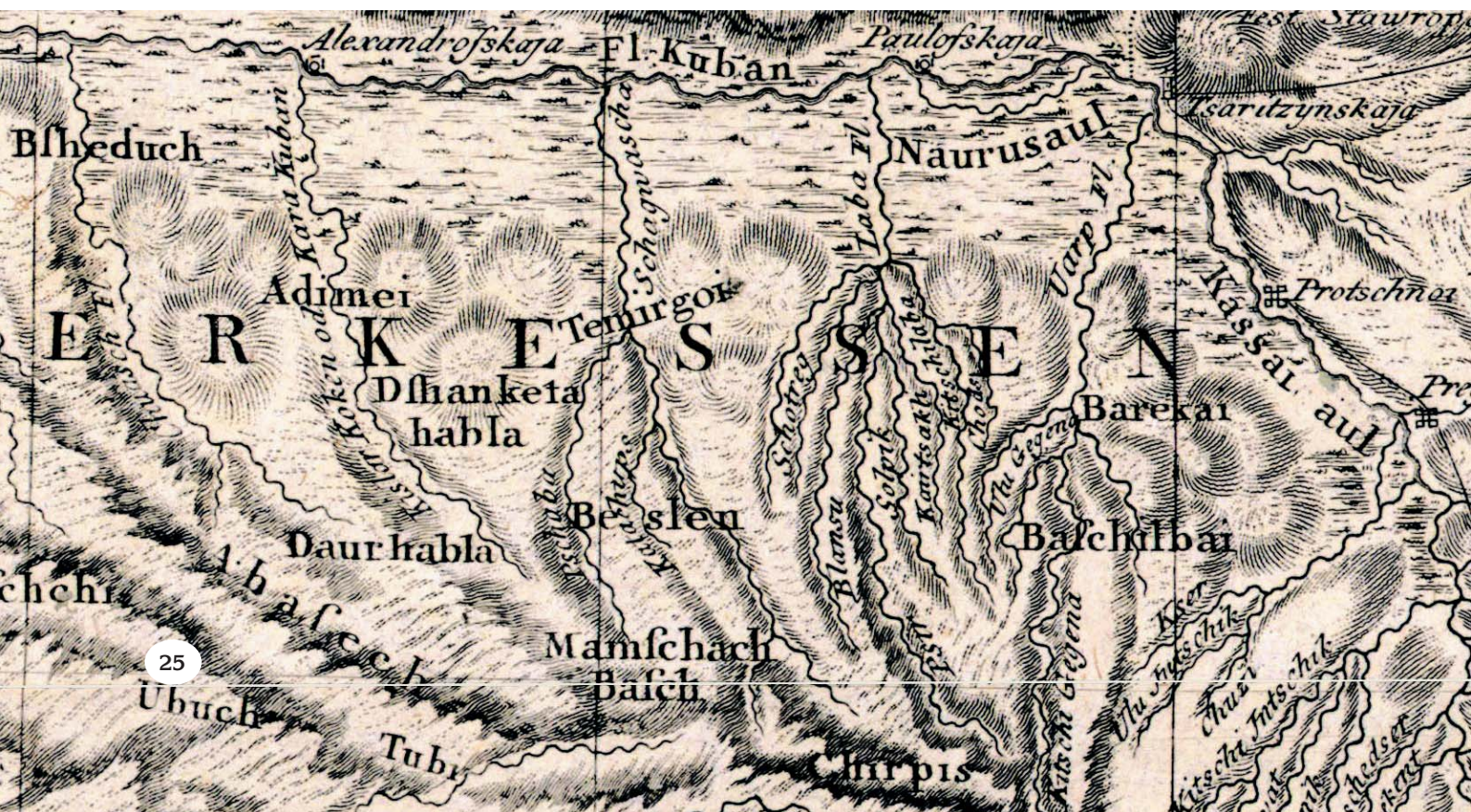
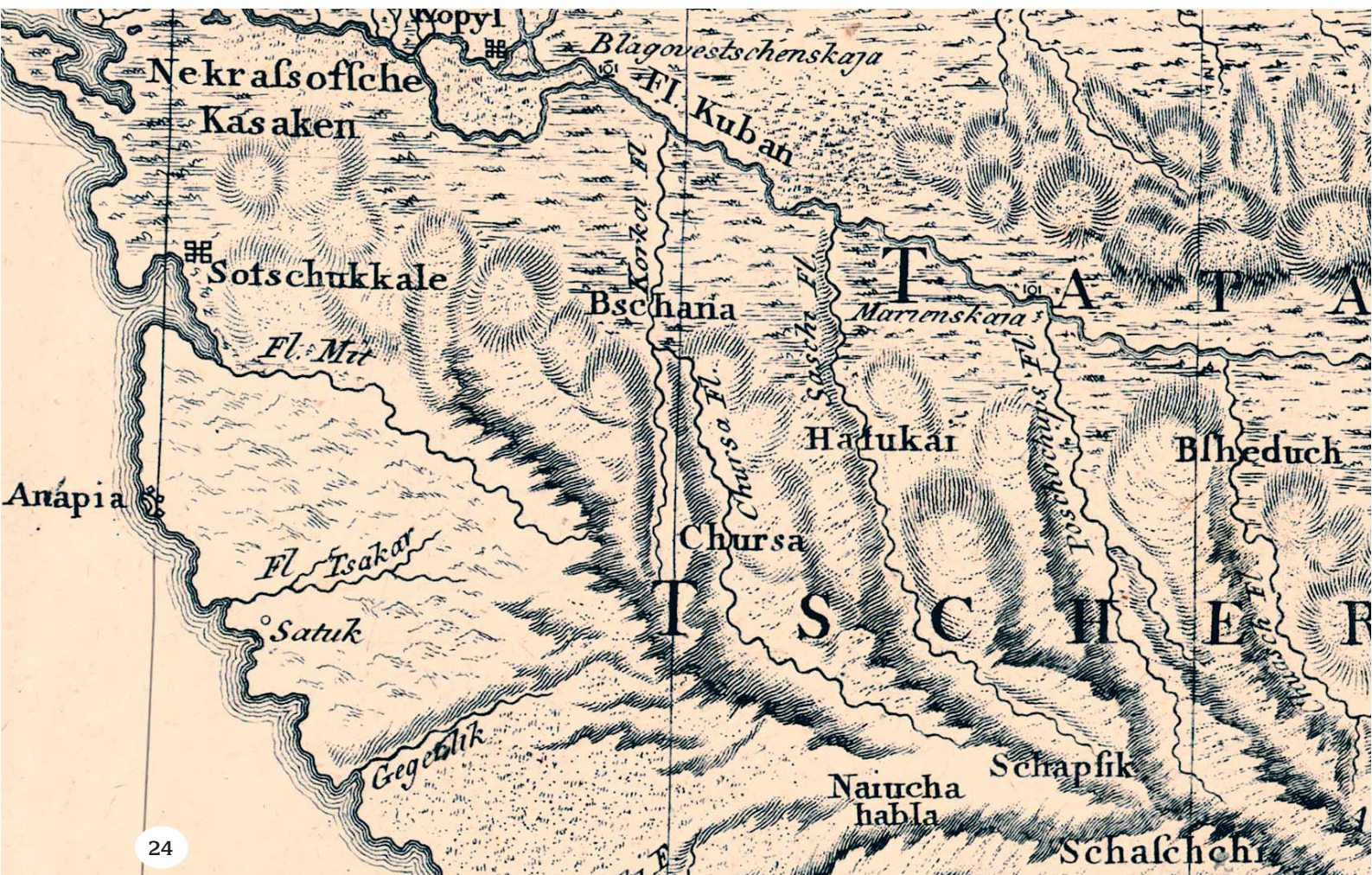
21. На этом фрагменте указаны 8 населенных пунктов общей численностью 291 двор. Большая часть – по нижнему течению Jurgur'a – Дурдур, левого притока Терека. Минарет Татартуп указан на полпути к устью следующего притока Терека – речке Татартуп. На «Генеральной карте Кавказа» 1847 г. речка Татартуп называется Шеголи или Змейка. Минарет отмечен на дороге вдоль левого берега Терека чуть выше Эльхотова

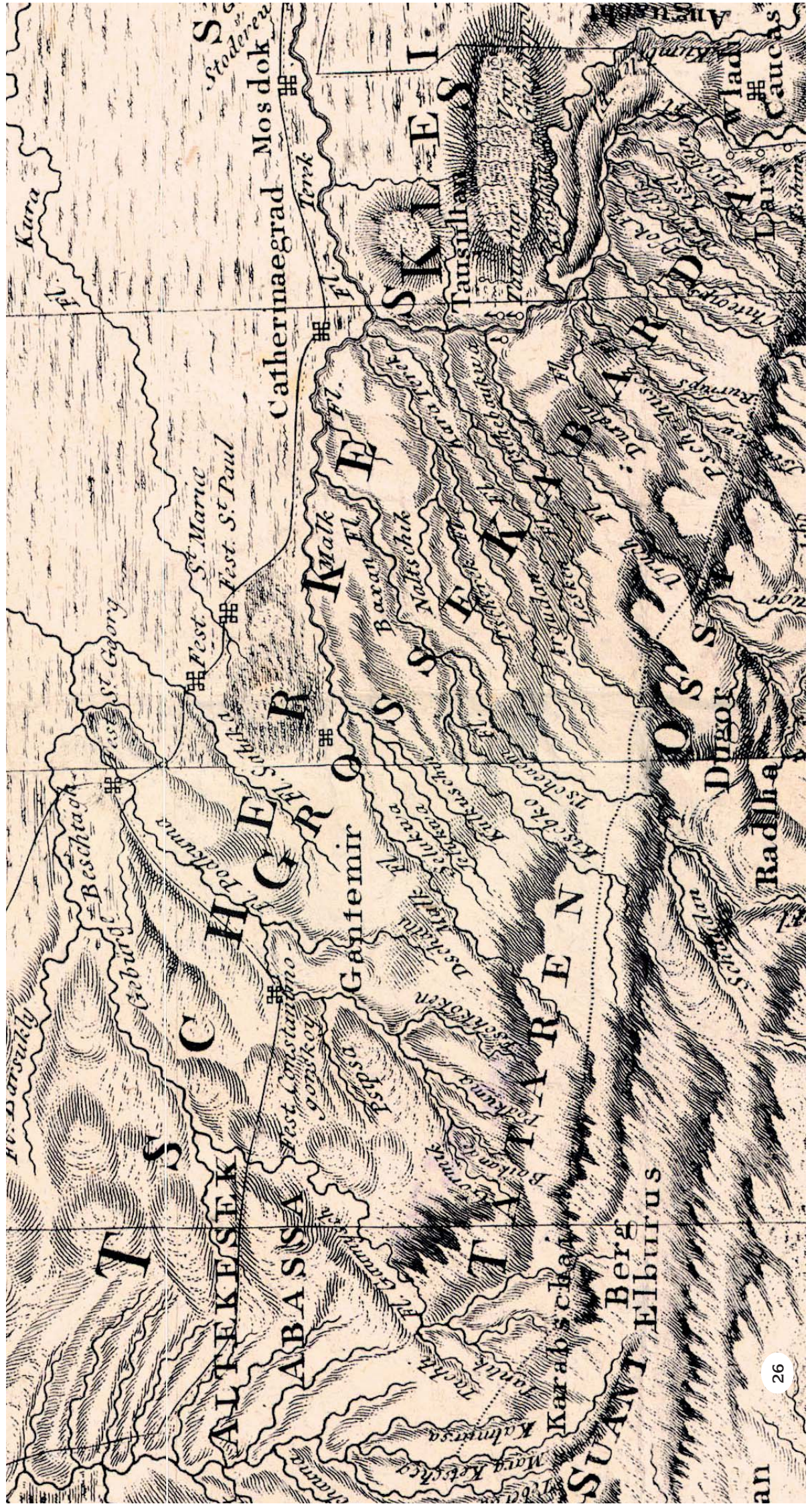

22. Границы Турции и России между Каспийским и Азовским морями, в отношении Кубани, Большой и Малой Кабарды. Frontières de Turquie et de Russie entre la mer Caspienne et la mer d'Asof renfermant le Kuban la Grande et Petite Kabardie. Paris, 1770. РНБ. Отдел картографии. К 1-Кав 2/20

23. «Новая карта Кавказа», составленная Иоганном Антоном Гильденштедтом, академиком-ориенталистом на русской службе.
 (Neue Carte des Caucassus großentheils aus Guldensaedts nachgelassenen handschriftlichen Entwürfen zusammengeetzt. [Санкт-Петербург:
 [Географический департамент АН]: [1787]. 1 л.: Грав.; 41x73 (59x81). Масштаб приблизительно 33 версты в 1 дюйме.
 Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург). Отдел картографии. К 1-Кав 3/10)

TSKHETSK

ALTEKESK

ABASSA

SUANI

EILBIUS

Berg

Karab'schah

Radha

Dugor

OSSETIA

SKHETSK

FAUSULHAN

CAUCAS

Kara

Terek

Mosdok

Catherinaegrad

St. Maric

St. Paul

Kalk

Baxan

Naltschik

FAUSULHAN

OSSETIA

SKHETSK

CAUCAS

Beschtaok

St. Georgy

St. Maric

St. Paul

Kalk

Baxan

Naltschik

FAUSULHAN

OSSETIA

SKHETSK

CAUCAS

Wasserk

Wasserk

Wasserk

Wasserk

Wasserk

Wasserk

Wasserk

Wasserk

Wasserk

Wasserk

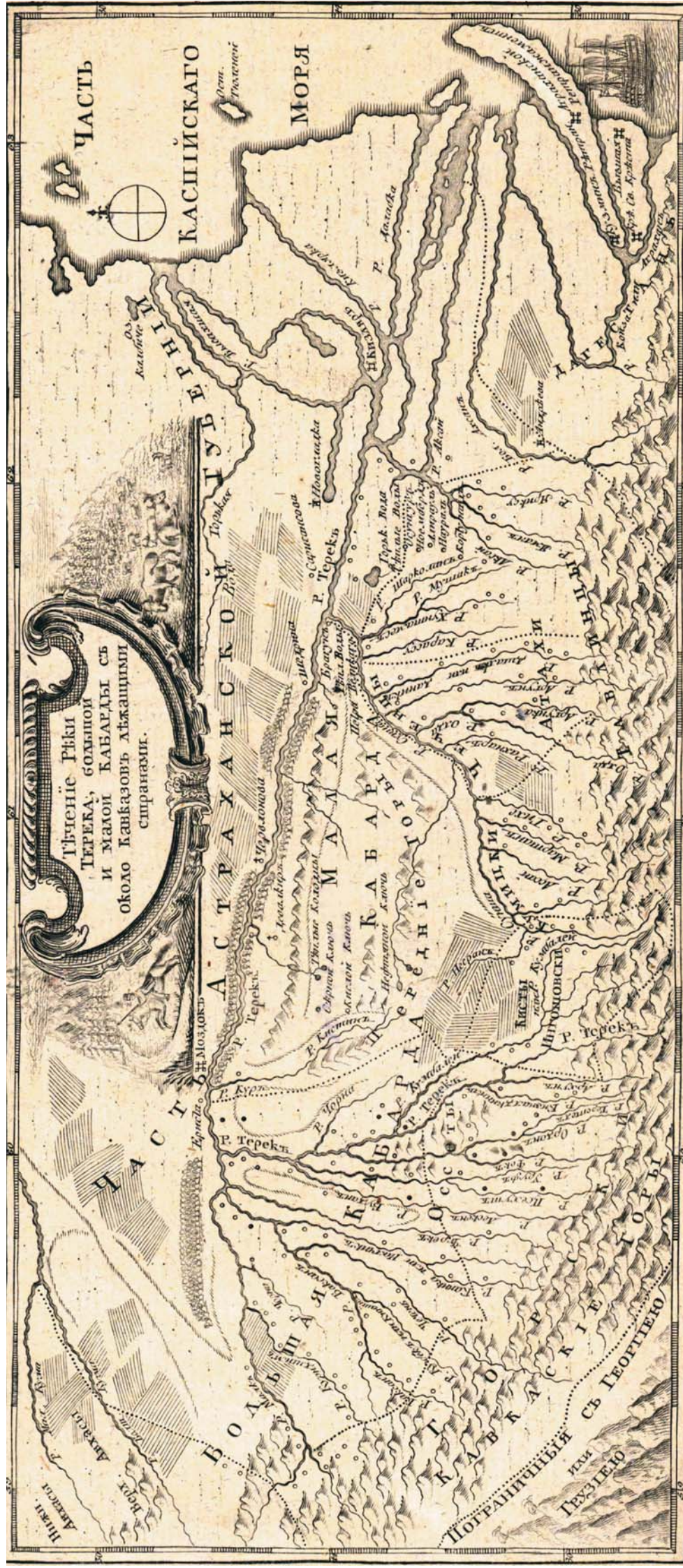
Wasserk

Wasserk

Wasserk

Wasserk

Wasserk

27. Течение реки Терека, большой и малой Кабарды с около Кавказов лежащими странами. [Санкт-Петербург]: Географический департамент АН: 1772. 1 л.: Прав.; 13x38 (19x40). Российская Национальная Библиотека (Санкт-Петербург). Отдел картографии. К 1-Кав 1/8. Очень показательны пределы Малой Кабарды, достигавшей на восточном направлении устья Суныи (Sunzha). Прямо в крайнем восточном углу, образуемом Тереком и Суной, показано селение Брагуны (Braun). Речка Назран (Nesran) вполне уверенно может быть соотнесена с адыгской топонимической традицией: от нарт-санэ «Нартов вино». В 1781 г. территория Кабарды была описана офицером российской службы Штедером: «На правой стороне реки, на выступе лесистого предгорья, имелись следы старых кабардинских жилищ на крутых берегах реки Эндриер, которая несколько ниже впадает в Суnju. Их позиция была в высшей степени прочной и выгодной для жителей степи; теперь же все здесь пусто». На реке Назран Штедер отметил «остатки другого поселения малокабардинцев: надгробные памятники, абрикосы и другие плодовые деревья их прежних садов и т. д.». (Штедер. Дневник путешествия в 1781 году от пограничной крепости Моздок во внутренние области Кавказа // Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков. Сборник материалов. Издание подготовил В. М. Аталиков. Нальчик: «Эль-Фа», 2006. С. 253, 265)

РАЗДЕЛ III. Последний век Черкесии

28. Картуш этой карты приписывает авторство J. M. Darmet, но при этом честно указывает на первоисточник в лице Хатова. Carte générale du pays entre les mers Noire et Caspienne : avec la désignation des nouvelles frontières de la Russie et de la Perse telles qu'elles ont été arrêtées entre les Persans et le G. al Major Khatov en 1819 ... / par J. M. Darmet. 1820. Bibl. Nazionale Centrale Di Firenze.

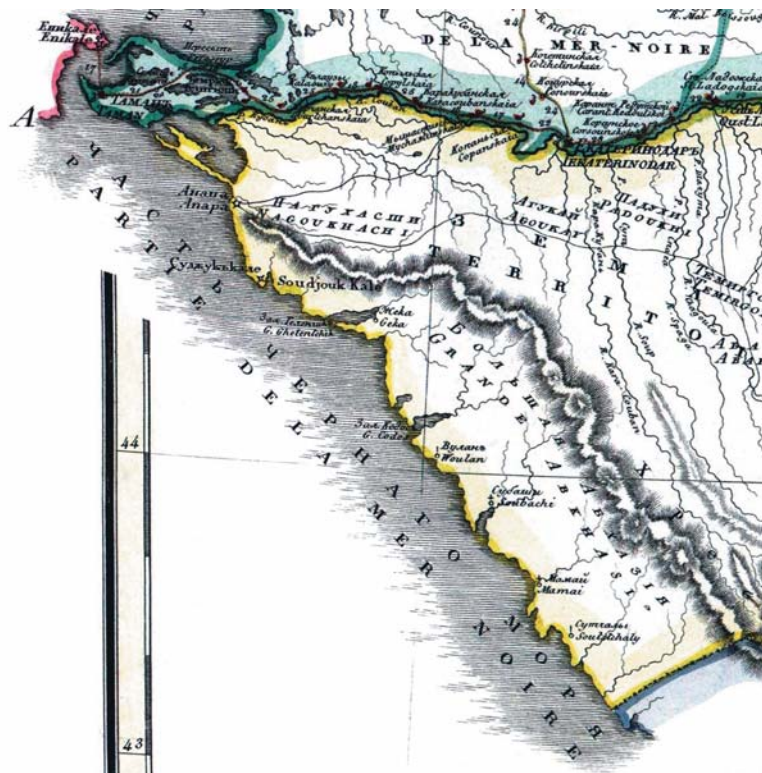
Библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского университета

29. Тот самый форт Святого Николая, который скоро будет упомянут как географический ориентир в Адрианопольском мирном трактате. Пока же и этот форт (на карте указан как réduit, воен. «главный опорный пункт») и Поти указаны как турецкие владения. У форта Св. Николая сделана подпись abandonnée, т. е. «покинутый» или «оставленный»

30

31. Генеральная карта Кавказской области и земель горских народов. Сочинена по новейшим и достоверным сведениям в С.-Петербурге. 1825 г. Источник: Географический атлас Российской империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского, расположенный по губерниям на двух языках с означением в онных городах, местечек, сель, деревень и всех примечательнейших мест, почтовых и больших проезжих дорог, станций и расстояния между оными, и прочими селениями в верстах и милях на 70 листах с Генеральною картою и Таблицей расстояния верст по почтовым дорогам между знатнейшими городами. Сочинен по новейшим и достоверным сведениям, в пользу обучающихся Российской Географии и для составления дорожников путешественникам, служащих Военно-топографического дела, Его Императорского Величества по квартирмейстерской части подполковником Пядышевым.

http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kaukasian_oblast_1825.jpg

32. Карта черкесских берегов. М.: в английском дюйме 20 верст. 31 на 43 см. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5 / VII – 36

33. Карта черкесских берегов, фрагмент

34. Карта Западной части Кавказского края, составленная из топографических сведений, собранных о Закубанских горских народах и дополненная распросами 1842 года. Тифлис, 184?. Масштаб 4,2 км в 1 см. См.: РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 14/IV-11

35. Карта Кавказского края с пограничными землями, фрагмент.

Карта отлично показывает район расселения адыгской субэтнической группы шегаков (на карте – shedaki). Современное адыгское произношение представлено у Хан-Гирея – ххехадчь (хехгадчь). (Х, 195 – 197). В этнографической литературе утвердилась форма хегайк, которая была предложена Л. Я. Люлье: «Хегайк. Большое некогда племя, занимавшее окрестности кр. Анапы, где теперь живут натухажцы в котловине Чехурай. Истребленные войной и окончательно чумой в 1812 году, и будучи не в состоянии, по малочисленности своей, сохранить самобытность, хегайки совершенно слились с натухажцами». (Л, 174)

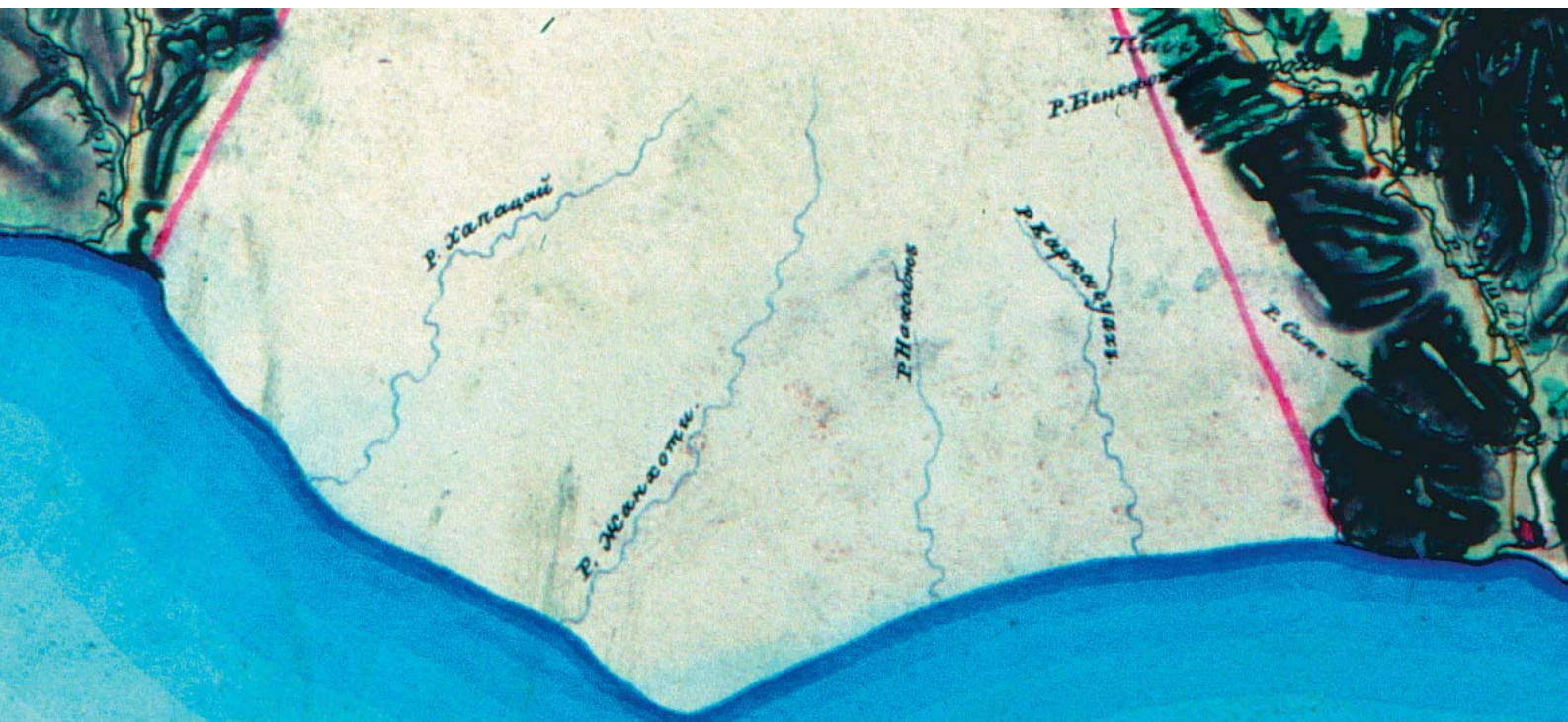
36. Карта Западной части Кавказского края, фрагмент

37. Объяснительная карта к предположениям о действиях на правом фланге Кавказской линии в будущем 1837 году. Составленная по отношению командира Отдельного Кавказского корпуса от 16 сентября 1836 года. Изъяснение действий отряда по предписанию генерал-адъютанта барона Розена. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6736. Л. 1

38. Объяснительная карта..., фрагмент

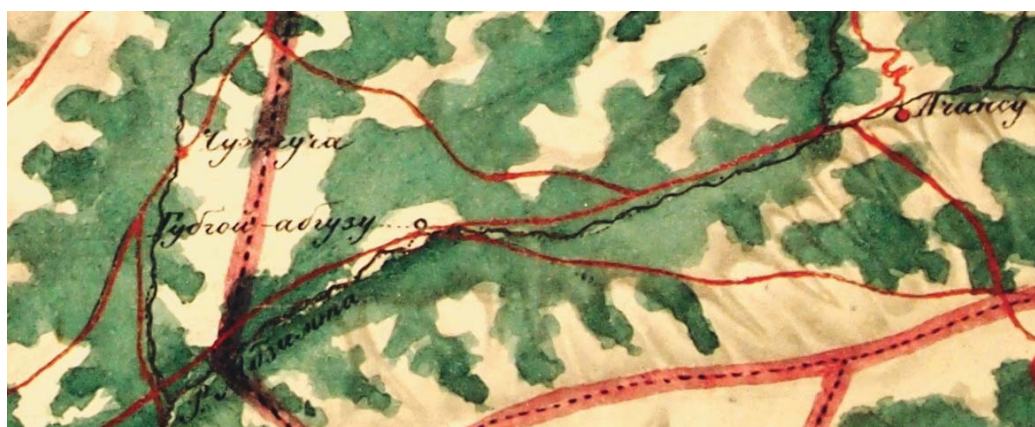
39. Карта следования действующего отряда за Кубанью под начальством г-на генерал-лейтенанта Вельяминова в 1834, 1835, 1836 и 1837 годах. Чертил роты топографов № 3-го топограф 2-го класса унтер-офицер Спицын. Масштаб: в английском дюйме 5 верст. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6733. Л. 1. Фрагмент

44. Карта Западной части Кавказского края, фрагмент

45. Карта Западной части Кавказского края, фрагмент

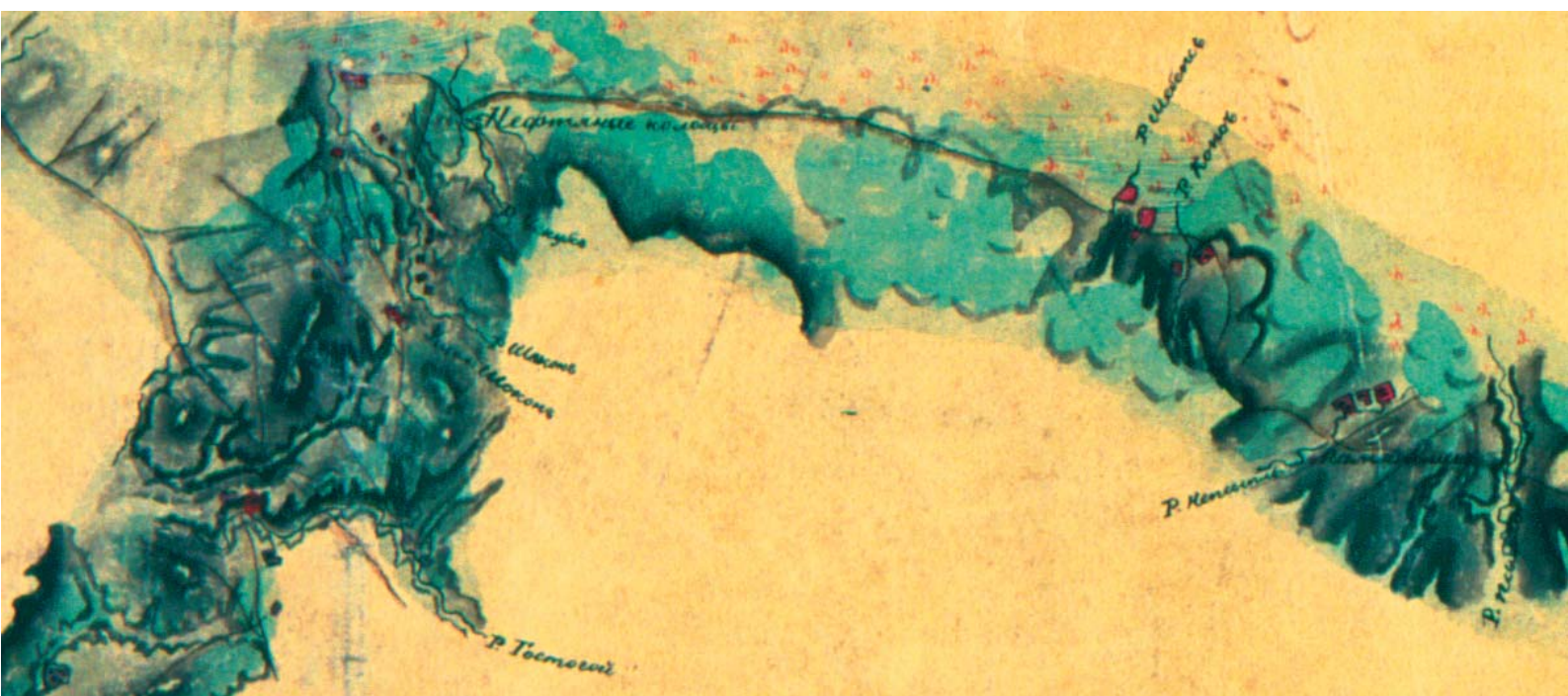
46. Карта Западной части Кавказского края, фрагмент
Эта же форма названия главного аула общества Ахчипсы отмечена на карте Кавказского края 1847 г. и на карте Л. Я. Люлье 1857 г.

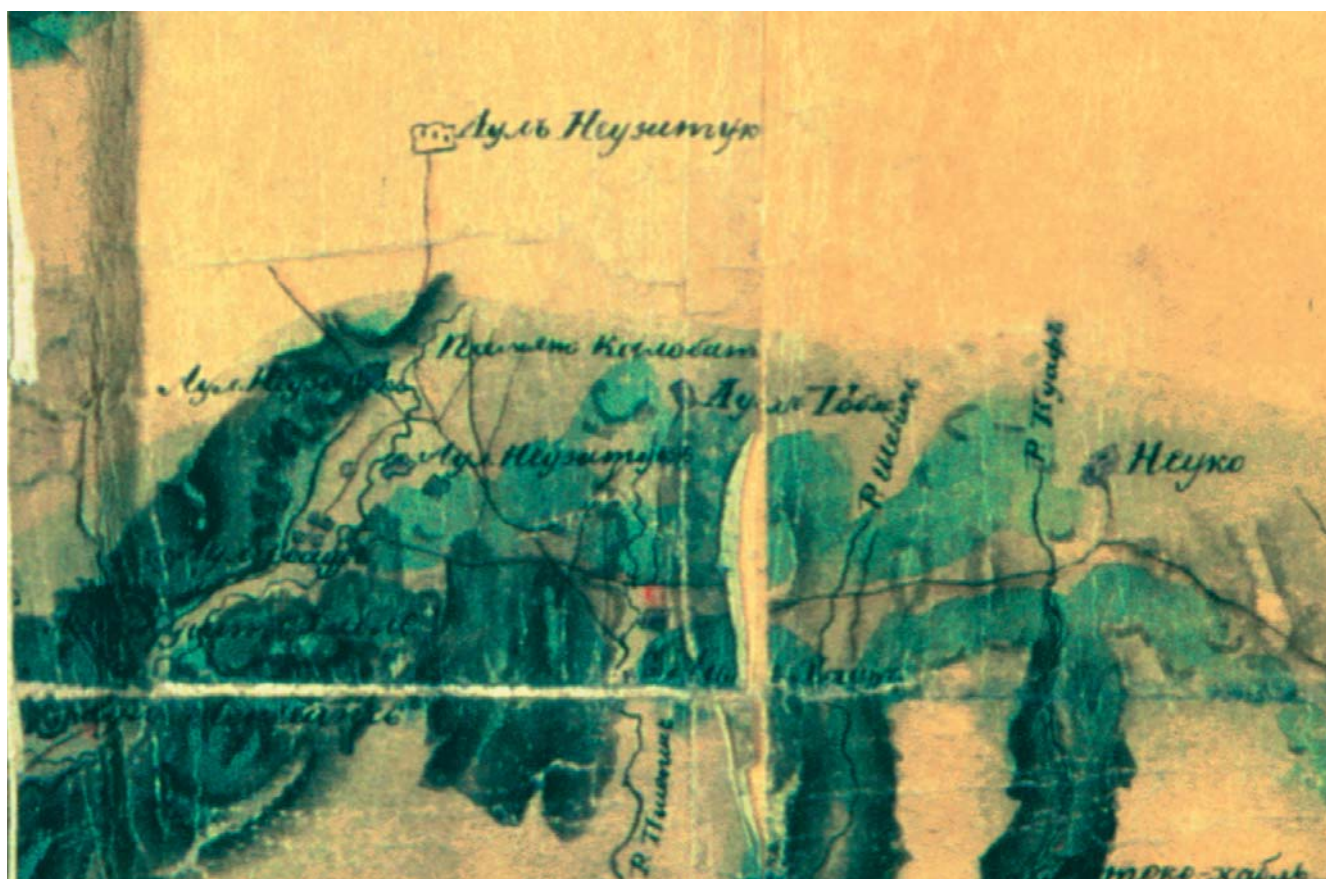
49. Карта Кавказского края. Составлена и литографирована при генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1847 г. Тифлис. Национальный музей Республики Адыгея. Фрагмент

50. РГВИА, 6733, фрагмент

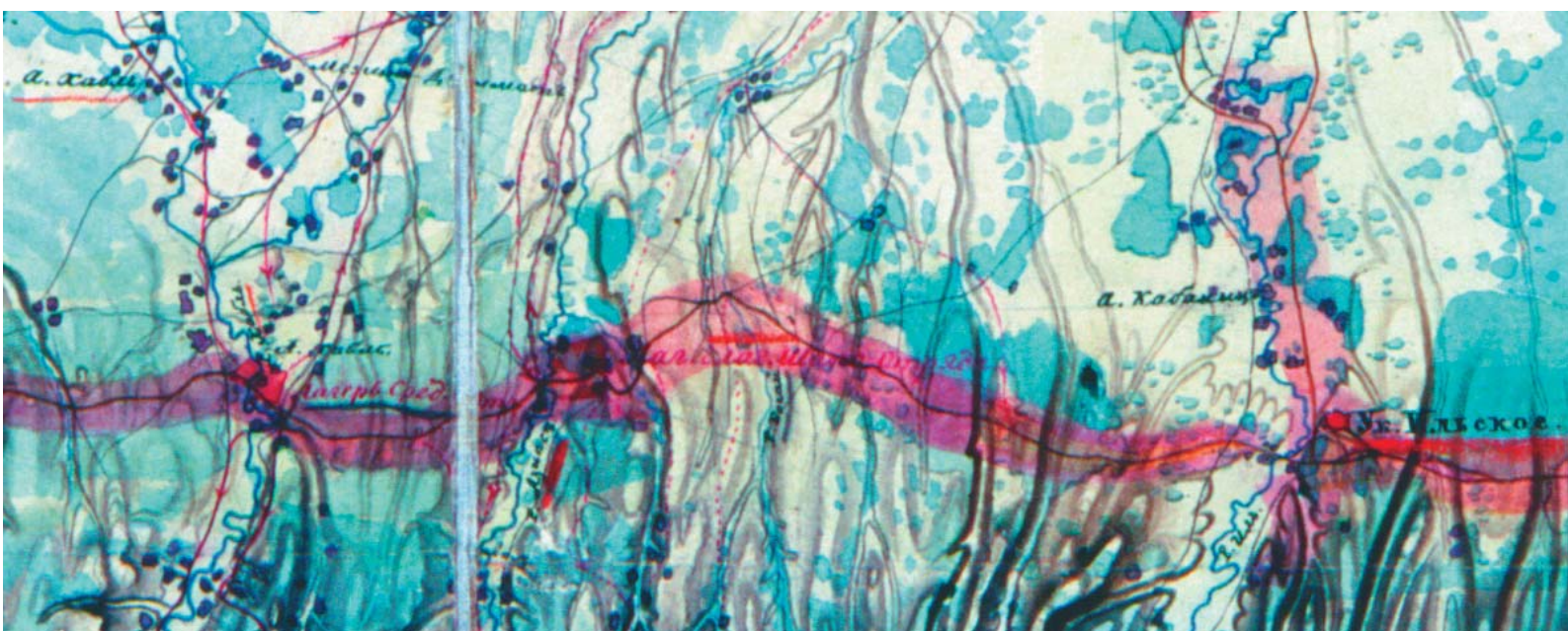
51. РГВИА, 6732/1, фрагмент: Нефтяные колодцы

52. РГВИА, 6732/1, фрагмент: аулы Неузитук, памятник Калобат

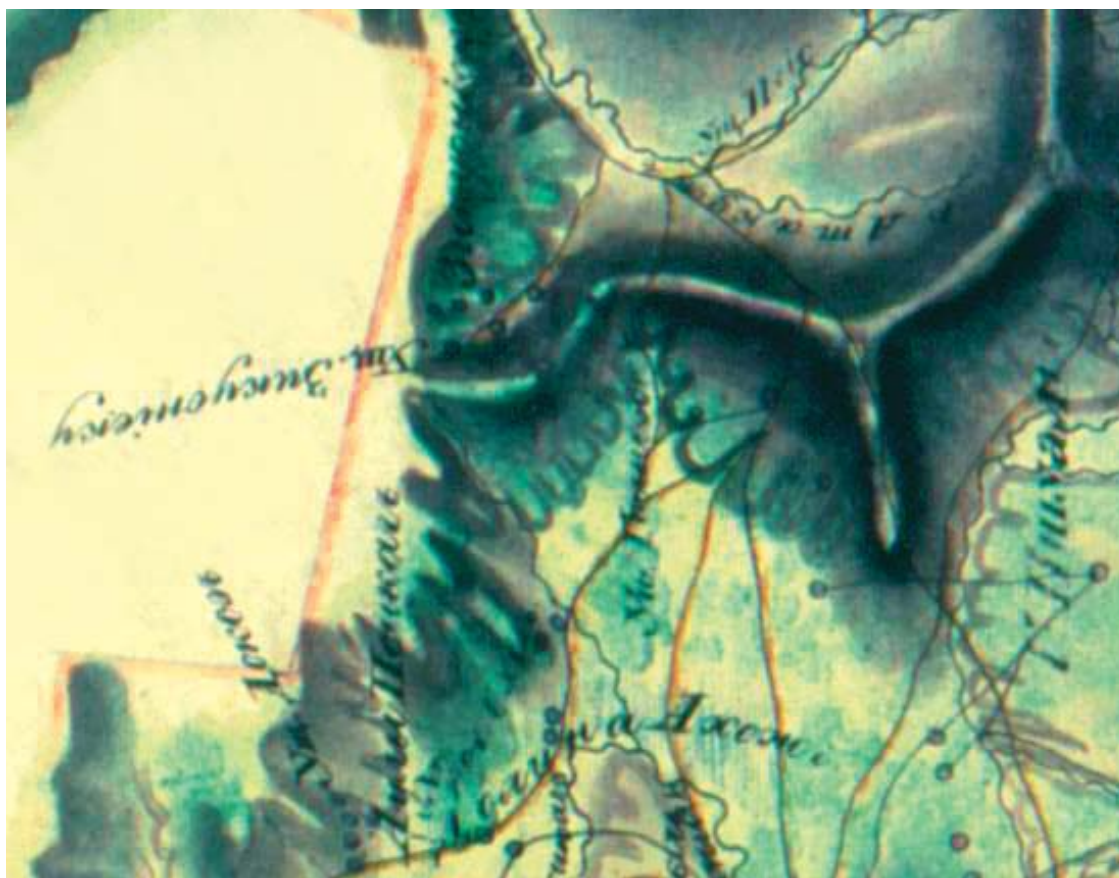
53. РГВИА, 6732/1, фрагмент: густонаселенная долина Абина. В группе абинских аулов обращает на себя внимание аул однофамильцев первого президента Республики Адыгея А. А. Джаримова – Джарым-хабль

54. РГВИА, 6779, фрагмент: а. Кабаниц на Иле

56. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6733: Карта следования действующего отряда за Кубанью под начальством Г-на генерал-лейтенанта Вельяминова в 1834, 1835, 1836 и 1837 годах. Чертил роты топографов № 3-го топограф 2-го класса унтер-офицер Спицын. Масштаб: в английском дюйме 5 верст

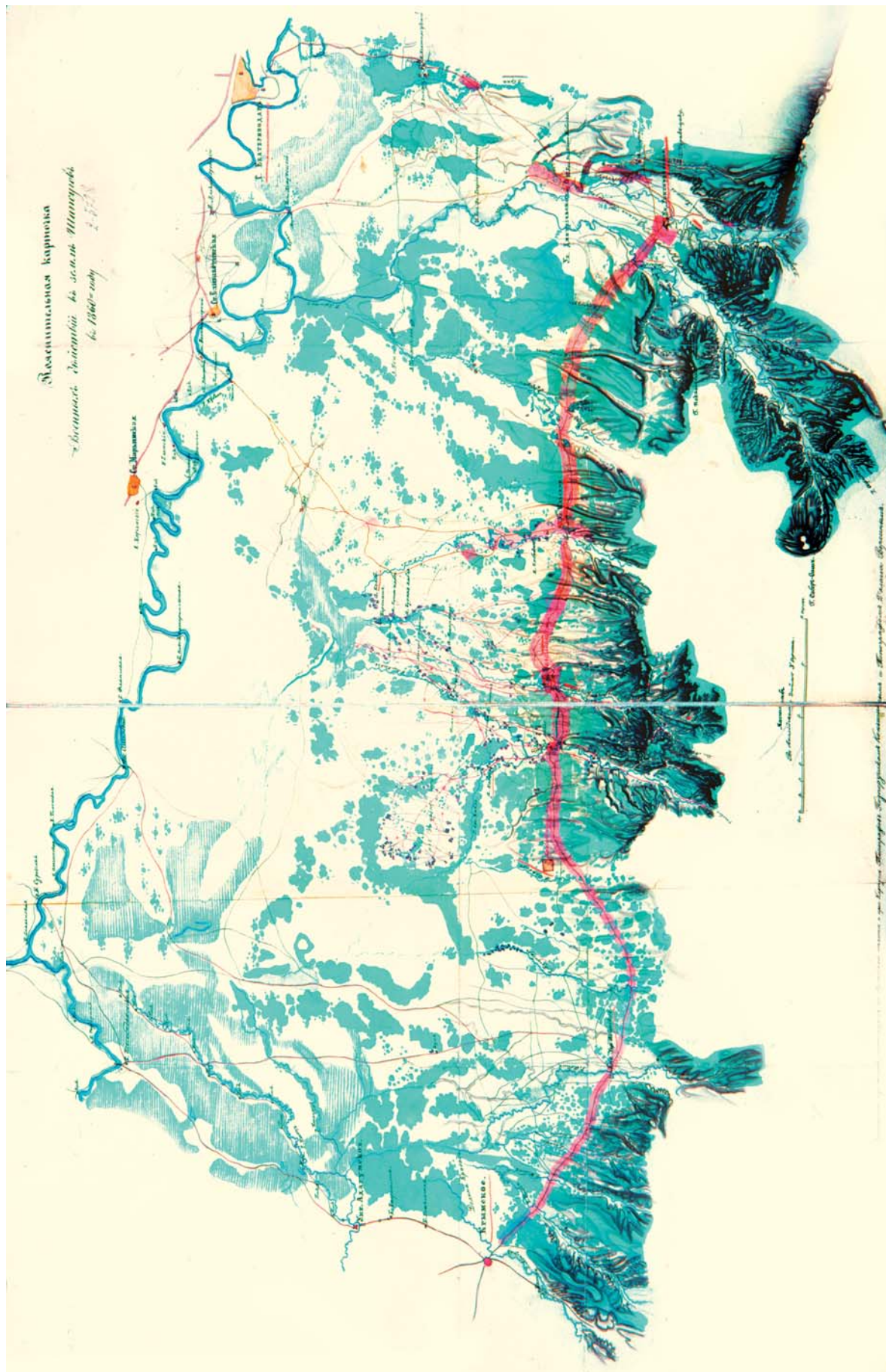

58. РГВИА, 6733, фрагмент с ущельем Зикуніеку

57. РГВИА, 6733, фрагмент:
аулы по Шокоу и Гостогою

59. РГВИА, 6736, фрагмент:
 часто упоминаемые в источниках речки Большого Шапсуга, через которые проходили войска от Ольгинского тет-де-пона к Абинскому укреплению: Авшец (Аушец), Тлахофиж, Пшецис, Кунипс. Использовалось такое определение как Кунипские дефиле. (Журнал ген.-л. Рашипила о военных действиях на Черноморской кордонной линии с 3 по 17 октября 1850 г. // АКАК. Т. X. С. 604)

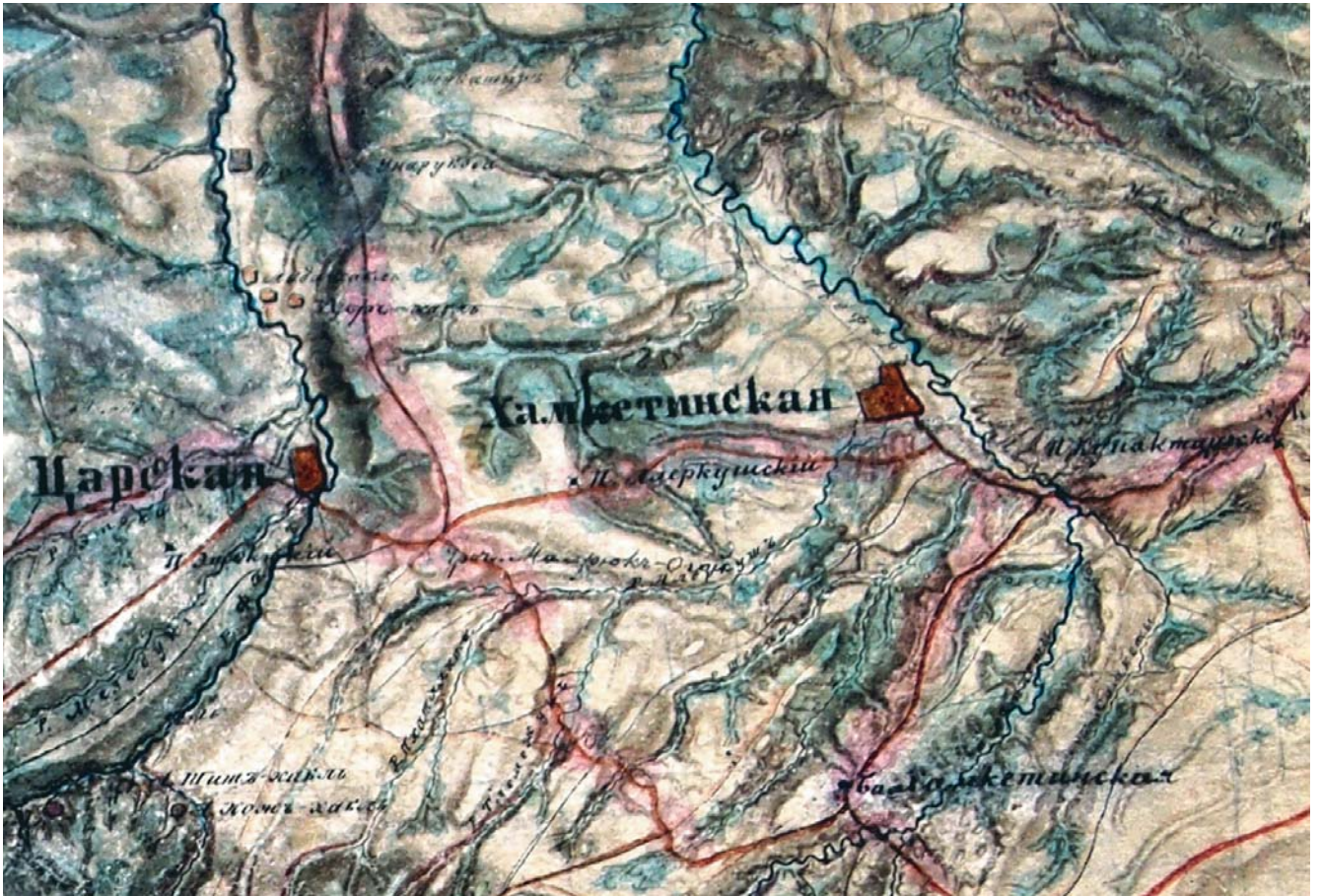
61. Пояснительная карточка военных действий в земле шапсугов в 1860 году // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6779. Л. 1

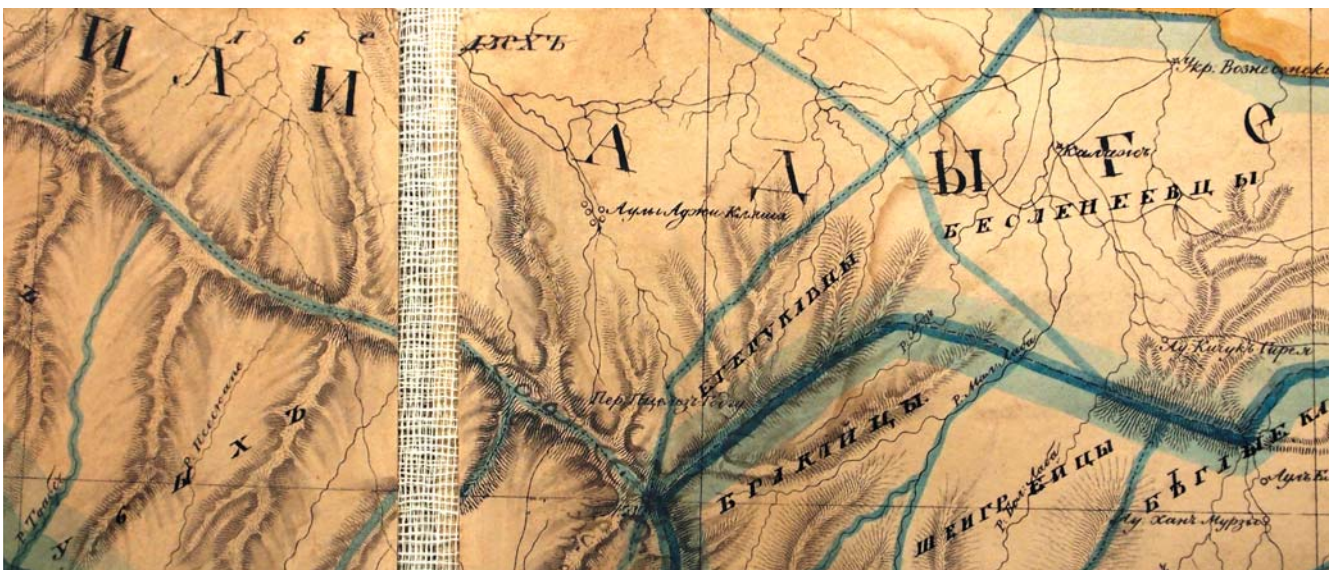
62. РГВИА, 6779, фрагмент: безымянные аулы по Бугундырю, верхнему Абину, Шибик, Шипсу, долина Кравада, укрепление Крымское на Адагуме

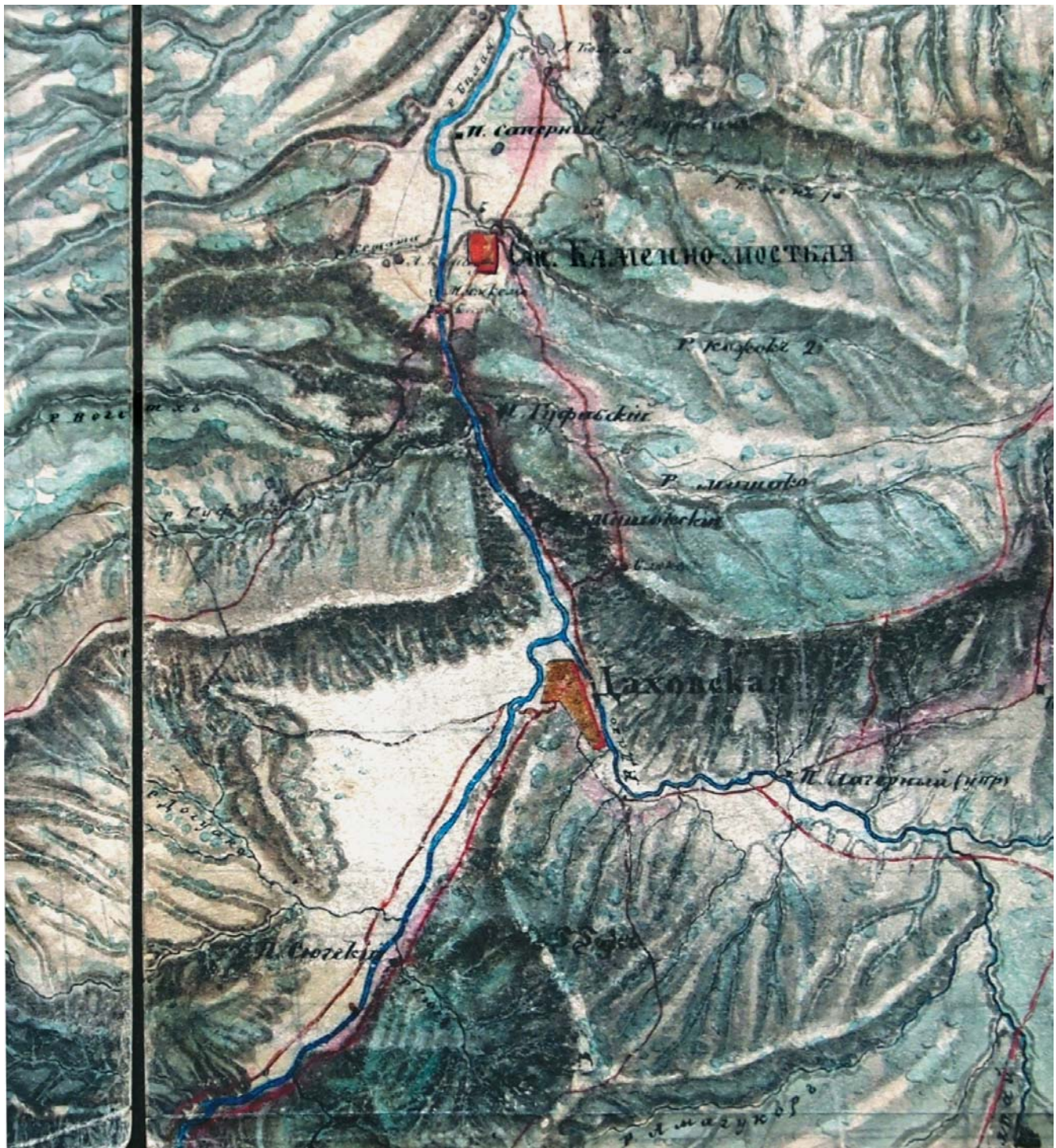
63. РГВИА, 6779, фрагмент: а. Курак-цаку, а. Догуай, долина Хопсиль, р. Шебж, масса хуторов и аулов на верхнем Афипсе, г. Покашебш, безымянные аулы по Убину, р. Камилук, укрепление Дмитриевское, бывшее укрепление Ивано-Шебшское

66. Карта верхней и средней части бассейна реки Кубани. 1864 г. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 8/VIII-32, фрагмент: в центре фрагмента видим урочище Мамрюк-огой и р. Алеркуш, где произошла встреча Александра II с депутатами черкесского меджлиса. В честь визита императора было дано название Царская ближайшей из основанных на Фарсе станиц. Левые притоки Фарса: Этоко и Меведук. Вдоль правого берега Фарса отмечены аулы: Джебубатыр (?), Унарукова, Абда-хабль (?), Дер-хабль, Шиш-хабль, Хож-хабль. Справа дистанция р. Псефир. Левые притоки Псефира: Алеркуш с двумя правыми притоками – Пхаталипс (?) и Тлемежук; Хамкеты

67. Карта Кавказского края с пограничными землями. 1834 г. Фрагмент. Отмечен перевал на ГКХ Пцелез-Годгу

68. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: течение Белой. Правые притоки: Кожок 1-й, Кожок 2-й, в устье второго Кожока станица Каменно-мостовая, названная по топониму Каменный мост – знаменитому природному переходу через Белую; Мишоко, Дахо (с левым притоком Амагунор), Сюг. Левые притоки: Кеташа (напротив 2-го Кожока), Гуфабо (с притоком Ноготх или Ночетх), Догуако. В устье 1-го Кожока плохо читается а. Кожок. Отмечен а. и в устье Кеташа. Сразу над Каменно-мостовской отмечено мехкемэ

69. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: поляна Гуама, р. Мазмай, лес Гошапшей

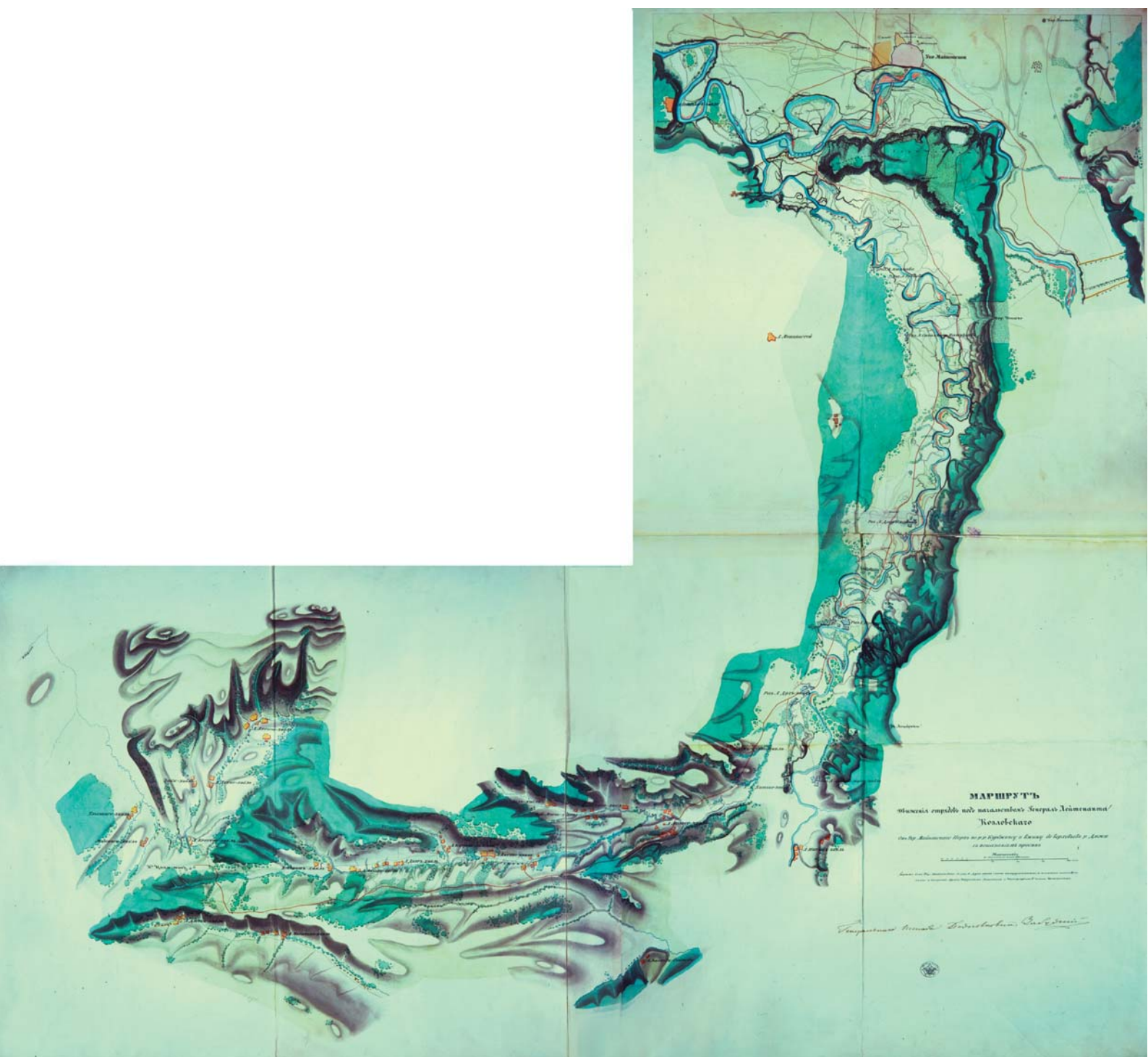
70. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: истоки Белой, масса притоков которой берет начало в Оштенском массиве. Перевал Белореченский. Правый приток Белой р. Кишу. Левые притоки: Б. и М. Гузерипль с притоком Кетау, Мелькепсы, Чуруксу, предполагаемый пост Шитлибский, предполагаемый пост Гузерипльскій

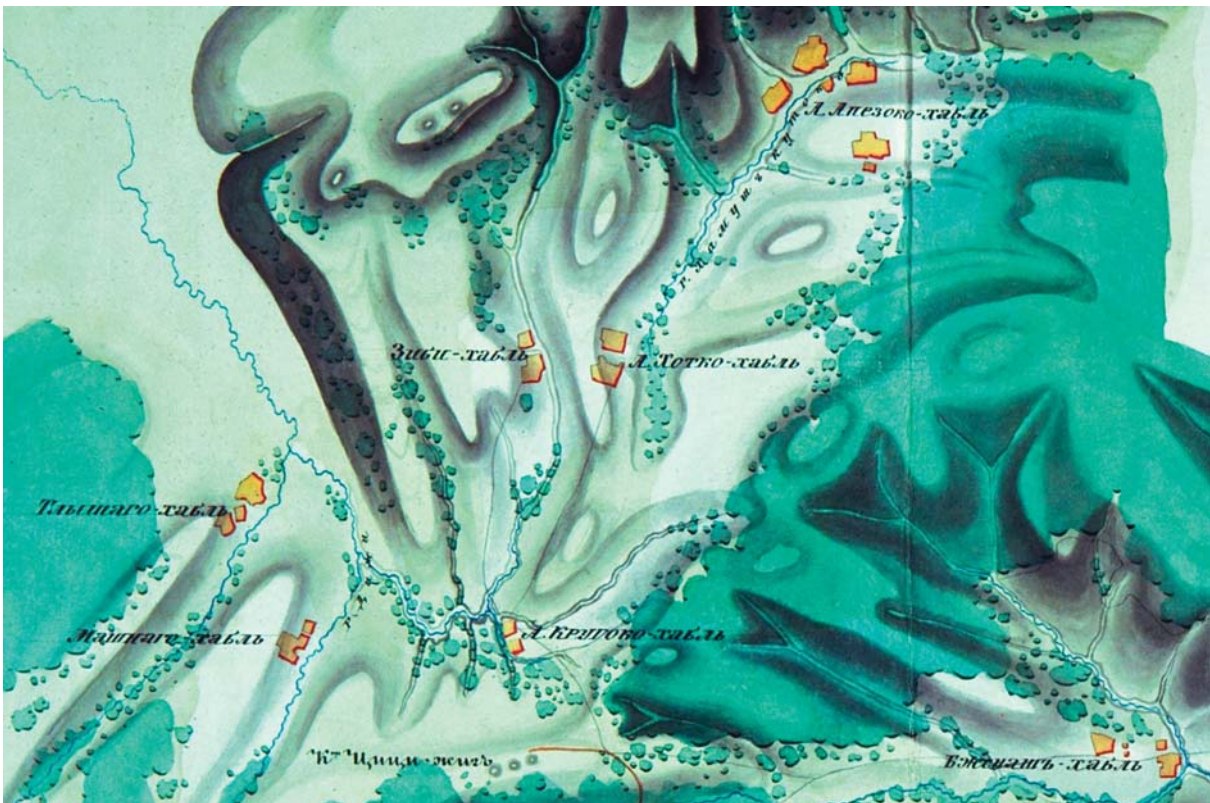
71. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: левые притоки Белой: Аукко, Пшекош, Шелуко, Фене. По Аукко отмечены два а. Мушавастея. Остальные места бывших аулов отмечены пятнами подпрямоугольной формы

72. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: исток Пшехи, г. Ауль, перевал Пшехский, пер. Хакучинский, укрепление Хакучинское, г. Шнемоку

73. Маршрут движения отрядов под начальством генерал-лейтенанта Козловского от укр. Майкопского вверх по рр. Курджипсу и Бжину до верховьев р. Джи с показанием просек. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6772. Л. 1. Дата не указана, но по документальным отчетам устанавливается, что данная карта является итогом действий войск в декабре 1857 – январе 1858 г.

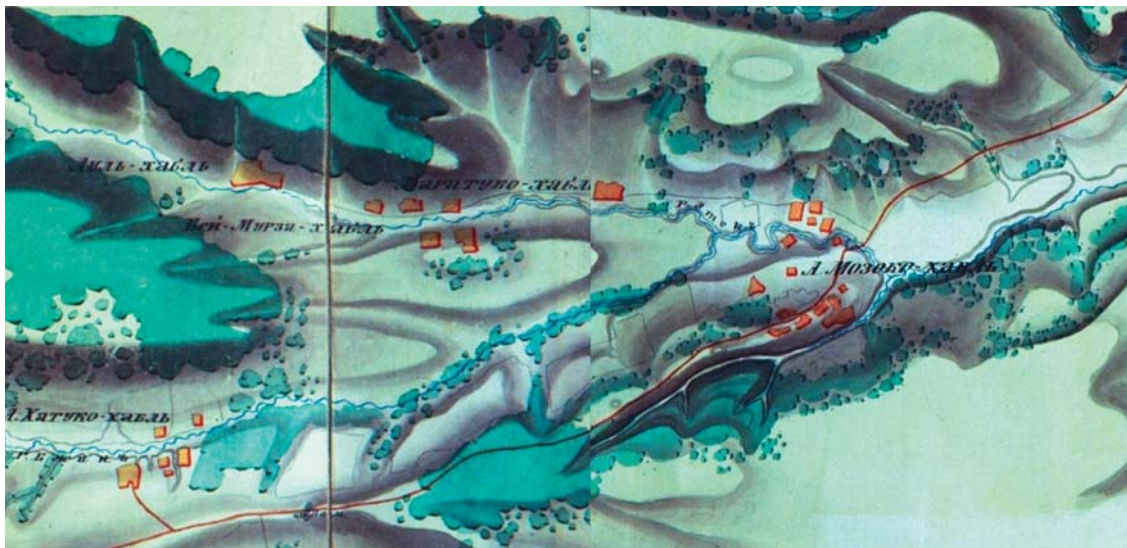
74. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: Апезоко-хабль, Хотко-хабль, Зибис-хабль, Тлышаго-хабль, Машнаго-хабль, Кругоко-хабль, Бженаш-хабль, курган Цим-жиг

75. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: р. Тхац, а. Джеба-хабль, а. Маратуко-хабль

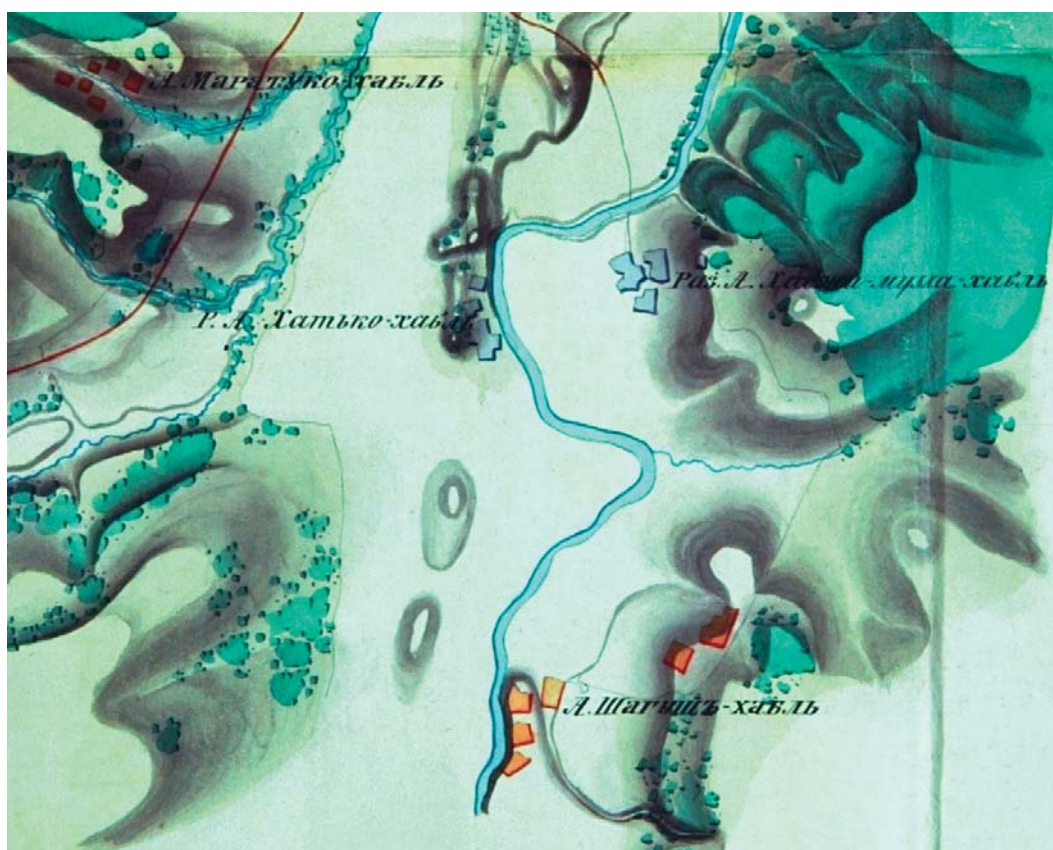
76. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: р. Бжин с левым притоком Колихаш; аулы Аульхо-х., Даурь-х., Куроюко-ламжей, Хатуко-х., Ауль-х.

77. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: Бжин впадет в Эток; Беймурза-х., Маратуко-х., Мозоко-х.

78. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: раз. а. Салахмет-Патукаев, а. Мушавастей, раз. а. Эрзукова, раз. а. Шижеева, перевал Пшако в долину Белой

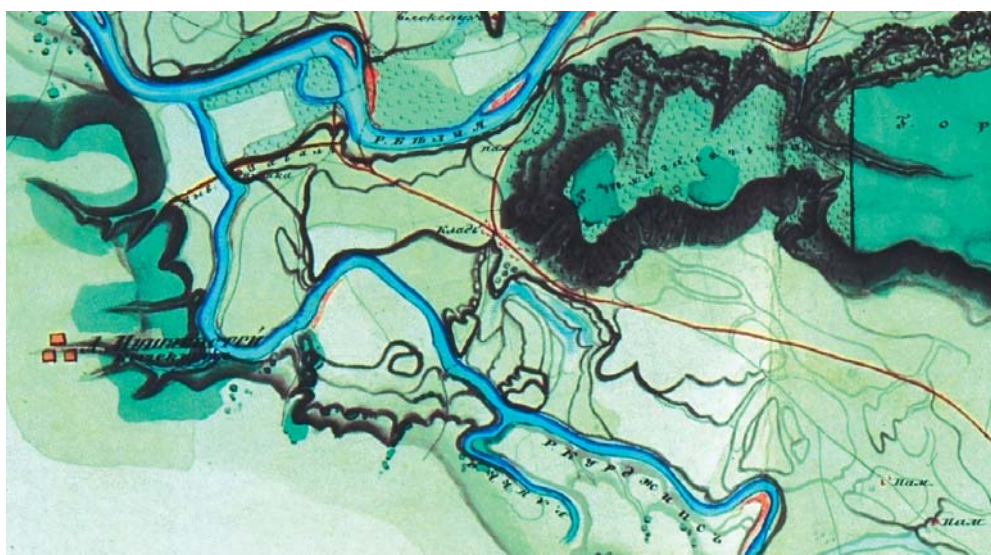
79. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: Маратуко-х.; течение Курджипса: р. а. Хатько-х., Шагуш-х., раз. а. Хаджи-мулла-х.

80. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: течение Курджипса: раз. а. Дух-х., раз. а. Курдинетова; м. Астёраки

81. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: Даурь-хабль, кладбище и два безымянных памятника

82. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: а. Мушавастей-Кычекурт, устье Курджипса, левый приток Курджипса Аукко; кладбище, безымянный памятник

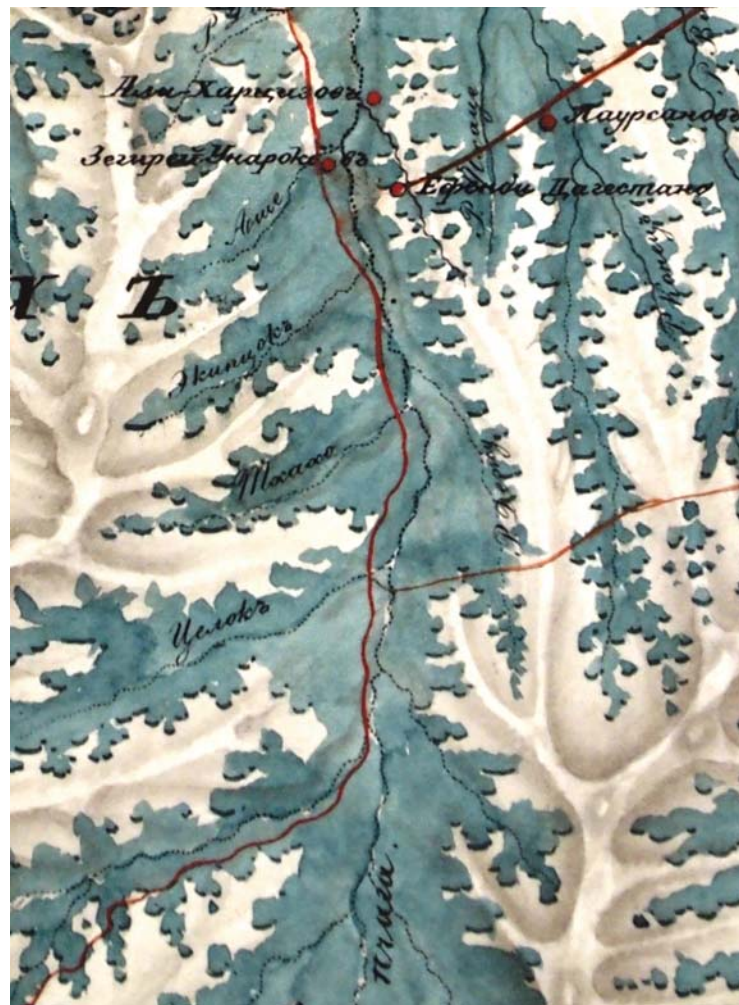
83. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент: Богадырь-хабль, левый приток Белой Пшехош

84. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: левые притоки Курджипса: Эток, с впадающим в него Бжином; Бзикоаша, Вочовоаша. Полузатертые Мозоко-х., Меретуко-х., уверенно читающийся Даур-х., показывают, что составитель этой карты опирался на карту 1858 г.

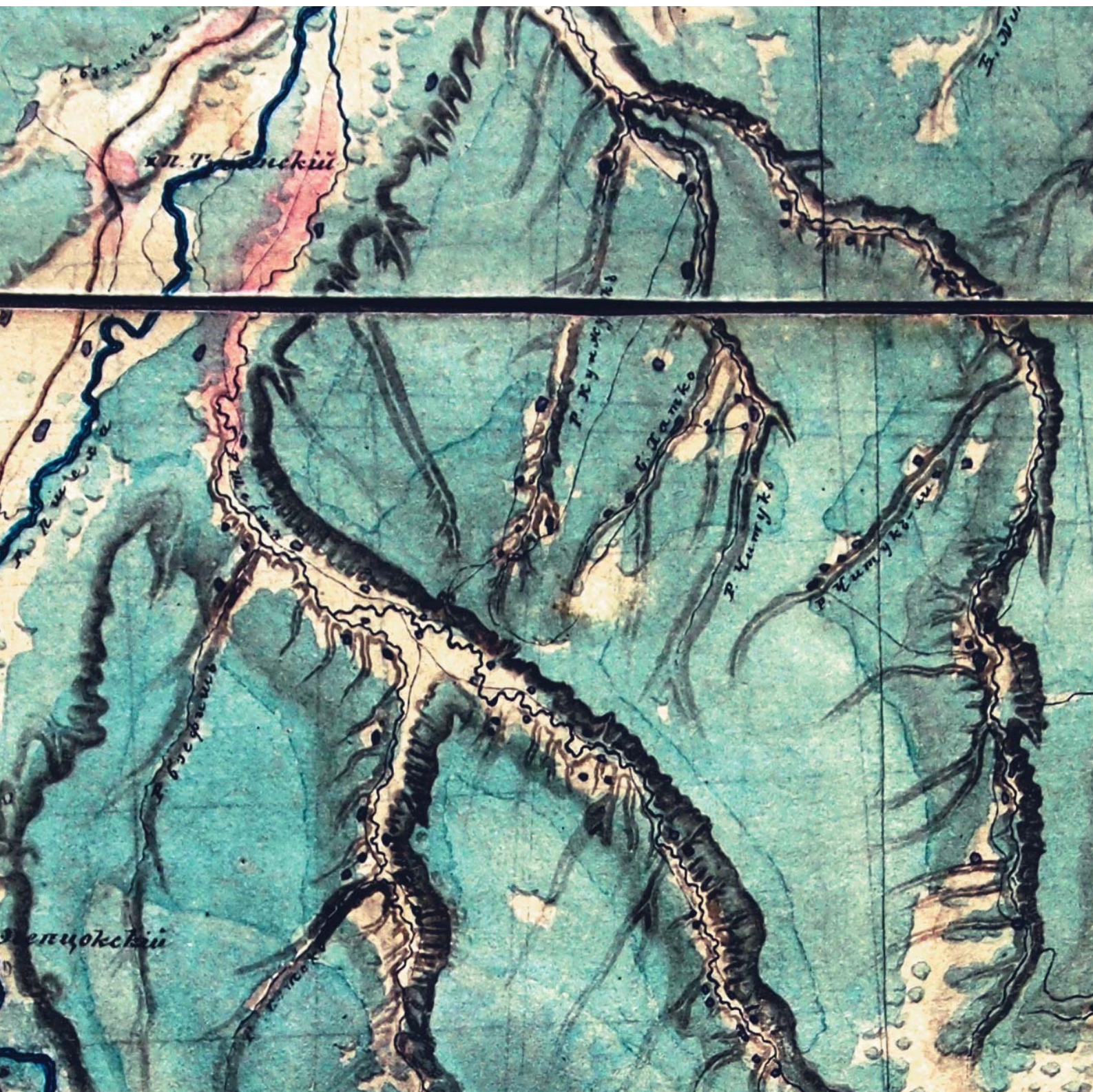
85. Карта западной части... 1842 г., фрагмент: а. Дедерука на левом берегу Кубани, вниз по течению от Екатеринодара. На карте 1824 г. аул этого владельца указан на р. Суп

86. Карта западной части... 1842 г., фрагмент: Пчага или Пшеха с притоками. Левые притоки: Целок, Тхахо, Экипкок, Аше. Правый приток: Дежу

87. Маршрут движения... 1858 г., фрагмент. Справа от Белой, напротив перевала Пшако, указаны: безымянный памятник, завалы и ров Хамчав-ита

88. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: два правых притока Пшехи со своими притоками. Справа отмечено течение Пшехоца, в который с левой стороны впадают: Читук-ли, Читук, Б. Хатко (приток Читука), Куижук. Следующий крупный правый приток Пшхи р. Шебш, который принимает в себя с левой стороны Бзефиш и Батоко (?)

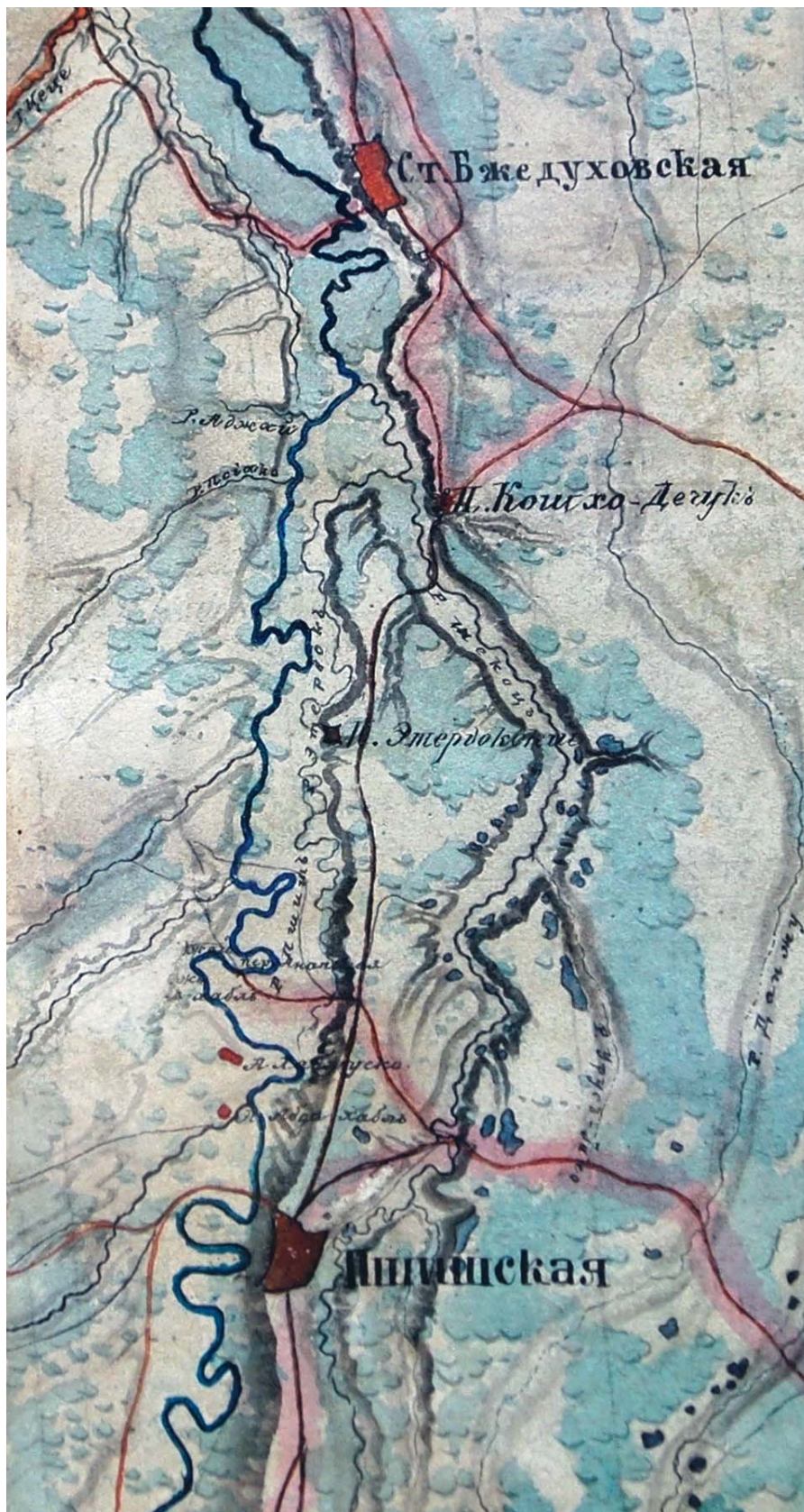
89. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: дистанция Пшехи от станицы Кубанской до поста Яшского. Указана группа левых притоков: Куаже, Нехико (?), Эццоко, Даго, Яш (Аше на более ранних картах)

90. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: дистанция Пшехи от поста Яшского до поста Амбошского. Левые притоки Пшехи: Туха, Амбоши, Дьелюк. Правый приток – Тъжи

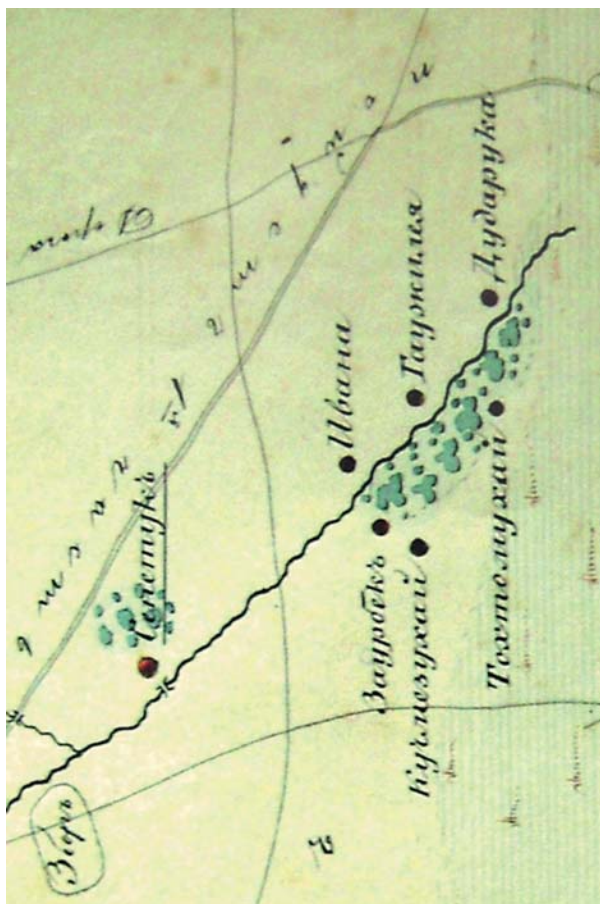
91. Карта западной части... 1842 г., фрагмент: а. Атажака Ахьджохова на левом берегу Псекупса. А. Пшехотка на левой стороне Псекупса

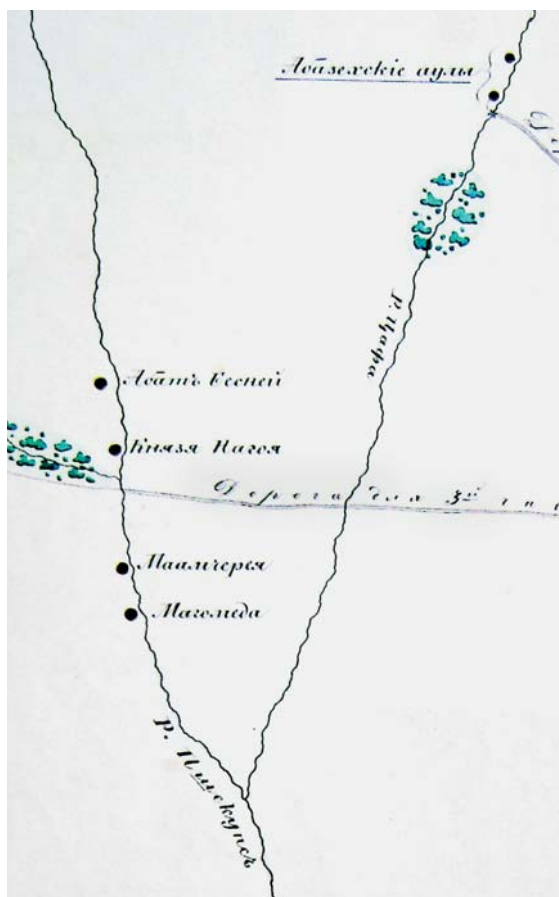
93. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: течение Пшиша от станицы Бжедуховской до станицы Пшишской. Пост Кошко-Дечук на р. Шекоц, крупном правом притоке Пшиша. С левой стороны в Шекоц впадает Этердок, текущий параллельно Пшишу и ближе к нему. С правой стороны в Шекоц впадает р. Уруснако. Левые притоки Пшиша: Цеце, Аджай, Псиоко. Указана переправа Анапская, по которой шла торная дорога в Анапу вдоль линии предгорий. Указаны также аулы Хаджуеко (?) и Абда-хавль (в том же написании, что и у Гейнса). Еще несколько названий затерты

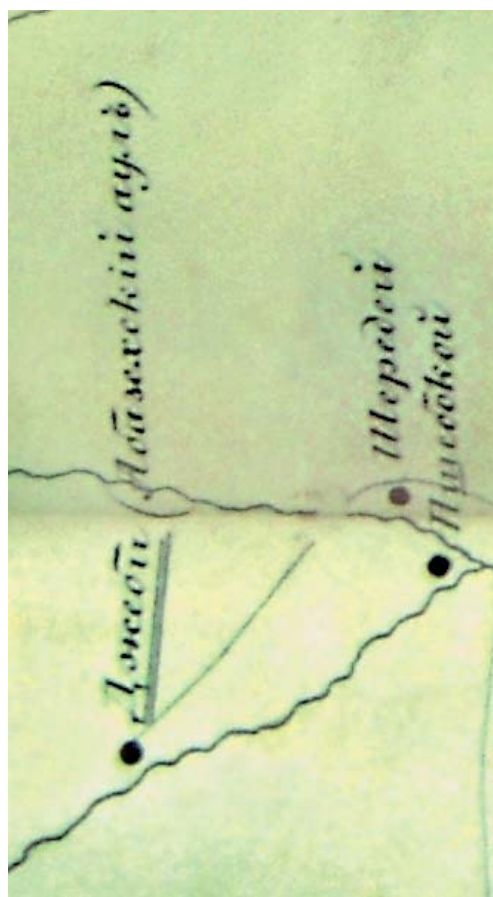
96. Карта-план... 1824 г., фрагмент: абадзехские аулы на р. Сул: Сенегук, Шегуук, Нежук-габль, Илик

98. Карта-план... 1824 г., фрагмент: бжедугские аулы на р. Сул: Дударука, Тохтомухай, Гаужилея, Иван, Кучмезухай, Заурбек

97. Карта-план... 1824 г., фрагмент: бжедугские аулы на р. Унеобат: Пшебокой и Шередей; абадзехский аул Джеби на одноименной речке

97. Карта-план... 1824 г., фрагмент: бжедугские аулы на Псекулсе: Магомеда, Маамчерия (Мухаммад-Гирея), Нагоя; шапсугский а. Абат Бесней (видимо, Бесленя Абата, бежавшего из Шапсугии под защиту бжедугских князей и русской администрации); два безымянных абадзехских аула на р. Цафа, левом притоке Псекулса

99. РГВИА, 6779, фрагмент: аулы Энем и Хохтомукай (Тахтамукай) на р. Суп

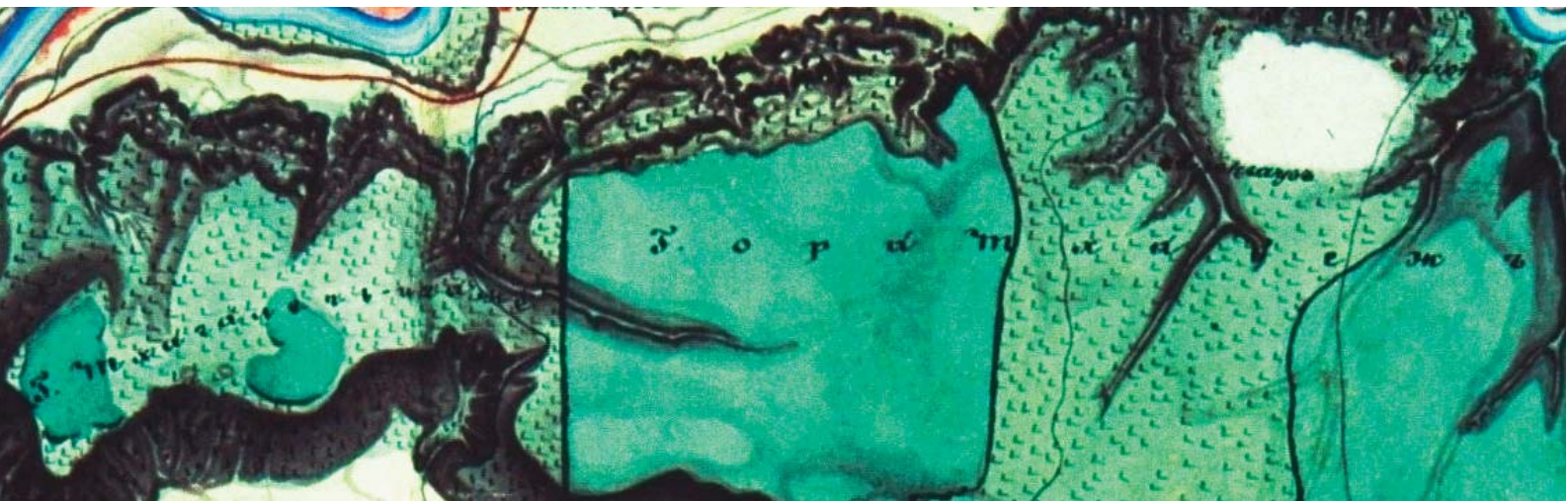
100. Карта Кавказского края... 1834 г., фрагмент: Камашидзе – Хамышей, черченейцы, гатыкойцы. На территории Хамышея отмечено два укрепления – Федоровское и Ивано-Пшелское на р. Пшеписе. Обычно это укрепление называлось Ивано-Шебским и река, соответственно, Шебш. Западная граница Хамышея проходит по нижнему течению Убина, восточная – по нижнему течению Псекупса. Внутри Хамышея указано три аула без названий, а. Дедерука, а. Бея-Могукора, а. Ханука на правом берегу Кубани. В пределах Черченея, восточная граница которого проходит по нижнему течению Пшиша, указаны аулы: Пшикуя, Гатузука, Биберды, Магамбеча, Мамат-Гирея (10 аулов по Пчасу, Мате и Пшишу), Ададжука Ахыджогова (2 а. на правом берегу Псекупса)

101. Кавказская линия, вторая половина 30-х гг. XIX в., фр.: урочище Маякоп отмечено вдоль правого берега правого притока Сагваше-Белой, в котором закономерно усматривается р. Майкоп

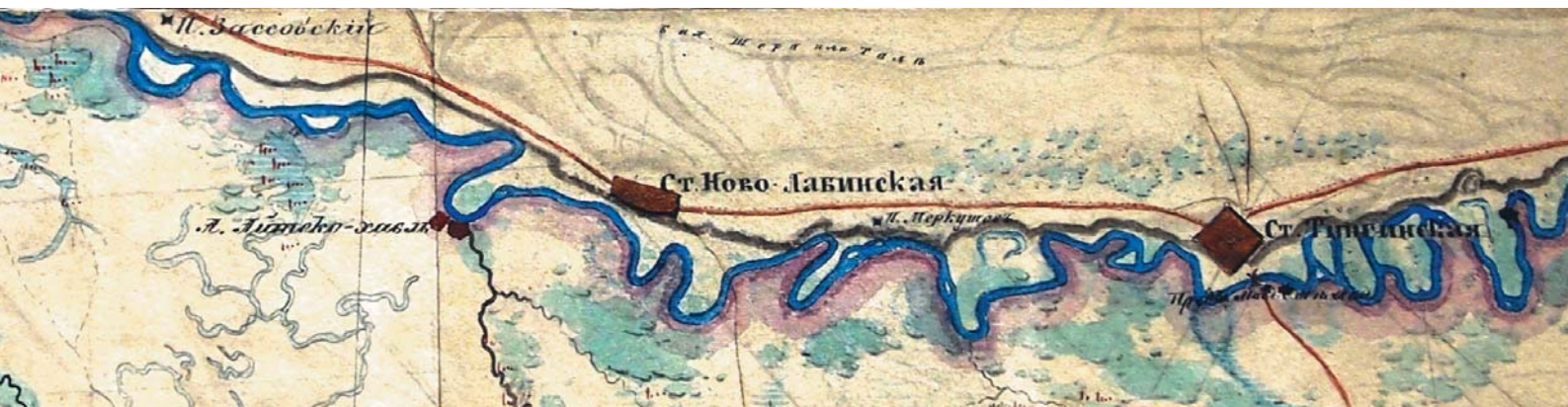
102. Карта западной части... 1842 г., фрагмент: примерно в том месте, где должно быть устье р. Майкоп отмечен а. М. Берзекова, напротив, с левой стороны Белой, а. Довжи Хаджимукова. Здесь же, на левом берегу р. Виндук (Шундук), еще один а. Хаджи-Мукав. Виндук, Виндуха, Вондакуо, Чундук, Шундук и т. д. – встречающиеся в русских источниках названия одной и той же речки, левого притока Белой. Н. Емыкова на основе адыгской традиции приводит исконную форму Цундыкъо «воронья балка». (Емыкова Н. О происхождении... С. 4).
 Действительно, в адыгском звуке *цу* слышится и *в*, и *ш*

103. Гора Тхагалеч-и-хаме и гора Тхабеж. Покрытый лесом невысокий массив напротив городского парка Майкопа. Первое название переводится как «Ток Тхагаледжа». Тхагаледж – адыгский бог изобилия, покровитель земледелия, хамэ – ток. Второе название – «Много старых богов», где тха – бог, бэ – много, жьы – старый. Вероятно, в исламизированной Абадзехии языческое культовое место должно было сопровождаться определением старое – гора старых богов

104. Курган Вюсшат (Ошад) – знаменитый Майкопский курган, по которому получила свое название Майкопская археологическая культура. 11-метровый курган был раскопан в 1897 г. известным археологом Н. И. Веселовским и впоследствии полностью сравнен с землей. Теперь о его существовании напоминает только скромная стела и название улицы Курганная

105. Карта верхней и средней части бассейна реки Кубани. 1864 г. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 8/VIII-32. Фрагмент: Аул Айтеко-хавль на левом берегу Лабы

106. Карта верхней и средней части бассейна реки Кубани. 1864 г. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 8/VIII-32. Фрагмент

107. Карта черкесских берегов. 1838 г. М.: в английском дюйме 20 верст. 31 на 43 см. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5 / VII – 36. Фрагмент: аулы Чутха-кум, Чамокхабль, Хачемезий, Хаджи-Сартукова, Затурбека, Бези, Шора, Джамбора, Бесюк и другие в нижнем течении Лабы

108. Карта верхней... 1864 г., фрагмент: станица Ханская, в непосредственной близости от ограды которой указаны два кургана – Ежеско-Юкажж и Еныж-Юкажж; левый приток Белой р. Мишоко, редут Мишоко в устье одноименной реки; пост Кудикурт; родник Пшипсашха берет начало к северо-востоку от Ханской

109. Карта черкесских берегов. М.: в английском дюйме 20 верст. 31 на 43 см. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5 / VII – 36. Фрагмент: Мохши, аулы Деремза-Дабжи, Пшенав-Ажигуев или Аджи-Хабль, Джаракай, Барак Сажукова, Себекей, Мафедзева. Речка Сераль, левый приток Фарса

111. Карта верхней и средней части бассейна реки Кубани. 1864 г. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 8/VIII-32. Фрагмент. Станица Махашевская, а. Магомед-Гирея Богорсукова на левом берегу речки Большой Пшехахо, левого притока Фарса

112. На ручье Жежавва, одном из притоков Псефира, указаны аулы Ибрагима Дахшукова (разоренный) и Закирея Унарокова. В истоках Псефира аулы Аджи Нартыжева и Магомета Джебатурова. Аул Мисирбея Бейгрюкова на ручье Конок-тау, левом притоке Гупса

113. Подробная карта Кавказского края. 1839 г. 22 листа. Многокрасочная, рукописная. Масштаб: в 1 английском дюйме 5 верст. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 101/VII-4. Лист Бесленевцы

114. Карта Кавказского края с пограничными землями. Фрагмент. Аулы: Чуревы и Бабуковский рядом с укреплением Георгиевским; Аликоновский и Трамковский на Малке

115. По правому берегу Лабы, чуть ниже бывшего укрепления Калаш и одноименного брода, указан аул Айтека Хозубаева. Выше по течению (над местом слияния Большой и Малой Лабы), то есть уже по правому берегу Большой Лабы указаны аулы: Кургокова, Шаножокова, Джембулата и Зурбека Шелоховых, Батыр-Гирея, два безымянных, помеченных как разрушенные или разоренные – «Раз.»; еще выше, напротив того места, где Большая Лаба огибает гору Ахмет, также по правому берегу указан разоренный аул Магомета Сидова. По левому притоку Лабы – Ходзю – указана группа аулов без названий – «Быв. бесленеевские аулы». По правую сторону Ходзю указан аул старшего князя Бесленея Айтека Канукова. Ниже по течению Ходзю, с левой стороны, указан аул Султана Каз-Гирея. Еще три бесленеевских аула (один с названием – Дожокова) указаны на речке Чадаго, впадающей в Лабу в районе брода Калаш

116. Подробная карта Кавказского края. Фрагмент. Могилы Панжасан. Гора Хычицкара. Развалины аулов: Бекмурзы Бабукова, Дударука, Урус-Гельды и Магомета Эгибоковых

117. «Карта местоположению вверх по реке Кубани от речки Мары до Каменного моста и с показанием на оной марша 16-го Егерского полка генерал-майора Лихачева с войсками за Кубанью и обратно июля от 12-го по 17-е число 1804 года». Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 482. Оп. 1. Д. 166. Л. 1. Карта содержит ряд любопытных гидронимов: Кибарда; Абазинка («Мара или Абазинка»), правый приток Кубани, впадающий в районе современного города Черкесска. Выше устья Теберды, по Кубани, показан часто упоминающийся в источниках XIX века Каменный мост. В этом районе, между Тебердой и Кубанью, отмечена «древняя каменная церковь». Отмечены вдоль течения Кубани, древние каменные кресты, а также две мечети возле устья Чегонаски

120. Подробная карта Кавказского края. Фрагмент. Гора и балка Куа. Развалины а. Мамат-Гирея Сидова. Река Бахидзи

121. Карта земель между реками Кубанью и Лабою до главного хребта Кавказских гор и по рекам: Псефири и Фарсу. Составлена из инструментальной съемки корпуса топографов штаб-капитана Петухова и разновременных рекогносцировок. В 1841 году. М.: в 1 англ. д. 5 верст. РГБ. Отдел картографических изданий. Ко 5 / III-10. Фрагмент. Горы Шолох, Бараниха, Куа. Аулы: Кайтукин, Магомет-Гирея Сидова, Бемурзы Бабукова, три аула Эгибоковых

122. Карта земель между реками Кубанью и Лабою... Фрагмент. Река Кефар, развалины двух аулов: Боверда и Ахмет-Эфенди

123. Карта Западной части Кавказского края. Фрагмент

124. Карта Западной части Кавказского края. Фрагмент

125. Карта Кавказского края. Составлена и литографирована при генеральном штабе Отдельного Кавказского корпуса в 1847 г. Тифлис. Национальный музей Республики Адыгея. Фрагмент. Аулы Якуба Лоова и Джембулата Атажукина на Теберде

126. Карта верхней и средней... Фрагмент. Аулы вдоль Малего Зеленчука: Аляскиров, Хаандуков, Касаев, Лоовский, Бебердов, Атажукина. Речка Мазьяг, правый приток М. Зеленчука, впадает на территории а. Лоовского. Речка Бабук, также правый приток М. Зеленчука, впадают на территории а. Бебердова

127. Карта верхней и средней... Фрагмент.

Аулы вдоль Малого Зеленчука: Баташева, Клычева, Абатова, Куденетова, Ахлы Ахлова. Правые притоки М. Зеленчука: Эльбурган и Гудмаз. Урочище Эльбурган между Малым Зеленчуком и Кубанью

Укр. Баксанское

Укр. Черекъ

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

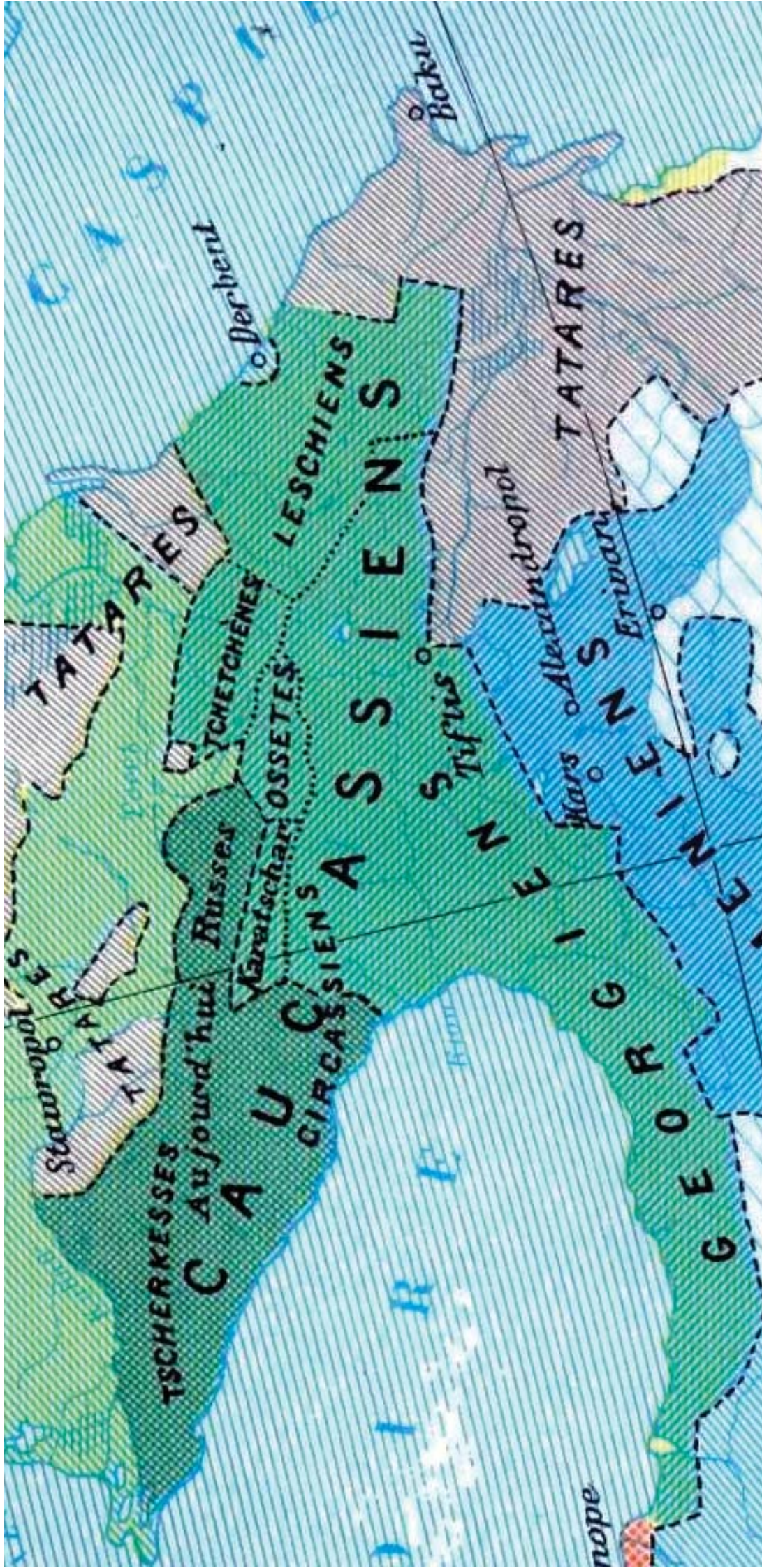
Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

Укр. Чухомский

131. Этнографическая карта Европы, фрагмент: обращает на себя внимание надпись по всей исторической Черкесии: «Черкесы. Ныне русские». Carte Ethnographique de l'Europe, J. Geisendorfer, La Géographie militaire de A. Marq, Paris, 1885

Хотко Самир Хамидович

ОТКРЫТИЕ ЧЕРКЕСИИ
Картографические источники XIV – XIX вв.

Технический редактор **Балаева Т.А.**
Корректор **Гусева О.М.**

Подписано в печать 28.04.2015 г. Бумага офсетная. Формат бумаги 60x84 $\frac{1}{8}$.
Способ печати офсетный. Усл. печ. л. 16,97. Гарнитура шрифта Балтика. Кегль 11.
Заказ 01. Тираж 1000.

ОАО «Полиграф-ЮГ», 385000 г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.
Тел. для справок: 8(8772) 52-23-92.
E-mail: guripp2@yandex.ru.